

811
745

ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IV-IX ВЕКОВ

454766

ПАМЯТНИКИ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

IV—IX ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1968

Ответственный редактор
Л. А. ФРЕЙБЕРГ

ОТ РЕДАКЦИИ

Византийская культура, просуществовавшая тысячу лет, — забываемая страница мировой цивилизации. С одной стороны, она является продолжением античной культуры, с другой — началом культуры средневековой. Возникнув на греческой основе, византийская культура соприкасалась по мере своего развития со всеми великими культурами своего времени: грузинской, армянской, славянской, арабской и персидской, — их элементы, иногда в причудливых сочетаниях, нашли свое отражение в византийском искусстве и науке.

Византийская литература — самая ранняя из литератур средневековой Европы. Однако представления современного советского читателя о ней ограничиваются обычно лишь теми указаниями на ее значение для культуры и литературного процесса на Древней Руси, какие даются в каждом учебнике древнерусской литературы. При этом обязательно упоминаются апокрифы, жития, Шестоднев, Физиологи, романы «Александрия» и «Девгениево деяние», хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Неизменно говорится о религиозном, проникнутом церковной идеологией характере византийской культуры, которая тем не менее во многих отношениях далеко выходила за пределы влияния церкви. Несмотря на то что, действительно, значение византийских влияний для Древней Руси переоценить невозможно, подобные сведения вовсе не дают полной картины средневековой греческой литературы, которая, безусловно, заслуживает интереса сама по себе. Достаточно вспомнить, что к житийным сюжетам обращались Герцен, Толстой, Лесков, Гаршин.

Можно указать также и на высокую оценку Достоевским стиля апокрифической литературы, приравниваемого к стилю Данте («Братья Карамазовы», ч. 2, гл. 5), или на художественное изображение византийской действительности в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин».

Русским дореволюционным и советским византиноведением Византия изучалась главным образом как объект исторической науки. В литературных текстах видели прежде всего источники для характеристики определенной эпохи. Исключение — составленный историком А. А. Васильевым (1855—1893) сборник «Anecdota graeco-byzantina. Pars. prior.». Mosquae, 1893. Однако выбор приведенных текстов ограничен и в жанровом и в хронологическом

отношениях. В сборнике помещены образцы христианской и ранне-византийской религиозной прозы: отрывки из Ветхого и Нового Заветов, видения, пророчества, жития, послания, заговоры, заклинания. К тому же издание это в настоящее время доступно лишь узкому кругу специалистов, так как все эти тексты приводятся без переводов, с очень небольшим количеством примечаний.

За рубежом существует несколько сборников византийской литературы, составленных так же, как и *Anecdota*, по типу хрестоматий: D. C. Hesselring et H. Pernot. *Chrestomathie néo-hellenique*. Paris, 1952; *Medieval and modern Greek poetry. An anthology* by C. A. Trypanis. Oxford, 1951; «*Cantarella R. Poeti bizantini*», t. 1—2, Milano, 1948; H. Soyter. *Griechisches Humor*. Berlin, 1961.

Эти издания также, за исключением книги Сойтера, имеют тенденцию отождествления византийской литературы с литературой церковной.

Данное собрание переводов из византийских авторов представляет собой первый в истории русского и зарубежного византиноведения сборник, где предпринята попытка представить в наиболее полном виде и в хронологической последовательности все основные жанры византийской прозы и поэзии с IV по первую половину IX в. включительно.

При составлении сборника выбирались как произведения, отражающие преемственность античных традиций (гимны Синесия, эпиграммы, басни, отрывки из искусственной эпистолярной прозы), так и произведения, получившие всемирную известность (сочиненное Афанасием Александрийским житие святого Антония, положенное Флобером в основу «Искушения святого Антония», рассказ Иоанна Малалы о Троянской войне, нашедший отклик в европейских литературах средневековья, распространенная и на западе и на востоке повесть о Варлааме и Иоасафе).

Необходимо помнить, что понятие художественной литературы в древности не соответствовало современному. Этим продиктовано включение отрывков из сочинений историографов, из церковной риторики, научной литературы.

Работа выполнена в основном сотрудниками сектора античной литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
IV – VI вв.**

I

Период с IV по VI в. н. э. был тем временем, в течение которого восточная часть Римской империи превратилась в Византийскую империю. Этот процесс шел в трех направлениях: развитие элементов феодальных отношений в экономике, укрепление абсолютной императорской власти в политике и рост влияния христианства в идеологии. Все эти моменты отчетливо намечаются уже в правление Константина I (306—337 гг. н. э.).

Имя Константина связано с двумя крупнейшими событиями эпохи — с основанием новой столицы Римской империи и с легализацией христианства. Первое событие было вызвано тем, что Рим уже к III в. утратил прежнее значение: он был открыт для наступающих с севера варваров, торговые связи его ослабели. Императоры стали избирать своей резиденцией то Милан, то Трир, то Никомедию. Константину удалось найти для новой столицы наиболее удачное место — это был греческий город Византий¹, находившийся на торговом пути из Европы в Азию, между восточной и западной половинами империи.

Закладка новой столицы состоялась в 324 г., освящение — 11 мая 330 г. И те и другие торжества происходили в присутствии коллегий языческих жрецов и христианского духовенства. Новая столица получила официальное название «Нового Рима» — так говорилось о ней в эдикте, вырезанном на мраморной колонне в день освящения. Несколько позднее к этому названию прибавилось и второе, по имени основателя города — Константинополь (Κωνσταντινου πόλις), которое осталось и для последующих веков.

За короткое время город достиг внешнего блеска и величия. Были построены роскошный императорский дворец, украшенное античными статуями здание для заседаний сената, термы, библиотека, большой ипподром; для украшения Константинополя со всех концов империи были свезены лучшие произведения античной скульптуры.

Второе событие было вызвано теми изменениями в идеологии, которые стали наиболее заметны на рубеже III—IV вв. Зародившееся в Палестине I в. н. э. христианство, несмотря на двести

с лишним лет полулегального существования и периодические преследования, к началу IV в. значительно окрепло. Толпы горожан различных сословий стекались слушать христианские проповеди, в которых говорилось и о происхождении мира, и о долге человека при жизни, и о блаженстве, которого может достигнуть каждый после смерти, если только жизнь его была праведной. Многочисленных сторонников находила себе также и этика христианства — пренебрежение имущественными и сословными различиями, призывы утешать бедных и страждущих. Логическое применение к человеческому обществу основного принципа христианства — единобожия — утверждало необходимость существования единого властителя и в государстве — наместника бога на земле. Это исторически обусловило признание христианства римскими императорами. Еще предшественники Константина Максенций и Галерий поняли, что религиозные распри лишь ослабляют стоящее на краю гибели государство; им принадлежали первые указы о запрещении преследования христиан и о свободном строительстве христианских храмов. В 313 г. Константин и его соправитель Ликий совместно издали указ о равноправии христианства с языческими религиями в империи — так называемый «Миланский эдикт».

«Признавая, что бог — источник всех ниспосланных им благ, — пишет христианский историограф III—IV вв. Евсевий, — оба они единогласно и единодушно опубликовали в пользу христиан самый совершенный и самый обстоятельный закон» («Церковная история», X, 86). Сам Константин долго оставался язычником — он всю жизнь носил жреческий титул «великого понтифика» — и все же всячески способствовал превращению христианства в государственную религию. Он принимал участие в совещаниях духовенства, а иногда сам предавал церковные законы. По его инициативе в 321 г. был установлен обряд освобождения рабов перед епископом, а в 323 г. было запрещено принуждать христиан к участию в языческих празднествах. Вселенский собор, т. е. общий съезд духовенства империи, со времени созванного Константином собора в Никее (325 г.) получил права общеимперского учреждения и высшего законодательного органа церкви.

После смерти Константина власть над империей перешла к трем его сыновьям, междоусобные войны которых продолжались до 351 г., когда одному из братьев, Констанцию, удалось сосредоточить всю власть в своих руках. За правлением Констанция следует короткий, но яркий эпизод двухлетнего правления императора-язычника Юлиана (361—363 гг.). За попытку возродить древние эллинские культы (правда, в соединении с некоторыми этическими положениями христиан) Юлиан был прозван церковью Отступником. Прямым преследованиям христиане при нем не подвергались; они только были отстранены от высших должностей и преподавания в школах. Широко образованный человек, приверженец несплатонизма, Юлиан пользовался поддержкой образованной языческой

знати, но не имел популярности ни в низших сословиях, ни в армии. После его гибели во время похода на персов у дела его не нашлось продолжателей. Сменивший его на престоле Иовниан отменил его распоряжения об ограничении прав христиан, — так после небольшого перерыва возобновилось победоносное шествие новой религии.

При последнем императоре династии Константина, Валенте, правившем во второй половине IV в. совместно с Валентинианом, который устроил себе резиденцию в Милане, обособление западной и восточной частей империи стало очевидным; шел процесс образования двух самостоятельных культур. Через семнадцать лет после Валента основатель следующей династии, Феодосий I, умирая (395 г.), оставил в завещании сыновьям империю поделенной на две части: восточную половину получил Аркадий, западную — Гонорий. Таким образом, к концу IV в. четко определяются масштабы и пределы Византийского государства: оно занимало Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Малую Азию, Сирию, Палестину, Армению, Киренаику, Египет и владело колониями на Черном море (Херсонес и др.); эту огромную территорию населяли греки, македоняне, фракийцы, готы, копты, сирийцы, армяне, славянские племена. Сословный состав империи по пестроте не уступал национальному. Крупные землевладельцы — потомки римской рабовладельческой аристократии — вместе с придворной знатью, императорскими чиновниками и высокими чинами духовенства составляли высшее сословие. К среднему и низшему сословиям относились рядовое духовенство, торговцы, разнородное, объединенное в курии городское население, крестьяне, сельские арендаторы — колонны. Несмотря на известный прогресс феодальных отношений, в некоторых областях византийской экономики продолжал использоваться рабский труд.

Важную роль играла армия, состоявшая из представителей самых различных социальных групп; непостоянная, подверженная настроениям масса наемников не раз затевала и совершала государственные перевороты. Особыми общественными группами были городская языческая интеллигенция и монашество. Первая постепенно вымирала, вторая находилась в стадии подъема. Монашество возникло в конце III в. на основе аскетических тенденций той части христиан, которые были недовольны ростом церковных богатств и участием духовенства в светской жизни. Используя традиции древних отшельнических общин при храмах Сераписа в Египте, христианское монашество создало два типа своего жизненного уклада: один (введенный Антонием) был основан на полном уединении каждого человека; другой (связанный с именем Пахомия) — на жизни в общине (киновии) с централизованной властью, где требовалось строжайшее выполнение монастырского устава.

Жизнь византийского общества в целом определялась двумя характерными чертами. Первая из них — сочетание абсолютизма

с весьма сильными демократическими элементами. Общественная жизнь в крупных городах была сосредоточена на ипподромах. Конские ристания были издавна одним из самых распространенных зрелищ, особенную же популярность приобрели они после запрещения гладиаторских боев при императорах-христианах. По древней традиции состязавшиеся на ипподромах возницы и их «болельщики» одевались в одежды разных цветов: белые, красные, зеленые, синие. Происхождение этого деления в византийской ученой литературе возводилось к мифическим временам Ромула, а четыре цвета объяснялись как символы четырех стихий: воздуха, огня, воды и земли. Под названием димов (или факций) эти партии известны и в городах Византийской империи. «Голубые» назывались венетами, «зеленые» — прасинами, «белые» — левками, «красные» — руссиями. Социальный состав каждой партии был довольно разнообразным. Наибольшим авторитетом и весом пользовались «голубые» и «зеленые»: первые состояли преимущественно из клиентуры крупных имений, колонов, крестьян, вторые — из ремесленников, моряков, торговцев. Каждая партия имела своих покровителей из знати.

Деятельность димов далеко выходила за рамки споров и столкновений по поводу общественных игр и состязаний: к V в. они становятся подлинным народным представительством, а ипподром — местом народных собраний, где императоры и знать не только принимали приветствия, но и встречали откровенные выражения недовольства, выслушивали претензии и жалобы, которые нередко переходили в серьезные волнения плебса.

Другая сторона общественной жизни империи представлена религиозной полемикой, которая далеко выходила за пределы среды образованного духовенства, где находились ее истоки, и захватывала все византийское общество. Начало разногласий по теоретическим вопросам о сущности христианства относится к первым векам новой эры. Их возникновение было вызвано теми опасностями, которые грозили новой религии в самом начале ее распространения: чрезмерное увлечение традициями гностицизма грозило превратить христианство в тайное учение, доступное лишь избранным, и оторвать его от народа; следование донатистам, проповедовавшим всемогущество божьей благодати и скрытых в каждом человеке пророческих сил, неизбежно привело бы к ослаблению авторитета церкви. Потребность в массовой, принимаемой всеми и всех приемлющей религии, — потребность, присущая в равной степени всем, от правящих верхов до плебса, диктовала необходимость в отчетливой формулировке ортодоксальной линии христианского мировоззрения.

Эта линия была найдена на первом Вселенском (Никейском) соборе, в 325 г., где был утвержден символ веры — сведение основных догматов к короткой формуле, принятие и усвоение которой было обязательным для каждого христианина.

«Веруем в единого бога отца, вседержителя, творца всех видимых и невидимых,— гласил текст символа,— и в единого господина Иисуса Христа, сына божия, бога от бога, света от света, жизнь от жизни, сына едиnorodного и духа святого» (Е в с е в и й. Церковная история, VI, 135). В божестве признавалось единство трех ипостасей (сущностей), одной из которых был Христос, воплотившийся в человека и посланный к людям для искупления их грехов своей смертью. Таким образом, защитникам ортодоксального направления природа Христа представлялась единосущной божественному началу. Непосредственной причиной созыва Никейского собора было распространение арианства — теории александрийского проповедника Ария (ум. в 336 г.), утверждавшего, что рождение Христа на земле противоречит понятию единосущности. Арий называл Христа лишь подобным богу. Этот тезис ариан сообщал образу Христа антропоморфические черты. Христос походил на античных богов, и это облегчало многим переход от язычества к христианству. Арианство охотно принималось городской интеллигенцией, зажиточными горожанами, солдатами, потому что в его проповедях звучало утверждение и одобрение мирской жизни. Однако это таило в себе возможность ослабления церковной власти, именно поэтому и разгорались жестокие споры. Ортодоксальную партию на Никейском соборе возглавлял выдающийся церковный оратор и публицист Афанасий Александрийский. Арианство было объявлено ересью. Но полемика с ним не кончилась. В следующие десятилетия центром деятельности учеников и сторонников Ария становится Антиохия. Там возникает родственное арианству течение во главе с константинопольским патриархом Несторием (несториане), которое было отвергнуто ортодоксальным христианством на соборе в Эфесе (431 г.).

Насколько глубоко арианские споры волновали все общество того времени, рассказывает в одной из своих проповедей Григорий Нисский: «Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах,— улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить обол, — философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене на хлеб — отвечают: «Отец больше сына»; справишься, готова ли баня, — говорят: «Сын произошел из ничего».

После Никейского собора окончательная разработка учения о троичности божества и теории ипостасей была осуществлена каппадокийцами Василием Кесарийским («Великим»), Григорием Назианзином и Григорием Нисским. Этот период религиозной полемики принято называть периодом тринитарных споров.

В V в. главное внимание спорящих направлено уже не на соотношение ипостасей, а только на природу Христа, — тринитарные споры преобразуются в христологические. Так, в середине V в. возникает монофизитство, первым проповедником которого был малообразованный, но популярный среди рядового духовенства

константинопольский архимандрит Евтихий. Основным положением монофизитства было полное отрицание в Христе человеческой природы и признание бы одной духовной. Монофизитская проповедь нашла горячих сторонников в египетских и сирийских монастырях, где аскетические тенденции исключали принятие эллинской культуры, выдвигая на первое место суровую подвижническую мораль, борьбу против светских удовольствий, роскоши и образования. Монофизитство нашло также сторонников и в среде бесправных народных масс. Оно стало настолько популярным, что на так называемом разбойничьем соборе в Эфесе (449 г.) одержало верх. Глава ортодоксальной партии, епископ Флавиан, был избит и отправлен в ссылку.

Богословские споры волновали не только низшие слои византийского населения, они оказывали существенное влияние на политику императоров и смыкались с борьбой в придворных кругах.

На V в. приходится правление династии Феодосия, на VI в. — династии Юстиниана. Борьбой за территориальную и государственную монолитность отмечена история этих двух столетий.

В течение V в. империя подверглась набегам вестготов, остготов, гуннов. Однако выгодное в стратегическом отношении положение Константинополя и своевременно заключенный мир с Персией сыграли свою роль: все эти события коснулись центра империи лишь в незначительной мере. Иная судьба постигла западную столицу. Несмотря на неоднократные попытки византийских императоров помочь Риму, в 476 г. он был захвачен разноплеменными войсками Одоакра, что положило начало образованию средневековых государств на Аппенинском полуострове. Отныне оказывалась более жизнеспособной Восточная империя выступает единственной хранительницей государственного и культурного уклада античности. Внутренняя история Византийского государства в это время представляет собой непрерывную цепь придворных интриг, государственных переворотов, мятежей и восстаний в низах. Фактически власть остается в руках знати. История сохранила имена временщиков-регентов, как, например, Евтропия, который правил вместо безвольного императора Аркадия (395—408 гг.), Анфимия и Аврелиана, вершивших дела империи при Феодосии II Каллиграфе, главная деятельность которого заключалась в переписке рукописей.

Управление империей было построено по римскому образцу и осуществлялось многочисленным чиновничьим аппаратом со строгой бюрократической иерархией. Virtuозно развитая фискальная система, лежавшая бременем не плебсе, и борьба за власть в верхах вызвали ряд различных по социальной природе восстаний среди готов, полудикого племени исавров, имперской армии, монофизитов Месопотамии и Египта.

Острые формы в это время принимают борьба христианства с язычеством и внутренние распри христиан. В 414 г. правительни-

цей империи стала сестра Феодосия II, Пульхерия, которая, по рассказам современников, превратила императорский дворец в монастырь.

Язычники были изгнаны с государственной службы, права всех несогласных с ортодоксальной церковью были ограничены. Языческая культура беспощадно уничтожалась: в 391 г. был сожжен храм Серапеум с большой библиотекой, а в 415 г. толпой разъяренных фанатиков, монахов и горожан была убита Ипатия — философ и математик, преподававшая в Александрии. Тем не менее императорская власть приобретает внешнюю импозантность. В 450 г. Маркиан был торжественно возведен на престол при обряде коронования и миропомазания. Светский и церковный обряды соединились: миропомазание, заимствованное из иудейской религии, означало благословение церкви для вступающих на престол. И с этого времени церковь становится постоянной участницей венчания на царство.

Маркиан был последним императором династии Феодосия. После его смерти следуют несколько десятилетий жестокой борьбы за престол между различными группировками знати. Империей правили то выбранный армией военный трибун Лев (457—474 гг.), то исавр Зенон (474—491 гг.), то посаженный аристократией «прирожденный римлянин» Анастасий (491—518 гг.), то начальник императорской гвардии Юстин.

Основателем новой династии стал Юстиниан, македонянин по происхождению, племянник Юстина, при котором он был уже регентом — фактическим правителем (518—527 гг.). Последующие двадцать восемь лет его единовластного правления составляют эпоху расцвета византийской государственности, отдельные черты которой находят свое выражение в культуре того времени. Юстиниан сумел максимально сосредоточить в своих руках светскую власть и подчинить своему влиянию всю религиозную политику в государстве. Он стремился, подобно римским императорам, стать единым повелителем Востока и Запада. Это определило его внешнюю политику: Юстиниан предпринял ряд завоевательных походов на Запад, которые в общем были неудачны, но на них он растратил основные силы империи. Историографы VI в., говоря о Юстиниане, всегда отдают должное внимание и его жене, коварной и жестокой Феодоре, жизненный путь которой начался с ампула мимической актрисы и которая до самой своей смерти оказывала значительное влияние на императора.

Христианство получило в лице нового императора покровителя ортодоксального направления. Преследовалось не только язычество, но и всякие отступления от генеральной линии церкви. В 529 г. была закрыта афинская Академия — последнее прибежище языческой культуры.

Правление Юстиниана известно также жестокими расправами с низшими классами византийского населения. В 532 г. произошло одно из самых крупных восстаний константинопольского плебса,

так называемое восстание Ника, которое окончилось массовыми убийствами и резней на ипподроме. С этими особенностями времени Юстиниана сочетались внешнее великолепие и пышность обихода дворца, блестящие ритуалы придворных празднеств, театрализованность которых привлекала толпы горожан.

Заботы Юстиниана о политическом единстве государства обеспечили ему репутацию «великого законодателя» — по его инициативе был создан универсальный свод римских законов. Действовавшее в империи классическое римское право требовало изменений применительно к абсолютной императорской власти и к господствующему христианству. В юридическом руководстве нуждались и многочисленный бюрократический аппарат. Эти задачи лишь отчасти были в свое время выполнены кодексом Феодосия (438 г.) — сборником указов римских и византийских императоров со времени Константина I.

Для редакции нового сборника Юстинианом была созвана специальная комиссия из 16 юристов во главе с Требонианом. Так появился латинский «*Codrus juris civilis*», — состоящий из «Дигест» (или «Пандектов») в 50 книгах, содержащих сочинения всех римских юристов, «Институций» в 4 книгах (руководство по римскому праву) и самого сборника законов — кодекса. С одной стороны, деспотизм и расточительность Юстиниана поставили империю на край гибели, хотя это сказалось главным образом в VII—VIII вв., а с другой — вызвали известный подъем культуры в ее специфически византийских формах, который был итогом предшествующего двухвекового переходного периода.

На все разделы византийской культуры победа христианства наложила свой отпечаток. В науке, в архитектуре, в изобразительных искусствах, в словесности, в музыке доминирует тема соотношения жизни земной и загробной. Искусство теперь не ставит своей целью показать величие и значимость человека, как это было в античности. На первый план выдвигаются задачи изображения ничтожества и незначительности всего мирского, задачи раскрытия грешной человеческой природы, призывы к покаянию и духовному очищению в ожидании вечного блаженства после смерти.

Во внешнем же отношении византийская культура представляет собой смешение прочных традиций классической греческой древности и эллинизма, христианской идеологии и восточных влияний неизменно действовавших еще со времени образования эллинистических государств. Перенесение столицы из Рима в Византию, необходимость постоянной обороны от варваров, с одной стороны, и развитие торговли — с другой, вызвали подъем градостроительства. Такие города, как Константинополь, Александрия, Кесария, Антиохия, Бейрут, Газа, славились великолепной архитектурой. В каждом городе кроме библиотек, ипподромов, языческих храмов — наследия античных времен — уже с IV в. стала интенсивно развиваться христианская храмовая архитектура. Образца-

ми для христианских храмов раннего времени служили античные базилики — общественные здания для суда и торговли, распространенные еще в классической древности. Это незатейливое по архитектурному оформлению и нейтральное по назначению здание, ничем не напоминавшее о языческих обрядах, наиболее удовлетворяло требованиям сторонников новой религии. Базилика состояла из трех разделенных колоннами галерей (нефов, от лат. *pavis*), из которых средняя — место для богослужения — оканчивалась круглой нишей (абсидой), где помещался алтарь. Перед христианской базиликой обычно находился дворик с колодцем или фонтаном — символ обращения к каждому входящему в храм омыть себе не только лицо и руки, но и душу. В начальный период христианства базилики часто строились над могилами мучеников. Материал обычно добывался из развалин античных зданий, а хорошо сохранившиеся древние базилики использовались для христианских обрядов без изменений.

В V в. постепенно был создан новый тип зданий, более близкий христианству по духу. Единство божественного начала и соответствие ему централизованной государственной власти находят свое выражение в монументальных формах архитектуры: над средней частью храма появляется купол. Эта деталь была известна уже античности; однако купол помещался прямо на четырехугольном основании. Такие здания не имели средоточия и легкости, того взлета, который составляет специфику христианской архитектуры. Задача соединения нижней части здания с куполом посредством различных сводов и арок (так называемые парусы, или пандативы) была окончательно разрешена архитекторами Исидором из Милета и Анфимием из Тралл, которые в 537 г. закончили постройку храма святой Софии в Константинополе. Это здание объединило план древней базилики с централизующей силой главного купола. В роскошной внутренней отделке храма, в полихромных фресках и мозаиках, в пестроте орнаментов, где использовались также и восточные мотивы, сказались и внешняя пышность жизненного уклада византийских верхов, и весь процесс становления византийской живописи, которая, подобно архитектуре, использовала античные традиции.

Христианское изобразительное искусство формировалось под влиянием двух тенденций: необходимости найти тайный язык из-за полулегального существования в I—III вв. и стремления сохранить изображение на вечные времена. Первая тенденция породила ряд символических образов, в большинстве случаев заимствованных из античности. Например, венок и пальма еще в классическую эпоху означали победу, но христианство свело образ пальмы к победе над земными искушениями и к победе воскресения над смертью. Корабль означал христианскую общину, якорь — надежду, голубь с оливковой веткой в клюве — мир; Амур и Психея — бессмертие души. Характер христианской фресковой живописи, которая начинается с росписей катакомб, близок искусству помпейских фресок.

В ряде случаев для изображения сцен из Ветхого Завета привлекались обычные детали античных сюжетов (крылатые амурь, дельфины, рыбаки, гирлянды цветов). Вторая тенденция сказалась в развитии монументального искусства мозаики, которое получает особое распространение со времен Константина, когда легализованное христианство стремится к внешнему эффекту обрядов, совершаемых в базиликах, крещальнях, церквях. Аскетическое мировоззрение монашеской среды наложило свой отпечаток на искусство портрета, в котором сказались традиции фаяумских мастеров. Но с течением времени на смену реалистическим элементам в портретных изображениях приходят устойчивые приемы христианской иконографии: сухие, лишенные динамичности фигуры, смиренные позы, продолговатые лица в темных, желтоватых тонах.

Особую популярность приобрело в Византии искусство миниатюры — кропотливый труд, особенно процветавший в монастырях. В рукописях сохранилось множество рисунков неизвестных мастеров — свидетельство высокого уровня византийской живописной техники и наследования лучших традиций художников эпохи эллинизма.

Искусство вааяния, столь высокое и значимое в эллинском мире, вследствие изменившегося подхода к человеческой личности не имело особого значения. Византийская скульптура существует главным образом в жанрах рельефа на саркофагах, надгробиях и внешних стенах храмов, используя в основном те же сюжеты, что и живопись. На рубеже V—VI вв. как деталь на рельефах и фресках и как самостоятельное изображение появляется крест, который долгое время напоминал христианам гонения и поэтому изображать его избегали.

Столкновение античных традиций и потребностей, диктуемых христианизированной культурой, приняло своеобразную форму в области театрального искусства Византии. Христианская литургия, восприняв многое из сценического оформления и драматургических приемов греческой трагедии, постепенно (примерно к IX в.) превратилась в монументальное драматическое действо, — явление, аналогичное средневековым мистериям Запада. Алтарь с трехстворчатой дверью напоминал тройную дверь античной сцены. Во время богослужения монологические рецитации чередовались с репликами-восклицаниями и песнопениями хора, разделенного на два полухория. Некоторые музыкальные части литургии представляли собой гимны-диалоги солиста и хора. Однако развитие новых эстетических принципов, требование от искусства отвлеченности и созерцательности привело к ослаблению динамики драматического сюжета.

Эпизоды из Евангелия, которые обычно подвергались драматическим переделкам, исполнялись с намеренным замедлением действия и своей статичностью напоминали раннехристианский литературный жанр «видений».

Существовал особый вид театрализованного церковного красноречия: для оживления и иллюстрации проповеди прерывались

диалогическими сценками или антифонным пением. Первый памятник такого жанра относится к V в. Это энкомий (похвальная речь) деве Марии, написанный константинопольским епископом Проклом. После пространного вступления — возвышенно-риторичного гимна девственности — помещена живая сценка — диалог Марии и Иосифа, подзревающего жену в измене и не сразу постигающего божественную сущность событий. Затем следует диалог Марии и архангела Гавриила — тема, часто воспроизводимая мозаиками; в данном случае именно эта часть и обладает внутренней замедленностью. Энкомий заключает два монолога. Первый из них произносится богом: раскрывается божественное назначение Марии и объясняются грядущие события. Второй монолог произносит дьявол, который хочет помешать воплощению и действию божьей благодати.

Такие энкомии были главной частью больших церковных празднеств, называемых *πανηγυρις*, и исполнялись в лицах.

В других случаях церковные празднества усваивали те или иные детали античного обихода. Так, например, традиционная пляска на пасху напоминала возникшую некогда в Спарте пирриху; во время сбора винограда еще в VII в. призывали Диониса. Вне церковной сферы большой популярностью пользовались праздники Календ, Неомений, Дионисий, и др. с карнавальными шествиями, когда участники надевали трагические и комические маски.

Наряду с церковным театром в Византии существовала и светская сцена, на которой еще в VI в. ставилась греческая трагедия. Основным же светским репертуаром византийского театра были мимы и пантомимы — наиболее жизнеспособные из унаследованных от античности жанров. Пантомимы в соединении с акробатическими номерами и выступлениями дрессированных животных, видимо, включались в общую программу игр на ипподроме.

Античная классификация мимов по их тематике указывает две группы: бытовые мимы и мифологические трагедии. Византийская сцена восприняла из них только первые. Содержание мимов свелось при этом преимущественно к грубой эротике, и это вызвало к ним резко неприязненное отношение лиц, стоявших во главе христианского просвещения. Именно мимы имеет в виду Василий Кесарийский (IV в.), когда с презрением говорит о «лицедеях»; Иоанн Златоуст осуждает светскую музыку, по его мнению, лишь портящую нравы, и называет театры «постройками дьявола», а театральные представления — «торжищем бесов».

«Речь в защиту мимов» ритора Хорикия из Газы (V—VI вв.) была ответом на эти постоянные нападки. Газа была блестящим культурным центром, где традиции эллинского образования держались почти до иконоборческих времен; там существовала знаменитая риторская школа, школа актеров-мимов и театр Диониса, где и произнес свою речь Хорикий.

В последующие века преследование мимов со стороны правящего духовенства и императора приняло более острые формы. Одна-

ко отдельные сюжетные детали и сценические приемы мимов проникают в церковь, что способствует образованию нового специфически-византийского жанра «христологического» мима, образцы которого относятся к VII—VIII вв.— периоду нарастающей христианизации византийской культуры.

Первые века существования Византийского государства были отмечены также борьбой двух образовательных систем — античной и христианской.

Начальное христианское образование давалось дома или в монастырях; потом для приобретения литературных и ораторских навыков христиане прибегали к помощи языческих, риторских и философских школ; высшей ступенью образования было богословие. Богословские школы развивались из училищ для новообращенных (так называемые катехизические школы), где людям разного возраста надлежало усваивать христианские догмы. К IV в. репутацию крупнейшей богословской школы приобретает школа в Александрии, прославившаяся еще в I в. н. э., — в ней учили первые теоретики христианства — Климент и Ориген. Здесь существует разветвленная система богословских дисциплин (например, полемическая апологетика, догматическое богословие, экзегеза). Основным методом александрийской экзегезы была аллегория — выискивание в священном Писании таинственного, сокровенного смысла.

Несколько позже, на рубеже III—IV вв., возникла богословская школа в Антиохии с иным методом — историко-логическим и грамматическим подходом к священному Писанию; антиохийские богословы смотрели на Ветхий и Новый Заветы как на реальную историю, которая требует раскрытия путем усовершенствованных методов исторической экзегезы. Школы такого же типа были в Эдессе и Низибии. Христианское образование восторжествовало в результате конкуренции с языческим, которая длилась пять столетий. В III в. в противовес христианству язычество выдвигает универсальную философскую систему неоплатонизма, охватившую все течения и оттенки античной идеалистической философии и касающуюся всех областей жизни. После «классического века» неоплатонизма при жизни его основателя Плотина в IV в. расцветают сирийская и пергамская школы во главе с Ямвлихом и Эдесием. Этим школам свойственно тяготение к мистике, от которой в I в. отходят представители афинской школы, Прокл и Марин, обратившиеся к логической систематизации своих положений. Выдерживая неоднократные нападки и критику со стороны неоплатоников (например, в утраченных сочинениях Прокла), христианство в то же время многое у них заимствовало.

Итак, в IV—V вв. риторское и философское языческое образование было сосредоточено в Афинах, медицина и философия процветали в Александрии, также славились риторские школы Антиохии, Кесарии, Газы; центром юридического образования был Бей-

рут. Многочисленные языческие школы существовали в Константинополе, Никее, Трапезунде. В противовес константинопольским школам еще при Феодосии II в столице была открыта высшая христианская школа (425 г.); во второй половине VI в. она была преобразована в школу константинопольского Патриархата во главе со вселенским учителем. Временем окончательной победы христианского образования и христианской идеологии принято считать 529 г., когда Юстинианом была закрыта афинская Академия. Умирание языческой культуры сказалось и на состоянии науки этих столетий. Несмотря на известный прогресс точных наук, в частности механики, в общем и целом наука переживает упадок. На смену античной медицине и естествознанию приходят заговоры и вера в чудеса, легенды о которых в изобилии рождала монашеско-подвижническая среда. Христианство не стремилось к точным представлениям о мироздании. Популяризация христианских космогонических теорий нашла свое выражение в жанрах Шестоднева — духовных проповедей на темы о сотворении богом мира. Ученая христианская литература дала ряд сочинений, подобных «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова (VI в.), где знакомство с достижениями эллинистической науки не мешает построению фантастической схемы вселенной, наиболее соответствующей христианскому мировоззрению.

Однако в античном наследии была безоговорочно принятая новой культурой область — греческий язык. Оставаясь языком литературы, он проникал во все области государственной и культурной жизни. На нем учились, на нем вели богословские дискуссии. Это определило наиболее существенную черту, отличающую восточную культуру от западной, а именно: ее одноязычность. Период IV—VI вв. был временем постепенного вытеснения латинского языка греческим, который к VII в. занял господствующее положение. Так, из некогда единой Римской империи образуются два государства с различными культурами. Переосмысленное слово «ромей», которым называли себя византийцы, означало именно эту этническую и духовную обособленность, которая сказалась даже в характере победившей идеологии: христианству Востока, апеллирующему к чувствам человека, были чужды рационализм и волюнтаристские тенденции Запада.

II

В IV—VI вв. на территории восточной части Римской империи было пять основных центров культуры: Афины с их прославленной платоновской Академией, Константинополь, малоазийская Каппадокия (Кесария, Ниса, Назианз), Сирия (Антиохия, Газа), Египет (Александрия, Панополис). В культурно-просветительской и творческой деятельности представителей этих центров отчетливо проявляются основные тенденции духовной жизни того времени.

Так, Афины оказываются главным хранилищем и оплотом древней эллинской культуры и образованности. В IV в. там преподают знаменитые языческие риторы Гимерий и Проэресий; у них учатся будущие знаменитые деятели христианской церкви — Василий Кесарийский, Григорий Назианзин. В V в. у своего отца Леонтия, преподавателя философии и риторики, учится Афинаида, будущая жена императора Феодосия II. Во главе афинской Академии в это время стоит один из последних корифеев языческой философской мысли — неоплатоник Прокл. Но к VI в., особенно после закрытия Юстинианом афинской Академии, древний центр язычества теряет свою ведущую роль в культурном образовании эпохи. Основные нити духовной жизни страны тянутся теперь к Константинополю: в VI в. он принимает к себе таких видных поэтов, как Роман Сладкопевец, прибывший из Сирии, Агафий из малоазийского города Мирины, Павел Силенциарий, историографы Прокопий из Кесарии, Менаандр Протиктор и др.

Если Афины IV—V вв. были главным средоточием уходившей в прошлое языческой культуры, то в это же самое время новая идеология, новая культура выкристаллизовывается в трудах представителей так называемого каппадокийского кружка в творчестве Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского. Однако и эта философская литература, новая по содержанию, не порывает с античными традициями, а, напротив, усваивает их и по-своему продолжает. Так, например, в богословских произведениях каппадокийцев основные положения ортодоксального христианства обоснованы средствами неоплатонической диалектики. Стихи Григория Назианзина обнаруживают глубочайшую привязанность автора к традициям античной поэзии. Применение правил античного стихосложения к изменившему фонетическую природу греческому языку осуществляет поэт Нонн из Панопполиса.

Связь новой культуры со старой заметна также в деятельности представителей александрийской и антиохийской школ — у Афанасия Александрийского и Иоанна Златоуста.

Литературное наследие авторов V—VI вв., получивших образование в газской школе, весьма показательны для эпохи переходного периода от античности к средневековью. В нем ясно различаются три рода произведений: 1) чисто христианские по духу (экзегетические сочинения Прокопия, агнография Феодора); 2) чисто языческие (поэзия Иоанна); 3) произведения христианские, заимствовавшие форму из языческой поэзии. Это объясняется тем, что в Газе, как ни в каком другом центре эллинской культуры, необычайно долго и прочно сохранялись языческие верования. Не случайно, Иероним, время сознательной жизни которого приходится на вторую половину IV и первые два десятилетия V в., называл Газу городом язычников («Житие Иларииона», гл. 14). Некоторые философы, воспитанники этой школы, пытались даже сблизить христианство с учением Платона (диалоги Энея), а поэты

газской школы, единственные во всем греко-римском обществе того времени, создавали прямые подражания древним языческим поэтам: Анакреонту подражал Иоанн (V в.), трагикам — Тимофей (конец V — начало VI в.). Христианские риторы-софисты старались построить на обломках язычества новую по содержанию, но старую по форме культуру. В газской школе этого времени процветают те же самые жанры, которые успешно разрабатывались в языческих школах риториков-софистов. Так, одна из декламаций Хорикия посвящена вопросу о том, какие слова произнесла бы Афродита, отправившись на поиски Адониса. Даже при создании произведений христианского направления риторы газской школы наполняли их сравнениями с героями древнегреческой мифологии и с историческими деятелями языческих времен («Энкомий Прокпию» Хорикия).

Процесс первоначального усвоения христианской литературой форм и методов жанровой, словесной выразительности, выработанных языческой литературой, и постепенный разрыв с ней особенно отчетлив в христианской поэзии IV—VI вв. Именно этот признак — следование образцам языческой литературы или отклонение от них — разделяет христианскую поэзию IV—VI вв. на поэзию традиционную и новую. В традиционной поэзии сохраняются неизменными не только сами жанры, заимствованные из литературы языческой (гимн, эпиграмма, эпитафия, дидактическое стихотворение, гномы, поэма, экфрасис), но и те же метрические принципы стихосложения, хотя греческий язык уже перестал ощущать различие между долгими и краткими слогами. Григорий Назианзин во всех своих 408 стихотворениях точно соблюдает принцип метрического стихосложения. Жанры его стихотворений разнообразны: эпиграммы, дружеские или гневные («На Максима», «На любящих богатство», «На лицемерных монахов»), краткие, меткие гномы (изречения), ведущие свое начало от Гомера и Гесиода, большие поэмы («На свою жизнь», «Спор жизни духовной с жизнью мирской», «От Никобула-отца к сыну»), гимны (например, «Гимн Христу»). Однако поэтическому творчеству Григория присуще новое мироощущение, которое властно прорывается сквозь старую традиционную форму. Оно выражается прежде всего в сочетании двух компонентов: чувства крайне личного с чувством общечеловеческим. Тем самым осуществляется основной принцип подлинной лирической поэзии, на которой выросла древнегреческая лирика эпохи расцвета (раннее творчество Ивика, Солон, Пиндар); в эпоху эллинизма и «серебряного века» римской литературы этот принцип был нарушен утратой второго компонента.

Григорий умел так говорить о сугубо своем, личном, что слова его приобретали общественный резонанс: они были полны общечеловеческой значимости. Именно потому так проникновенно звучат строки двух его «Жалоб» (382 г. и после 383 г.), выражая всю силу человеческого страдания, а гневная инвектива на его личного

врага Максима вырастает в общеполитическую сатиру на светское и духовное общество, в котором «победоносное невежество чуть рот раскроет, дерзостью одной берет», а доблесть и способности затираются.

В V—VI вв. в христианской поэзии был популярен жанр экфрасиса (описания), пришедший из античной риторики. Ему отдали дань такие поэты VI в., как Христордор Коптийский, описавший 88 статуй богов, героев, поэтов, философов и государственных деятелей Греции и Рима, Юлиан Египетский в эпиграммах «На медную статую Икара», «На «корову» Мирона», Леонтий Схоластик («На статую танцовщицы»), Агафий Миринейский («На статую Плутарха», «На изображение архангела Михаила») и, наконец, Павел Силенциарий («Освещение купола святой Софии»). Из этих стихотворений особого внимания заслуживают последние два. Экфрасис Агафия замечателен тем, что в поэтической форме, предельно кратко и четко выражает совершенно новое, средневековое понимание главной задачи искусства: оно должно помогать человеку переноситься в мир иной, более возвышенный, т. е. служить религии.

Ангеларху незримому, духу, лишенному плоти,
Форму телесную дать воск-воплотитель дерзнул.
И не без прелести образ; его созерцая, способен
Смертный для мыслей святых лучше настроить свой ум.
Не беспредметно теперь его чувство; приняв в себя образ,
Сердце трепещет пред ним, как пред лицом божества.
Зрение душу волнует до дна. Так умеет искусство
Красками выразить то, что возникает в уме.

(Палатинская антология, 1, 34. Перев. Л. Блуменау)

Экфрасис Павла Силенциария, написанный гекзаметром, свидетельствует о новом качестве, развившемся к VI в. в этом древнем жанре античной литературы: стихотворение почти в тысячу стихов превращается в поэму, преследующую пропагандистскую цель, где автор связывает религиозные чувства, пробуждаемые великолепием нового храма, с основными целями политической жизни Византийского государства. Храм превращается здесь как бы в олицетворение новой могущественной империи: ночное освещение в храме не только помогает душе находящегося в нем человека общаться к божественному началу — оно превращает храм в спасительный маяк, на который с надеждой взирают моряки, плывущие по Черному и Эгейскому морям. Иными словами, собор — символ надежды и спасения для приближающихся к Константинополю варваров; спасение может прийти к ним только от Византийского государства.

Примеры выражения нового содержания в старой форме можно было бы умножить. Особенно любопытны попытки некоторых поэ-

тов передать евангельские сюжеты эпическим гекзаметром. Такова стихотворная обработка евангельских рассказов Григорием Назианзином, Анастасием Косноязычным, патриархом Софронием, приведенная среди византийских эпиграмм в «Палатинской антологии». Переложение библейских преданий Ветхого и Нового заветов в гекзаметрах осуществляет императрица Евдокия, в язычестве Афинаида (V в.). Она же решилась применить размер гекзаметра в агиографической поэме «О святом Киприане», некоторыми чертами напоминающей позднейшую легенду о Фаусте. Хотя текст поэмы не сохранился полностью, все же он дает представление об образе Киприана, бывшего мага, побежденного силой нравственной чистоты и твердости девушки-христианки Юстины. Словесная ткань поэмы, хотя и в незначительной степени, все же передает изменения, происшедшие в языке; о них свидетельствуют встречающиеся иногда в поэме грамматические и фразеологические отклонения от классических норм, смешение долгих и кратких слогов.

Современник Афинаиды Нони, излагая гекзаметрами Евангелие от Иоанна, уже стремится в той или иной степени учитывать новые языковые нормы. Автор строит стих таким образом, чтобы музыкальное ударение в нем совпадало с экспираторным ударением разговорной речи. Таким образом, начинается постепенный переход от метрического принципа стихосложения к тоническому. Попытки такие делались еще в IV в.: среди скудных фрагментов знаменитого ересиарха Ария сохранились два стихотворных отрывка; по ним можно судить, что стихи предназначались для пения и во многом отступали от норм античной метрики; в них можно даже предполагать наличие рифмы. Вот как звучит такой отрывок в приблизительном русском переводе:

Не всегда бог отцом был,
Но время было,
Когда бог один был,
И еще отцом не был.
Не всегда и сын был,
И время было,
Когда его не было.

(Перев. М. Е. Грабарь-Пассек)

С течением времени подобные попытки порвать с нормами античной метрики становились, видимо, более частым явлением, так как полный разрыв с ними мы наблюдаем уже в VI в. в творчестве замечательного поэта Романа Сладкопевца. С его именем связано возникновение новой поэзии в византийской литературе — новой и по содержанию, и по форме и по жанровым, и по метрическим признакам. Роман Сладкопевец — автор более тысячи церковных песнопений, которые дают право назвать его подлинным реформа-

тором византийского стихосложения: он первым из христианских поэтов стал писать по тоническому принципу и тем самым приблизил церковные песнопения к живому разговорному языку, сделал их понятными и близкими для всех своих современников. Роман Сладкопевец — создатель двух новых поэтических жанров, названных им кондаком и икосом. Кондак (от греческого слова *κοντάκιον* — небольшой свиток) — литургическая поэма, посвященная описанию какого-либо церковного праздника или эпизода из жизни как легендарных героев Ветхого Завета, так и христианских святых. Икос (от греческого слова *οἶκος* — дом) — подробное разъяснение, часто с нравоучительной целью, сопровождающее кондак. Таким образом, кондак и икосы составляют единое целое: кондак (всегда один) предшествует икосам, число которых колеблется от одиннадцати до двадцати восьми. Впечатление единства достигается благодаря тому, что заключительные слова кондака повторяются в конце каждого икоса. Это соединение кондака с икосами дало в высшей степени гибкую поэтическую форму, которая открывала большие возможности для выражения эмоций. Песнопения Романа нередко полны драматизма, и драматизм этот подчас развертывается в психологическом плане («О предательстве Иудином», «Иосиф и египтянка», «Девы мудрые и неразумные»). Тонические размеры придали разнообразие внешней, музыкальной стороне поэтической речи. Тон песнопений Романа бывает прост и величествен, строг и нежен, торжествен и задумчиво-лиричен. За эту неизменную глубину чувства и красоту слога Роман был назван Сладкопевцем.

Византийская проза сложилась под влиянием необходимости защиты и обоснования основных положений ортодоксального христианства в спорах с язычниками и еретиками. Это вызвало к жизни такие жанры, как полемические философско-богословские речи, эксегеза (толкование), гомилии (проповеди). Усиление роли церкви в политической и духовной жизни империи сказалось на развитии красноречия, которое становится теперь достоянием церкви (утешительные речи, эпитафии, панегирики святым). Возникает и специфически-средневековый жанр агиографии. Историография и эпистолярная проза остаются в меньшей степени подверженными клерикальной идеологии.

Жанр полемических речей представлен в творчестве христианских писателей IV в. Григория Назианзина, Афанасия Александрийского, Василия Кесарийского, Григория Нисского, Ефрема Сирина. Полемика ведется этими авторами в двух направлениях: против язычников и против еретиков. Метод ее в том и другом случае крайне различен. Язычников, как правило, христианские писатели обличают, не предоставляя им ни слова в оправдание или в защиту: таковы, например, речи Григория Назианзина против императора Юлиана в форме инвективы.

В антиеретических произведениях взгляды противника получа-

ют более или менее пространственное выражение; этому способствует форма диатрибы (беседа, разговор). Таковы пять речей Григория Назианзина в защиту никейского православия против ариан. Больше половины своих сочинений посвящает защите православного учения александрийский епископ Афанасий, главный противник арианской доктрины. Его полемические речи, написанные в основном также в форме диатрибы, развернуты подчас в философском плане. Например, «Речь о воплощении бога-Слова и о пришествии его к нам во плоти» начинается с космогонических экскурсов. Афанасий кратко излагает различные языческие теории, сопровождая их собственной оценкой; тон в этих суждениях спокойный и беспристрастный, цитировать сочинения язычников Афанасий избегает: «Создание мира и сотворение вселенной многие объясняли по-разному, и каждый, какое хотел, такое и составлял об этом понятие. Одни говорили, что все произошло само собой и случайно. Таковы эпикурейцы... Другие же, и в их числе великий у эллинов Платон, утверждали, что бог сотворил вселенную из готового и несотворенного вещества» («Речь о воплощении бога-Слова и о пришествии его к нам во плоти», § 2).

Однако при изложении взглядов ариан метод полемики Афанасия меняется: он часто и обильно цитирует своих идейных врагов, противопоставляя им свои убеждения.

Точно так же в большом объеме цитирует своего противника и соотечественника Евномия, ученика арианина Аэтия, Василий Кесарийский. Его пять книг «Против Евномия» построены таким образом: автор приводит одно за другим более или менее пространные изречения Евномия и после этого развивает свое опровержение. Напротив, его младший брат Григорий Нисский в «Двенадцати книгах опровержений Евномия» прибегает к цитатам крайне редко, стремясь в большинстве случаев передать смысл оспариваемых положений своими словами. В связи с этим Григорий подробно излагает собственные взгляды. Этому предпослана история возникновения арианского учения, где любопытны характеристики «отца ереси» — Ария, его ученика Аэтия, превзошедшего своего учителя «новостью изобретений», и, наконец, самого Евномия, «истинного Аэтиева соревнователя». Язык богословских сочинений Григория Нисского довольно сложен и труден для восприятия.

Изложение тех же вопросов у Иоанна Златоуста, напротив, легко и доступно благодаря ярким и образным сравнениям, отсутствию излишней риторики и простому синтаксису: «Нет ничего странного и неожиданного в том, что безумные смеются над великими предметами. Таких людей невозможно убедить человеческой мудростью; и если ты станешь убеждать их таким образом, то добьешься противоположного; для того, что выше разума, нужна одна вера. В самом деле, если мы посредством суждений разума захотим объяснить язычникам, как бог сделался человеком, вселившись в утробу девы, и не признаем этого предметом веры,— они будут

только смеяться. И терпят поражение как раз желающие постичь это» («Беседа четвертая на первое послание к коринфянам», § 1).

Столь же ясны рассуждения на эти темы современника каппадокийцев сирийского проповедника Ефрема Сирина, сочинения которого еще при жизни были переведены на греческий язык. Он умеет найти собственные, неповторимые средства для выражения мысли. Обращает внимание, например, сравнение воплощения Христа в человека с образованием жемчуга в раковинах: «... Приведу такой пример, который поможет мне объяснить естество... Жемчуг — это камень, образовавшийся от плоти, ибо получается он из раковин. А поэтому, кто не поверит, что и бог от тела рождается человеком? Жемчуг получается не от соощения раковин, но от столкновения молнии и воды. Так и Христос зачат девой без плотского услаждения» («Слово на еретиков»).

В другом сочинении Ефрем Сирин негодует на того, кто осмеливается исследовать природу Христа, «всеобщего спасителя, или Врача», так как она непостижима. Ефрем наполняет свое сочинение «Против исследователей естества сына божия» увещаниями не заниматься подобными вопросами. Это сочинение начинается своеобразным торжественным гимном Христу: «Небесный царь, бессмертный владыка, едиnorodный сын, возлюбленный отцу, который по единой благодати своей властью создал человека из земли, побежденный щедротами своей божественной сущности, ради того самого человека, которого создали пречистые руки его, сошел с неба спасти и исцелить всех страждущих. Ибо по действию лукавого все изнемогли во зле: недуг стал тяжким и неизлечимым; ни пророки, ни священники не в силах были совершенно уврачевать язвы. Поэтому святой, едиnorodный сын, видя, что все сущее изнемогает во зле, по воле отца сошел с неба и воплотился в утробе святой девы, и по благоволению своему, родившись от нее, пришел, чтобы благодатью и щедротами врачевать одержимых разнообразными немощами и словом своим исцелить все болезни. Всех избавил он от зловония их собственных язв. Но недужные, исцелившись, вместо того, чтобы воздать благодарность Врачу за исцеление, начали исследовать сущность Врача, которая непостижима...»

Следующий жанр, широко распространенный в христианской прозе IV—VI вв., — жанр эксегезы; ему отдали дань все видные христианские писатели. Своими корнями этот жанр также уходит в область языческой литературы, в которой толкование сочинений Гомера, Пиндара, Платона, Аристотеля и других знаменитых авторов древности имело давнюю и непрерывную традицию.

Христианская эксегеза Александрийской школы с ее аллегорическим методом представлена для нас прежде всего сочинениями Афанасия: «Толкование на псалмы», «Из бесед на Евангелие от Матфея», «Из толкования на Евангелие от Луки» и др. Метод толкования Афанасия крайне сложен не только потому, что он стремится видеть аллегорию почти в каждом слове священного Писа-

ния, но и потому, что свои мысли он выражает темным языком, с нарочитой возвышенностью, прибегая к сложным синтаксическим построениям.

К той же школе принадлежит и Григорий Нисский; испытав огромное влияние неоплатонизма, со своей склонностью к созерцательно-философским размышлениям, Григорий тяготеет к отвлеченным богословским рассуждениям о природе человека, о порядке мироздания. Так, например, в «Толкованиях к надписаниям псалмов» от рассуждений о смысле музыки он переходит к космогоническим и теологическим вопросам мироздания. Его толкования эклектичны: в них встречаются мысли пифагорейцев, стоиков, перипатетиков, неоплатоников, и это весьма показательно для мыслителя переходной эпохи от античности к средневековью.

Более рационалистична эксегеза в трудах представителей историко-грамматической Антиохийской школы—прежде всего Василия Кесарийского и Иоанна Златоуста; так, в первой беседе на псалмы Василий касается приблизительно той же темы, что и его младший брат Григорий, но эта тема развивается уже не в возвышенно-философском плане, а в плане реально-этическом с сильным дидактическим уклоном. При разъяснении содержания псалмов Василий весьма часто использует сравнения, взятые из реальной, повседневной жизни—из области домостроения, кораблестроения или из жизни земледельцев, купцов, странников. Такие сравнения делали эксегезу Василия чрезвычайно популярной, доступной для людей любого социального положения.

Также и в объяснениях текстов Ветхого Завета Василий более «реалистичен», более прост и доступен, чем Григорий Нисский. Его «Беседы на Шестоднев» (цикл проповедей о сотворении богом мира в течение шести дней) представляют собой подробные ответы на четко поставленные вопросы, где изложение сопровождается остроумными сравнениями и антитезами. Иногда для убедительности Василий прибегает к методу доказательства от противного.

Наконец, в трудах Иоанна Златоуста, также принадлежавшего к Антиохийской школе, эксегеза обретает свою классическую форму, признаки которой заключаются в необычайной простоте изложения, ясности мысли и краткости в способе ее выражения. При этом Иоанн вовсе не избегал сложных богословских тем. Свое изложение и доказательство выдвигаемых положений он охотно сопровождал примерами из языческой литературы, которым противопоставлял примеры из жизни христиан. При этом Иоанн всегда предвидел возможность возражений противников—язычников или еретиков-христиан. Нередко он исходит именно из таких возражений. Например, в «Четвертой беседе на первое послание к коринфянам» о казни Христа Иоанн пишет: «Если я скажу: Христос был распят, то язычники возразят: как же это согласуется с разумом? Он не избавил себя, когда распинали и мучили его на кресте; как

же он после того воскрес и избавил других? Если бы он обладал такой силой, то должен был показать ее прежде, чем умереть (так, действительно, и говорили иудеи); если же он не избавил себя, то как мог избавить других? Язычник скажет, что это не согласуется с разумом. И верно,— это выше разума; в кресте явилась неизреченная сила. Подвергнуться мучениям и быть выше мучений, быть связанным и победить — для этого необходима беспредельная сила» (§ 1).

Нередко Иоанн обращается к слушателю, ставя сам за него вопрос: «Но, скажешь ты, и у язычников многие презирали смерть. Кто же, скажи мне? Тот ли, кто выпил яд из цикуты? Но подобных ему я представляю, если угодно, целые тысячи в нашей церкви; если бы во время гонений позволено было умирать, приняв яд, то все гонимые оказались бы славнее его. Притом он выпил яд, не будучи властен пить или не пить; хотел он этого или не хотел, но он должен был подвергнуться этому, и, следовательно, это было делом не мужества, а необходимости; и разбойники, и убийцы по приговору судей терпели еще большие страдания» (§ 4). Такая живая форма объяснения, переходившая в беседу с теми, к кому обращался Иоанн, сближала его экзегезы с жанром проповеди (гомиллии), который также получил блестящее развитие в его творчестве. Слава об его красноречии с течением времени достигает новой столицы — Константинополя, куда его приглашают занять кафедру епископа. Обаяние красноречия Иоанна заключалось в простой, непринужденной форме его бесед, в метких образах и сравнениях, в большом количестве острот и поговорок, что сближало его речь с живой народной речью. Но огромную популярность Иоанну как ритору обеспечили не эти внешние приемы ораторского искусства, которые можно найти и у языческих раторов того времени, а содержание, какое он облакал в эту форму. Иоанн говорил о человеческих страданиях и нуждах, обличал пороки; честолюбие, жадность, зависть, пьянство, разврат, гнев («Две речи к молодой вдове», «Три речи к подвижнику Стагирию»). Иоанн при этом не делал различия между императором и рабом, мирянином и монахом, богатым и бедным, за что и приобрел многочисленных врагов, начиная от императора Аркадия и его жены Евдоксии, дважды отправлявших его в ссылку, и кончая богатыми людьми Антиохии, покушавшимися на его жизнь.

Другой жанр древнегреческого красноречия — жанр похвальной речи — с IV в. также становится очень распространенным в христианской литературе. В своих жанровых признаках он не претерпевает каких-либо значительных изменений по сравнению с поздними образцами языческой риторики — произведениями Фемистия, Гимерия, Либания. Христианским панегирикам свойственна искренность человеческого чувства — это заметно и в утешительных речах Григория Нисского, и у Василия Кесарийского, в речах, прославляющих христианские праздники, и в утешительных)

и надгробных речах Григория Назианзина. Особенно замечательна в эмоциональном отношении «Надгробная речь Василию Великому, архиепископу Кесарии Каппадокийской» — лебединая песнь Григория Назианзина. Просто, но с большой и трогательной любовью рассказывает оратор о своем близком друге юности. Этот панегирик оживляют воспоминания Григория о годах, проведенных вместе с Василием в Афинах, об атмосфере, которая окружала христиан, живших в языческом по духу городе. Григорий тонко и искусно воссоздает образы окружавших их людей, детали быта и, что особенно важно, — некоторые черты духовной жизни того времени, например сильное увлечение афинской молодежи риторским образованием.

Жизнеописания знаменитых людей составляют в византийской литературе самостоятельный интенсивно развивающийся жанр, который также уходит своими корнями в литературу языческую. С течением времени этот жанр становится одним из ведущих в византийской литературе, а житийная литература — одним из видов «массового» чтения. Основные причины этого заключаются, во-первых, в том, что произведение житийного жанра, повествуящее в простой форме, уснащенной подчас занимательными историями, о благочестивой жизни святого, были очень удобны для распространения в широких народных кругах новой идеологии; во-вторых, в том, что растущее с самого начала IV в. увлечение аскетизмом находило благодарную почву в житийной литературе, героем которой становится аскет-пустынник. Начиная с IV в. этот жанр развивается чрезвычайно интенсивно, принимает различные формы и к VII—VIII вв. выливается в отчетливо выраженные различные направления житийной литературы.

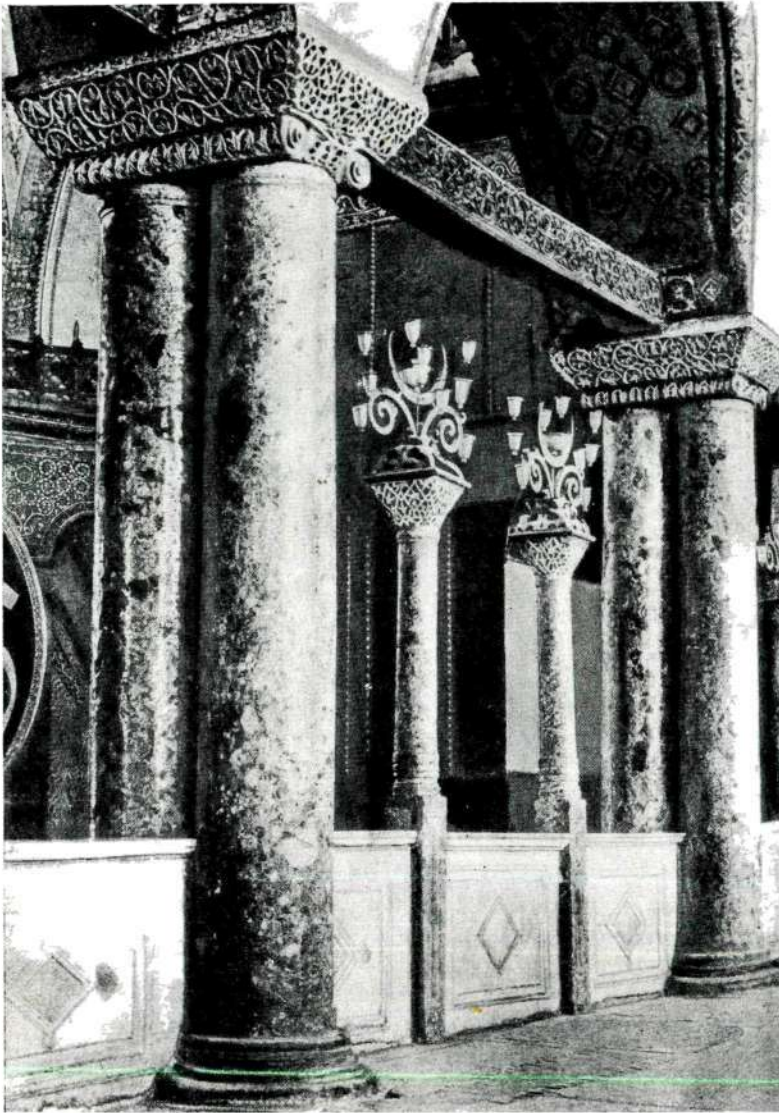
Формы повествования в этом жанре были различны даже на протяжении одного века, что определялось целями, которые преследовал тот или иной агиограф. Так, Афанасий Александрийский, желая преподать инокам идеал аскета-пустынника, составляет по собственным впечатлениям и по рассказам лиц, знавших первого уставадателя монашеских общин Антония Египетского, его житие в форме, близкой к биографическому энкомии, и в то же время не чуждой христианской проповеди.

Жизни не одного, а многих пустынных посвящает свой труд младший современник Афанасия Палладий, родом из Малой Азии. В конце 80-х годов IV в. он поселяется на целое десятилетие в египетской пустыне, наблюдает там жизнь монахов, результатом чего является написанная им в конце жизни «Лавсийская история» («Лавсаик»), — произведение, удивительное по своей непосредственности, чрезвычайно занимательному изложению даже самых обыкновенных фактов из жизни отшельников, произведение, по своим интонациям близкое к византийскому фольклору. Книга Палладия способствовала ознакомлению христиан с образом жизни и характерами египетских подвижников.

Те же цели преследует и Феодорит Киррский, родившийся на двадцать три года позже Палладия в евфратской Сирии. Он повествует о жизни тридцати аскетов евфратской земли, посвящая каждому из них отдельную главу сочинения, носящего двойное название — «Повесть о любящих бога, или О подвижниках». Автор пишет главным образом о своих современниках, которых он знал лично, или в крайнем случае о лицах, живших до него немного ранее, но известных ему по рассказам очевидцев; его повествование так же, как и повествование Палладия, отличается конкретностью наблюдений, убедительностью рассказа, живостью в передаче виденного им. У Феодорита отсутствует чувство добродушного юмора в отношении описываемых им событий, что составляет индивидуальную черту Палладия, и потому повествование Феодорита несколько суше и однообразнее. Но все же и оно подкупает каким-то размеренным течением неторопливого рассказа, в котором опять-таки благодаря большой конкретности, даже можно сказать — реалистичности описаний перед нами как живые встают не только самые образы людей того времени, но и характернейшие подробности их повседневной жизни. Такое внимание к мельчайшим деталям быта, стремление к точному воссозданию атмосферы, в которой жили отшельники, следует считать положительным качеством новой литературы: очень важно, что такой метод служит одним из средств характеристики человека.

В позднейшее время приемы жизнеописания становятся все более однообразными и в конце концов приводят к трафаретной композиции, эпитетам, метафорам, к трафаретному образу описываемого лица, что совершенно отсутствует в первых житийных произведениях, о чем свидетельствует, например, житие Антоний Египетского. В композиции этого жития прежде всего обращает на себя внимание сложная форма, которая позволяет автору применить разнообразные средства для выражения своей мысли.

Все житие представляет собой послание Афанасия «к инокам, находящимся в чужих странах», а само это послание складывается не только из авторского повествования, но и из прямых речей и посланий Антония (одна речь — поучение инокам по поводу дьявольских наваждений — гл. 16—43, другая — ответ Антония языческим философам — гл. 74—80 и т. д.). У Палладия же и у Феодорита композиция житий несравненно проще; они повествуют не о всей жизни отшельника, а лишь о каком-либо одном, в лучшем случае — нескольких эпизодах из его жизни. Эти авторы используют всего два приема повествования: первый — рассказ от лица автора, иногда от лица другого человека, обычно — очевидца, и второй — прямая речь самого отшельника. В обрисовке главного героя агнографы еще не прибегали к постоянным традиционным эпитетам, подчас носившим печать нарочитого славословия; рассказ их всегда непосредствен и своеобразен, ярок и выразителен.

Боковой портал храма св. Софии

Свадьба Давида. Чекан VI в.

Только в VI в. житийный жанр утрачивает непосредственность и своеобразие, приобретая трафаретные черты. Это видно на примерах житий, составленных знаменитым агиографом VI в. Кириллом Скифопольским (жившим в галилейском городе Скифополисе). Нам известны пять его житий: Евфимия, Саввы, Иоанна Молчальника, Кириака и Феогния. Во всех этих жизнеописаниях четко прослеживается схема житийного жанра, ставшая с этого времени традиционной. Вначале в общей форме дается похвала святому, как, например: «Феогний всепрославленный, великая краса всей Палестины, ярчайший светильник пустыни и яснейшее светило архиерейства». Далее рассказывается о месте рождения святого, его родителях (как правило, это самые благочестивые христиане), о том, как он становится монахом, затем продвигается далее по ступеням духовного сана или удаляется в пустыню и основывает там киновию. Изложение очень простое, стилистические украшения почти полностью отсутствуют. Этот спокойный повествовательный тон рассказа о благочестных трудах подвижника нарушают отдельные эпизоды из его жизни, придающие рассказу некоторую занимательность; как правило, это рассказы о чудесах, свершенных святыми (например, об укрощении разбушевавшегося моря Феогнием или о том, как лев отражал натиск варваров-сарацинов, как лев убежал от странников по молитве Иоанна и др.).

В VI в. создаются образцы и более изощренных по языку и стилю жизнеописаний с большим количеством стилистических украшений, часть из которых приобретают характер штампа (эпитеты «светоч», «светило», «честная жемчужина», «краса» и др.). Это ясно из жизнеописания того же Феогния, составленного в начале VI в. Павлом Элладским. Его стремление к сложным витиеватым описаниям чувствуется постоянно: «Так заповедал ученикам своим царь славы Христос. Поэтому они усердно восприняли божественную заповедь, с избытком озарили всю подсолнечную молниями своих чудес, и безупречно исполнив возложенное на них служение, и свои драгоценные тела, те богозданные орудия, которые древний закон назвал «кожи овны червлены», оставив на земле, как некогда оставил на земле свою плоть тот самый пламенный пророк Илия, отошли с радостью к творцу всех дел и смело представили перед нерукотворным царским престолом».

Таким образом, мы видим, что в смысле форм выражения мысли житийный жанр переживает эволюцию по нисходящей линии. Это не могло не сказаться и на содержании самих произведений. Если из жития Антония мы узнаем о социальном происхождении героя (гл. 1) и об исторических событиях того времени — о гонениях на христиан при Максимиане (гл. 46—47), о враждебных действиях ариан и язычников (гл. 82), то ничего подобного мы уже не найдем у последующих авторов. Их занимают одни только деяния подвижника, совершенные им чудеса и подвиги; в лучшем случае это будут краткие упоминания о внешних собы-

тиях лишь постольку, поскольку они имеют отношение к отшельнику, — например, сообщение Кирилла о нашествии сарацин на тот монастырь, где жил Иоанн Молчальник (гл. 13). Если житие Антония полемически заострено, ибо в нем ярко выражена антиязыческая и антиеретическая направленность, то в произведениях последующих агиографов она или отсутствует, или опять-таки едва уловима. Афанасий допускает прямые обличения мелетяиан, манихеев (гл. 68), ариан (гл. 68, 69); его рассуждения о преимуществах христианской веры над языческими «доказательствами от разума» направлены не только против язычников, но своей скрытой стороной и против ариан (гл. 73, 77, 80). Ничего подобного мы не найдем в агиографии хотя бы того же Кирилла Скифопольского. Если в жизнеописаниях Палладия каким-то образом отразилась жизнь того времени, преимущественно в ее нравственных проявлениях, то опять мы напрасно станем искать то же самое у Кирилла или у еще более позднего агиографа — Игнатия. В самом деле, «Лавсаик» Палладия — это не только аскетическая жизнь отшельников, но еще и сама бесхитростная жизнь простых людей с их пороками и страстями: таков рассказ о сребролюбивой девице (гл. 6), о рабыне Потамиене, преследуемой ее распутным хозяином (гл. 3), таков рассказ об одном богатом египтянине, безумно влюбившемся в замужнюю женщину свободного происхождения (гл. 19, 20 о Макарии Египетском). Нередко у Палладия встречаем особые истории-превращения, по-видимому, бытовавшие в фольклорном творчестве народов Востока — например, эпизод с египтянином, который не мог соблазнить намеченную им жертву и обратился к помощи мага-волшебника, превратившего эту женщину в кобылу; прежний человеческий облик возвращает ей Макарий Египетский, окропив ее святой водою.

«Повесть о любящих бога» Феодорита также сообщает нам интересные сведения о местных обычаях, нравах сирийцев того времени. Напротив, из житий Кирилла мы узнаем лишь только то, что касалось узкого круга лиц, стоявших преимущественно на высших ступенях церковной иерархии.

Следующие два довольно продуктивных жанра христианской литературы IV—VI вв., также уходящие своими корнями в литературу языческую, стоят, как уже указывалось, в стороне от философско-богословского направления. Это эпистолярный и историографический жанры. С точки зрения формальной, христианская эпистолография не претерпевает каких-либо значительных изменений: в ней сохраняются те же самые формулы обращения к адресату, какие были в эпистолярном творчестве язычников, те же формулы заключительных строк послания. Интересны некоторые правила эпистолярного искусства, преподанные Григорием Назианзином в письме 51 своему зятю Никобулу: они касаются трех основных признаков, соблюдение которых, по мнению автора, поможет составить письмо, безукоризненное с точки зрения стиля

и содержания. Первый признак — размер, второй — ясность речи, третий — приятность слога. Рассуждения Григория таковы: «Одни из эпистолографов пишут длиннее, чем следует, другие — слишком коротко; и первые и вторые грешат против меры, подобно стрельцам из лука... Мерой письма служит необходимость: длинно писать не надо, если предметов не много, и кратко, если их много... Чтобы соблюсти меру, следует в том и другом случае избегать неумеренности. Вот что я знаю относительно краткости.

Относительно же ясности известно, что следует, насколько возможно, избегать книжного слога, но склоняться более к разговорному. Коротко говоря, такое письмо наилучшее и прекрасное, которое убеждает как необразованного человека, так и образованного; первого потому, что составлено в соответствии с понятиями простых людей, второго — потому, что выше таких понятий... Ведь одинаково неуместны и разгаданная загадка, и письмо, подлежащее разъяснению.

В-третьих, письмо должно быть приятным. Этого мы добьемся, если напишем его не совершенно сухо, неприятным или неизящным образом, некрасиво, как говорится, — без украшений; т. е. если напишем его, введя гномы, пословицы, изречения, а также шутки и загадки, благодаря чему речь становится приятней; но и ими не следует пользоваться сверх меры, ибо первое грубо, а второе напыщенно. Ими надо пользоваться в той мере, в какой пользуются красными нитями в тканях. Тропы мы допускаем, но в небольшом количестве и благопристойные. Антитезы, параллелизмы и исколоны оставляем софистам; если же и употребим их где-либо, то сделаем это скорее словно в шутку, нежели серьезно. Более всего в письме следует стремиться к умеренной красоте, чтобы оно казалось более естественным».

Разумеется, письма теперь наполнены новым содержанием: они отражают новые идеи, взгляды, убеждения, новые жизненные явления. Так, некоторые письма того же Григория Назианзина (всего их сохранилось 243) содержат христианские наставления и советы; другие, написанные в период полемики с еретиком Аполлинарием, представляют собой догматический интерес (письма пресвитеру Кледонию, патриарху Нектарию). Переписка Василия Великого, Иоанна Златоуста охватывает весьма широкий круг лиц, христиан и язычников. Их послания прекрасно передают мироощущение автора: например, тонкую поэтическую натуру Василия Кесарийского, умевшего прекрасно чувствовать и передавать красоту природы (письмо 14 Григорию Назианзину); или твердую силу воли и бодрость духа престарелого Иоанна Златоуста, едущего под палящим солнцем дорогой ссылки на чужую землю (письма 6 и 9 Олимпиаде).

От эпистолярного творчества Синесия сохранилось более 150 писем самого разнообразного содержания; среди них есть интимные (письма Ипатии, у которой Синесий учился философии,

брату его Евоптию, другу Олимпию), а также полные напряжения и суровости (повествующие о бедствиях в Пентаполе, где Синесий жил последние годы, — письмо 69 епископу Феофилу, 89, 107 брату). С точки зрения внешней отделки многие письма Синесия отмечены необыкновенным изяществом, сочетающимся подчас с острой игрой мысли и чувства. Особенно замечательно письмо 1 к Никандру: «Мои книги это — мои дети», — так начинает он это письмо.

Эпистолярное творчество представителя газской школы софиста Энея (сохранилось 25 писем) свидетельствует об огромной силе античных традиций, владевших умом христианина, получившего образование в языческой риторской школе: почти каждое письмо Энея наполнено большим количеством имен и образов, взятых из древнегреческой литературы или истории (например, письмо II Кассу, XV пресвитеру Стефану, XXI пресвитеру Дорофею, XXIII софисту Елифанию). По объему, общему стилю и композиции эти письма имеют много общего с фиктивными беллетристическими письмами известных деятелей второй софистики Алкифрона и Элиана.

Подобно эпистолярному жанру, который, как мы видели, не претерпел существенных изменений в формальных приемах, выработанных античной традицией, жанр историографии в основном также свободен от нововведений. Хотя труды византийских историографов различны по масштабам повествования, по качеству психологической характеристики изображаемых исторических деятелей, по критериям в отборе фактов, не говоря уже об индивидуальной осведомленности и таланте автора, все же техника исторического повествования, задачи его остаются такими же, какими они были в историографии античной.

Историографический жанр впервые в христианской литературе получает наиболее значительное выражение в VI в., развиваясь главным образом в двух направлениях: всемирная хроника и история в собственном смысле этого слова. Всемирные хроники составлялись в большинстве случаев монахами; в хронологическом порядке описывали они события «от сотворения мира» приблизительно до того времени, очевидцами которого они были. Как правило, авторы стремились лишь к простому перечислению важных, с их точки зрения, событий, подчас даже легендарного характера. Из хронографов VI в. наиболее известны Гесихий Милетский; Иоанн из Антиохии и Иоанн Малала. Малала — наиболее значительный автор среди тех, кто писал в жанре всемирной хроники. Его «Летопись» пользовалась большим успехом у современников и оказала значительное влияние на последующих хронистов, послужив им замечательным образцом для произведений такого рода; она была переведена на древнерусский язык. Такая популярность труда Малалы была вызвана главным образом простым и безыскусственным стилем, напоминающим народные сказания.

Авторы, работавшие в области собственно историографии, описывали не столь большие хронологические периоды, как хронографы. По большей части это была современная им история или близкий к ней период. За образцы исторического повествования они чаще всего принимали сочинения Геродота, Фукидида, Полибия. Это сказывается в стремлении к широкому охвату событий, в ярко выраженной свободной манере повествования, в использовании мифологических образов, в составлении прямых речей некоторых действующих лиц. Среди представителей историографии VI в. наиболее интересны Прокопий Кесарийский — автор «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» и «Тайной истории», Агафий Миринейский — автор труда «О царствовании Юстиниана» и его продолжатель Менаандр Протиктор. В центре внимания всех этих авторов — войны Юстиниана, но оценки их различны: оценка Прокопия в его «Тайной истории», опубликованной, вероятно, после смерти Юстиниана, — это оценка оппозиционера по отношению к императору; она крайне противоположна духу и направлению исторических трудов Агафия и Менаандра. Отличительной чертой произведений Прокопия и Агафия является их многоплановость: она позволяет авторам охватывать много событий социально-экономической и духовной жизни людей того времени, сообщить важные сведения этнографического, географического характера; вместе с тем этим авторам удается дать живые портретные и характерные зарисовки чем-либо примечательных лиц (например, энергичного, предусмотрительного в военных действиях полководца Велизария в «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» или коварного и жестокого Юстиниана в «Тайной истории», красноречивого Айтиа, родом из Колхиды, истинного патриота — в труде Агафия «О царствовании Юстиниана»).

Краткая характеристика литературы Восточноримской империи IV—VI вв. позволяет сделать следующие основные выводы: в этот период литература, новая по своей идейной направленности и содержанию, с одной стороны, широко пользуется традициями античной культуры и литературы и тем самым осуществляет не только эстетическую преемственность в культурном развитии греческого народа, но и способствует культурному образованию других народов, входивших в состав Восточноримской империи. В то же время в литературе этой поры, не во всей, но в какой-то ее части, намечаются существенные сдвиги в приближении ее к народному творчеству, что сказывается в использовании народного языка, народной мелодики и ритмики; это ведет к возникновению некоторых новых жанров и к обогащению старых, изменяющихся во внутренних и внешних чертах и доносящих до нас своеобразный колорит своей эпохи.

Афанасий Александрийский

(293—373 гг.)

Жизнь и литературная деятельность Афанасия, сначала дьякона александрийской церкви, а с 328 г. епископа Александрии, неразрывно связана с борьбой двух основных течений христианского вероучения IV в.— православия и арианства. Уже на первом Вселенском соборе (325 г., Никея) молодой Афанасий, защищая ортодоксальное течение, выделяется энергией и красноречьем. После собора, осудившего ариан, но не положившего конца их выступлениям, Афанасий продолжает полемику с ними в ряде своих сочинений (например: «Защитительная речь против ариан», «К епископам Египта и Ливии окружное послание против ариан»). Он защищает тех, кому ариане стремились приписать свои взгляды. Но самого себя Афанасий спасти не смог: его низлагают с епископской кафедры, а в 336 г. осуждают на изгнание по приказу Константина I, поверившего наветам врагов Афанасия, будто он намерен воспрепятствовать ежегодному вывозу зерна из Александрии в Константинополь. После смерти Константина (337 г.) Афанасий возвращается в Александрию, вновь выступает против ариан, и те вновь низлагают его с епископской кафедры и вынуждают бежать в Рим. Римский архиепископ прилагает все усилия к тому, чтобы Римский собор 341 г. и собор в Сардики 343 г. признали невиновность Афанасия, а учение его — не противоречащим догматам ортодоксальной церкви.

Афанасий возвращается в Александрию и некоторое время занимает епископскую кафедру, но когда императором становится сторонник арианства Констанций, Афанасия вновь за его антиарианские выступления отстраняют от епископства. В это время он пишет четыре речи «Против ариан» и излагает их историю в «Послании к монахам, повсюду пребывающим, о том, что сделано арианами при Констанции».

В 361 г. Констанция на императорском троне сменяет Юлиан, горячий поборник язычества, мечтавший восстановить языческие культы и уничтожить христианскую веру. Он приказывает Афанасию покинуть пределы Египта. Афанасий делает вид, что исполняет его приказ, но тайно поселяется в Нижнем Египте и только после смерти Юлиана (363 г.) возвращается в Александрию. В царствование Валента он еще раз, теперь уже в последний, почти на год покидает родной город; в 366 г. он возвращается и живет там до самой смерти.

В полемике с арианами Афанасий первым из всех христианских деятелей развил основной догмат православия о единстве природы бога-отца и сына и потому назван был «отцом православия». Его сочинения оказали влияние и на калпадокийцев, и на западных богословов.

Немало сочинений Афанасий посвятил экзегезе («Толкование на псалмы», «Из бесед на Евангелие от Матфея», «Из толкования на Евангелие от Луки» и др.), где он следует аллегорическому методу александрийской школы.

В лице Афанасия мы имеем еще и интересного автора агиографического жанра. Его житие Антония Египетского — замечательный памятник агиографической литературы: по богатству содержания и формы, по оригинальности, простоте и живости изложения, еще свободного от непременных условностей такого жизнеописания, этот памятник ранней агиографии не может найти себе равных. Если в более поздней агиографии все заметнее становятся трафаретные приемы (в композиции, эпитетах, метафорах), то у Афанасия этого еще нет. В своем повествовании он использует все многообразие выразительных средств, как композиционных, так и стилистических. Житие написано в форме письма — автор обращается к христианам различных вероучений (к православным, манихеям, мелетиянам, арианам) и к язычникам. Авторскому тексту свойственно спокойно-замедленное повествование, близкое к повествованию эпическому. Обращает на себя внимание использование Афанасием традиционных правил и приемов античной риторики в двух речах Антония (гл. 16—43 — о дьявольских наваждениях и гл. 74—80 — ответ Антония языческим философам). Так, в этом сложном по жанровой природе произведении христианская проповедь уживается с биографическим эвхемием. Богатство формы позволило Афанасию наполнить свое произведение разнообразным и значительным содержанием.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ ПРАВЕДНОГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ, ОПИСАННЫЕ СВЯТЫМ ОТЦОМ НАШИМ АФАНАСИЕМ, ЕПИСКОПОМ АЛЕКСАНДРИИ, В ПОСЛАНИИ К МОНАХАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ЧУЖИХ СТРАНАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В доброе состязание вступили вы с египетскими монахами, решив либо сравниться с ними, либо даже превзойти своими подвигами в добродетели. Ведь у вас тоже и монастыри уже появляются, и слово «монах» входит в обращение. Такое намерение достойно похвалы, и пусть бог свершит его по молитвам вашим. Я же с великой охотою принял вашу просьбу поведать об учении блаженного Антония, когда ради подражания ему вы обратились ко мне, желая узнать, как начал он подвижничество, кем был ранее, как окончил жизнь свою и справедливо ли то, что о нем рассказывают.

Ведь и для меня много пользы уже в одном воспоминании об Антонии; да и вы, я уверен, услышав об этом человеке и подивив-

шись ему, пожелаете подражать его намерению, ибо жизнь Антония — прекрасный для монахов образец подвижничества. Поэтому, слушая лиц, рассказывающих об Антонии, не относитесь с недоверием, а считайте, что вы услышали от них слишком мало, так как, несомненно, им тоже нелегко рассказать о столь многом. Впрочем, даже то, что я по вашей просьбе сообщу в этом послании, будет небольшой частью моих воспоминаний о подвигах Антония, и вы не переставайте расспрашивать плывущих отсюда¹. Ведь если каждый расскажет, что ему известно, может быть и составится, хотя бы с трудом, достойный рассказ об Антонии. Так вот, получив ваше послание, я хотел вызвать нескольких монахов из тех, кто чаще обычного бывал при нем, чтобы, получив больше сведений, еще больше передать вам. Но так как период плавания приближался к концу и писмоносец торопился, то я, ради вашего расположения, постарался написать вам, что знаю об Антонии сам — ведь я много раз видел его — и что смог узнать от него, пока в течение длительного времени сопровождал его и возливал ему на руки воду. Я стремился во всем соблюдать истину, чтобы кто-нибудь, услышав более, чем следует, не проникся недоверием или, узнав меньше, не стал с неуважением думать об этом человеке.

1. Антоний, родом египтянин, был сыном благородных и довольно богатых родителей, христиан, воспитавших и его по-христиански. В детстве жил он у родителей, никого и ничего не зная, кроме них и своего дома. Когда же Антоний подрос и достиг отроческого возраста, то не стал учиться грамоте, не желая общаться с другими отроками; единственным его стремлением было жить в своем доме, как живет простой человек, — согласно сказанному об Иакове². Разумеется, ходил он с отцом и матерью в храм божий. Пока был отроком — не ленился, а повзрослев, — не стал нерадивым, но повиновался родителям, слушая читаемое в храме и извлекая для себя из этого пользу. Кроме того, воспитываясь в умеренном достатке, Антоний не досаждал родителям просьбами разных дорогих яств и не искал в них улады; он довольствовался тем, что у него было, и ни к чему большему не стремился.

2. После смерти родителей Антоний остался с одной малолетней сестрою; ему было приблизительно всего лишь восемнадцать или двадцать лет, а он сам заботился и о доме, и о сестре. Не прошло еще и шести месяцев со дня смерти родителей, как однажды Антоний, отправившись по обыкновению в храм божий и собравшись с мыслями, задумался дорогою о том, каким образом апостолы, оставив все, пошли за спасителем? На какое воздание на небесах уповали те, о ком говорится в Деяниях, что они, продавая свое имущество, приносили и складывали его к ногам апостолов, чтобы раздать нуждающимся? С такими мыслями вошел Антоний в храм и услышал в читавшемся в это время Евангелии слова господина к богатому: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи, следуй за

мною, и будешь иметь сокровище на небесах»³. Антоний же, приняв это за божественное напоминание свыше, словно ради него было такое чтение, сразу же, выйдя из храма, подарил жителям своей деревни доставшиеся ему от предков владения, чтобы ничего не тяготило ни его, ни сестру (а было у него триста арур⁴ очень плодородной, хорошей земли). Что же касается остального имевшегося у них движимого имущества, то Антоний, все распродав и собрав достаточно денег, отдал их нищим, немного оставив для сестры.

3. Но снова войдя в храм, услышал Антоний слова господя, сказанные в Евангелии: «Не заботьтесь о завтрашнем дне»⁵. Не в силах более медлить, он, выйдя из храма, и те деньги отдал нуждающимся. Поручив сестру известным ему и верным девственницам, отдал ее на воспитание в их обитель, а сам недалеко от дома своего стал, наконец, предаваться жизни аскета, оставаясь наедине с самим собою и изнуря себя терпением. Ведь в Египте монастырей еще было немного и не было ни одного монаха, который бы знал великую пустыню⁶; а всякий, кто желал одиночества, становился аскетом, уединяясь недалеко от своего селения. Вот почему в то время жил в ближайшем селении один старец, смолоду проводивший дни свои в уединении. Увидев его, Антоний стал подражать ему в добром деле и прежде всего начал сам уединяться в местах, расположенных близ селения. И если слышал там, что где-то есть какой-нибудь человек не от мира сего, то, словно мудрая пчела, отправлялся его искать; Антоний не возвращался на свое место до тех пор, пока не видел его, и уходил, получив нечто вроде напутствия на стезю добродетели.

Так поначалу проводя там дни свои, Антоний строго следил за своими помыслами, чтобы не всплывали воспоминания ни о родительском имуществе, ни о родственниках: все желания и силы направлял он на осуществление трудов подвижнических. Работал не покладая рук, ибо слышал: «Праздный да не ест»⁷. Одну часть тратил на хлеб себе, а другую — на нуждающихся. Часто молился, зная, что наедине с самим собой следует молиться непрестанно⁸. И столь был внимателен при чтении, что ни одного слова писания не проходило мимо ушей его, а все он удерживал в себе, и потому, наконец, память заменила ему книги.

4. Такой образ жизни вел Антоний, и все любили его...

5. Но ненавистник всего доброго, завистливый дьявол, видя такое усердие в юном Антонии, не стерпел этого. Он начинает применять против Антония обычные свои действия; прежде всего пытался отвлечь его от подвижничества, заставляя вспоминать об имуществе, беспокоиться о сестре, думать о родственниках, о сребролюбии, славолубии, о вкусной разнообразной пище, а также о других удовольствиях жизни и, наконец, о суровом и чрезвычайно трудном пути добродетели; напоминал и о слабости телесной, и о продолжительности времени — вообще возбудил в уме

Антония страшную бурю помыслов, желая отворотить его от правильного решения. Когда же враг увидел свою немощь против Антония и особенно то, что сам он, дьявол, сражен его непреклонностью, низложен великой верою и повержен в прах непрестанными молитвами Антония,— тогда применил он то оружие, которое лежит «на пупе чрева» его⁹ (таковы первые козни дьявола против юных); похваляясь этим оружием, подступает он к юноше, смущая ночью, а днем так тревожа его, что их взаимная борьба стала заметной для посторонних...¹⁰

11. На следующий день, покинув гробницу и преисполнившись еще большего усердия к богочестию, пришел Антоний к тому древнему старцу и стал просить его поселиться вместе с ним в пустыне. Но старец отказался и по причине своего возраста, и по привычке к пустынной жизни. Тогда Антоний не медля устремился к горе. А враг, и на этот раз заметив его усердие и желая воспрепятствовать ему, подкинул на дороге большое призрачное серебряное блюдо. Антоний же, поняв хитрость ненавистника добра, остановился и, посмотрев на блюдо, изобличил скрывавшегося там дьявола такими словами: «Откуда в пустыне блюдо? Дорога эта неторная; нет даже следа проходивших здесь людей. Если блюдо упало, этого не могли не заметить, потому что оно очень большое; потерявший вернулся бы и, поискав, нашел, ибо место здесь пустынное. Дьявольская это хитрость. Но ею не воспрепятствуешь моему намерению, дьявол! Да погибнет это блюдо вместе с тобою»¹¹. И когда Антоний сказал это, оно исчезло, словно «дым от лика огня»¹².

12. Затем идет он далее и видит уже не призрак, а настоящее золото, разбросанное по дороге. Враг ли положил его или «какая высшая сила, которая и подвижника испытывает, и дьяволу показывает, что Антоний действительно даже не помышлял о деньгах,— этого и сам Антоний не говорил, и мы не знаем; известно только, что видимое было золотом. Антоний же, хотя и подивился его множеству, однако, перескочив через него, словно через огонь, прошел мимо, не оглядываясь назад, и до того ускорил шаг, что место это потерялось и скрылось из вида. Так все больше и больше укрепляясь в своем намерении, устремился он к горе. Найдя по другую сторону реки пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся змеями, переселился он туда и стал там жить. Змеи тотчас удалились, словно их прогнал кто-то; Антоний же, заградив вход и сделав на шесть месяцев запас хлебов (так делают фряне, и хлеб у них сохраняется непорченным в течение целого года), воду имея внутри ограды, как бы укрывшись в недоступном месте, оставался там один; он и сам не выходил, и никого из проходящих не видел. Так долгое время жил Антоний отшельником, только два раза в год принимая хлебы через ограду¹³.

68. И вере, и богочестию Антония следует удивляться в высшей степени, ибо ни с отщепенцами мелетянами¹⁴ никогда не об-

щался он, зная их давнее лукавство и отступничество, ни с манихеями¹⁵ или с другими еретиками не беседовал дружески, — разве только для вразумления их, чтобы обратились к благочестию. И сам Антоний так думал, и другим внушал, что дружба и беседа с ними — вред и погибель душе. Гнушался также арианской ересью и убеждал всякого не сближаться с арианами и не перенимать их вероломства. А пришедших к нему однажды каких-то ариан Антоний расспросил и, убедившись в их нечестии, прогнал с горы, сказав, что речи их хуже змеиного яда.

69. Однажды ариане распустили ложный слух, будто Антоний одинаковых с ними мыслей; он страшно на них разгневался; а потом по просьбе епископов и всей братии сошел с горы и, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство — это последняя ересь и предтеча антихриста...¹⁶

74. Известно, что, когда после этого снова пришли к нему какие-то люди, которых греки считали мудрецами, и попросили рассказать о нашей вере во Христа (намеревались они начать рассуждение о проповеди божественного креста, чтобы посмеяться над ней). — Антоний, немного помедлив и сперва пожалев об их невежестве, сказал им через переводчика, прекрасно переводившего слова его:

«Что лучше: исповедовать крест или приписывать прелюбодейство и деторастление тем, кого вы называете богами? Ведь наше учение — это доказательство мужества и знак презрения к смерти; а ваше — страсть к распутству. Далее, что лучше? — говорить, что Слово божие неизменно, но, будучи одним и тем же, восприняло человеческую плоть ради спасения и блага людей, чтобы, общившись к роду человеческому, сделать людей сопричастными божественного и духовного естества или уподоблять божество бессловесным и, следовательно, почитать четвероногих животных, пресмыкающихся и человеческие изображения?..¹⁷

76. Поведайте же и вы нам свое учение. Что можете сказать о бессловесных, кроме того, что они неразумны и свирепы? Если же, как слышу, захотите утверждать, будто все это говорится у вас притчами и похищение девы есть иносказание о земле¹⁸, а хромой Гефест — об огне, Гера — о воздухе, Аполлон — о солнце, Артемида — о луне, Посейдон — о море, то самого бога вы вовсе не почитаете, но служите твари, а не всеобщему творцу — богу. Если подобные басни сложили вы по той причине, что тварь прекрасна, то вы должны были только удивляться тварям, а не обожествлять их, чтобы не оказывать созданному той почести, какая подобаает создателю. В таком случае вы должны воздавать почесть не архитектору, а построенному им дому или не военачальнику, а воину. Итак, что вы скажете на это, чтобы мы знали, — достоин ли крест презрения?»

77. Поскольку те в замешательстве оглядывались по сторонам, Антоний, улынувшись, сказал еще через переводчика: «Хотя это

ясно само собою с первого взгляда, однако раз вы опираетесь более на доказательства от разума и, владея этим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума, то скажите мне прежде: каким образом достигается достоверное познание вещей и особенно — познание бога, — посредством доказательств от разума или посредством действенной веры? И что чему предшествует: действенная вера или доказательство от разума?»

Когда же они ответили, что действенная вера предшествует доказательству от разума и является достоверным познанием, Антоний сказал: «Вы правильно ответили, ибо вера возникает от душевного расположения, а диалектика от искусства ее создателей. Следовательно, в ком есть действенная вера, для того не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо то, что мы постигаем верою, вы пытаетесь утверждать разумом и часто не можете выразить словом понятное нам. Таким образом, действенная вера лучше и надежнее ваших хитроумных суждений...»¹⁹

Василий Кесарийский

(около 330 г. — 1 января 379 г.)

Во второй половине IV в. признанным центром церковной политики и церковной образованности на греческом Востоке империи становится каппадокийский кружок. Ядро кружка составляли Василий из Кесарии, его брат Григорий (впоследствии епископ Нисы) и его друг Григорий из Назианза.

Члены кружка отличались чрезвычайно высокой образованностью. В актуальную богословскую полемику они перенесли филигранные методы неоплатонической диалектики. Замечательно, что в сочинениях этих церковных деятелей даже не встречаются выражения вроде «наша вера» — вместо этого они неизменно говорят: «наша философия». Творчество каппадокийцев — это вершина усвоения языческой философской культуры христианской церковью. Поэтому отличное знание древней художественной литературы было в кружке само собой разумеющейся нормой.

Вождем кружка и первым церковным политиком эпохи стал Василий из Кесарии.

Василий был сыном ратора и с детства готовил себя к той же профессии. Первоначально он чувствовал себя по натуре мирским человеком, хотя уже с детства находился под влиянием своей сестры Макрины — ревностной христианки. Василий совершенствовался в лучших риторических школах Малой Азии, Константинополя, Афин. В Афинах он встретил Григория из Назианза; земляки и ровесники подружились на всю жизнь. Вернувшись на родину, Василий вел жизнь ратора, писал судебные речи. Все это оборвалось в результате психологического кризиса, обычного для людей этой эпохи: Василий принял христианство, объехал пустыни Египта и Сирии, чтобы на месте познакомиться с жизнью облюбовавших эти места анахоретов, потом сам создал в Малой Азии монашескую общину и наладил ее распорядок. Но монастырь был слишком узким поприщем для его организаторских способностей. Вскоре епископ Кесарии Евсевий привлекает его к управлению епархией, а после смерти Евсевия (в 370 г.) епископом становится сам Василий. Благодаря своему властному характеру, умению подбирать людей и влиять на них, хозяйской хватке и необычайной работоспособности он отесняет на задний план светские власти города, застраивает пустыри и окраины Кесарии грандиозным комплексом благотворительных сооружений, во все вмешивается и все упорядочивает. В то же время он становится фактическим диктатором ортодоксальной церковной партии на всем Востоке и видным деятелем в масштабах всей империи, imponируя своим союзникам и врагам жесткой целеустремленностью и отчетливым чувством реальности. Уже его современники дали ему прозвище «Великого»; впоследствии церковь, единство которой он вынес на своих плечах, включила

его в число трех важнейших «святителей» (вместе с Григорием Назианзином и Иоанном Златоустом).

Василий, как и все члены его кружка, писал много и умело; но его литературная деятельность всецело подчинена практическим целям. Его проповеди формально стоят на уровне чрезвычайно разработанной риторики этого времени и заставляют вспомнить, что Василий готовился стать ритором: характерно, что этот вождь воинствующего христианства, несмотря ни на что, состоял в переписке со знаменитым ритором Либанием, убежденным язычником,— настолько связывали этих двух литераторов профессиональные интересы. И в то же время по самой сути своей риторические сочинения Василия резко отличаются от эстетского красноречия того же Либания. У него, как когда-то во времена Перикла и Демосфена, слово становится прикладным инструментом действенной пропаганды, убеждения, воздействия на умы. Василий требовал, чтобы слушатели, когда они не могли уловить смысла его слов, непременно перебивали его и требовали разъяснения: чтобы быть эффективной, проповедь должна быть доходчивой. Из языческих писателей поздней античности на проповеди и моралистические трактаты Василия наибольшее влияние оказал Плутарх со своим практическим психологизмом, живым интересом к возможностям человеческого поведения и нравоучительными установками. По-видимому, для сочинения Василия «О том, как молодым людям извлекать пользу из языческих книг» образцом послужил трактат Плутарха «О том, как юноше читать поэтов»; другим образцом здесь был Платон с его моралистической критикой поэзии. Это сочинение очень интересно для характеристики культурной ситуации переломной эпохи IV в. В эпоху Возрождения в нем видели авторитетную реабилитацию языческой классики и усердно штудировали, ссылаясь на него в спорах с обскурантами; его латинский перевод, выполненный гуманистом и вольнодумцем Леонардо Бруни, уже к 1500 г. выдержал около 20 изданий.

Кроме проповедей, Василий писал полемические сочинения по догматике. Его трактат «О святом духе», содержащий тонкий анализ логико-диалектических конструкций (под сильным влиянием Платина), доказывает, что у него была настоящая философская одаренность; но философ в нем был до конца подчинен политике и богослову. Среди его «толкований» на библейские тексты выделяется Шестоднев — цикл проповедей на тему рассказа о сотворении мира из Книги Бытия. Сочетание серьезных космологических мыслей, занимательного ходового материала позднеантичной учености и очень прочувствованного изложения сделали Шестоднев в средние века излюбленной книгой любознательных читателей. Уже в V в. Шестоднев был переведен на латинский язык (а еще раньше появилась латинская переделка, составленная Амвросием Медиоланским); впоследствии его читали и на Руси.

Наконец, живого Василия, человека, который много знал, много передумал и очень хорошо знал жизнь и людей, который мало походил на условную схему благостного святителя, каким его сделала традиция, показывают его письма. Для своей эпохи, для понимания ее политической и духовной жизни, ее бытовых отношений это такой же незаменимый документ, каким переписка Цицерона является для своей. Письма Василия Кесарийского начали собирать

рано (инициатором здесь был его верный друг Григорий Назианзин); они быстро завоевали популярность. В 1884 г. был опубликован папирус, относящийся к V в.; он содержит подборку выписок из переписки Василия, выполненную в расчете на широкого читателя.

ДЕВЯТЬ БЕСЕД НА ШЕСТОДНЕВ

БЕСЕДА I

«ВНАЧАЛЕ СОТВОРИЛ БОГ НЕБО И ЗЕМЛЮ»¹

1. Тому, кто хочет повествовать об устройстве мира, надлежит сначала сказать, как возникали видимые вещи. Ведь он должен передать историю создания неба и земли, которые произошли не сами собою, как представляли себе некоторые люди, но имели причиной бога.

2. «Вначале сотворил бог небо и землю» — глубина этой мысли сковывает мою речь. С чего же начать? Как приступить к толкованию? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?

Эллинистские мудрецы много рассуждали о природе, и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым; потому что последующим учением всегда опровергалось предшествующее. Поэтому нам и не нужно обличать их учения: их самих достаточно друг для друга, чтобы они себя же опровергали! Ведь те, кто не знал бога, не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а в соответствии с этим своим глубоким невежеством они судили и о прочем. Поэтому одни прибегали к материальным началам и причину всех вещей приписывали стихиям космоса; другие представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и пустота; так что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то соединяются, то отдаляются, а в телах, существующих дальше других, причина продолжительного их существования заключается в крепчайшем сцеплении атомов. Поистине те, которые пишут это, словно ткут паутину, предполагая, что начала неба, земли и моря столь мелки и слабы. Они не умели сказать: «вначале бог сотворил небо и землю». Поэтому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто все существует без порядка и управления и приводится в движение как бы случайно. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо, в первых словах, просветил наш разум именем бога, сказав: «вначале сотворил бог».

БЕСЕДА II

О ТОМ, ЧТО «ЗЕМЛЯ БЫЛА НЕВИДИМА И НЕУСТРОЕНА»²

3. ...Тот, кто сказал: «вначале сотворил бог небо и землю», — умолчал о многом: о воде, о воздухе, об огне и об изменениях, которые они производят, хотя все это в качестве наполняющих мир вещей существовало в целом, — изложение этого не коснулось, чтобы приучить наш ум к самостоятельной работе и дать ему возможность на основании немногого делать общие заключения. Поэтому раз не сказано о воде, что сотворил ее бог, а сказано, что земля была невидима, подумай сам, чем именно она была закрыта и отчего была недоступна зрению?

Огонь не мог ее заслонять. Ведь огонь несет свет и делает скорее видимым, чем скрытым, все, к чему он приближается. Также и воздух не был тогда покровом земли. Ведь природа воздуха тонка и прозрачна, она поглощает все видимые образы и передает их взорам видящих. Итак, нам остается представить, что над земной поверхностью возвышалась вода; влажное начало отделено еще не было. А поэтому земля была не только невидима, но и неустроена. Ведь излишек влаги даже и теперь бывает препятствием для плодородия. Поэтому причина и невидимости и неустроенности земли одна и та же, — если только под устройством земли подразумевать свойственное ей естественное убранство: волнующиеся в долинах нивы, зеленые и пестреющие различными цветами луга, цветущие холмы и покрытые тенистыми лесами вершины гор. Всего этого еще не было. Земля по силе, вложенной в нее создателем, хотя и готова была все это породить, однако же ожидала подходящего времени, чтобы по божию повелению произвести на свет свои плоды.

4. ...Просто и для всех понятно сказанное: «земля была невидима». Но почему? А потому, что над землей простиралась бездна. Что же это за понятие — бездна? Это масса воды, в которой невозможно достичь дна. Но мы знаем, что многие тела часто бывают видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одну часть земли нельзя было увидеть в воде? А потому, что воздух над водою был еще не светел, но темен. Так, например, солнечный луч, проходя через воду, часто показывает в глубине камешки. Но в глубокую ночь никто никаким образом не увидит того, что находится под водою. Поэтому слова «земля была невидима» поясняются добавлением, что над ней лежала бездна и бездна была темная.

БЕСЕДА VIII

О ПТИЦАХ И ОБИТАЮЩИХ В ВОДЕ ЖИВОТНЫХ

2. ...И сказал бог: «Из живых душ род гадов и птиц, летающих по земле и по небесной тверди, пусть породят воды»³. Почему он устроил так, что и птицы произошли из воды? Потому что у летаю-

Иоанн Златоуст. Мозаика X в.

Орфей среди животных. Мозаика VI в.

щих и у плавающих есть как бы некоторое родство. Как рыбы движением перьев рассекают воду и двигаются вперед, а взмахами хвоста меняют направление и делают повороты, так и птицы — это можно видеть — подобным образом плавают на крыльях по воздуху.

5. Смогу ли я точно описать тебе особенности образа жизни птиц? Вот, например, журавли по очереди несут ночную стражу, и пока одни из них спят, другие ходят вокруг и обеспечивают им во время сна безопасность. Затем, когда кончается время стражи, сторож, вскрикнув, засыпает, а другой журавль сменяет его и вознаграждает в свою очередь за безопасность, которой сам он пользовался. Такой же порядок увидишь ты и в их перелетах. По очереди бывают они вожаками, и каждый, пролетев впереди определенное время, пролетает назад, а право предводительства в пути передает другому, за ним следующему.

Что же касается образа жизни аистов, — он недалек от разумного устройства. Все они в одно и то же время прилетают в наши страны и как бы под одним знаменем улетают. Их сопровождают и охраняют наши вороны, которые, мне кажется, как-то помогают им при встречах с враждебными птицами. Доказательство этому, во-первых, — полное отсутствие ворон в это время, а во-вторых, — явные знаки сподвижничества и сражений, которые несут на себе вороны, вернувшиеся ранеными. Кто установил у них законы дружбы и гостеприимства? Кто грозил им обвинением, если они покинут строй, так что ни одна ворона не остается дома во время этого перелета? Пусть послушают это негостеприимные люди, которые запирают двери, не желая даже зимой или ночью принимать под свой кров пришельцев. А заботливость аистов о стариках может служить достаточным примером, чтобы и наши дети, если только они захотят усвоить это, стали любить родителей. Потому что нет человека, обделенного благоразумием настолько, чтобы он не счел постыдным для себя быть в добродетели ниже неразумных птиц.

Отца, потерявшего от старости перья, аисты обступают и своими перьями согревают его, доставляют ему обильную пищу и даже в полете оказывают ему немалую помощь, осторожно поддерживая его крыльями с обеих сторон. И это всем известно так хорошо, что иногда вместо «отблагодарить» некоторые говорят «уподобиться аистам».

При виде осмысленных действий ласточек пусть никто не сетует на свою нищету и не отчаивается в своей жизни, хотя бы ничего не оставалось у него в доме. Когда ласточка вьет гнездо, сучки она носит клювом. Но не умея захватить глину ногами, она смачивает перья в воде и мажет их мельчайшей пылью — так она возмещает недостаток глины. И понемногу, словно клеим, слепив глиной сучья, в гнезде своем она выкармливает птенцов. А если кто-

нибудь выколет им глаза, ласточка возвращает им зрение. так как она от природы обладает каким-то врачебным искусством. Научись из этого не братья за дурное от нищеты и не терять надежды даже в самых отчаянных положениях, не сидеть в праздности и бездействии, а прибегать к богу, который, дав столько ласточке, тем больше даст тому, кто обращается к нему от всего сердца.

Есть морская птица — зимородок. Она обыкновенно вьет гнездо у самых берегов, кладет яйца на песке и сидит в гнезде в середине зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается на сушу. Но вдруг утихают ветры, и морская волна спокойна, пока в течение семи дней зимородок сидит на яйцах. Но так как птицам нужна пища, то щедро одаряющий бог дал этому маленькому животному другие семь дней для выращивания птенцов. Это знают все мореплаватели, поэтому и называют они эти дни зимородковыми.

Все это установлено заботой бога о бессловесных существах в наказание тебе, чтобы ты просил у него то, что нужно для спасения.

Какие только чудеса не совершатся для тебя, созданного по образу божью, если для такой малой птицы бог сдерживает великое и страшное море, приказав ему быть тихим в самый разгар зимы.

б. Рассказывают о горлице, что она в разлуке с супругом не терпит уже общения с другим, а ведет безбрачную жизнь в память о прежнем супруге и отказывается от нового союза. Пусть послушают женщины, как честное вдовство у неразумных животных предпочитается неприличному многобрачию.

ГОМИЛИЯ НА ПСАЛОМ I

(1) «Всякое писание боговдохновенно и поучительно»¹ — эти слова для того написаны Духом святым, чтобы в нем все мы, люди, как в лечебнице духовной, получали бы исцеление от страстей. Исцеление, которое, как сказано, «избавит от великих грехов»². В одних делах наставниками бывают пророки, в других — летописцы, в иных — законы, в иных — поучение и притчи. А книга псалмов отовсюду собрала полезное. Она пророчествует о грядущем и напоминает об истории, она дает закон для жизни и советы в делах. Мы назовем ее общей сокровищницей благих наставлений, где всякому человеку предлагается то, что ему нужно. И застарелые раны души она врачует, и от недавних помогает оправиться. Она спасает впавшего в недуг, а невредимого бережно хранит. Она упраздняет многоликие страсти, которым покорствуют людские души. И все это творит она, увлекая душу стройностью лада и весельем созидая благоразумие.

Дух святой видел, как тягостна людям добродетель и как они опрометью гонятся за наслаждением, забывая о праведной жизни. Как же поступает он? К догматам подливает сладость мелодии, чтобы мы незаметно получали пользу от слов, нежно ласкающих слух. Так мудрые врачи мажут медом край чаши³, когда дают больному горькое лекарство. Для того и изобретены наши лады псалмов, чтобы и дети и те, кто еще юн духом, неумолчно пели и тем питали свою душу. В толпе нерадивых едва ли кто помнит апостольский или пророческий совет, псалмы же поются в домах и слышны бывают на торжищах. И как часто человек, совсем уже озверевший от гнева, лишь услышит чарующий звук псалма, отходит от того места, укротив в один миг свирепую душу мелодией.

(2) Псалом — покой души, посредник мира, усмиряющий мятеж и бурю помыслов. Он смягчает гневливую часть души и вразумляет неводержимую. Псалом — союз дружбы, единение разобщенных, враждующих примирение. Разве останется человек врагом тому, с кем он вместе пел богу? Поэтому величайшее из благ — любовь — рождается от псалмопения. Оно, как бы узы какие для единения, придумало общую песнь и собирает народ в симфонию единого хора. Псалом отгоняет демонов и привлекает на помощь ангелов. Он — оружие от ночных страхов, отдых от дневных трудов, защита младенцам, украшение юношам, утешение старцам, лучшее убранство для жен. Он прогоняет одиночество из пустыни и целомудренными делает торжища. Он — первый шаг для тех, кто приступает к делу, он — путь вперед для тех, кто уже продвинулся, и опора для тех, кто достиг совершенства. В нем глас церкви. Он озаряет празднества и рождает угодную богу печаль, из каменных сердец выжимая слезы. Псалом — дело ангельское, небесное жительство, духовный фимиам! О мудрый замысел учителя, через пение научающего нас пользе!

Глубок в душе след таких назиданий. Насильно выученное помнится недолго, но то, в чем есть приятная отрада, не уходит из памяти.

Есть ли такая вещь, которой не научит тебя эта книга — будь то блеск мужества, безупречная справедливость, высота благоразумия, совершенство разума, покаяние, безмерное терпение или иное известное тебе благо? В ней совершенное богословие, предсечение пришествия Христа во плоти, угроза суда, надежда на воскресение, страх наказания, обетование славы, откровение таинств. Как общая большая казна, книга псалмов хранит сокровища. Для нее пророк из всех музыкальных инструментов избрал один только псалтырь⁴, указывая тем, я думаю, что ей присуща благодать свыше, от Духа, ибо псалтырь — единственный музыкальный инструмент, рождающий звук своей верхней частью. Ведь у лиры и кифары звуки льются от удара по нижней части струн, а у псалтыря источник стройных ритмов лежит сверху, дабы и мы тянулись к вышнему, а не влеклись к плотским страстям, упоенные напевом. Мудрое

пророческое слово, думаю я, самим устройством инструмента открыло нам, сколь легок путь ввысь для душ собранных и гармоничных.

Посмотрим теперь, как начинаются псалмы.

(3) «Блажен муж, который не участвовал в совещании нечестивцев». Строители домов сначала прикидывают высоту здания, а потом в соответствии с ней закладывают и фундамент, и кораблестроители, строя грузовое судно великих размеров, сколачивают киль, способный вынести тяжесть перевозок; а когда рождаются живые существа, то природа первым делом производит сердце, и эта первая природная основа соответствует тому организму, который должен развиться, поэтому тело появляется на свет соразмерным своей первооснове и животные бывают неодинаковы по величине. Что фундамент для дома, что киль для корабля, что для тела животного сердце — то же, мне кажется, для всего собрания псалмов значит и это краткое введение. Ибо он (Давид — Т. М.) намерен поучать тому, что очень тягостно, что сопряжено с тысячекратным пролитием пота и полно трудов, и вот, начиная свою речь, он сразу указывает на блаженство как на цель для стремящихся к благочестию, чтобы в надежде на предстоящие блага мы не огорчались превратностями жизни. Так и путнику, утомленному каменистой дорогой, облегчает путь надежда, что он придет в нужное место; купцов гонит в море жажда приобретения товаров; и земледельцы забывают о тяготах труда, надеясь на хороший урожай. Поэтому и общий наставник жизни, великий учитель, дух истины, с мудрым искусством предложил награды, чтобы мы, преодолевая тяготы, мысленно стремились вкушать вечных благ.

«Блажен муж, который не участвовал в совещании нечестивцев».

Существует главное и первое блаженство — бог. Поэтому и Павел, собираясь упомянуть о Христе, говорит: «При появлении блаженного бога и спасителя нашего Иисуса Христа»⁵. Ибо истинно блаженно то, что само по себе прекрасно, на что направлены все взоры, к чему все влечется: неизменная природа, полная власть, невозмутимая жизнь, беспечальное существование; то, что не подвержено изменению, чего не касаются перемены, неиссякаемый источник, милость неоскудевающая, сокровище неисчисляемое. А люди невежественные и суетные, не ведающие самой природы добра, часто называют блаженством вещь никчемную: богатство, роскошь, здоровье. Ничто из этого не есть блаженство по природе. Не только потому, что легко превращается в свою противоположность, но и потому, что не может сделать хорошими тех, кто его приобрел. Разве деньги сделали кого-нибудь справедливым? А здоровье — благорозумным? Ничуть. Худое же пользование всем этим часто ведет ко греху. Итак, блажен, кто приобрел самое ценное, кто стал обладателем неотъемлемых благ. Как же нам опознать его? «Тот, кто не участвовал в совещании нечестивцев».

(4) Прежде чем говорить о том, что означает «не участвовал в совещании нечестивцев», я хочу разъяснить вам недоуменный вопрос, который возникает в этом месте. Почему, говорят, пророк называет блаженным только мужчину, отдавая ему предпочтение? Не изгнал ли он тем самым женщину из блаженства? Конечно, нет! Ведь добродетель у мужа и жены едина, оба они в равной мере достойны почести, так что и награда для обоих одинакова. Послушай книгу Бытия: «Бог создал человека по образу божию создал его, мужчиной и женщиной создал их»⁶. У тех, у кого одна природа, действия тоже одинаковы, у тех же, у кого труд один, и награда одна и та же. Так почему же, упомянув о муже, он умолчал о жене? Потому что, когда природа одна, он счел достаточным указать на целое по самому главному.

«Блажен муж, который не участвовал в совещании нечестивцев».

Смотри, как точны слова, как полно смысла каждое выражение. Не сказал он «который не участвует в совещании нечестивцев», но «который не участвовал». Ведь живущий еще не блажен, ибо не ясен конец его, а тот, кто исполнил свой долг и до конца своих дней не заслужил упрека, тот уж смело объявляется блаженным.

(6) «И не воссел на сидение вместе с губителями». О тех ли сидениях он говорит, на которых отдыхает наше тело? Разве грех передается через дерево, чтобы я, как заразы, сторонился сидения, на котором сидел до меня грешник? Или следует думать, что сидением названа упорная и стойкая приверженность к неправому мнению? Ес-то мы и должны остерегаться, потому что от долгого соседства с грехами душа коснеет, а застаревшая страсть в душе и длительная привычка к злу с трудом поддаются лечению, и навек, как это нередко бывает, переходит в природу. Поэтому в высшей степени желательно вообще не прикасаться к злу. Другое же средство — это сразу, лишь дотронувшись до него, бежать, словно от ядовитого жала змеи, как написано у Соломона о дурной жене: «Не останавливай на ней своего взора, сторонись, не задерживайся около нее»⁷. Но и сейчас я знаю таких, кто с юности погряз в плотских страстях и до седых волос по привычке к злу пребывает во грехе. Как свиньи, валяясь в нечистотах, все время облипают грязью, так и они с каждым днем все больше марают себя постыдными утехами. Лучше всего не допустить и мысли о зле. Если же из-за коварства врага ты примешь в душу нечестивый помысел, то не вставай на путь греха. Если же и это случилось с тобой, то не становись приверженцем зла. Не садись ни в коем случае на сидения губителей.

О ТОМ, КАК МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ ИЗ ЯЗЫЧЕСКИХ КНИГ

1. Многие, дети, побуждают меня обсудить с вами то, что я признаю лучшим и что, я уверен, принесет вам пользу, когда вы это усвоите. Мой теперешний возраст¹, изведенные мною различные обстоятельства, соприкосновение с поучительными во всех отношениях превратностями судьбы сделали меня опытным в делах человеческих, и тем, кто только еще вступил в жизнь, я могу указать путь наиболее безопасный. Также и по естественной привязанности я занимаю у вас первое после родителей место, а поэтому и сам я расположен к вам несколько не меньше отцов, и вы, полагаю, если только не ошибаюсь, не тоскуете о родных, когда видите меня.

И вот, если вы охотно будете принимать мои слова, вы войдете во второй класс из тех, кого хвалит Геснод, а в противном случае я не скажу вам ничего неприятного, но вы сами вспомните стихи, в которых он говорит:

Тот — наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять — совсем человек бесполезный².

Так не удивляйтесь же, если и я вам скажу, что кое-что полезное я нашел сам, хотя вы приходите каждый день в школу и имеете дело с проникновенными умами древних благодаря тому, что от них осталось. Я как раз и хочу вам указать, что не следует раз навсегда предоставить им кормило своего разума и следовать за ними, куда бы они ни повели, но, восприняв у них полезное, надо уметь кое-что и отбросить. А в чем это заключается и как это распознать, я сейчас и буду объяснять вам.

2. Мы, дети, не придаем вообще никакой ценности человеческой жизни и вовсе не считаем и не называем благом то, что в ней доставляет нам высшее благополучие. А стало быть, и знатность предков, телесная сила, красота, величие, и почтение окружающих, и сама царская власть, — одним словом, все, что ни назвать из человеческих дел, не только не представляется нам великим, но даже, мы полагаем, не заслуживает того, чтобы к этому стремиться, и на обладающих всем этим мы не обращаем внимания, но идем гораздо дальше в своих надеждах и делаем все, чтобы готовиться к другой жизни.

И вот мы утверждаем, что нам следует помышлять только о нашей цели и добиваться ее всеми силами, а то, что не способству-

ет ее осуществлению, должно быть отброшено как не стоящее внимания.

Вопрос, что это за жизнь, какова ее цель и как мы будем ее проводить, не входит сейчас в мои планы, да и требует слушателей постарше, чем вы.

Может быть, я в достаточной мере покажу вам это, если скажу только, что, если бы кто-нибудь охватил разумом и собрал воедино все счастье, существующее со времени появления людей, это не соответствовало бы и самой малой частице блага той жизни; более того, разница между всеми здешними благами и малейшим из тамошних весьма далеко превосходит разницу между действительностью и сном или тенью. А лучше, пользуясь более доступным примером, я скажу так: насколько душа во всех отношениях превосходит ценностью тело, настолько велика разница между этими двумя началами. В эту другую жизнь нас вводят книги священного Писания³, воздействуя на нас содержащимся в них скрытым смыслом. Но пока по молодости лет мы не можем постичь глубину его мысли, мы упражняем наше духовное око на других, не особенно далеких от него вещах, которые подобны в некотором роде теням его или зеркалам; таким образом, мы будем подражать людям, которые занимаются военными упражнениями и, приобретя уже ловкость в движениях рук и прыжках, пользуются в битвах навыками, полученными в игре. И, конечно, нам следует думать о предстоящей битве — величайшей из всех битв, во имя которой мы должны делать все и трудиться по мере наших сил, готовясь к ней; вот нам и необходимо общаться мыслью с поэтами, писателями, ораторами и всеми людьми, от которых можно получить хоть что-нибудь полезное для заботы о душе. Подобно тому как художники готовят сначала некоторыми способами то, что должно воспринять цвет, а затем уже наносят краску, пурпурную или еще какую-нибудь, так и мы, если хотим, чтобы о нас осталась добрая слава, изучим сначала этих светских писателей, связанных с внешним миром, а потом уже будем внимать священным и тайным урокам; как бы создав себе привычку смотреть на солнце в воде, мы будем затем воспринимать зрением и настоящий его свет.

3. Если существует какая-то внутренняя близость между учениями⁴, изучение светских наук будет для нас полезным, в противном же случае при сличении учений важно усвоить их разницу, чтобы принять из них лучшее.

С чем же сравнить каждый из этих методов воспитания, чтобы получить о них представление? Несомненно, что наилучшее качество дерева — вовремя приносить зрелые плоды, однако некоторым украшением служит ему и скрывающая сучки листва; так и для души самый важный плод — истина, но, конечно приятно также облечься и внешней мудростью, как бы листвой, которая защищает плод и придает не лишнюю приятности внешность.

Говорят, что и знаменитый Моисей⁵, из-за мудрости которого имя его прославилось среди всех людей, упражнял ум сначала в египетских науках, а затем перешел к созерцанию сущего. Подобно ему, премудрый Даниил в Вавилоне⁶, как передают, изучил халдейскую мудрость и только после этого соприкоснулся с божественными науками.

4. Но о том, что светские науки не бесполезны для души, сказано уже достаточно; а в какой мере следует вам к ним приобщиться, пожалуй, сказать следует. Итак, во-первых, у поэтов — я начну с этого, — так как в своих сочинениях они не все одинаковы, не на все в равной мере надо обращать внимание, а только когда они рассказывают вам о делах или словах хороших людей; тогда надо любить их, подражать им и в наибольшей мере стремиться быть такими же, а когда они касаются изображений людей негодных, следует избегать этих их рассказов, затыкая уши, подобно Одиссею, который, по их же словам, избегал таким образом пения сирен. Поэтому следует охранять душу всеми способами, чтобы вместе с наслаждением, доставляемым словами, мы не пропустили бы чего-нибудь плохого, подобно тем, кто вместе с медом глотает ядовитые вещества. Поэтому-то мы и не будем хвалить поэтов, если они злословят, насмеваются, изображают прелюбодеяние или пьянство, когда они ограничивают блаженство полным столом и разгульными песнями. Но менее всего мы будем обращать на них внимание, когда они говорят что-нибудь плохое о богах и особенно когда они рассказывают о множестве богов и об отсутствии у этих богов единомыслия. Ведь у них брат поднимает руку на брата, а родители — на детей, а у этих в свою очередь идет скрытая война против родителей. Любовные похождения богов, их влечения друг к другу, их встречи среди бела дня и в особенности — раз все это касается царящего над всеми их верховного бога Зевса, как они сами говорят, — то, что не краснее невозможно рассказывать даже о животных, — все это мы предоставим сцене⁷. Можно то же самое сказать и об историках, если пишут они историю для развлечения читателей; ораторам также не станем мы подражать в искусстве лжи, потому что нам, людям, избравшим прямой и истинный путь жизни, которым предписано законом даже и не судиться, ложь неприлична ни в судебном деле, ни в иных вещах. Но мы будем заимствовать у них те места, где они восхваляли добродетель и порицали порок. Ведь для некоторых людей наслаждение цветами ограничивается разнообразием красок и приятностью запахов, между тем как пчелы собирают с них мед; так и здесь, кто преследует в сочинениях одну только внешнюю красоту и сладость, тот не сможет извлечь из них хотя бы небольшую пользу для души. Значит, и вы должны изучать эти сочинения, во всем подражая пчелам, — ведь пчелы не садятся на все цветы без разбора и даже с тех, на которые сядут, стараются унести не все, но берут лишь то, что для них пригодно, а прочее оставляют нетронутым. И если мы целомудрен-

ны, мы соберем из этих сочинений то, что нам близко и соответствует истине, а остальное пропустим. И подобно тому как срывая цветы с розового куста, мы избегаем шипов, так и в этих сочинениях мы воспользуемся полезным и будем остерегаться вредного. Поэтому в самом начале надо рассмотреть каждую науку и приспособить ее к собственной цели, как говорится в дорической поговорке, «прикладывая камень к шнуру»⁸. И поскольку жизни, к которой мы стремимся, надо достигать при помощи добродетели, а в похвалу ей много сказано поэтами, еще больше — историками, а еще больше — философами, то на такие сочинения мы и должны особенно обращать внимание.

5. А польза немалая, если души юношей постигают добродетель и привыкают к ней, когда такие наставления глубоко проникают в молодые умы и остаются в них неизгладимыми. Неужели можно предположить, что Гесиод⁹ не для поощрения добродетели, а с какой-нибудь иной целью написал такие всем известные стихи, что тяжелый путь к добродетели не гладок, вначале неприступен, крут и труден? Поэтому не всякий может вступить на него, а когда вступит, дойти ему до вершины нелегко. Но кто достиг уже вершины, тот видит, что путь гладок и прекрасен, легок и удобен и приятнее другого, ведущего к пороку, пути, на который, как говорится, из-за его доступности вступить недолго. Вот мне и кажется, что написал он не для чего иного, как чтобы побудить нас к добродетели и убедить быть добрыми, чтобы мы, ослабев от трудностей, не отказались идти к цели. И если кто-нибудь другой будет так же восхвалять добродетель, мы примем его слова как ведущие нас к той же цели.

От одного человека, глубоко изучившего мысли поэта, слышал я, что все поэмы Гомера есть похвала добродетели и к ней ведет у него все, кроме второстепенного. Подходящий пример для этого — место, где Гомер описал¹⁰, как вождь кефалленян спасся нагим от кораблекрушения, как и царица, хотя ей следовало бы ощутить стыд при виде голого человека, при самом его появлении прониклась к нему уважением; ведь поэт изобразил его украшенным добродетелью вместо одежды. А затем и остальные феакийцы настолько прониклись уважением к Одиссею, что оставили роскошь, в которой они жили¹¹, стали смотреть на него и подражать ему, и ни один феакиец тогда ничего больше не желал, как стать Одиссеем, да к тому же спасшимся от кораблекрушения. В этом месте, как говорил толкователь мысли Гомера, поэт говорит почти что в полный голос: надо стараться достичь добродетели, люди! Ведь если человек попал в бурю, добродетель выплывет вместе с ним; а если он на суше окажется голым, она сделает его более честным, чем счастливые феакийцы. Вот что такое добродетель!

Есть вещи, принадлежащие их хозяевам не более, чем любым случайным людям, подобно тому как кости в игре выпадают то одной то другой стороной; и только приобретенная добродетель

неотъемлема, она остается с человеком и при жизни и после смерти. И поэтому и Солон, мне кажется, говорит богатым:

Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет;
Мы же не будем менять доблесть на денег мешок;
Ведь добродетель всегда у нас остается, а деньги
Этот сегодня имел, завтра получит другой¹².

Близки к этому и слова Феогида, где он говорит, что бог (какого бы бога он ни подразумевал) для людей наклоняет то одну чашу весов, то другую, чтобы «иногда им быть богатыми, а иногда ничего не иметь!»¹³

Да и Продик¹⁴, софист с Кеоса, в одном месте своих сочинений философствовал в подобном же роде о добродетели и пороке; на него-то и следует обратить внимание: ведь он не такой человек, чтобы им пренебречь. Это — рассказ, знаю только, что написан он прозой, а не стихами, и насколько я помню мысли автора, содержание его примерно таково. Когда Геракл был очень молод, почти в таком возрасте, как вы теперь, он стал размышлять, на какой путь ему обратиться, — на тот, который идет через трудности к добродетели, или на более легкий. И тогда подошли к нему две женщины — Добродетель и Порок. Хотя они и молчали, разница между ними была заметна по их наружности. Красота одной была вызвана искусственными средствами, а сама она утопала в роскоши и вела за собой целый сонм наслаждений. Она выставяла все это напоказ и обещала еще больше, пытаясь привлечь к себе Геракла. Другая была небрана, стройна, смотрела прямо и говорила иным языком; она сулила не лучшее и не приятное, но бесчисленные трудности и опасности и на суше и на море. А награда за это — в том, что можно стать божеством, как говорит этот автор. Именно за этой женщиной Геракл, наконец, и последовал.

б. И почти все, кто хоть сколько-нибудь заслуживает внимания из-за своей мудрости, каждый по мере сил в своих сочинениях писали более или менее пространные похвалы добродетели; надо им верить и стараться выразить их учение в самой жизни. И человек, который делами поддерживает стремление к знаниям, заключающееся у других в речах, именно так и должен поступать.

Такой образ действий представляется мне подобным тому, как если бы живописец подражал чему-то прекрасному, например красоте человека, а человек и на самом деле оказался бы таким, каким его изобразили на картине. Так, например, жаркое восхваление добродетели перед людьми, произнесение о ней длинных речей, а в душе и в собственной жизни предпочтение целомудрию удовольствий, а справедливости — выгод, я назвал бы подражанием тем, которые играют на сцене, причем часто изображают властителей и царей, на самом деле не только не будучи ни владыками, ни царями, но, может быть, даже и свободными. Так, кифарист вряд

ди согласится играть на расстроенной лире. И предводитель хора не захочет управлять таким хором, который не старается петь стройно.

В ином же случае любой человек будет находиться в разладе с самим собой, жизнь его будет противоречить его словам, он скажет, как у Еврипида:

Язык поклялся, сердце не клялось!¹⁵

да еще и виноват будет в том, что кажется хорошим, а не таким, каков на самом деле. Если же следовать Платону¹⁶ — это крайний предел бесчестия: казаться справедливым, не будучи таким на деле.

7. Вот и будем таким образом отбирать для себя сочинения, где содержатся правила добродетели. Но так как подвиги доблестных людей древности сохранились либо в человеческой памяти, либо в сочинениях поэтов или историков, мы не будем лишать себя той пользы, которую они приносят.

Кто-то, например, в народном собрании набросился с упреками на Перикла, а он совершенно не обращал на это внимания¹⁷. Так и продолжалось целый день, что один осыпал другого ругательствами, а того этонисколько не заботило. Потом вечером, когда уже стемнело, этого человека, который только что прекратил брань, Перикл проводил со светильником до дома, желая удовлетворить свою любознательность. А еще один человек в гневе грозил смертью Евклиду Мегарскому и подтверждал это клятвами¹⁸. Но Евклид сам поклялся, что смягчит его и заставит унять свою неприязнь. Хорошо, если человек вызывает в памяти подобные примеры, когда гнев овладевает им! Ведь не следует верить трагедии, которая говорит, не рассуждая: «Раздражение вооружает против врагов»¹⁹.

Всего же лучше вовсе не поддаваться раздражению. А если это трудно, то по крайней мере надо удерживать раздражительность рассудком, словно уздой, и не позволять ей выходить за пределы.

Однако вернемся к примерам людей добродетельных. Какой-то человек, безудержно оскорбляя Сократа, сына Софрониска, бил его прямо в лицо, а тот не сопротивлялся. Сократ позволил этому пьяному утолить свое раздражение, так что лицо его распухло от ударов и покрывлось царапинами. Когда же пьяный прекратил побой, Сократ, как передают, ничего другого не сделал, как только, подражая обозначениям имен художников на статуях, написал на лбу: «делал такой-то», и этим отомстил²⁰. Так как это почти совпадает с нашими правилами, я утверждаю, что подражать таким людям очень хорошо. Ведь этот поступок Сократа соответствует заповеди, по которой, если тебя кто-нибудь ударит по правой щеке, ты должен подставить левую²¹, — в такой мере надо мстить за себя. А поступки Перикла и Евклида соответствуют заповедям: «терпеть гонителей и кротко переносить гнев их» и «желать врагам добра, а не проклинать их». Значит тот, кто заранее обучен этому,

не воспримет заповеди как нечто невероятное. Не умолчу я и о поступке Александра.

Захватив в плен дочерей Дария, об удивительной красоте которых было достоверно известно, Александр не пожелал даже видеть их, так как считал позорным, если над победителем победу одержат женщины²². А ведь это согласуется с заповедью, что человек, который посмотрел на женщину для наслаждения, не свободен от обвинения, потому что допустил в душу похоть, хотя бы и не совершив прелюбодеяния на самом деле. Что же касается поступка ученика Пифагора Клиния²³,— трудно поверить, чтобы соответствие его нашим правилам было делом случая, а не сознательного подражания. Но что же сделал Клиний? Если бы он поклялся, он не потерял бы трех талантов. Но он предпочел заплатить их, лишь бы не клясться, хотя клятва его была бы на самом деле справедливой. Мне кажется, он как будто слышал ту заповедь, которая запрещает нам клятву.

8. Вернемся, однако, к сказанному вначале, а именно,— что нам следует принимать не все подряд, а только полезное. Ведь стыдно отбрасывать вредное в пище, а в науках, которые питают нашу душу, брать все без разбора и нагружать этим разум, подобно весеннему ручью, который увлекает за собой все, что попадает на его пути. И какой смысл нам, если мы можем сознательно относиться к своему делу, быть ниже ремесленников — например кормчего, который не вверяет себя безрассудно ветрам, а направляет судно в безопасное место, или стрелка, который бросает стрелу в цель, или жестянщика и плотника, которые стремятся к цели, соответствующей их искусству?

Ведь и у ремесленников работа имеет цель. А разве для человеческой жизни нет цели, смотря на которую следует все делать и говорить тому, кто не хочет полностью уподобиться неразумным животным? Если ее нет, то, подобно неоснащенным кораблям, не верив никакому уму кормила души, мы будем без цели туда и сюда носиться по жизни.

Да и в состязаниях атлетов и даже музыкантов соревнуются именно в тех вещах, за которые дается награда, и ни один участник борьбы или панкратия не станет учиться играть на кифаре или на флейте. По крайней мере Полидем²⁴ поступал не так: перед олимпийскими состязаниями, чтобы укрепить свои силы, он останавливал на бегу колесницы. И Милон²⁵ не покидал намазанного маслом щита, а когда его стаскивали, он сопротивлялся не меньше припаянных свинцом статуй. И вообще упражнения у них были подготовкой к победам. Но если бы они оставили посыпанный песком стадию и физические упражнения и занялись бы искусством Марсия или Олимпа из Фригии²⁶, разве они получили бы награду и славу вместо того, чтобы убежать, пока над ними не посмеялись? Да и Тимофей²⁷ не занимался гимнастическими упражнениями в ущерб мелодичному пению. В ином случае он не достиг бы

таких вершин искусства, чтобы резкими и напряженными созвучиями возбуждать гнев, а затем смягчать его созвучиями нежными. Рассказывают, что однажды Тимофей, воспроизводя перед Александром фригийский напев, заставил царя в разгаре ужина схватиться за оружие, а потом смягчил звуки и сделал так, что Александр снова вернулся к пирующим. Вот как упражнение укрепляет силы для достижения цели в музыке и гимнастике. Но так как я упомянул о наградах и о тех, кто к ним стремится, я прибавлю и вот что: эти люди во многих случаях переносят бесчисленные трудности, всеми возможными способами развивая свои силы, проливая много пота в трудных телесных упражнениях, принимают в училище много побоев, избирая при этом не самый приятный образ жизни, а такой, который им предписывают наставники. Одним словом, во всем они ведут себя так, чтобы жизнь их была как бы подготовкой к подвигу. И после этого они вступают на предназначенное им поприще уже готовыми перенести все труды и опасности и получить венок из оливы, лавра или еще из чего-нибудь подобного, когда их имена заслуженно будут объявлены глашатаем.

Так неужели нам, которых за здешнюю жизнь ожидают столь удивительные и великие награды, которые нельзя описать, нам, если мы будем беспечны и как бы глухи на оба уха в нашей жизни, — останется только протянуть левую руку и схватить эти дары? В этом случае праздная жизнь ценилась бы высоко и все восхищались бы Сарданапалом²⁸ как самым счастливым или также Маргитом²⁹, о котором Гомер сказал (если только это стихи Гомера), что он был ни пахарь, ни земледелец и вообще не был к чему-либо способен в жизни. Но не больше ли правды в изречении Питтака, который сказал, что «трудно быть добродетельным»?³⁰ Ведь и в самом деле, даже перенеся много трудов, вряд ли мы удостоимся тех благ, которым, как я уже сказал, нет подобных между благами человеческими. И все же нам не следует лениться и великие надежды променивать на краткий покой, если мы не хотим слышать упреков и терпеть наказания — не здесь от людей, хотя это также имеет значение для человека умного, а в других судилищах, где бы они ни были, — под землей или где-нибудь в другом месте. Невольно погрешившему против долга, возможно, и будет некоторое помилование от бога. Но тому, кто избирает худое сознательно, нет прощения, и он потерпит жестокое наказание.

9. Так что же нам делать? — спросит пожалуй кто-нибудь. Неужели что-то иное, чем, оставив все заботы, только о душе и помышлять? Именно так. Телу служить не следует, разве только в случае крайней необходимости. А душе надо нести все лучшее: пусть философия как бы освобождает ее из темницы от общения с телесными страстями, а вместе с тем и тело делает более неуязвимым для страстей. И желудку надо доставлять лишь необходимое, но не слишком приятное, как поступают те, кто в поисках особых кудинаров и поваров обшаривают землю и море, будто

собирают дань жестокому господину, жалкие жертвы своего рвения, страдающие не меньше осужденных на мучения в аду. Поистине люди эти рассекают огонь, носят решетом воду, наполняют дырявую бочку и не видят конца своим трудам!

А заботиться сверх меры об одеждах и прическах, как говорил Диоген, свойственно людям несчастным или несправедливым³¹. Так что щегольство и славу щеголя, я уверен, следует отнести к делам позорным, таким же, как разнузданная жизнь или покушение на чужое брачное ложе.

Ведь какая разница для здравомыслящего человека — надеть ли актерский костюм или одежду простолюдина, если она достаточно защищает от холода и жары? Так же и остальное не следует запасать сверх нужды, т. е. надо заботиться о теле не больше, чем это требуется для блага души. Для того, кто действительно достоин называться человеком, не менее позорно быть франтом и любить свое тело, чем предаваться любой измененной страсти. Ведь прилагать все старания к тому, чтобы выглядеть как можно наряднее, свойственно человеку, себя не познавшему и не понимающему мудрого правила, что не внешность — главное в человеке, а нужна некая высшая мудрость, при помощи которой каждый из нас распознает, что такое есть он на самом деле.

Для тех, у кого разум не очищен, — это более недоступно, чем для больного глазами смотреть на солнце. Очищать же душу, чтобы сказать коротко и для вас достаточно, это значит презреть чувственные удовольствия, не угощать зрения нелепыми представлениями фокусников, не смотреть на возбуждающие сладострастие тела и не впускать в душу через слух приносящие вред мелодии. Ведь именно от музыки такого рода обычно возникают страсти — порождения рабства и низости. А нам следует стремиться к иной музыке, лучшей и возносящей к лучшему, при помощи которой, говорят, творец священных песнопений Давид избавлял царя от неистовства.

Есть молва, что Пифагор, когда ему случилось быть среди пьяных гуляк, приказал флейтисту — предводителю пира — изменить напев и заиграть в дорийском ладе; пирующих так отрезвила эта музыка, что они сбросили венки и со стыдом разошлись³². Иные же при звуках свирели неистовствуют, словно корибанты³³ или участники вакханалий. Столь велика разница — наполнять слух здоровой или негодной музыкой! Поэтому участвовать в этом, сейчас господствующем искусстве пения вам следует меньше, чем в любом из самых позорных дел. А примешивать к воздуху различные испарения, доставляющие обонянию удовольствие, умащать себя благовониями даже и запрещать вам я стыжусь.

Что же может сказать кто-нибудь о том, что не следует стремиться к удовольствиям от осязания и вкуса? Да только то, что эти удовольствия принуждают охотящихся за ними жить, подобно скотам, по прихоти желудка и того, что ниже чрева. Одним сло-

вом, тот, кто не хочет, как в тине, погрязнуть в плотских удовольствиях, должен презирать все, что связано с телом, или, как говорит Платон, поддерживать тело постольку, поскольку оно участвует в служении философии. Это напоминает слова Павла³⁴, когда он советует вовсе не угождать телу, чтобы не давать свободу похоти. Разве люди, очень заботящиеся о красоте тела и презирающие душу, которая проявляет себя через тело, отличаются чем-нибудь от тех, кто заботится об инструментах и презирает искусство, которое действует посредством них? Стало быть, совсем напротив, надо обуздывать и сдерживать тело, словно порывы зверя, и мятежи, которые оно вызывает в душе, надо усмирять рассудком, как бичом; вовсе не следует отпускать вожжи наслаждений, пренебрегая при этом умом, увлекающимся страстями, подобно вознице, которого несут необузданные кони.

Вспомним и Пифагора, как он, узнав, что один из близких ему людей очень тучнеет от еды и гимназия, сказал ему: «Перестанешь ли ты строить себе несноснейшую тюрьму?»³⁵ Поэтому-то, говорят, и Платон, предвидя, что тело причинит вред душе, избрал для Академии не совсем здоровое место в Атике, чтобы не давать телу излишне нежиться, — так и виноградным лозам не дают разрастаться лишние ветви. А я слышал и от врачей, что чрезмерное здоровье очень вредно. Итак, если излишние заботы о теле для самого тела бесполезны, а для души — помеха, то служить телу и ухаживать за ним — явное безумие. Но если бы мы научились его презирать, нас, пожалуй, ничто другое из человеческих дел не восхищало бы. Ведь для чего нам богатства, — нам, ни во что не ставящим телесные удовольствия? Я не вижу другой причины, как только чтобы, словно драконы в сказках, неусыпно стеречь зарытые сокровища. Тот, кто научился в подобных случаях вести себя благородно, вряд ли изберет для себя что-то постыдное или гадкое и в словах и в делах. Тем более станет он гнушаться такой вещью, в которой нет у него потребности, что бы это ни было — лидийский песок или работа золотоносных муравьев. Конечно, и самую нужду будет он определять естественными потребностями, а не удовольствиями. А тот, кто выходит за пределы необходимого, подобно несущимся вниз по склону, не знает, за что ухватиться, и нигде не останавливается³⁶ В своем стремлении, но когда он уходит дальше, он испытывает нужду в равном прежнему или даже в большем, чтобы насытить свое желание, как сказал Солон, сын Эксекестида: «Не установлен людьми никакой предел для богатства»³⁶. В этом отношении следует пользоваться как учителем и Феогнидом, который говорит:

Нет, не люблю я богатство и богатеть не желаю —
Лишь бы, не зная беды, скромно на свете прожить!³⁷

А я восхищен презрением ко всему человеческому и в Диогене, который доказал, что он богаче даже великого царя, потому что

меньше, чем тот, имеет нужд в жизни. А нам, если мы не имеем такого же числа талантов, как Пифий из Мисы³⁸, столько же плетров земли и несчетных стад,— нам все еще мало. Но думаю, что не следует желать богатства, если его нет, а если оно есть, надо думать не о том, что обладаешь им, а умеешь ли ты им хорошо распорядиться. Прекрасно сказал Сократ об одном возгордившемся богаче, что станет восхищаться им лишь тогда, когда узнает об умении его пользоваться деньгами. Если бы Фидий и Поликлет стали гордиться золотом и слоновой костью, из которой первый сделал для элейцев Дия, а второй для аргивян— Геру, они подверглись бы насмешкам за то, что, хвастаясь чужим богатством, они оставили в стороне искусство, от которого золото стало приятнее и драгоценнее. А мы, полагая, что сама по себе добродетель недостаточна для украшения, думаем, что наши поступки менее заслуживают позора. Неужели, презрев богатства и поставив ни во что чувственные удовольствия, мы станем гнаться за лестью и ласками, подражая таким образом пронырливостью и ловкостью лисице Архилоха?³⁹ Разумному человеку прежде всего следует избегать того, чтобы жить для славы и обращать внимание на мнение большинства; трезвый разум должен быть руководителем жизни. Даже если придется идти против всех людей или ради достижения прекрасной цели навлечь на себя бесславие и опасности,— даже и в этом случае нельзя избирать путь извращения того, что добыто правильным знанием.

О человеке иного склада мы скажем только, что он несколько не отличается от египетского софиста. Тот, когда хотел, становился деревом, зверем, огнем, водой и всякой вещью, если только он хвалил справедливость перед ее поклонниками, и говорил противное, если замечал, что одобряют несправедливость⁴⁰. Таков нрав лицемера. Подобно полипу, меняющему свой цвет по цвету земли, которая находится под ним, он будет менять свои мысли смотря по настроению присутствующих.⁴

10. Но хотя в более совершенном виде мы почерпнем это из наших сочинений, как бы некую тень добродетели мы усвоим также из внешних уроков. У тех, кто стремится извлечь пользу из каждой вещи, словно в больших реках прибывает многое, что отовсюду несут потоки. Ведь надо полагать, что слова поэта Гесиода «прибавляй малое к малому»⁴¹ правильны не только для накопления серебра, но и для всякого знания. Так и Биант⁴², когда сын его, отправляясь к египтянам, спросил, что ему надо сделать, чтобы особенно угодить отцу, сказал: «Приобрести напутствие для старости». Напутствием ведь он назвал добродетель, заключив ее в тесные пределы,— он ограничил ее пользу продолжительностью человеческой жизни. А я, если кто-нибудь назовет мне возраст Тифона или Аргатония или самого долговечного из нас, Мафусаила⁴³, о котором говорится, что он прожил без тридцати тысяч лет, если кто-нибудь исчислит все время сначала, как стали

существовать люди,— я посмеюсь этому как детской мысли, так как мой взор обращен в долгий и нестареющий век, в котором нельзя постигнуть мыслью предела, равно как и назначить кончину бессмертной душе. Для этого-то века я и советовал бы вам приобрести напутствие, как говорит пословица, двигая каждый камень⁴⁴, от которого вам будет хоть какая-то польза. Не будем же бездействовать только потому, что это тяжело и требует труда; но вспомня совет того, кто сказал⁴⁵, что каждому следует избирать жизнь наиболее совершенную и ожидать, что привычка сделает ее приятною, испытываем то, что лучше всего. Ведь стыдно будет, потеряв сейчас время, впоследствии стараться вернуть прошедшее, чего нельзя сделать никаким сожалением. Итак, то, что я признаю важнейшим, отчасти я сказал вам сейчас, а отчасти буду советовать в течение всей жизни. А вы, так как болезни бывают трех родов, не окажитесь подобным неизлечимым больным и не обнаружьте в себе недуга воли, похожего на болезнь страждущих телом. Ибо больные легкой болезнью сами идут к врачам; тяжело больные призывают врачей к себе; а больные неизлечимой болезнью черной желчи даже и не допускают приходящих к ним. Пусть этого не случится с вами: не бегите правильно мыслящих людей.

ПИСЬМА

1. ФИЛОСОФУ ЕВСТАФИЮ

Силы мои уже иссякли под ударами того, что называется игрою случая, все время расстраивавшего нашу встречу, как вдруг пришло письмо, чудесное утешение и поддержка. В голове моей уже носилась мысль, не поверить ли ходячему мнению, будто некий рок и судьба вершат нашими делами, большими и малыми, сами же мы, люди, не властны ни в чем. А не это, так случай какой-то всю жизнь преследует человека. Ты не осудишь меня за эти домыслы, когда узнаешь, что к ним привело. Мимо города на Гелеспонте¹ я промчался быстрее, чем Одиссей мимо поющих сирен. Азия привела меня в восторг, и я спешил к столице всех ее красот². И вот я достиг родины, но тебя, той жемчужины, которую я разыскивал, там не оказалось. Дальнейшему путешествию стали чиниться всякого рода помехи. То я чуть было не разболелся и отстал от тебя, то я не мог следовать за тобой на восток. Наконец, преодолев тысячи и тысячи трудностей, я добрался до Сирии, но так и не повидал философа, который успел уже отбыть в Египет. Снова пришлось шагать в Египет по длинной и утомительной дороге. Но и на этот раз старания пропали даром. Так не везло моей любви, что нужно было либо идти в Персию и продвигаться вслед за тобой в глубь варварской страны до самых крайних ее пределов

(ведь даже туда доходил ты в каком-то демонском упорстве), либо осесть здесь в самой Александрии, что я и сделал. Думаю, что если бы я не изнемог, как скотина, которая бежит за протянутой веткой, ты бы дошел до Нисы в Индии, а если еще дальше есть обитаемые места, то и туда забрел бы ты. Что еще могу сказать? Теперь, когда ты, наконец, дома, нам мешали встретиться мои тяжкие недуги. Если я не почувствую себя лучше, то даже зимой не удастся нам побеседовать. Разве это не проделки судьбы, по твоим собственным словам? Не действия ли это рока? Не близко ли это к мифам поэтов о Тантале? ³ Но как я говорил, от твоего письма мне стало легче, и я перестал рассуждать так. Богу, когда посылает блага, надо воздавать благодарность, и нельзя печалиться, когда решает по своему усмотрению, так что если и нам с тобой даст увидиться, сочтем это за самое лучшее и приятное, если заставит ждать — кротко стерпим наказание. Он-то ведь лучше утрясает все наши дела, чем мы сами могли бы это придумать.

3. КАНДИАНУ

Когда я взял в руки твое письмо, то пережил такое, о чем стоит послушать. Меня охватил почтительный страх, как перед каким-то государственным документом; растапливая воск, я с опаской смотрел на письмо, как ни в чем неповинный спартанец на лаконскую скитаалу ⁴. Когда же, распечатав, я прочел все по порядку, то не мог сдержать смеха и от радости, что нет никаких перемен, и от пришедшего в голову сравнения с Демосфеном, который, когда выставлял малый хор танцоров и флейтистов, называл себя просто хорегом, а не Демосфеном. Ты же остаешься самим собой и во время хорегии, и без нее. Твой хор — это десятки тысяч солдат; такого множества людей даже он не брал на свое попечение. Ты нам пишешь не по форме, а обычным путем и словесного искусства не забрасываешь, но по слову Платона, в буре и вихре дела ты, как бы укрывшись под крепкой стеной, охраняешь душу от шума. Да и других бережешь, сколько можешь. Вот они, твои дела, великие и удивляющие очевидцев, но совсем не удивительные в общем строе твоей жизни. Послушай теперь, какие невероятные вещи нас постигли.

У меня умер служитель, и вот какой-то нахал, житель наших Анисс, не заявлявший ни о каких своих делах с покойным, ни разу ко мне не приходивший, не предъявлявший никаких требований, не заявлявший о желании что-либо получить с нашего согласия и не грозивший применить в противном случае силу, вторгся в наш дом, избил карауливших женщин, выломал двери, все вытащил и часть забрал сам, часть дал расхватать кому попало. Чтобы не иссякли наши последние силы, чтобы первый встречный не издевался над нами, приди на помощь и примись за наше дело так же ревностно, как ты уже брался. Только тогда мы чувствовали

себя в безопасности, когда ты взял нас под свою защиту. С нас довольно, если пагарх⁵ его арестует и ненадолго заключит в тюрьму. Дело в том, что мы не только возмущены случившимся, но хотим оградить себя и на будущее.

4. ОЛИМПИЮ

Что делаешь ты, чудак, выселяя любезную нам бедность — кормилицу философов? Если бы она обладала даром речи, то, думаю, затеяла бы дело о незаконном отнятии имущества: «Я избрала себе местожительство у него, который то Зенона⁶ хвалил за то, что тот, лишившись всего после крушения корабля, не проинес ни звука бранного, но молвил: «Как хорошо! Судьба, ты сама нас гонишь к потертому плащу», то Клеанфа, за плату черпающего воду, чтобы прокормить себя и оплатить учителей. Он восхищался беспрестанно Диогеном за гордое принятие одних только даров природы, за то, что тот даже чашу швырнул прочь, когда увидел, как ребенок пьет воду из сложенных ладоней. Такими укоризнами кормила бы тебя подруга наша бедность, изгнанная теперь роскошными дарами. Пожалуй, и угрозу⁶ вставила она: «Если опять застаю тебя здесь, покажу, что значит обжорство сицилийцев и италийков. Отплачу тебе за похищенное у меня». И дальше в том же духе. Известие, что ты уже начал лечиться, обрадовало меня. Молюсь, чтобы это пошло тебе на пользу. Твоей священной душе прилично тело, не ощущающее боли.

12. ЕМУ ЖЕ

Прежде ты мало писал нам, теперь не пишешь вовсе. Немногословие, разумеется, усиливаясь со временем, переходит в полное безмолвие. Вернись, однако, назад к своей привычке. Мы не станем теперь упрекать тебя за лаконскую краткость твоих писем. Даже краткие письма будут нам дороги как знаки твоего расположения. Только пиши нам.

14. ГРИГОРИЮ ДРУГУ⁷

Брат Григорий⁸ написал мне, что хочет снова встретиться с нами, добавляя, что и ты решился на это, но я, прежде не раз обманутый, отнесся с недоверием и, связанный делами, не смог ждать. Ведь мне уже нужно отправляться в Понт, где, может быть, если бог изволит, кончатся скитания. Когда рухнули надежды на тебя, вернее сказать сны (хваляю назвавшего надежды сновидениями бодрствующими), я ушел искать место жительства в Понт. Бог указал мне там местечко, которое полностью подходит мне. Поистине я увидел здесь то, о чем мечтали мы, бездельничая и шутя.

Там высится гора, поросшая дремучим лесом. Северный склон

ее изборожден холодными прозрачными ручьями. Расстиается долина у подножья, и поят ее горные потоки. Вокруг нее как некая ограда разросся лес, где перемешаны разнообразные деревья, так что перед этим и остров Калипсо ничтожен, хотя Гомера, видимо, пленил он красотой больше всех. Ведь и долина эта, защищенная со всех сторон, напоминает остров. По краям ее два глубокие обрыва. Ее окаймляет река, стекающая с кручи,— это такая стена, которую не обогнуть и не перейти. Подступ к предгорью заперт, так как гора с двух сторон растянута и ее серповидные отроги доходят до обрывов. Вход в долину только один, и он в нашем распоряжении. Место, чтобы поселиться, дает еще один отрог с высоким хребтом на вершине, так что оттуда взору открывается долина и сверху можно видеть даже огибающую ее реку — зрелище, думаю, не менее приятное, чем вид на Стримон из Амфиполя⁸. Ведь там спокойное течение создает заводь, и река почти совсем исчезает в неподвижности вод. Здесь же поток более быстрый, чем все реки, которые я видел. У соседней скалы он чуть бурлит, а расплескиваясь после нее сливается в глубокую пучину — сладостное зрелище и для меня и для любого, кто сюда заглянет; выгодный промысел для местных поселенцев: в водовороте сказочное изобилие рыб! Что говорить о том, как ощутимо здесь дыхание земли, как от реки веет прохладой? Другой бы восхищался тут и множеством цветов и певчих птиц, а мне не время думать о всем этом. Скажем о нем самое главное: весьма плодородное по своему положению, оно приносит самый приятный для меня плод — тишину. В нем нет ни городской суеты, ни даже путников, разве кто встретится на охоте. Много в этой долине и зверей — не медведей и ваших волков,— ну их! — а целые стада оленей и диких коз, зайцы и прочая подобная живность. Тебе понятно теперь, на что рискнул я, безумный, упорно стремясь обменять Тиверину, это болото, на такое местечко, как это? Ты простишь, что я сейчас спешу туда? Ведь и Алкмеон⁹, найдя Эхинады, перестал скитаться.

19. ЕМУ ЖЕ

Позавчера получил от тебя письмо, в нем выдает тебя не столько почерк, сколько особое свойство твоего послания. Там мало слов, смысла — много. Мы не ответили на него сразу, так как нас самих не было дома, а письмоносец отдал письмо одному из наших домохозяев и ушел. Теперь же через Петра беседуем с тобой, платя за приветствие и подавая еще повод для писем. Ни малейшего труда не стоят те лаконичные письма, которые приходят нам от тебя.

20. СОФИСТУ ЛЕОНТИУ

Редко получаешь ты от нас письма, но не реже, чем мы от тебя, хотя от вас к нам то и дело приезжают люди, и если бы каждому

из них ты вручал письмо, то в нашем общении не было бы пере-
рывов, и нам было бы так же приятно, как при личном свидании, —
такое множество людей перебивало у нас. Впрочем, почему ты не
пишешь? Ведь у софиста только и дел, что писать. Мало того, если
рука устала, тебе не нужно писать самому — к твоим услугам дру-
гие. Нужен только язык. Если не станет беседовать с нами, то буд-
дет разговаривать с кем-нибудь из присутствующих, если никого
не будет, заговорит сам с собой, но ни за что не умолкнет язык
софиста и аттика, как не могут умолкнуть соловьи, когда весна
разбудит их для пения. Нам наша занятость теперь могла бы слу-
жить извинением молчания, да и мы так свыклись с просторечием,
что страшно обратиться к вам, софистам. Достаточно вам услышать
что-либо недостойное вашей собственной учености, как вы это тот-
час с возмущением отвергаете. Твоему же голосу, напротив, долж-
но звучать по всякому поводу — ты ведь самый красноречивый из
известных мне эллинов, а мне, думаю, известны ваши знамени-
тости. Так что ничто не оправдывает молчащего. Достаточно об этом.
Я послал тебе и то, что написано против Евномия¹⁰. Суди сам,
пустая ли это болтовня или что-то более серьезное. Для самого
себя, думаю, ты не найдешь там полезного, но, надеюсь, это послу-
жит тебе неплохим оружием при встречах с отступниками. Мы не
на силу книги полагаемся, а знаем наверное, что ты и в малом
отыщешь великое. А если покажется что-либо слишком невнуши-
тельно, то брани без опасений. Друг тем и отличается от льстеца,
что последний говорит, чтобы сделать приятное, а первый не оста-
навливается перед огорчением.

Григорий Назианзин

(около 329—390 гг.)

Уроженец Каппадокии Григорий, известный в церковной традиции под именем Богослова, был включен церковью (вместе с Василием Кесарийским и Иоанном Златоустом) в число трех особо почитаемых «святителей». Он получил блестящее светское образование, увенчавшееся после школ Каппадокии, Кесарии Палестинской и Александрии десятилетним обучением в Афинах у известного ритора Гимерия.

Григорий был всю жизнь ближайшим другом Василия Кесарийского и членом его кружка; но трудно представить себе человека, который был бы меньше похож на властного политика Василия, чем рафинированный, впечатлительный, самоглубленный Григорий. В провинциальном и деловитом Василии он видел опору и руководителя, которому по большей части слепо подчинялся; иногда же, когда деспотизм друга становился слишком жестким, беспомощно обижался, протестовал, жаловался.

Такая же разница разделяет и их литературное творчество. Для Василия писательство — один из способов целенаправленного воздействия на людей, для Григория — главная радость жизни и возможность выразить себя; это — литератор прежде всего, литератор до мозга костей. Самые сильные страницы Василия носят проповеднический, самые сильные страницы Григория — исповедальный характер. В особенности лирика каппадокийского святителя полна тяжелых, смутных, нерешенных вопросов:

Кто я? Отколе пришел? Куда направляюсь? Не знаю.
И не найти никого, кто бы наставлял меня.

В упоении игрой стихотворства Григорий не ограничивался духовной тематикой. Его продукция чрезвычайно обильна, и немалую ее долю составляют повтческие эзерсисы: например, одна и та же толика варьируется в стихах, написанных различными размерами. Ряд эпиграмм вдохновлен чувствами привязанности к памяти дорогих Григорию людей — отца Григория, набожной матери Нонны и нескольких друзей, первое место среди которых занимает, конечно, Василий; отсюда их интимный тон, мягкость, живость и задушевность интонаций. Это сближает их с поэтической автобиографией Григория «На мою жизнь», известное многословие которой искупается ее искренностью и непринужденностью. Возможно, что эта поэма (наряду с двумя другими — «О моей судьбе» и «О страданиях моей души») повлияла своим психологизмом и достигнутой в ней культурой самоанализа на возникновение «Исповеди» Августина.

Совсем иной облик, отмеченный величавой безличностью и риторической изысканностью, носят гимн Христу «Ей, царю, царю нетленный»: многочислен-

ные анафоры и синтаксические параллелизмы искусно оттеняют его метрическую структуру и создают стиховой образ, напоминающий симметричную расстановку фигур на византийских мозаиках.

Наконец, еще одной, довольно неожиданной гранью оборачивается к нам поэтическое дарование Григория в его стихотворной инвективе на некоего Максима — философствующего церковного авантюриста, который одно время вкрался в доверие наивного Григория, а затем стал орудием в руках врагов каппадокийского кружка. Чисто античная риторическая динамика этой инвективы, ее «жестикаляция», ее словесный напор поражают своей яркостью.

І. ЭПИГРАММЫ

НА МОГИЛУ ОТЦА

Века людского предельную меру достигнув, столетний
(Сорокалетний, когда годы священства сочтем),
Добрый, красноречивый, почтенный тройцы служитель,
Здесь я, Григорий, обрел праху покой своему.
Но окрыленная к богу взлетела душа. Иереи,
С пеньем спешите сюда — почесть могиле воздать.

ЭПИТАФИЯ МАТЕРИ¹

Нонна, Филътатия дочь.— А где скончалась? — Во храме.
Как? — Средь молитвы. В каких годах? — Дожив до седин.
— О, прекрасная жизнь и угодная богу кончина!

НА МОГИЛУ МАРТИНИАНА

Муз питомец, вития, судья, во всем превосходный,
Славный Мартиниан в лоне сокрылся моем.
Доблесть в сраженьях морских он вкусил, в сухопутных — отвагу.
После в могилу сошел, горестных бед не вкусив.

НА ГРОБОКРАДОВ

Я средь надгробных холмов высочайший: не в час очередной
И до меня добралась гнусная вора рука!
Гнусного вора рука осквернила меня! Погребений
Больше не должно творить. Псы да пожрут мертвецов!
Псы да пожрут мертвецов! Ненасытным зудом влекомый,
Ныне добытчик спешит рыться и в прахе могил.

II. ГИМН ХРИСТУ

Ей, царю, царю нетленный,
Дай тебя воспеть, восславить,
Государя, властодержца!
Через тебя напевы наши,
Через тебя небесных хоры,
Через тебя времен теченье.
Через тебя сиянье солнца,
Через тебя луны отрада,
Через тебя краса созвездий;
Через тебя возвышен смертный
Дивным даром разуменья.
Тем от всей отличен твари.
Ты создатель, ты зиждитель.
Ты устав вещам даруешь
И порядок устрояешь,
Все свершая силой слова,
Слова божья — бога-сына,
Что тебе единосущен,
Бог от бога, свет от света,
Мир оставил в стройном чине
И над ним всевластно правит;
И повсюду мирозданье
Облетает, обвевает
Дух святой животворящий.
Слава тройце триединой,
Неделимой, сокровенной,
Безначальной, бесконечной,
Несказанной, непостижной!
Бездна тайны, ум верховный,
Без начала, без предела
Мирозданья средоточье,
Свете! Взор тебя не емлет,
Ты ж объемишь все глубины,
Все проникнул, все постигнул —
Бездны мрака, выси неба!
Благодать мне, отче, даруй,
Послужить твоей святине
Непорочным поклоненьем!
Отпусти грехи и вины,
Изгони из помышлений
Скверну злобы, тьму порока,—
Да почту тебя нескверно,
В чистоте подьема руки;
Да воздам Христу служенье,
В правоте склонив колена!

Помяни раба, владыко,
Как в твое придешь царство!
Благодать мне, отче, даруй,
Даруй милость и прощенье,
Да твое прославлю имя
Днесь — и до скончанья века!

III. ЖАЛОБЫ

1

Увы! Христе мой, тяжело мне дышать и жить!
Увы! Нет меры, нет конца томленью!
Увы! Все длится странствие житейское,
В разладе с целым миром и с самим собой,
И образ божий меркнет в унижении!
Какой же дуб такие вихри выдержит?
Какой корабль такие бури вытерпит!
Иссякли силы, изнемог я в горести!
Не доброй волей отчий сан воспринял я,—
Приняв, нашел святыню в поругании;
Друзья врагами стали; плоть недуг язвит;
Каменьями толпа меня приветствует;
Далече паства, чада же духовные
Одни со мной разлучены, другие же
Спешат предать. Увы, печаль отцовская!
А братья по священству, злее недругов,
Забыли и о трапезе таинственной,
О равной доле в пастырском служении,
(О том, что и в презренном подобает чтить);
Не подают мне утешенья в бедствиях,
Спиною повернувшись к одинокому.

2

О, что со мною случилось, боже истинный?
О, что со мною случилось? Как темно в душе,
Ушла вся сладость мыслей благодетельных,
И сердце опустевшее в беспамятстве
Готово стать приютом князя мерзости.
Не попусти, о боже! Пустоту души
Опять своей исполни благодатию.

IV. МОЛИТВА В БОЛЕЗНИ

Поддай мне помощь, боже! Силы взял недуг.
Безмолвен песнопевец. Так ли быть должно?
Восставь на подвиг твоего служителя!
О, как я жажду возвратиться к прежнему
Служению, и к пастве, и к трудам своим!
В тебе моя надежда, не покинь меня!
Но если я слукавил, поделом терплю.

V. ПЛАЧ

Подобье божье гибнет в унижении.
Сквернится образ божий! О, злодей, злодей,
Ты душу подменил мне! Как в огне горю!
Довольно, смолкни, злое помышление!
Скрепись, язык, блюди себя от слов пустых;
Скрепись, рука, храни себя от дел дурных;
Да образ божий сбережем в нетленья.
А там сгниешь в могиле. Так и темный зверь
Живет — в бесславье равном, но безвиннее.
Чем я не скот? Лишь тем, что знаю господя.
Когда б твоим я не был, возмутился б я.

VI. НА МАКСИМА¹

Глазам не верю! Ты — писать отважился?
Максим — писатель? Право, дальше некуда!
Каких же псов бесстыдство мне с твоим сравнить?
Ну, времена настали! Все позволено:
Зато кругом плодятся, как грибы растут
Начальники, наставники, епископы —
Все без труда, без пота, без учения!
И что мы видим? По углам разогнаны
Способности и доблесть затирается:
Зато победоносное невежество
Чуть рот раскроет, дерзостью одной берет!
Попробовал бы выступить без выучки
Стрелец, канатоходец!.. Или нынче так:
Была бы наглость — знаний не потребуют?
Тебя, быть может, мудростью исполнили
Нежданно музы, как бывало в древности?
Иль же лавр священный Фебов обуял тебя,
Или родник исполнил силой вящую,

Что наш Максим безграмотный писать взялся?
О, подивитесь делу непостижному:
Саул² попал в пророки, в мудрецы — Максим!
Но кто же после этого воздержится?
Чернила и бумага у любого есть.
Чего робеть! Хватайся за перо, строчи,
Сбирай толпу, лови рукоплескания.
Не бойся тех, кто смыслит: так немного их!
Толпа же из максимов составляется.
Толпе спешит понравиться; а там наплюй
На всех ученых вместе с их ученостью:
И впрямь, смешны мы!
Но когда притиснет враг,
Смелеет смиренный: ярость да охватит нас!
Да в самом деле, буйствует ругатель всласть
А нам и посмеяться не позволено?
(А уж куда как много здесь забавного!)

ПИСЬМА

V (32). ВАСИЛИЮ

Ты спокойно выносишь мою шутку¹, поэтому добавляю к ней еще кое-что. Начну, как у Гомера²: «Теперь продолжай и внутреннюю воспевай красоту», т. е. этот кров без крыши и дверей, очаг без огня и дыма, стены, высушенные на огне, оберегавшие нас от брызг грязи, нас, подлинных Танталов, осужденных томиться жаждой посреди вод. А это жалкое и голодное пиршество, на которое мы не как на лотофагову бедность, а как на алкиноеву трапезу³ позваны были из Каппадокии, мы несчастные, потерпевшие недавно крушение корабля: помню я эти хлебы, эти супы (так их называли), не забуду и того, как скользили зубы по кускам, застревали в них, и потом приходилось их вытаскивать, как из болота. Чтобы изобразить эту муку, ты и сам найдешь слова, станешь красноречивым от понесенных страданий. Мы давно бы умерли, не похвалы, а жалобы достойные за верность Понту, если бы не подоспела вовремя и не вырвала нас оттуда великая нищелюбица — я говорю о твоей матери, — явившись, как гавань, для попавших в бурю. Разве могу я умолчать о тех садах, которые были не сады и не огороды, об авгиевом навозе, который мы выгребали на эти сады, о том, как мы возили телегу, подобную горе, я — Вотрион и ты — Лампр, возили на этих самых плечах и этими самыми руками? До сих пор целы на них следы тех трудов («о земля и солнце, о воздух и добродетель» — воскликну я, как в трагедии), предпринятых не ради того, чтобы связать Геллеспонт⁴, а для того, чтобы заровнять овраг! Если тебя не сердят эти слова, то нас и подавно,

а если сердят, то каково нам было от самой действительности? А ведь очень многое я обхожу молчанием, из уважения к тем немалым другим вещам, которыми мы насладились.

XXVI (88). АМФИЛОХИЮ

Как скупо посылаете вы нам зелень! Да и что, кроме лебеды? И что тогда, когда все ваше богатство и есть сады, реки, роши, райские кущи, а страна ваша обильна зеленью, как у других золотосна, и вы травой-то и питаетесь. А хлебные злаки для вас — сказочное блаженство, печеный хлеб для вас, как говорится, хлеб ангельский, столь желанен и ненадежен он! Поэтому будьте щедрее, делитесь с нами зеленью, а то мы, без лишних угроз, попридержим у себя хлеб и посмотрим, точно ли стрекозы питаются одной росой.

XXVIII (94). ЕМУ ЖЕ

Мы посетили города в горах на границе Памфилии и там, в этих горах, поймали морского Главка⁵, не льняными сетями извлекая из пучины рыбу, но любовью друзей уловив добычу в мрежу. Едва лишь этот Главк выучился ходить по суше, мы послали его письмоношцем к вашей доброте. Примите его дружески и удостоьте прославленного в писании угощения зеленью.

XXXVIII (81). ФЕМИСТИЮ⁶

Спартанца отличает копье, Пелопида⁷ — плечо, а великого Фемистия — ученость. Ты превосходишь всех во всем, но именно она — отличительный знак твой. Она соединила нас в самом начале с тобой, если и я что-то значу в науках. Она и теперь внушает мне смелость, и ты, возможно, простишь нашу дерзость, когда узнаешь, за кого мы просим. Сына знаменитого Евдоксия посылаю я к тебе. Он тоже Евдоксий, наш сын, и замечателен как жизнью своей, так и даром слова. Ты сам в этом убедишься, когда, по пословице, к камню приложишь веревку (какое мерило вернее тебя!). Он дорог нам и за свою добродетель, и из-за нашей дружбы с его отцом. Если поможешь ему, окажешь нам услугу и прославишь свою ученость. Не отказывайся руководить им. Ему нужно науками стяжать себе известность, так чтобы и на жизнь зарабатывать ими. Он сам расскажет тебе, чему и как надобно ему учиться, проверят же его твоя ученость и благоразумие.

XXX (84). РИТОРУ ЕВДОКСИЮ

Ты спрашиваешь, как наши дела? Очень плохи. Не стало моего Василия, не стало и Кесария; брата духовного и брата плотского. Вместе с Давидом⁸ взываю: «Отец мой и мать моя оставили меня!» Недугует тело, близка старость, кругом заботы, дела угнетают,

друзья не верны, церковь не имеет пастыря. Ушло прекрасное, обнажилось злое. Мы плаваем во мраке, нигде не видно маяка, Христос уснул. Что еще будет? От зла одно избавление — смерть. Но и тамошнее страшит меня, если судить по здешнему.

ИЗ НАДГРОБНОЙ РЕЧИ ВАСИЛИЮ ВЕЛИКОМУ, АРХИЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ

(отрывки)

4. ... У каждого рода и у каждого его представителя есть какое-нибудь отличительное свойство и предание — большое или малое, — которое, получив начало во времена отдаленные или близкие, как отеческое наследие переходит в потомство. Так и у Василия замечательным признаком рода и со стороны отца, и со стороны матери было благочестие; покажет это настоящая речь.

5. Было гонение, самое ужасное из гонений и самое тягостное; я говорю об известном вам гонении Максимиана¹; он явился после многих, бывших незадолго до него гонителей, — но все они кажутся перед ним человеколюбивыми: Максимиан свирепел в своей неистовой дерзости и всеми силами стремился одержать победу в нечестии! С ним спорили многие из наших подвижников, сражаясь и до самой своей смерти, и почти до самой смерти: последние оставались в живых столько времени, сколько требовалось, чтобы пережить победу и не уйти из жизни вместе с борьбою, но служить для других побуждением к добродетели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповедью.

В числе многих таких подвижников были также предки Василия по отцу; минувшее время преподнесло им прекрасный венок за то, что прошли они весь путь благочестия: столько готовности было в их сердце легко претерпеть все, за что венчает Христос подражавших собственному его подвигу ради нас.

6. Однако они знали, что и самый подвиг должен быть законным. А закон мученичества таков: не выходить на подвиг самовольно, щадя гонителей и немощных, а вышедши — не отступать; потому что первое есть дерзость, а второе — трусость. И чтобы в этом также почтить законодателя, что они предпринимают? А лучше сказать — куда ведет их Промысл, управляющий всеми их делами? Они бегут в какой-то лес на Понтийских горах (таких лесов у них много, они дремучи и велики), бегут, имея при себе очень многочисленных спутников в бегстве и служителей для пропитания. Иные станут удивляться продолжительности их бегства (говорят, оно было весьма долгим, длилось до семи лет и даже несколько больше); иные — скорбному и, разумеется, непривычному для людей благородного происхождения образу жизни: их бедст-

вованию под открытым небом, в стужу, в жару и в ливни, а также пребыванию в одиночестве, без друзей и безо всякого общения с людьми. Насколько же увеличивалось от этого страдание тех, кого прежде с почетом окружало большое общество?

Но я намерен сказать нечто более важное и удивительное, чему не поверит разве лишь тот, кто не почитает важными гонений и бедствий за Христа, потому что плохо их знает и понимает весьма превратно.

7. Эти мужественные подвижники, утомленные временем и пресыщенные своими нуждами, пожелали иметь что-нибудь, служащее к удовольствию. Впрочем, они не говорили, как израильтяне, как те, кто после бегства из Египта бедствовал в пустыне, не роптали будто Египет для них лучше пустыни, ибо он доставлял в полном изобилии котлы и мясо, а также все остальное, чего в пустыне нет².

... Насколько же эти были благочестивее и какую показали веру. Ведь они говорили: «Что невероятного, если бог, совершающий чудеса, который дал обильное пропитание в пустыне странствующему и бегущему народу, посылал дожди для хлеба, давал птиц и пищу, не только необходимую, но и чрезмерную; если он разделил море, остановил солнце, пресек течение рек, а к этому прибавляли они и другие дела божии,— потому что в подобных обстоятельствах душа охотно припоминает древние сказания и славит бога за многие чудеса его. Что невероятного, продолжали они, если этот бог и нас, подвижников благочестия, не питает теперь сладкой едой? Ведь много зверей, которые, избежав трапезы богатых, какая и у нас бывала некогда, скрываются в этих горах; много птиц, годных для еды, летают над нами, и мы за ними охотимся. Ужели они неуловимы, если только ты захочешь? — так говорили они, и явилась добыча, добровольно отдающаяся в руки еда, готовый пир! Откуда вдруг взялись на холмах лани? И какие рослые! Какие тучные! Как охотно идут на заклание! Можно было легко догадаться, что они негодуют, почему их раньше не позвали. Одни манили к себе ловцов, другие шли за ловцами. Разве кто-нибудь гнал их или принуждал? Никто. Кони? Псы? Может быть, лай или крики? Или молодые люди по правилам ловли захватили все выходы? Нет, лани были связаны молитвою и праведными просьбами. Известна ли кому подобная ловля в нынешние или прежние времена?

8. О, чудо! Ловцы сами были распорядителями лова; стоило только захотеть,— и что нравилось, то и взято; а все лишнее отослано в дебри до другой трапезы. Неожиданно для себя готовят они еду, обильный ужин. Эти благодарные трапезники, чьи надежды начали уже воплощаться в настоящем чуде! От этого и к подвигу, за который они получили все это, они стали относиться с большим рвением.

Таково мое повествование! А ты, гонитель мой, дивящийся

басням³, рассказывай мне о твоих охотницах на ланей, об Орионах и Актеонах — злосчастных ловцах⁴, и о лани, заменившей собою деву; рассказывай, если честолюбие твое удовлетворится хотя бы тем, что мы не примем твое повествование за басню. А продолжение сказания весьма грустно. Ведь какая польза от такой замены, если богиня спасает деву⁵, чтобы она научилась убивать странников, привыкая платить бесчеловечностью за человеческое?

Рассказанное мною происшествие — одно из многих, но стоит оно многих, как я полагаю. Описал я его не с тем, чтобы прибавить что-то к славе Василия. Ведь как море не нуждается в том, чтобы вливались в него реки, хотя и вливается множество величайших рек, так и тот, кому ныне воздают похвалы, не нуждается в том, чтобы другие прибавляли что-либо к его отличным качествам. А мне хотелось показать, какие примеры были пред ним с самого начала, на какой образец смотрел он и насколько превзошел его. Ведь если для других важно заимствовать нечто для своей славы у предков, то для Василия важнее было прибавлять от себя к славе отцов, наподобие вспасть текущей реки.

9. Супружество родителей Василия, состоявшее не столько в плотском союзе, сколько в равном стремлении к добродетели, отличалось и в других отношениях, например: питание нищих, странноприимство, очищение души посредством воздержания, посвящение богу части своего имущества. К последнему стремилось тогда еще не так много людей, как ныне, когда обычай этот вошел в силу и уважение благодаря прежним примерам. Имело их супружество и другие качества, которых достаточно было бы, чтобы наполнить слух многих, даже если бы Понт и Каппадокия разделили их между собою.

Мне же самой важной и славною чертою кажется прекрасное воспитание детей. Ведь чтобы у одних и тех же родителей было много детей и в то же время добрых, — тому, быть может, есть в баснях примеры. Что касается родителей Василия⁶, то мы воочию убедились, что они и сами по себе, если бы не сделались родителями таких детей, довольно прославились бы. Но произведши на свет таких детей, если бы сами они не преуспели столько в добродетели, всех превзошли бы благочестием. Ведь когда из детей один или двое бывают достойны похвалы, то это можно приписать и природе; но превосходство во всех явно служит к похвале родивших. А это показывает блаженнейшее число иереев-девушечников, хотя и связавших себя супружеским союзом, но таким, который нисколько не воспрепятствовал им наравне с первыми прославиться доблестью...

10. ...Так повинувшись божественному закону, который повелевает воздавать всякую честь родителям, начали с восхваления упомянутых родителей Василия, а теперь перейдем к самому Василию, заметив только, что думаю, и всякий знавший его признает

справедливо сказанным, а именно, что хвалящий Василия должен иметь его собственные уста. Ведь как сам он составляет в высшей степени предмет для похвал, так один он силою слова достоин такой похвалы ?...

15. Афины приняли нас, словно поток речной; оторвались мы от одного источника — отечества, разошлись в чужие стороны из-за любви к учению и снова сошлись вместе по мановению божию, словно по взаимному соглашению. Меня Афины приняли несколько раньше, а вскоре после меня — Василия, на которого люди возлагали большие и славные надежды; и потому имя его еще до прибытия повторялось устами многих; и каждому важно было предвосхитить то, к чему стремились все. Однако не лишним будет присовокупить к речи как бы некую сладость — небольшой рассказ, чтобы знающим напомнить, а незнающим научить.

Весьма многие и весьма безрассудные молодые люди в Афинах — не только неблагородного рода, без имени, но и благородного и знаменитого — питают безумную страсть к софистам; они, словно беспорядочная толпа, молоды и неудержимы в стремлениях. Что можно видеть, наблюдая за переживаниями любителей коней и зрелищ во время конных ристалищ? Они вскакивают, кричат, бросают вверх землю; сидя на месте, будто держат вожжи, бьют по воздуху пальцами, словно бьют коней бичами, запрягают и перепрягают, хотя все это нисколько от них не зависит. Они охотно меняются между собой ездоками, конями, конюшнями, распорядителями зрелищ. И кто же это? Часто бедняки, нищие, у которых нет и на день достаточно пропитания.

Совершенно такую же страсть питают афинские юноши к своим учителям и к соискателям их славы. Они стараются, чтобы и у них было больше товарищей и учителя чрез них обогащались. И, что весьма странно и жалко, — наперед уже захвачены города, дороги, пристани, вершины гор, равнины, берега, каждый уголок Аттики и остальной Греции, даже большая часть самих жителей, потому что и их поделили они по своему пристрастию.

16. Поэтому, стоит появиться кому-нибудь из молодых людей, как он попадает в руки имеющих на него притязание. А у них существует такой аттический закон, в котором серьезное смешано с шуткой: новоприбывшего гостеприимно принимает кто-либо из приехавших до него — друзей ли, родных, или соотечественников, или из тех, кто преуспел в софистике и доставляет доход учителям, за что те оказывают им особую честь. Ведь для учителей и то уже награда, если у них есть свои приверженцы.

Затем новоприбывший терпит насмешки от всякого желающего: думаю, что этим они хотят сбить высокомерие с поступающих и с самого начала взять их в руки. В одних случаях насмехаются более дерзко, в других — более вежливо, — в зависимости от того, из деревни или из города новенький. Тому, кто не знает, такое обхождение кажется очень страшным и бесчеловечным, а тому, кто

знает наперед, — весьма приятным и ласковым, ибо грозное представляется больше для вида, а на самом деле оно не такое.

Потом новоприбывшего в торжественном сопровождении отводят через площадь в баню. Сопровождают его таким образом: став порядком попарно и на расстоянии друг от друга, идут впереди молодого человека, указывая ему дорогу к бане. А когда подойдут к ней близко, то поднимают громкие крики и начинают плясать как исступленные (крики означают, что им нельзя идти далее, но должно остановиться, ибо баня их не принимает). И в то же время, выломив двери и с шумом нагнав страх на новичка, позволяют ему затем войти и таким образом предоставляют теперь свободу, встречая как человека одинакового с ними достоинства и своего сообщника. Это мгновенное освобождение от огорчений и прекращение их — самое приятное в их обряде посвящения.

А я тогда своего Василия Великого не только сам принял с уважением, ибо провидел в нем твердость нрава и зрелость в понятиях, но убедил и других молодых людей, которым еще не довелось узнать Василия, обходиться с ним точно так же. Многие тотчас же стали уважать его, слышав о нем заранее. Что же было следствием этого? Он едва ли не единственный из прибывших избежал общего закона и достоин высшей чести не как вновь поступающий.

17. И это положило начало нашей дружбе. Отсюда и первая искра нашего союза. Так прониклись мы любовью друг к другу...

ВТОРАЯ ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

(отрывки)

1. Первое мое словесное сражение завершилось полностью, ибо достаточно показал я злонаравие этого человека, проявленное в том, что он сделал против нас, и в том, что намеревался сделать, непрестанно выдумывая что-либо еще более тягостное. Ныне же мы поставим в своей речи иную цель, которую едва ли кто отвергнет; она и пред богом священнее, и нам приятнее, и потомкам полезнее: все, о чем сказано было, взвесить на весах справедливости божией, на которых взимается мзда за дурные дела — с одних людей незамедлительно, с других — через некоторое время. Так, думается мне, будет угодно творцу — Слову¹, вершителю судеб наших, который может беды отогнать состраданием, а дерзость смирить посрамлением и карами в той мере, какая ему самому ведома.

2. Кто сможет достойно живописать болезни, постигающие нечестивых по суду божию, терзания, которые не остаются тайными, иные различные поражения и козни, соответствующие их гнусным делам, необыкновенные случаи смерти, сознание вины во время

наказаний, напрасное раскаяние, вразумления во сне² и видения наяву? Или все же беззакония в отношении храмов божиих, их надругательства над священными трапезами, их неистовство, запечатленное на утвари таинств, ненасытное насилдование тел наших, как и все остальное, на что осмелились они в своей разнузданности, — эти совершенно ясные и очевидные признаки гнева божия, ниспосланного на них?

Но по доброй своей воле я обойду все это молчанием не потому, что не верю очевидцам и рассказчикам, и не потому, что считаю происшедшее случайным произволением судьбы, подобно тем, кто не видит во всем ничего необычайного; сделаю я это для того, чтобы не показалось, будто я рассуждаю о вещах ничтожных, а более важное и замечательное опускаю. Итак, начнем повествование о прославляемом всеми чуде, к которому даже сами безбожники относятся не без доверия.

3. Неистовый гнев его³ против нас непрестанно усиливался, — так волна вздымается на волну. Но поправший святых и оскорбивший духа благодати⁴, неистовствовал прежде всего против себя самого. Ему более пристало бы имя Иероваам, или Ахаав Израильтянин — беззаконнейшие из людей, — или Фараон Египтянин, или Навуходоносор Ассириянин; или, соединив все эти имена вместе, назовем его одного, так как, пожалуй, он воспринял пороки их всех: отступничество Иероваама, коварное убийство Ахаава, жестокость Фараона, святотатство Навуходоносора, нечестие их всех...⁵

38. Не стану говорить о наших божественных изречениях и о карах, которые, по нашему учению, уготованы в будущем; обратись к своим книгам и ужасным преданиям, которыми восхищаются не только поэты, но и философы, припомни свои Пирифлегоны, Коциты и Ахеронты⁶, где наказуются за неправду Тантал, Титий, Иксион.

Ваш император Юлиан из той же братии; он будет причислен к ним и даже предварит их — таково мое слово и определение: «не жаждой наказуем, стоя по горло в озере, не страхом охвачен от нависшей скалы над главою, беспрестанно скользящей вверх, вниз» — согласно трагедии⁷; его не будут вращать на быстро кружащемся колесе, и птицы не будут терзать его печень, которая никак не уменьшается, а только увеличивается; правда ли это, сказка ли, указывающая на правду посредством вымысла, но мы увидим, какие муки он тогда претерпит, гораздо тяжелее этих, потому что кара и возмездие соразмерны прегрешениям.

39. «Я же тебя отдал здесь за ногу коровью»⁸, о, наилучший и мудрейший, скажу твоими словами, обращаясь к тебе. Своим великим и удивительным законоположением ты лишил нас тех сочинений, откуда взяты эти слова⁹. Но разве ты не видишь, что мы не намерены вечно молчать, что уставы твои не заставят нас безмолвствовать, что наш свободный голос прорвется и уличит твое

безумие? Ведь никто не придумал, каким образом укротить нильские водопады, падающие из Эфиопии в Египет, или как скрыть луч солнца, хотя на малое время он затмевается облаком; так нельзя сковать и язык христиан, обличающий вас...

41. Что же касается твоего сочинения¹⁰, то христиане ценят его ничуть не выше лживого пустословия Порфирия¹¹, которым вы восхищаетесь, словно гласом Божиим, или твоего «Ненавистника бороды», иначе «Антиохика» (ведь ты даешь сему сочинению и то и другое заглавие). Тогда его делали важным твоя порфира и льстецы, которых приводили в восторг все твои поступки; теперь же эту твою бороду таскают, дергают и осмеивают, равно как и трудившихся над нею. В этом сочинении, будто сообщая что-то удивительное, ты премного гордишься тем, что совсем не заботишься о своем теле, и тем, что у тебя не случилось несварения пищи от объедания. А свои столь жестокие гонения на христиан и уничтожение многочисленного и столь священного народа ты сознательно обходишь молчанием. Впрочем, какой вред для общества от несварения пищи у одного человека или от того, что у него получилась естественная отрыжка? Когда же началось такое гонение и произошло столь небывалое смятение, разве не должна была понести ущерб вся Римская держава, как это и есть на самом деле?..

42. Вот тебе от нас столп¹², выше и славнее геракловых столпов¹³: ведь они водружены на одном месте и видны только проходящим туда. Твой же столп не будет неподвижен и не может не сделаться известным всем и всюду; я убежден, что грядущие времена увидят на нем тебя и твои преступления, заклеянные позором, и будет он вразумлять всех других людей, дабы не дерзали на подобное восстание против бога, чтобы им также не получить такого же возмездия за дела, подобные твоим.

Григорий Нисский

(около 335—394 гг.)

Григорий, прозванный по месту своего епископства Нисским (Нисса — городок в Каппадокии), был младшим братом Василия Кесарийского. Если Василий был церковно-политическим главой каппадокийского кружка, то Григорий был его сильнейшим теоретиком: это самый значительный представитель спекулятивной философской мысли в христианском богословии своей эпохи.

Жизненный путь Григория напоминает биографии его товарищей по каппадокийскому кружку. Как и они, он получил блестящее риторическое и философское образование и некоторое время был ритором, но затем под влиянием брата ушел в мир церкви. Созерцательная натура Григория соответствовала скорее типу философа, как его представлял себе позднеантичный идеализм, чем типу церковного «ревинителя»; сам он рассказывает, как в детстве ему случалось обманывать бдительность своей набожной сестры Макрины, чтобы в часы молитвы читать книги по философии. Как и для его тезки Григория Назианзина, близость к церковно-политическим замыслам Василия и положение князя церкви обернулись для него многими разочарованиями и испытаниями: впечатлительность кабинетного ученого плохо гармонировала с обязанностями епископа.

Философское мировоззрение Григория стоит под огромным влиянием многовековой традиции, идущей от пифагорейства через Платона, Посидония и неоплатоников. У иудейского платоника I в. Филона Григорий учился методам свободного аллегорического истолкования Библии, дававшим возможность самого неожиданного переосмысления текстов в духе античной философии. Из христианских мыслителей Григорию ближе всего утонченный интеллектуалист Ориген (III в.), имевший в эпоху Григория уже довольно прочную репутацию еретика. Сам Григорий слишком увлекался свободной игрой мысли в платоновском стиле, чтобы его собственное правосознание не оказывалось под сомнением: церковная традиция, правда, признала его святым, но отнеслась к нему с несравнимо меньшим почтением, чем к памяти его товарищей — «святителей». Григорий был первым христианским мыслителем, поставившим вопрос о размежевании сфер теологии и чистой философии и о признании автономности каждой из них. Мальчик, воровавший от молитвы часы для чтения, никогда не умирал в епископе Ниссы.

Среди сочинений Григория — догматические трактаты, знаменитый диалог «О душе и воскресении к Макрине» (христианская стилизация Платонова «Федона»), ряд аллегорических толкований на библейские тексты, проповеди и письма. Стиль Григория тяжеловеснее и скованнее, чем стиль его товарищей по каппадокийскому кружку; свободное риторическое владение словом было

для него не так органично, как для Василия или Григория Назианзина. Но в текстах чисто философского содержания его язык делается прочувствованным и выразительным, так что даже самые отвлеченные мысли подаются с пластичной наглядностью; даже несколько велеречивая торжественность удачно оттеняет значительность мысли.

ТОЛКОВАНИЯ К НАДПИСАНИЯМ ПСАЛМОВ¹ (О СМЫСЛЕ МУЗЫКИ)

В чем же состоит суть того несказанного и божественного наслаждения, которое разлил по своим назиданиям великий Давид и благодаря которому его уроки так легко усваиваются человеческой душой? По-видимому, всякий тотчас назовет причину, по которой мы с удовольствием занимаемся псалмопением и всем подобным: благозвучный переход речи в напев повинен в том, что такие занятия доставляют нам радость. Что же, можно ответить и так, — и все-таки я скажу: даже если такой ответ верен, им нельзя удовлетвориться без дальнейшего рассмотрения вопроса. Мне кажется, что философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, нежели об этом думает толпа.

К чему я клоню? А вот какое рассуждение о нашей природе довелось мне слышать от одного мудреца: человек есть некий микрокосм², заключающий в себе все, что можно найти в макрокосме. Между тем, порядок мироздания есть некая музыкальная гармония³, в великом многообразии своих проявлений подчиненная некоторому строю и ритму, приведенная в согласие сама с собой, себе самой созвучная и никогда не выходящая из этой созвучности, нимало не нарушаемой многообразными различиями между отдельными частями мироздания. Ведь когда музыкант трогает струны плектром, он извлекает мелодию именно из разнообразия звуков, и притом, если бы все струны издавали один и тот же звук, мелодия вообще не могла бы родиться. Совершенно таким же образом пестрое смешение вещей в мировом целом, повинувшись некоему стройному и ненарушимому ладу и само с собой согласуясь через соподчинение частей, творит вселенскую мелодию. Эта мелодия внятна для ума, ничем не развлекаемого, но поднявшегося над чувственными ощущениями и слушающего напев небес. (Как мне представляется, таким слушателем был и великий Давид, когда он, наблюдая разумную стройность движения небес, расслышал, как эти небеса повествуют о славе бога, своего устроителя.) Поистине из мирового созвучия рождается гимн непостижимой и неизреченной славе божьей: этот гимн — согласованность мироздания с самим собой, слагающаяся из противоположностей.

Действительно покой и движение являются противоположностями, а между тем они смешаны в природе сущего. Более того, в самых началах покоя и движения можно видеть непостижимое слияние противоположностей, так что в движении проглядывает покой, а в неподвижности — безостановочное движение. Так, все небесные тела непрестанно движутся, или вращаясь вместе со сферой неподвижных звезд, или увлекаясь движениями планет в противоположном направлении; однако их равномерное, строго последовательное движение пребывает постоянным и неизменным... Итак, сочетание движения и покоя, осуществляющее себя в стройной и нерушимой упорядоченности, есть некая музыкальная гармония, из которой рождается многосложное и непостижимое славословие той Силе, которая все это поддерживает. Расслышавши, как мне представляется, это славословие, Давид сказал в одном из псалмов⁴, что бога хвалят «силы небесные», и сияние звезд, и солнце, и луна, и небеса небес, и воды.

Иоанн Златоуст

(около 344—354 г.—407 г.)

В творчестве младшего современника каппадокийцев, антиохийского проповедника и константинопольского архиепископа Иоанна, усвоение традиций античной культуры христианской церковью достигло полной и классической завершенности. Им был выработан стиль проповеднической прозы, вобравший в себя несметное богатство выразительных приемов риторики и доведенный виртуозностью отделки до потрясающей экспрессивности. В отличие от теоретика Василия и его кружка Иоанн был прежде всего моралистом и свою писательскую деятельность посвятил в первую очередь вопросам практической этики человеческого поведения, придав своей словесной ткани ту силу эмоциональной взволнованности, которая поставила его вровень с величайшими ораторами древности, а для всего средневековья, восточного и западного, сделала на века непререкаемой нормой и образцом красноречия. Ему по преимуществу присвоен был потомками эпитет Златоустого (этот эпитет прилагается к нему в литературе начиная с VI в.).

На литературное поприще как писатель и проповедник Иоанн вступил в 80-е годы IV в., будучи сначала диаконом (с 381 г.), а затем священником (с 386 г.). Уроженец Антиохии, принадлежавший к знатному роду, он прошел курс обучения в риторской школе Либания, где приобрел блестящие навыки софистической техники слова, поэтому неудивительно, что в его ранних сочинениях явно ощущается влияние античных жанров и учений языческих моралистов. Он использует такие традиционные литературные формы, как увещание («К Феодору после его падения», «К противникам монашеской жизни»), параллельное жизнеописание («Сравнение монаха и царя»), диалог (шесть книг «О священстве») и вводит в них речи, написанные в манере Исократы,— с длинными периодами, хитроумными нагромождениями слов, клаузул и всякого рода украшений. Проповеди этого периода в основном — похвальные речи (панегирики) святым и мученикам.

Переломным моментом в творчестве Иоанна, возвысившим его талант до огромной силы выразительности, явились события 387 г., когда в ответ на императорский указ о повышении налогов в Антиохии вспыхнул мятеж и толпа низвергла и протащила по улицам статуи императорской семьи, за что населению грозила страшная кара. В ожидании ее шумный город окутался мертвой тишиной, и всякий, кто только мог, спешил его покинуть.

Этим тревожным неделям посвящены девятнадцать гомилий Иоанна «О статуях». (Из двадцати одной гомилии, носящих общее заглавие «О статуях», гомилии I и XIX не касаются антиохийских событий.) В них отражены и напряженность настроения, и ход событий в городе за это время. Мы слышим тут

и горестные lamentации и нотки ободряющей надежды: «Семь дней молчал я, как друзья Иова! Дайте мне теперь открыть уста и оплакать это общее бедствие! — восклицает проповедник, придя к своей пастве.— Кто пожелал нам зла, влюбленные? Кто позавидовал нам? Откуда такая перемена? Ничего не было славнее нашего города; теперь ничего не стало жалче его» (Беседа о статуях, II). Через несколько дней, когда антиохийский епископ Флавиан уже отправился в Константинополь ходатаем за Антиохию, Иоанн начинает свою проповедь следующими словами: «Когда посмотрю на этот престол, праздный и оставленный учителем, то вместе и радуюсь и плачу: плачу, потому что не вижу здесь отца, радуюсь, потому что он отправился в путь для нашего спасения и пошел избавить такое множество народа от царского гнева» (Беседа III). Эмоциональный эффект речи усиливается яркими сценками из жизни тех дней: «Матери следовали издали, смотря на разлученных с ними детей, но оплакивать свое несчастье не смели, потому что страх побеждал любовь и боязнь одолевала природу. Как смотрящие с земли на подвергшихся кораблекрушению сколько ни сожалеют, однако же не могут прийти и спасти утопающих; так и здесь: матери, удерживаемые, как бы волнами какими, страхом от воинов, не только не смели подойти и освободить детей от наказания, но боялись и плакать» (Беседа III). Этой мрачной картине контрастно противопоставлены светлые тона последней гомилии о статуях, которая была произнесена уже после успешного завершения посольства Флавиана и посвящена рассказу о его беседе с императором.

Построенные в обычной форме морализирующих рассуждений на ветхозаветные и новозаветные темы, гомилии о статуях получают колоссальную силу экспрессии благодаря живому отклику в них на тревожные события дня. Морализм перерастает здесь в гневное обличение заведенного порядка жизни.

Мирские дела объявляются суетою сует. Клеймятся позором роскошь, стяжательство, игры, зрелища и низменные наслаждения. Иоанн ощущает себя властителем сердец своих слушателей и ставит своей целью их нравственное перерождение, уверенный, что «один человек, охваченный пламенной ревностью, может перевоспитать целый народ».

Те же мотивы звучат и в длинном ряде его бесед на книги Нового и Ветхого заветов, произнесенных там же, в Антиохии. Следуя антиохийскому направлению критики библейских текстов, которое воспринимало описываемые события как ряд пророчеств и прообразов, Иоанн делает экзегезу одной из форм моральной проповеди. Этика Иоанна сугубо индивидуалистична — он стремится изменить поведение индивида и оставляет незбылемой систему общественных отношений. Пороку, воплощенному в роскоши и стяжательстве, противопоставляется у Иоанна любовь и милосердие как частный дар, как индивидуальный акт.

«Мы попрекаем бедных праздностью,— читаем мы у него,— которая подчас заслуживает извинения, а сама часто делаем такие дела, которые хуже всякой праздности. Но я, скажет иной, владею отцовским наследством. Неужели же, скажи мне, бедный должен погибнуть за то, что он беден и происходит от бедных [родителей] и не имел богатых предков? Но поэтому-то особенно он и заслуживает милосердия и сострадания со стороны богатых. Ты, проводя часто

целый день в театре, или в собраниях и в разговорах бесполезных или даже вредных, не думаешь, что делаешь худо и ничем не занимаешься; а этого несчастного и жалкого бедняка, который целый день проводит в прощении [милостыни], в слезах и в тысяче бед, осуждаешь и влачешь в судилище и требуешь у него отчета? Где же тут, скажи мне, человеческая совестливость?.. Если мы станем исследовать образ жизни нуждающихся, то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными никому не подадим помощи и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому, прошу вас, оставив эту неуместную пытливость, подавайте [милостыню] всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью (Беседа о милости).

В 398 г. антиохийский проповедник был избран на престол константинопольского патриарха. Пламенный мечтатель, полагавшийся лишь на силу своих слов, получил вдруг в свои руки реальную власть. Он тут же приступает к практическим мерам: устраивает странноприимные дома, уменьшает расходы на быт духовенства. Обличительные мотивы все с той же силой звучат в его речах, но теперь они задевают престиж императорского двора и вызывают вражду к Иоанну.

В Константинополе ораторская манера Иоанна становится более патетичной, страсть берет верх над рассудком, строгость аттицизма сменяется пышностью азианизма, образы и сравнения приобретают гомеровскую яркость. Так же, как в Антиохии, проповедь его злободневна. В 399 г. Константинополь делается свидетелем падения могущественного временщика, самого влиятельного вельможи в государстве, снуха Евтропия. Спасая жизнь, Евтропий из царских покоев бежал в Софийский храм (399 г.), в место неприкосновенного убежища. И здесь, пред лицом низвергнутого вельможи, вчерашнего недруга, Иоанн произносит свою самую знаменитую речь, начинающуюся словами: «Суета сует и все суета». Вся речь сводится к волнующей парафразе этих слов. Она выдержана в традиционном тоне трагедии (плача) или монодии с характерным для него прерывающимся ритмом, обрывистыми фразами, ассонансами, анафорами, вопросами, восклицаниями, яркими образами. Идейное содержание выступлений Иоанна остается неизменным — все то же обличение богатства, все тот же призыв к милосердию. Евтропий был устранен от власти по требованию главного командира готского войска Гайны, стоявшего тогда во Фригии. На следующий год под угрозой взятия Константинополя тот же Гайна добился выдачи ему трех константинопольских вельмож, своих личных врагов — Аврелиана, Иоанна, Сагурина. Патриарх Иоанн сопровождал их в ставку Гайны и после отправления их в ссылку выступил с речью, не уступающей по своей силе той, которая была сказана в присутствии Евтропия.

Обличительные проповеди и попытки изменить быт церковного клира вызвали вражду к Иоанну со стороны как императорского двора, так и значительной части духовенства. Был созван специальный собор епископов, низложивший константинопольского патриарха. Императорским указом Иоанн отправлен был в ссылку в один из самых отдаленных уголков империи, в местечко Кукуз (Армения). Путешествие туда длилось несколько месяцев (404 г.). В этот период скитаний Иоанн завязывает обширную переписку с константинопольскими друзьями, часть из которых подверглась за него преследованию. Он

подробно описывает им свои дорожные приключения и самочувствие на новом месте. В этих длинных посланиях, утешительных и наставительных, снова ожидают характерные для его речей красочные образы бурного моря как символа житейских тревог, образы несокрушимых скал как символ непоколебимой стойкости и беззаветной верности своим убеждениям. В 407 г. Иоанна ссылают еще дальше, в крепость Питиунт (Пицунду), на пути к которой он умирает около местечка Команы.

О том, насколько прочно укрепилась за Иоанном слава классика византийского красноречия, недвусмысленно говорит количество списков его сочинений — их дошло до нас свыше двух тысяч, больше, чем от любого другого греческого писателя той эпохи. Начиная с V в. их усердно переводят на латынь. Появляются переводы на языки сирийский, коптский, армянский. Как вид морально-назидательного чтения проповеди Иоанна сыграли свою особую роль в складывании письменности славянских народов. По образцу его греческих антологий с красивыми названиями вроде «Маргариты» («Жемчужины») на славянской почве возникали свои «Златоусты», «Златоструи», «Измарагды» — сборники годовых циклов поучений. Первый «Златоструй» из 135 слов Иоанна был составлен в X в. болгарским царем Симеоном. Через Болгарию знакомство с проповеднической литературой проникало на Русь, где уже в домонгольский период знали около двухсот вещей Иоанна, а с XII в. усердно читали переводные и оригинальные сборники, где наряду с подлинными произведениями под его именем помещались также и поучения русских проповедников. Лучшей иллюстрацией того, как органически вжилась златоустовская риторика в культуру древней Руси, служит знаменитая первая челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу, построенная на напряженном ритме златоустовских повторов и полная воспоминаний о нем. Аввакум сравнивает Никона с Феофилом — врагом Иоанна Златоуста, себя же отождествляет со Златоустом, повторяя в виде рефрена предсмертные его слова: «О сих всех... благодарим бога».

ГОМИЛИЯ НА ЕВТРОПИЯ¹ — ЕВНУХА, ПАТРИЦИЯ И КОНСУЛА

Всегда, а теперь особенно время воскликнуть: «Суета сует и все суета»². Где теперь ты, светлая одежда консула? Где блеск светильников? Где рукоплескания, хороводы, пиры и празднества? Где венки и уборы? Где вы, шумные встречи в городе, приветствия на ипподроме и льстивые речи зрителей? Все минуло. Ветер сорвал листья, обнажил перед нами дерево и потряс его до корня. Порывы ветра все сильней, вот-вот они уже вырвут корень и переломят ствол. Где вы, притворные друзья? Где попойки и пирушки? Где рой нахлебников? Где вечно наполняемая чаша нерастворенного вина? Где поварские хитрости? Где приспешники, все говорящие и делающие для угождения властям? Все это было ночное

сновидение, но настал рассвет, и оно рассеялось. То были внешние цветы, но отошла весна, и они увяли. Тень была и убежала. Дым был и развеялся. Брызги были и исчезли. Паутина была и порвалась. Поэтому мы без конца и неустанно повторяем это духовное речение: «Суета сует и все суета». Слова эти должны быть все время написаны на стенах, и на одеждах, и на торжище, и на доме, и на дорогах, и на дверях, и на преддвериях, а прежде всего на совести всякого человека, и всегдашнее потребно о них размышление. Многие принимают за истину обманчивую видимость вещей, притворство, лицемерие, поэтому на всякий день и в обед, и за завтраком, и в собраниях человек должен повторять своему ближнему и слышать от него: «Суета сует и все суета». Я ли не повторял тебе всегда, что богатство вот-вот готово ускользнуть? Но ты не выносил нас. Я ли не называл его слугой неблагодарным? Но ты не хотел верить. Смотри, теперь на деле раскрылось все: не только ускользает, не только не благодарит, нет, оно убивает человека. В трепет и ужас оно повергло тебя сейчас. Я ли, когда ты бранью встречал слова правды, не говорил тебе, что люблю тебя сильнее, чем льстецы, что, обличая, я больше пекусь о тебе, чем они. Я ли не говорил, что лучше удары друзей, чем целования врагов. Если бы ты стерпел удары от меня, то их целования не навлекли бы на тебя смерти. Мои удары врачуют, их поцелуи несут болезнь неизлечимую. Где теперь виночерпий? Где расчищающие пред тобой путь на площади и мечущие тысячи похвал? Они бежали, попрали дружбу и тебя губят, чтобы самим спастись. Но мы не поступаем так. Когда ты гневался на нас, мы не бежали; когда ты пал, мы окружили тебя заботой. Церковь, гонимая тобою, открыла тебе свои объятия. Театры же, о которых ты пекся, из-за которых гнал нас, предали тебя и погубили. Мы неумолчно повторяли: «Зачем это творишь?— Неистовствуешь против церкви и сам несешься в бездну!» Но ты проходил мимо. Ипподромы истощили твои богатства, они же заострили меч против тебя. А церковь, без времени испившая твой гнев, торопится вырвать тебя из сетей.

2. Я говорю это теперь не для того, чтобы растоптать поверженного, но чтобы укрепить стоящих твердо: не для того, чтобы растравить язвы раненого, но чтобы невредимого соблюсти целым; не для того, чтобы потопить обуреваемого, но чтобы, пестуя плывущих в тишине, не дать им потонуть. Как этого достичь? Надо увидеть, сколь изменчивы дела человеческие. Вот и он, если бы страшился перемен, избежал бы зла. Но не вразумили его ни свои, ни чужие дела. Теперь вы, кичащиеся богатством, обратите себе на пользу его беду. Нет вещи более хрупкой, чем дела человеческие. Какое бы низкое имя ты не дал им, они еще того ничтожес, хотя бы ты называл их дымом, травой, сном, цветом вешним или чем угодно. Так скоропреходящи они и ничтожнее самых негодных вещей. Но они, ничтожные, таят в себе великую опасность, и мы теперь видим это здесь. Стоял ли кто выше Евтропия?

Не он ли был первый богач на земле? Не он ли достиг самых высоких чинов? Не пред ним ли все трепетали в страхе? И вот он теперь слабее узников, жалче раба, беднее самого голодного нищего, ежедневно видит он пред собой и наточенный меч, и ров гибели, и палачей, и путь, ведущий к казни. Он уже не помнит, было ли вообще то наслаждение, и даже луча солнечного не чувствует. В полдень, будто глубокою ночью, он ничего не видит, окруженный стеною. Слово бессильно передать ту муку, какую терпит он, ожидая всякий час, что его убьют. Но к чему тут наши слова, когда на нем самом, как на картине, ясно написано все! Вчера пришли из царского дворца схватить его, но он бежал сюда, под своды храма, с лицом, как и теперь, не лучше, чем у мертвого. Зубы его скрежещут, тело трясется от дрожи, голос осекается, язык онемел, словно окаменела в нем душа.

(3). Слова мои не брань и не глумление над его несчастьем, но вас я хочу преклонить на милость и остановить мщение. Есть бесчеловечные, кто корит нас за то, что приняли его в святилище. Жестокость их хочу я укротить этим рассказом и посему трублЮ о его муках.

Чем раздосадован ты, возлюбленный? Заключенный враг вбежал в церковь, говоришь ты! Богу великая слава за это, — ведь допустил он для него такую нужду, чтобы познал он и силу и человечность церкви. Силу — ибо так переменилось отношение врага к ней; человечность — ибо борющихся против нее она теперь ограждает щитом, простирает над ними свои крылья и защищает от опасности, не помня зла, с великой любовью принимает его в свои объятия. Это блистательнее всякого трофея, это преславная победа, позор эллинов и посрамление иудеев. Светел лик церкви, она щадит плененного врага, и, когда все оставили его, она одна, как любящая мать, укрыла его за своей завесой и стала против царского гнева, против ярости народной и безудержной ненависти. Вот оно — украшение жертвенника! Какое тут украшение, скажешь ты, когда к жертвеннику прикасается злодей, лихоимец и вор? Молчи. Ведь и блудница коснулась ног Христа, скверная и нечистая. Но не в вину, а в похвалу и великую славу вменилось это Иисусу. Чистому не повредила нечистая, но чистый и непорочный своим прикосновением очистил скверную блудницу. Не будь злопамятен, человек! Мы рабы того распятого, который говорил: «Оставь их, не ведают, что творят»³. Но, скажешь ты, Евтропий сам от себя запер это прибежище разными грамотами и законами. Но вот он на деле познал, что творил, и сам первый нарушил свой закон, став позорищем для всей вселенной. Его молчание тут вопиет глаголом увещаний: «Не делайте этого, чтобы не пострадать так же». Несчастье сделало его учителем, и светом великим светит жертвенник, особенно страшный ныне, когда тут связан лев. Ведь и царское изображение тогда особенно красиво, когда на нем не только царь на престоле в порфире и диадеме, но и варвары со скрученными

назад руками, лежащие долу у ног царя. Вы, сбежавшиеся поспешно, свидетели тому, что не слова его вас созвали. Прекрасно наше зрелище сегодня, и светом сияет собрание. Только в священную Паску видел я здесь столько народу, как сегодня. Так созвал он всех своим молчанием. Прозвучали дела его громче трубы. Девы оставили свои покои, жены — чертоги, мужи — торжища, и все стеклись сюда, чтобы увидеть, как облачается естество человеческое и обнажается тщета житейских дел, как с блудного лица, вчера и третьего дня сиявшего блеском, перемена судьбы, словно губкой, смывает притирания и прикрасы. Вот оно, благополучие, добытое лихоимством! Вид его стал отвратительней старушечьих морщин. Вот она, сила несчастья! Человек, окруженный блеском и славой, стал вдруг презреннее всех! Если войдет сюда богатый, он получит великую пользу от зрелища, видя, что тот, кто потрясал вселенную, повергнут в прах, унижен, стал боязливее зайца и жабы, без оков прикован здесь к столбу и не цепью, а страхом давимый, напуган и трепещет. Смиряется тщеславие богача, никнет его надменность, и, рассудив, как должно, о человеческих делах, он отходит отсюда, познав на деле слова писаний: «Всякая плоть, как трава, и слава человеческая, как полевой цветок, трава засохла, цветок опал»⁴, и «как сено, быстро высохнут и как зелень растительная, опадут», и «как дым, дни его»⁵ и так далее.

Нищий же, напротив, войдя сюда и поглядев на него, не унижает себя, не скорбит о своей нищете, но благодарен своему убожеству, ибо надежно его убежище, гавань безветрена и стены крепки. Не раз изберет он, видя это, оставаться, как есть, чем на краткий миг получить все, а затем жизнь свою предать опасности. Видишь, сколь велика польза от его бегства сюда и богатым, и бедным, и простым, и знатым, и рабам, и свободным! Видишь, как всякий выносит отсюда лекарство, исцеленный уже одним зрелищем! Умягчил ли я вашу страсть, изгнал ли гнев? Потушил ли бесчеловечие? Привел ли к состраданию? Да, думаю, что да! Свидетели тому — ваши лица и потоки слез. Если окаменелость ваша стала землею мягкой и тучной, то придите. мы явим плод милости и взрастим пышный колос сострадания, припадем к царю, более того, умолим человеколюбца бога укротить его ярость и умягчить сердце, чтобы совершенную явил нам милость. С того дня, как он укрылся здесь, не малая произошла перемена. Когда царь узнал, что Евтропий бежал сюда, в неприступное убежище, он перед войском, озлобленным его бесчинствами и требующим казни, держал длинную речь, укрощая ярость воинов и вспоминая не только его преступления, но и правые дела, за эти последние он благодарил его, за те первые — прощал, как человеку. Когда они все еще рвались отомстить за оскорбление царя, крича, топя, грозя убить Евтропия и потрясая копьями, он, наконец, пролил потоки слез из кротчайших глаз, напомнил о священной трапезе, к которой прибегнул Евтропий, и этим пресек их гнев.

(5). Прибавим и мы от себя: достойны ли вы прощения, когда царь за обиду не злобствует, а вы, ничего не потерпев, распалаетесь гневом? После сего зрелища, как прикоснетесь вы к тайствам и как прочтете ту молитву, которая велит нам говорить: «Оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим»⁶, когда сами должника своего на суд требуете? Он попрад справедливость и нанес оскорбление? И мы признаем это. Но сейчас время милости, а не суда, человечности, а не строгого ответа; прощения, а не кары; сострадания и милосердия, а не приговора и осуждения. Пусть не гневается никто из вас и не ропщет, но умолим человеколюбца бога даровать ему дни жизни и исхитить от грозящей казни, чтобы совлеся он своих преступлений, и вместе пойдем молить человеколюбивого царя, да дарует он священной трапезе одного мужа ради церкви и ради жертвенника. Если поступим так, то сам царь примет нас, и бог прежде царя восхвалит нас, и великое воздаяние воздаст нам за человечность. Он отвращается и ненавидит злого и бесчеловечного, но приемлет и любит милосердного и человеческого. Если это творит праведник, то сплетает ему светлые венцы, если грешник,— то прощает ему грехи, воздавая тем за сострадание его к такому же рабу. «Милости,— говорит он,— хочу, а не жертвы»⁷. И веде в Писании ты видишь, что он требует этого и говорит, что в этом отпущение грехов. Этим и мы сделаем его милостивым, этим и мы освободимся от грехов, этим и мы украсим церковь, за это и царь человеколюбивый нас восхвалит, как уже говорил, и весь народ возрукоплещет, и все концы вселенной изумятся человечности и кротости нашего града, и все жители земли, узнав об этом, прославят нас. А чтобы вкусить этих благ, припадем, призовем, умолим, исхитим из беды плененного, беглеца и просителя, да и сами причастны будем будущих благ милостью и человеколюбием господя нашего Иисуса Христа, слава и сила которого ныне и вечно и во веки веков. Аминь.

ГОМИЛИЯ

«КОГДА САТУРНИН И АВРЕЛИАН БЫЛИ ИЗГНАНЫ, А ГАЙНА ВЫШЕЛ ИЗ ГОРОДА, И О СРЕБРОЛЮБИИ»

Долго молчал я, и вот опять после немалого времени снова пришел к вашей любви. Не беспечность и немощь держали меня; нет, я усмирал раздоры, укрощал волны, успокаивал бурю, извлекал потерпевших крушение корабля, спешил привести утопающих к тихой гавани. Ибо я общий для всех отец, а забота моя не только о стоящих твердо, но и о падших, не только о тех, кого несет попутный ветер, не и о тех, кого захлестывают волны, не только о тех, кто защищен, но и о тех, кому грозит опасность. Поэтому в минувшие дни меня не было с вами: я ходил, призывал, просил, умолял избавить вельмож от беды¹. А когда пришел конец печаль-

ным этим делам, я снова возвратился к вам, защищенным от опасности, к вам, плывущим при полной тишине. К ним я ходил, чтобы стихла буря, к вам я вернулся, чтобы буря не разыгрывалась. К ним я отправлялся, чтобы избавить их от горя, к вам возвратился, чтобы не объела вас печаль. Не только о стоящих потребно попечение, но и о падших, и опять не о падших только, но и о стоящих твердо. Об одних, чтобы воспрянули, о других, чтобы не падали, о первых, чтобы избавлены были от обступивших их бед, о вторых, чтобы не подпали грядущим печалям. Ибо нет прочного, нет неизблемого в делах человеческих. Беснующемуся морю они подобны, и всякий день приносит новые тяжкие крушения.

Все исполнено волнений и смут; всюду скалы и стремнины, всюду подводные камни и утесы; всюду страхи, опасности, подозрения, ужасы, тревоги. Смелости нет ни у кого, всякий боится ближнего. Вот уже близко то время, которое пророк описывал словами: «Не верьте друзьям, не надейтесь на вождей, удаляйся всякий своего ближнего, опасайся доверять сожительнице твоей»². Почему так? Потому что дни лукавы, «ибо всякий брат замышляет коварство, и всякий друг идет с хитростью»³. И друг уже не верен, и брат уже не надежен. Исторгнуто благо любви. Междоусобная война проникла всюду, война междоусобная, однако, не явная, а скрытая: повсюду множество овечьих шкур, тысячи личин, бесчисленны скрывающиеся всюду волки. Среди самих врагов жить безопаснее, чем среди этих мнимых друзей. Вчерашние ласкатели, льстецы, целовавшие руки, все они враждебны теперь и, сбросив личины, стали злее всех обвинителей, клеветца и браня тех, кому доселе возносили благодарность.

(2) Что всему этому виной? Страсть к деньгам, безумство сребролюбия, эта неисцельная болезнь, пламя неугасимое, насилие, простершееся по всей земле. Посему мы и раньше говорили это, и ныне повторять не устаем, хотя многие доселе корили нас такими словами: «Прекратишь ли ты нападать на богатых своим языком?» «Прекратишь ли воевать с ними?» Но разве с ними я воюю? Разве я против них ополчаюсь? Разве не для их пользы я все говорю и делаю, они же против себя обнажили мечи? Разве не показало дело, что я, укоряя и вечно браня, искал пользы, врагами же себе стали они сами, корящие меня за эти слова. Вы видите, события идут вслед наших слов. Разве не я говорил всегда, что богатство — это беглый раб, перебегающий от одного к другому? О, если бы оно только перебежало, а не убивало! Ныне же оно отказывает в своей защите и предает мечу, и влечет в бездну, безжалостный предатель, враждебный особенно тем, кто его любит, оно — беглец неблагодарный, человекоубийца жестоковыйный, зверь неукратимый, зияющая бездна, теснина, полная нескончаемых волн, море, вадываемое тысячами ветров, злой тиран, деспот, злейший всякого варвара, враг вероломный, непримиримый противник, никогда не переставший враждовать против тех, кто приобрел его.

(3) Но не такова бедность, в ней все наоборот. Она — место убежища, тихая гавань, она — несокрушимая защита, довольство, не омраченное опасностями, наслаждение подлинное, жизнь безмятежная, жизнь, укрытая от бурь, благополучие нерушимое, мать философии, узда безумству, отмена наказания, корень смиренномудрия. Ради чего, скажи мне, вы убегаете от нее и гоняетесь за врагом, человекоубийцей, лютейшим всякого зверя? Ведь таково сребролюбие, таково безумное влечение к деньгам. Зачем живешь все время с вечным врагом? Зачем озлобляешь зверя, которого надо укротить? Неужели может он стать ручным, говоришь ты. Да, если вземлете моим словам, хотя бы ныне, когда несчастье стоит у ворот, когда беда назрела, когда все в смятении, унынии. Как зверь перестанет быть зверем? Его я могу укротить, если вы пожелаете. Слово мое сильно это сделать. Как же сможет он сбросить с себя свое зверство? Надо дознаться, что приводит его в ярость. Отчего свирепеет он? Подобно львам, барсам, медведям, запертым во мраке, у которых пробуждается в это время злоба и закипает ярость, богатство, запертое и зарытое, рычит сильнее льва и нагоняет на всех ужас. Но если выведешь его из мрака и развеешь по желудкам нищих, то зверь станет овцой, злоумышленник — покровителем, теснина — гаванью, буря — гладью. И с кораблями бывает то же. Если груз слишком тяжел, то судно тонет, если же он соразмерен, то оно плывет по ветру. И в домах наших то же самое. Когда сверх нужного копишь деньги, то легкий напор ветра и внезапный случай тянут ко дну корабль вместе с людьми. Если же удержишь лишь то, что тебе нужно, то легко пройдешь через волны, хотя бы налетал вихрь. Не желай очень многого, чтобы не остаться без всего; не собирай лишнего, чтобы не лишиться тебе нужного на потребу. Не преступай положенных пределов, чтобы не отнято было от тебя все имение. Отсеки лишнее, чтобы богатым быть в нужде. Видишь, как земледельцы подрезают виноградную лозу, показывая, что сила лозы в ее корне, а не в листьях, не в отломанных ветвях. И ты поступай так же. Отсеки листья и усердие свое обрати на плоды. Если не хочешь делать этого, пока дни благоприятны, то жди невзгод. Когда стоит затишье, предугадывай бурю, когда здоров, жди болезни, когда богат, дожидайся нищеты и бедности. Ибо сказано: «Помни время голода во время сытости, нищету и убожество в день богатства»⁴. Тогда с великим благоразумием управишь свое богатство и мужественно встретишь бедность. Ибо внезапное нападение вселяет смущение и ужас, ожидаемое же — смущает мало. В этом двойное благо для тебя: в дни благополучия не будешь пьянствовать и бесчинствовать, в дни перемен не станешь смущаться и трепетать, ибо будешь ждать противоположного. Здесь ожидание заменит опыт. Так, например: ты богат? Всякий день ожидай бедности. Зачем и почему? Великую сможет дать тебе это польза. Человек, готовый встретить бедность, не возносится, когда он богат, не надмевается, не разнеживается,

не домогается чужого. Это ожидание, как бы некий педагог, страхом вразумляет и исправляет ум, не дает расти вредным росткам сребролюбия, останавливая их страхом перемен и как бы серпом неким посекая их.

(4) Ты приобретешь для себя в этом великую пользу и еще другую, не меньшую — бедность не ужаснет тебя, если даже она и придет. Пусть ожидание предварит тяготы, чтобы скорбь не наступила. Скорбь бывает тогда, когда приходит внезапно. Но если человек во власти ожидания, то скорбь его невелика. Свидетель этому Иона пророк, посланный к ниневитянам. Они готовы были встретить страшные бедствия, предвещенные пророком, и этим ожиданием грядущих зол отвратили от себя кару. Иудеев же, не внявших слову пророка о пленении Иерусалима, постигла беда. «Ведь мудрый боится и уклоняется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян»⁵. Кто помнит о нищете в дни благоденствия, тот не скоро станет нищим. Ты отверг ту пользу, которую несет ожидание, так события вразумят тебя. Богат ли ты — жди бедности, благополучен ли — жди болезни. Имей перед взором всегда природу дел человеческих: она не лучше потоков речных, она быстролетнее дыма, расплывшегося в воздухе, она ничтожнее бегущей тени. Не отступай от этой мысли, и ни блага не смогут тебя надломить, ни беды унижить. Если не слишком прилепишься к благам, пока они у тебя, то расставание с ними не будет горестно. Если приучишь ум свой ждать превратностей, то превратности не скоро придут к тебе, а если и наступят, то не сильно заденут тебя.

(5) А чтобы знали вы, что слова мои — не догадка, хочу поведать вам одну старинную повесть. Жил некогда муж, великий и дивный, славный по всей земле, блаженный Иов, подвижник благочестия, стяжавший венец победителя вселенной, прошедший все состязания, поставивший тысячи трофеев над диаволом. Он знал и богатство и бедность, и славу, и презрение, был и многочаден, и бесчаден. Жил он и в царских чертогах, жил и на гноище. Ходил в светлой одежде, а затем изъеден был червями. Ему прислуживали тысячи рабов, а после этого пришли к нему тысячи оскорблений, когда домашние ополчались на него, друзья поносили, жена злоумышляла. Сперва, как бы из источников каких, все стекалось к нему: огромное имущество, высшая власть, величайшая слава, мир и безопасность почести и ласки, здоровье, дети. И не было ничего горестного. Богатство его было в безопасности, благоденствие нерушимо, да это и понятно. Бог отовсюду оградил его. Но потом все рушилось. И дом его стал местом, куда непрерывно, одна за другой влетали тысячи бурь. Сразу все без остатка было отнято его имущество. Рабов и детей унесла насильственная, безвременная смерть. И не меч, не секира, а злой дух, сотрясший дом, зарезал их во время трапезы. И после этого жена направила против праведника оружие хитрости, а рабы и друзья — одни плевали ему в лицо, как сам он говорит: «Лица моего не пощадили от

плевков»⁶, — другие попирали его и выталкивали отовсюду из дома, пока жилищем его не стала помойная яма, где кишели черви. С этого адаманта текли кровь и гной, и он черепком соскабливал струпья, делаясь сам для себя палачом. Боль его была нескончаема, ночь — страшнее дня и день — ужаснее ночи, как сам он говорит: «Ложусь ли спать, говорю «когда наступит день?» — встаю ли — опять спрашиваю: «когда придет ночь?» Страдания не покидают меня от вечера до утра»⁷. Все было для него стремнинами и скалами. Никто не шел его утешить, но тысячи людей начинали его бранить. Но и в такой буре при столь невыносимых волнах он с мужеством, непоколебимо противостоял всему. Причиной было то, о чем я говорил: богатый, он предугадывал бедность; здоровый, ждал болезни; став отцом стольких чад, опасался остаться вдруг бездетным. Страх перемен не покидал его, и эту тревогу он всегда носил в себе, зная природу дел человеческих и размышляя об их мимолетности. «Страх, которого я страшился, напал на меня, и опасность, которой я боялся, встретилась мне»⁸. Мысли его всегда были устремлены к этому, и он жил, ожидая и предугадывая. Поэтому его не смутили события. «Я не имел ни мира, ни покоя, ни отдыха, и наказание пришло ко мне»⁹. Не сказал он: «Я не имею мира, не имею покоя», — но «не имел мира» в минувшее время. Хотя дела мои располагали меня к высокомерию, но ожидание скорбей не давало мне покоя. Хотя чрезмерное благоденствие надмевало, тревога перед грядущим изгоняла беспечность. Если и вынужден бывал я вкусить настоящих благ, забота о будущем прерывала наслаждение. А когда увидал, как на деле сбываются его раздумья, то мужественно перенес это; и когда воочию увидел удары, насчитанные и предугаданные им заранее, то они не смутили его. О том же, что, владея имуществом, он не слишком привязан был к нему, послушай, что он говорит: «Разве я радовался обилию богатств? Разве в золоте полагал силу мою? Разве уповал на камень многоценный? Разве протягивал руку мою к несметному?»¹⁰ Что говоришь ты, человек? Ты не рад был, когда богатство текло к тебе? — Ничуть! — отвечает он. — Почему же? — Потому что я видел его зыбкость и текучесть, видел, сколь непрочно владение им. «Я ведь вижу, как солнце всходит и заходит, как луна убывает, и его [богатства] нет у них»¹¹. Говорит же он этим следующее: если небесные светила, постоянно сияющее, терпят изменения, солнце затмевается, а луна уменьшается, то не безумно ли земные дела почитать прочными, неизменными. Вот почему его не слишком веселило присутствие благ, и их потеря не слишком огорчила, ибо он знал хорошо их природу. Слыша это, и мы, возлюбленные, не станем тяготиться бедностью, не станем надмеваться богатством. И при превратностях житейских сохраним ум наш непоколебимым, пожнем плод мудрости, чтобы и нам вкусить наслаждения и будущие блага получить, которых все мы да удостоимся милостью и человеколюбием господина нашего Иисуса Христа.

ПИСЬМА

6. ОЛИМПИАДЕ¹

Вернувшись к жизни от врат смерти, пишу тебе это письмо. Как хорошо, что встреча с твоими отроками произошла теперь, когда мы, наконец, причаливаем к гавани. Встреться я с ними раньше, когда и море качало меня, и волны недуга захлестывали, нелегко было бы ложью рассеять твои опасения, вместо неприятностей описывая удобства. Когда настала зима, более холодная, чем обычно, то и в моем желудке она вызвала заморозок. Не лучше покойников чувствовал я себя эти два месяца, даже еще хуже. Жизни во мне оставалось ровно настолько, чтобы чувствовать ужасы, обступавшие меня. Нескончаемая ночь окутывала меня и днем, и на заре, и в полдень. По целым дням лежал я не вставая с постели. Придумывал тысячи способов, но не в силах был стряхнуть с себя недуг, вселенный холодами: и огонь я зажигал, и едкий чад переносил, и безысходно сидел в комнате, кутаясь в тысячи покрывал, не смея выйти за порог, но муки все дались — постоянная тошнота, головная боль, отвращение к еде, бессонница. Целые ночи проводил я без сна. Но не буду дольше задерживать твоего внимания на неприятностях — теперь все это позади. Пришла весна, воздух немного изменился, и все само собой пошло на лад. Впрочем, сейчас мне еще нужна строгая диета. Поэтому я оберегаю свой желудок от излишеств, чтобы не расстраивать его. Сильно встревожила нас весть, что ты вот-вот испустишь дух, но любовь, беспокойство и забота о тебе помогли нам еще до получения твоих писем узнать от многих приезжающих оттуда, что ты здорова.

Мне радостно и весело теперь не только оттого, что ты уже не больна, но и прежде всего потому, что ты мужественно несешь свою долю, называя все это пустяками. А еще важнее то, что этой кличкой прозвала ты и телесную хворь, — так свойственно вести себя душе смелой, приносящей обильные плоды мужества. Ведь переносить невзгоды не только с достоинством, но даже не замечать и презирать их и совершенно спокойно возложить на себя венец терпения, не падая от усталости, не покрываясь потом, не суетясь, не беспокоя других, но словно скача и играя, — это значит доказать свою глубокую мудрость. Поэтому я прыгаю от радости, парю на крыльях наслаждения, не чувствую одиночества и прочих бед, я весел и доволен, горжусь величиим твоего духа и непрерывными победами и рад не только за тебя, но и за тот огромный многолюдный город, для которого ты сделалась и башней, и заломом, и стеной, где слышен громкий голос твоих дел, где ты своими страданиями учишь людей обоего пола с легкостью бросаться в подобные битвы и мужественно подступать ко рву, охотно проливая пот в такой борьбе. О чудо! Ты не выходишь на площадь, не

выступаешь на середину города, а сидишь в маленьком домишке, в комнате и вдохновляешь и готовишь в бой окружающих тебя. Море бушует, вздымаются волны, все полно подводных камней, скал, утесов, чудовищ, повсюду глубокая тьма, а ты, как в тихий полдень, когда дует с кормы, расправила паруса надежды и плывешь легко, и тебя не только не валит эта злая буря, но даже и брызги не задевают. И это вполне понятно. Так ведет свой корабль добродетель. Когда сгущаются тучи, то ни купцы, ни кормчие, ни матросы, ни пассажиры не покидают гавани. А если они в открытом море, то делают и придумывают все, чтобы корабль причалил к пристани, острову, к мысу. Тебя же со всех сторон сбивают с ног тысячи ветров и бешеных волн, морская бездна переворачивается в этой страшной буре, и одни тонут в ней, трупы других всплывают, третьи нагими носятся по волнам на корабельных досках. Ты же кидаешься в пучину зол и называешь это пустяками, спокойно плывя в бурю. И это вполне понятно. Ведь кормчие, будь они тысячу раз знатоки своей науки, все же не столь искусны, чтобы выдерживать любые бури, и поэтому бегут от схваток с волнами. Твоя же наука может укротить все бури — сила мудрой души сильнее тысяч армий, мощнее оружия, надежнее крепостей и стен. Оружие, стены, башни — это только от физической опасности ограда воинам, да и то не всегда и не от всего. Бывает, что все это уступает натиску и не приносит защиты. Твое же вооружение отражает не стрелы врагов и не уловки недругов, расстраивает не набег и не засады, а попирает требования природы, низлагает их тиранию, сокрушает их крепости. В непрестанной борьбе с демонами ты одержала тысячи побед, ни разу не терпела поражения, невредимой стояла под градом стрел и нацеленные на тебя копыя обращала против метавших их. Такова мудрость твоего искусства. Тем злом, которое тебе наносят, ты отражаешь причиняющих его; и теми ковами, которые плетут против тебя, ты огорчаешь недругов, и их пороки служат тебе к большой славе. Знакомая с этим по опыту, ты прозвала все это пустяком. Да и как, скажи мне, могла ты не назвать этого пустяком, ты, носящая смертное тело и к смерти столь же равнодушная, как те, кто спешит покинуть чужую сторону и вернуться в свою отчизну? Ты, которая уживаешься с тяжелейшим недугом и настроена лучше, чем те, кто крепко телом и пышет здоровьем, ты, не унижившаяся от оскорблений, не надмевающаяся от почестей и славы, которые многим чинят бесчисленные беды. Даже прославленные священством и глубокие, седые старики погибли из-за этого и служат посмешищем для всех. А женщина с телом хрупким, как паутина, после стольких напастей осталась непричастна этому и даже другим многим послужила избавлением. Те проходили состязание недолго и падали, едва начав бежать. Ты же тысячекратно огибала мету, при каждом беге ты брала награду, показывая разные приемы состязаний. И вполне понятно. Ведь не возраст и не тело важны для состязаний добродетели,

а лишь душа и мысль. Тут и женщины получили венцы, и мужчины отступились. Тут и дети превознесены, и старцы посрамлены. Всегда достойны удивления люди, идущие путями добродетели, особенно если находятся приверженцы ее в то время, когда многие покинули ее. Поэтому столь восхитительно и твое постоянство. В бегство обращено столько мужей, жен и старцев, как будто всеми уважаемых, известных, павших не под натиском неприятеля, не в жаркой схватке с врагами, но еще до столкновения, до боя исбежденных, а ты после таких сражений и битв не размякла, не ослабела от множества бедствий, стала, напротив, еще смелее, и чем больше битв, тем больше в тебе сил. Воспоминание о победах множит твою радость, твое веселье и рвение. Поэтому мы радуемся, пляшем, веселимся. Не перестану повторять это и разглашать повсюду причину своей радости. Так что пусть и огорчает тебя разлука с нами, зато огромное утешение несут тебе твои успехи. да и мы, изгнанные из земель, немало от твоего мужества получаем утешение.

9. ОЛИМПИАДЕ

Вижу я, как по дорогам, на стоянках и в городах целыми селами мужчины и женщины с плачем тянутся взглянуть на нас, и представляю в это время, что делается там, у вас. Если они, теперь впервые увидав нас, настолько пали духом, что не могут успокоиться, и на наши просьбы, увещания и мольбы льют потоки еще более горячих слез, то там, у вас, буря еще сильнее, конечно. Но чем сильнее бушует буря, тем больше сулит она награду тем, кто до конца перенесет ее, как переносите вы сейчас мужественно и за все благодаря. Ведь если дует сильный ветер, а кормчие совсем распускают паруса, то они опрокинут корабль, когда же правят им, как должно, не преступая меры, то опасности для плавания нет. Зная это, госпожа моя боголюбивейшая, не давай над собой власти отчаянию, но обуздай волнение рассудком. Ты способна сделать это, и силе волн не превозмочь твоего искусства. И поведай нам это в письмах, чтобы и на чужой земле нас тешила мысль, что ты снесла печаль с достоинством, благоразумно. Это письмо написал я твоей честности, когда был уже около Кесарии.

48. АРАВИЮ

Знаю твою любовь, знаю твою пламенную преданность, чистую, искреннюю, неизменную, знаю, что ее не омрачат ни житейские тревоги, ни заботы, ни превратности, ни время, ни расстояние. Поэтому-то и жажду постоянно письма от твоего благородства с благою вестью о том, что ты здоров. Если и укоряем тебя, то это не укор в беспечности, а страстное желание иметь побольше твоих

писем. Зная это, господин мой честнейший и благороднейший, окажи нам эту милость, легкую и нетрудную для тебя, для нас же радостную в нашем одиночестве.

63. ТРАНКВИЛЛИНУ

Все побеждается силой времени и отходит, дряхлая и старясь: и красота тела, и великолепие зданий, и луга, и сады, и все, что есть на земле. Только любовь не тронута этой порчей: не разрушается она от времени, не прерывается даже смертью. И мы, давно уже разлученные с твоим степенством, бережем ее силу, словами — сейчас, мыслью же всегда. Потому постоянно шлем письма твоему благоговению. Нам очень хочется узнать, каково твое здоровье, ты ведь знаешь, как оно нам дорого. Если станет возможным и легко представится случай, с кем послать письмо, то поступи, как подобает тебе, дай нам знать об этом. О нашей же жизни в Армении и Фракии расскажет твоей искренней и теплой любви податель сего письма.

64. ЕПИСКОПУ КИРИАКУ

Господин наш Сопатр, префект Армении, той самой Армении, где мы теперь заперты, правил Арменией как отец, нас же пестовал больше, чем отец. Я всеми силами ищу, как бы воздать ему ответную благодарность и, думается мне, нашел лучший путь к этому. Ты, неутомимый в своих заботах о нас, поможешь нам выполнить это. Как и кажим образом? Вот каким: у него есть сын, и он уже долгое время обучается наукам там, у вас. Если ты с обычной для тебя готовностью и любовью примешь его и дашь наслаждаться чем-либо полезным, то мы получим все, что нам надо. Поступи так и введи его в круг людей сановных, известных тебе, которые заставят его полюбить чужую сторону больше, чем родную. Этим ты обрадуешь и его, обрадуешь и меня, обрадуешь и себя, услужив через сына человеку доброму, человеколюбивому, пристанищу всех бедных.

47. НАМЕЕ²

Зачем ты ищешь кругом оправданий и просишь простить тебе то, за что мы присуждаем тебе венец и трубим твое имя, принимая твое письмо и коря тебя за медлительность. Если ты думаешь, что писать нам великая дерзость, то оставь эту мысль и готовься оправдываться в медлительности, придумывая защитительное слово. Чем больше станешь ты говорить, что и без нас любовь твоя к нам так же искренна, как была и при нас, ты тем только отягчишь свою вину. Если бы ты была из тех, кто просто расположен к нам, то твое долгое молчание не удивило бы нас. Ты же говоришь, что любишь нас так горячо и искренне, что готова пуститься в долгий путь, не страшись нападений разбойников, и только немощь удер-

живает тебя. Теперь для тебя осталась лишь одна возможность оправдаться: слать нам тучи писем, чтобы они оказались в силах ослабить вину столь долгого молчания. Поступи так, и мы простим все. Ибо даже это запоздалое письмо, которое дышало такою любовью, уплатило долг за прошлое. Другие письма, однако, пусть не подражают его медлительности. Оно сможет доказать, что запоздало не из-за лени, а из-за пустого страха лишь тогда, когда остальные последуют за ним быстро, без перерывов.

Синесий

(370 г. — около 413 г.)

Синесий родился в Кирене, древней дорийской колонии (в Ливии), и принадлежал к местной аристократии, считавшей себя чистыми «дорийцами». Семья Синесия была довольно состоятельна, имела земельные владения и продолжала придерживаться языческого культа. Синесий еще в юности заинтересовался философией и отправился со своим братом Евоттием в Александрию, где стал учеником знаменитой Ипатии, преклонение перед которой он сохранил до конца жизни. До ее страшной гибели в 415 г. он, по-видимому, не дожил.

Брат Синесия остался в Александрии, Синесий же вернулся на родину, где жил в своем имении как частное лицо. Уважение, которым он пользовался среди населения, заставило его выйти на общественную арену. В 397 г., несмотря на свою молодость, он был послан как представитель Кирены в Константинополь к императору Аркадию для улаживания различных дел. Правительство, занятое наиболее насущным вопросом охраны северных границ империи от германцев и гуннов, мало заботилось о далекой африканской колонии, посылая туда бездарных и бессовестных наместников, но требовало сбора больших налогов.

Синесию пришлось провести в Константинополе около трех лет из-за внутренних смут в самой столице. Наконец, при помощи крупного сановника Аврелиана он добился аудиенции у императора и произнес перед ним речь «О царстве», в которой он не столько просил о милости, сколько доказывал справедливость требований Кирены. В Константинополе он, по-видимому, написал еще одно произведение, своеобразный политический роман под названием «Египтяне, или О «провидении», в котором он под видом распри между Озирисом и Тифоном изобразил интриги при византийском дворе, жертвой которых едва не сделался благосклонный к Синесию Аврелиан.

Синесий достиг своей цели и, добившись благоприятного решения своего дела, уехал на родину, хотя его хотели задержать в Константинополе на государственной службе. С этих пор до самой смерти он жил то в своем имении, то в городе Птолемаиде. Желание Синесия вести тихую жизнь, занимаясь хозяйством, философией и некоторыми литературными трудами, не исполнилось — за десять лет после возвращения на родину в его жизни было много перемен.

Во время одной из своих поездок в Александрию он женился, по его словам, «приняв жену» из рук христианского епископа Феофила. Очевидно, уже в это время началось сближение Синесия с христианскими кругами; но написанные Синесием в этот период его жизни «Гимны» все же очень близки к неоплатонизму: христианские образы и догматы встречаются в них реже, чем чи-

сто языческие. Синесий имел от своей христианки-жены трех сыновей и в течение нескольких лет наслаждался семейным счастьем. Произведения, написанные им в этот период, отчасти носят характер шуточно-риторический. Увлекаясь сочинениями Диона Хрисостома (философа и ретора конца I — начала II в.), Синесий посвящает ему философский трактат и в то же время сочиняет в опровержение риторической шутки Диона «Похвалы кудрям» (до нас не дошедшей) свою юмористическую «Похвалу лысине». К этому же времени относится довольно темный и запутанный трактат «О сновидениях», в котором еще сильно отражено учение неоплатонизма.

Политическое положение несчастной окраинной провинции становилось между тем все тяжелее: на нее стали все чаще нападать кочевники из границей с ней пустыни. Синесию как землевладельцу приходилось не раз организовывать защиту более слабых и немощных поселян, что он, как видно, делал успешно: в своих письмах к брату в Александрию он живо описывал свои воинские успехи и подшучивал над трусливым «комендантом» города.

Но положение становилось все хуже, набеги учащались и были все более жестокими. Кому и когда пришла в голову мысль просить Синесия принять сан епископа христианской общины и управление всеми делами провинции, касающимися христиан, неизвестно, но она нашла поддержку в Александрии, и Синесий после неоднократных отказов, долгих колебаний и сомнений был вынужден согласиться. Был ли в это время Синесий все еще язычником или уже перешел в христианство после женитьбы, он нигде не говорит, но свой отказ не раз обосновывает желанием продолжать свои философские занятия, причем выражает сомнение, согласуются ли его взгляды с положениями христианской догматики (например, он сомневается в индивидуальном бессмертии). Кроме того, ему, по всей вероятности, пришлось расстаться с семейным очагом, хотя о своих детях он продолжает заботиться и упоминать о них с большой нежностью.

Последние годы жизни были для Синесия очень тяжелы. Набеги кочевников доходят уже до самого морского берега, государственных войск в провинции почти нет. Ни Константинополь, ни Александрия не отвечают на усиленные мольбы о помощи, направляемые Синесием уже в качестве официального лица (епископ имел право обращаться непосредственно даже в столицу). В личной жизни Синесия тоже постигает один удар за другим — еще в раннем детстве умирают все три его сына. В своих последних письмах Синесий жалуется и на охлаждение его друзей и соучеников, возможно, недовольных его переходом в христианство. Дата смерти Синесия неизвестна. Вернее всего, он погиб при осаде Птолемаиды в 414 или 413 г.

Кроме уже упомянутых произведений, дошедших до нас, Синесий оставил еще большую переписку — около 170 писем к брату, к епископу Теофилу, к Ипатии, к юристу и оратору Пилемону и другим лицам. Они представляют величайший интерес и по содержанию, и по языку: недаром Фотий в своем «Мириобиблоне» говорит, что они «преисполнены изящества и очарования».

ГИМНЫ ¹

ГИМН I

Моя звонкая форминга!
После песенки теосской
И лесбосского напева ²
Для торжественного гимна
Зазвучи дорийским ладом! ³
Не о девушках прелестных
С их улыбкой сладострастной,
Не о юношах цветущих,
Чья краса чарует очи,
Нет, рожденная от бога
Мудрость чистая, святая
Побуждает к песне божьей
Натянуть кифары струны
И бежать от сладких бедствий,
От земной любовной страсти.
Да, чего же стоят доблесть.
Красота, богатство, слава,
Царских почестей соблазны
По сравненью с благочестьем?
Пусть один — отважный всадник,
А другой — стрелок из лука,
Пусть иной хранит именье,
Копит кучи золотые,
Пусть иного тешат кудри,
Что текут волной на плечи,
А иной воспет повсюду —
Всех друзей и всех подружек
Он пленяет красотой.
Мне ж хотелось бы достигнуть
Жизни тихой и безвестной.
Пусть безвестна будет людям,
Пусть лишь бог о ней узнает!
Пусть меня научит мудрость
С ней прожить молодые годы,
С нею вместе встретить старость,
С ней владеть своим достатком.
Но и встречу с нищетою
Мудрость терпит и с улыбкой
Переносит горечь жизни.
Лишь бы столько мне осталось,
Чтобы в хижине я скрыться
Мог от зависти соседей,
И нужда б меня не гнула

Низкой черною заботой.
Я услышал песнь цикады,
Пьющей утренние росы,
И мои запели струны
Необычным звуком — будто
Налетело вдохновенье.
Что же, в сердце возникая,
Порождает песню божью?
Тот, кто сам себе начало,
Управитель и родитель,
Нерожденный, совершенный,
Восседает бог предвечный,
Облечен бессмертной славой.
Он — единство в единенье
И первичная монада.
Простоту в многообразье
Ты, связуя, порождаешь
Сверхъестественным рождением;
И она, приняв начало,
Через образ первозаданный
Разлита непостижимо.
Мощью тройственной владеет.
Сверхвещественный источник,
Красотою чад увенчан,
Что, родясь из средоточья,
Средоточье обтекают.
Замолчи, моя форминга,
Замолчи! Дерзать не смеешь
Разглашать святые тайны;
То, что выше, скрой в молчанье,
Воспевай пути земные.
Ибо разуму подвластен
Только мир разумной мысли,
Здесь начало лишь благое
Человеческого духа,
Неделимого деленья.
В вещество низвергнут разум,
Порождение бессмертных,
Сил божественных потомок.
Невелик он — но родился
Он от них, единый, цельный,
Цельный, в цельности разлит он.
Глубь небесную вращая,
Страж он видимого мира.
Он присутствует повсюду,
Проявляясь в видах разных,
Он ведет круги созвездий,

Сонмом ангелов он правит,
Он же связью равновесной
Укрепил земное тело.
Разум в тягостном забвенье
От родителей оторван,
Погружен в слепое горе,
Созерцает тьму земную.
Сам он — бог, но близок смертным.

Но сияет некий светоч
Даже всем очам сомкнутым,
Даже тех, кто пал так низко,
Сила вновь возносит к небу.
И они из волн житейских
Выплывают беспечально,
Вновь идут святой дорогой,
Входят в царский дом отцовский.
Тот блажен, кто мог избежать
Вещества нападок жадных
И, взлетев порывом легким,
Прямо к богу путь направить.
Тот блажен, кого от бедствий
И трудов земных и горьких
От испытанных страданий
Разум к тем привел вершинам,
Где сияет светоч божий.
Нелегко отдать все сердце,
Вознести его высоко
На крылах любви небесной.
Но направь свои стремленья
На порыв души разумной —
И родитель твой тотчас же
Руку помощи протянет.
Вспыхнет луч перед тобою,
Озарит твою тропинку,
Область разума откроет,
Красоты первоначало.
И теперь, душа, испивши
Из источника благого,
Обратись к отцу с мольбою,
Возносись скорей, не медли
И земле оставь земное.
И с отцом сливаясь, станешь
Богом в боге ты, ликуя,

ГИМН V

Сына девы воспоем,
Сына девы и жены,
Не познавшей брачных уз.
Мыслью вечного отца
Был Христос зачат для нас
И, родившись от жены,
Человека принял вид.
Кормчим стал для смертных он,
Светоносный ключ открыл
Несказанный отпрыск твой
И познал исток веков.
Ты — источник света сам
И с отцом сияешь ты;
Разгоняя тьму в вещах,
Светишь в душах ты святых.
Мироздания творец
Светлых звезд провел круги,
Средоточье дал земле
Ты, спаситель всех людей.
Для тебя коней зари
Гонит по небу Титан ⁴,
Для тебя рога луны
Разгоняют ночи тьму,
Зреет плод на деревьях,
По лугам бредут стада.
Непостижный твой родник
Изливает жизни блеск,
На крылах поднимает мир.
Из тебя проистекли
Свет, и разум, и душа.
Вспомни, что твое дитя
Смертной плотью облеклось,
Мойрам подчинясь земным.
Отгони болезней рой,
Силу тела сохрани,
Красноречье дай словам,
Добрый дай делам исход,
Прежним блеском озари
Спарты и Кирены край ⁵.
Беспечально пусть душа
Мирно жизнь ведет свою.
Устремляя взор очей
Лишь на твой бессмертный свет.
Гнет покинув вещества,
Я назад не оглянусь;

Избежав земных тревог,
Я вольюсь в родник души.
Непорочный жизни путь
Твоему певцу даруй,
И тебе сложу я песнь
Восхваляю я твой исток,
Славу вышнего отца,
Духа, спутника его,
Связь меж корнем и цветком.
Воспевая мощь отца,
Я в твою вложу хвалу
Вдохновенный сердца плод:
«Радуйся, сыновний ключ!
Радуйся, отцовский лик!
Радуйся, сыновний трон!
Радуйся, отца печать!
Радуйся, о сына мощь!
Радуйся, краса отца!
Радуйся, чистейший дух!
Связь меж сыном и отцом!»
Мне с отцом его пошли!
Даст крылам души моей
Силу этот божий дар!

ГИМН VIII

На дорийский лад на струнах,
Что скрепляет слоновая кость,
Запою я звучный напев,
В честь твою, бессмертный, святой,
Многославнейший девы сын!
Ты мне жизнь сохрани мою
И безбедной сделай, о царь!
И закрыт будет вход скорбям
Пусть в нее и ночью и днем!
Ты мой дух огнем озари,
Что течет из ключа ума,
Членам тела силу даруй,
Сделай славным усердный труд,
Мои юные годы храни,
Дай мне радостно жизнь прожить
И достигнуть преклонных лет,
Пусть и мудрость растет во мне,
И здоровье тела мне дай!
Брату стражем будь моему:
Ты его, о бессмертный, мне
Невредимым вернул, — а он

Прикасался уже стопой
К порогу подземных врат.
Мое горе, мой тяжкий стон,
Мои слезы и горькую скорбь,
Сердце жегшую мне, ты смягчил,
Ты умершему жизнь вернул,
Снизойдя, как отец, к рабу.
О сестре я тебя молю,
О чете двоеродных чад!
Весь, молю, Гесихидов дом⁶
Ты своей десницей покрой!
А мне сохрани, о царь,
Ты спутницу брачных уз,
Без болезней, без горя, без бед,
В одномыслии и в любви.
Ни лукавства, ни скрытых тайн
Пусть не знает жена моя,
Пусть хранит наш брачный покой
Незапятнанным и святым,
Пусть в него не войдет соблазн!
А когда со свободной души
Цепи жизни земной спадут,
То избавь от тяжелых мук
И не ввергни в гибель ее!
Разреши ей в сонме святых
Воспевать священную песнь.
И величье отца твоего,
О блаженный, и силу твою
Воспою в новом гимне я,
Тебе новую песнь сложу.
И опять пусть строй зазвучит
Непорочной кифары моей!

ГИМН IX

О возлюбленный и благой
Славный девы Солимской сын!⁷
Ныне песнь я сложу тебе.
Был извергнут источник зла,
По земле ползущий змей
Из садов отца твоего:
Древле он запрещенный плод,
Смерть и гибель принесший нам,
Человеку первому дал.
Венценосец, прославлен ты!
Славный девы Солимской сын
Воспою тебе песнь мою.

Ты на землю с небес сошел,
Ты меж смертными жил людьми,
Облеченный в смертную плоть,
Ты под землю в Тартар проник,
Где томился несчетный сонм
Душ и стражем их смерть была.

Содрогнулся, тебя узрев,
Древний старец, страшный Аид;
Не посмел кровожадный пес,
Пожиратель злобный людей
На порог не пустить тебя.
И тяжелые цепи снял
Ты со многих душ святых;
Окруженный толпою их,
Ты отцу хвалу вознес.

Венценосец, прославлен ты!
Славный девы Солимской сын,
Воспою тебе песнь мою.

И когда возвращался ты,
Содрогнулся демонов рой,
Что в воздушных живет мирах.
Изумился бессмертный хор
Лучезарных чистейших звезд.
Засмеялся Эфир — мудрец,
Благозвучье родивший в мир:
Он на лирных семи струнах
Сотворил из звуков напев
И победную песнь запел.

Улыбнулся светоч зари,
Предвещающий светлый день,
Улыбнулся Геспер ночной,
Кифереи злата звезда.
И луны двурогий лик,
Наполняясь струей огня,
Пред тобою, как вестник, пошел,
Словно пастырь богов ночных.
И широко лучи кудрей
Разметал по небу Титан
По путям несказанным своим.
Он рожденного бога познал,
Он виждителя разум постиг,
Он источник огня узрел.

Ты же, крылья свои раскрыв,
В темно-синий небесный свод
Воспарил и, его пройдя,
Ты достиг тех крайних кругов,
Где чистейшая мысль царит,

Где источник всех высших благ,
Где молчаньем объято все.
Там глубокий поток времен
Не терзает детей земли
Неустанным теченьем своим,
Там бессилен недобрый рок
Кер, владеющих веществом.
Там в веках, не старея, живет
Одинок древний Эон.
Он — и юноша, он — и старик,
Бытия бесконечного страж,
И хранитель чертога богов.

ЕГИПЕТСКИЕ РАССКАЗЫ, ИЛИ О ПРОМЫСЛЕ (отрывки)

I. ВСТУПАНИЕ

Это написано о детях Тавра¹, и первая часть, до загадки о волке², повествует о том времени, когда дурной человек, воспользовавшись удобным моментом, поднял смуту и захватил власть. Последующее прибавлено после того, как окончилась опала для благородных людей, потому что они просили, чтобы изложение не останавливалось на печальных событиях: раз уж то, о чем сказано ранее, совершалось явно по божественной воле, надо довести рассказ до перемен к лучшему. Итак, когда наступает время гибели тирании, рассказ непрерывно следует за событиями. Но особенно замечательна эта повесть потому, что многое нашло в ней исчерпывающее объяснение.

Для многих учений из тех³, которые до сих пор непонятны, нашелся в этой повести повод, чтобы каждое из них рассмотрели подробно. Описаны и жизни, которые послужат образцами добродетели и порока. Рассказывает повесть о современных событиях, и везде в ней миф обработан так, что разнообразие изложения в нем сочетается с пользой.

II. ОЗИРИС И ТИФОН

(Рассказ первый)

Сказание это египетское. А у египтян избыток мудрости. И вот это сказание — нечто большее, чем вымысел, потому что оно египетское. А если оно — не сказка, а повесть о священных вещах, тем более достойно оно, чтобы его рассказали и написали.

1. *Озирис и Тифон были братьями, они родились от одного семени. А кровное родство не означает еще родства душ⁴. Душам свойственно не рождаться от одних и тех же земных родителей,

а проистекать от одного и того же источника. Таких источников природа создала два: один, подобный свету, другой — темный. Один исходит от земли, словно он пустил где-то корни, вырываясь из самых недр, когда его понуждает закон божества. Другой же снисходит от небесного лона: он послан, чтобы упорядочить земной обиход, но когда отправляется, он получает приказание быть осторожным, чтобы самому не преисполниться позора и бесчестия, пока он будет находиться рядом с несогласным и безобразным, где он наводит порядок и красоту. Существует закон Фемиды, гласящий, что душа, которая соприкасалась с крайним злом, но сохранила свою природу и осталась незапятнанной, тем же самым путем вернется назад и вольется в родной источник, подобно тому как души, которые выходят из иной области, неизбежным путем исчезнут снова в своих мрачных недрах,

Где Убийство, и Злоба, и сонмы всех Бед смертоносных
Пагубы вокруг обегают обитель во мраке глубоком⁵.

2. Эти источники — благородство душ и их низость: и может случиться, что ливиец и парфянин окажутся родными, а у так называемых братьев нет никакого родства душ, чему первые признаки сразу же и появились после рождения двух детей — египтян; а когда они стали юношами, это обнаружилось в полной мере. Младший из них, рожденный и вскормленный божьим промыслом, уже с младенчества любил слушать сказки: ведь сказка для детей — наука жизни. И когда он подрос, он жаждал учения, над которым не властно время. И отцу он предоставлял свои уши, и кто бы ни знал чего-либо мудрого, — все он жадно хватал, с самого начала стремясь узнать все сразу, словно щенок — так устроила, конечно, сама природа, обещая великое: ведь щенята скачут и прыгают раньше времени, чуя, что получают желаемое. А затем, далеко еще не достигнув юношеского возраста, он стал спокойнее степенного старика и слушал благопристойно: если же ему нужно было что-нибудь сказать — спросить ли о слышанном или еще о чем-нибудь, — можно было видеть, как он смущается и сильно краснеет. Он уступал дорогу и место старикам-египтянам, хотя был сыном того, кто обладал большой властью. Было у него и к сверстникам уважение, и об окружающих он заботился, так что в ту пору трудно было найти человека в Египте, за кого мальчик хоть в чем-нибудь не заступился бы перед отцом.

А старший, Тифон, говоря коротко, был ко всему невосприимчив. Всю египетскую и всю иноземную мудрость, которой учили Озириса приглашенные отцом учителя, он отвергал всем своим существом и насмехался над этим, будто науки — удел человека ленивого, с рабским образом мыслей. Однако видя, что брат его скромнен и аккуратно посещает занятия, он думал, что это из страха, — ведь никогда никто не видел, чтобы брат дрался на кулаках или кого-нибудь пихал ногой или бежал вразвалку, — хотя брат

был легок и складен, так что для души его тело было небольшой тяжестью.

Никогда Озирис не пил залпом, не хохотал, разинув рот, будто смех у него во всем теле, что Тифон делал ежедневно, считая единственным занятием людей свободнорожденных — поступать как придется и делать что кто захочет. Характером Тифон не походил ни на соплеменников, ни на иных людей, — можно сказать, не походил он и на себя самого, а был злом в разных личинах.

Временами он казался пасынком и бесполезным бременем земли: он бодрствовал столько времени, сколько надо, чтобы наполнить желудок и совершить другие необходимые приготовления ко сну. Иногда, презирая все, что по природе своей обязательно требует умеренности, он бессмысленно прыгал, беспокоя и старших и сверстников. Он восхищался телесной силой как самой совершенной добродетелью и пользовался ею во зло, ломая двери или ворочая глыбы. Если же он кому-нибудь наносил рану или причинял еще какой-нибудь вред, это радовало его, словно доказательство доблести. Он созрел раньше времени, и не было предела его разнужданным желаниям. И вот загорелась в нем к брату зависть, а к египтянам — ненависть, потому что египтяне, т. е. народ, восхищались Озирисом и в речах и в песнопеньях; и дома и на общественных празднествах все всегда желали ему всяческих благ от богов; а он и казался и действительно был таковым.

Тогда-то стал собирать Тифон вокруг себя некое общество из нерадивых детей и ни для чего другого — ведь искренно он никого любить не мог, — но только для того, чтобы были у него люди, настроенные против Озириса.

Всякому ведь легко было приобрести благосклонность Тифона и найти у него то, что хочется детям, — стоило только нащептать ему что-нибудь порочащее Озириса. Таким образом, с детства природа обещала им разную жизнь.

3. Подобно тому как разветвленные пути идут сначала близко друг к другу, а чем дальше, тем больше расстояние между ними, и наконец они совсем расходятся в противоположные стороны, так бывает и с юношами — это может заметить каждый: небольшая разница с возрастом превращается в огромную. Но эти юноши разошлись не постепенно, а сразу, потому что уделом одного была добродетель, уделом другого — крайняя порочность. Итак, когда они подросли, к этому прибавилось полное несовпадение их склонностей, чему были очень верные доказательства, — это показывали их поступки.

Озирис уже с ранней юности участвовал в военных походах, хотя по закону юношам его возраста оружие еще не давали. Но будучи по складу ума полководцем, даже предводителями войск повелевал он словно собственными руками. Поэтому, подобно дереву, которое природа наделила буйной силой роста, он приносил плоды год от года все прекраснее.

Он стал начальником копьеносцев, ему было поручено принимать прошения, он был наместником в городе и первым в сенате, и каждая служба, когда он ее слагал с себя, казалась более почетной, чем тогда, когда он ее принимал.

А Тифон был назначен начальником казны: отец полагал, что характер мальчиков надо испытывать в трудных обстоятельствах; Тифон позорил и себя самого и его назначившего, потому что его уличали в краже общественных средств, во взятках и в неразумном ведении дел.

Когда же Тифон принимал другую службу, чтобы на ней попробовать свои силы, он вел себя еще хуже, и та область управления государством, которая была ему подвластна, целый год находилась в бедственном положении. Если он шел к каким-нибудь людям, вслед за ним шли рыдания. Так Тифон правил подданными.

А дома Тифон плясал кордак⁶, собирая у себя всякий сброд из египтян или из чужестранцев — всех, кто мог легко говорить, легко слушать, все легко выполнять и легко поддаваться влиянию, и трапезы его были как бы кузницей всякой разнузданности.

Он не только сам храпел во сне, но и радовался, когда храпели другие, словно слушал какую-то восхитительную музыку; почет и похвалы доставались тому, кто издавал наиболее длительные и непристойные звуки, при этом всхлипывая. Если же в обществе Тифона находился кто-нибудь, кто ни от чего не краснел, хотя бы совершая самое постыдное, — такой человек удостаивался известных отличий, и ему давали высокие должности как плату за его наглое бесчинство. Таков был Тифон дома.

4. Когда же Тифон надевал одежды правителя государства, он наглядно показывал, сколь разнообразен порок. Ведь порок бунтует и против добродетели и против самого себя, так что составные части его противоречат друг другу. А Тифон, тотчас преисполняясь высокомерия и злобы, лаял пронзительнее, чем эфирский пес⁷, и приносил несчастье то одному человеку, то целой семье, то всему государству и тем более радовался, чем большее зло он сделал, — точно он смывал людскими слезами свою беспечность, которой предавался дома. В одном отношении была выгодна эта порочность. Часто, замышляя совершить нечто ужасное, он отвлекался от этого и впадал в иное настроение, так что походил на безумного, как говорят, словно сражался за тень в Дельфах⁸. Между тем тот, над кем нависла опасность, выходил из беды невредимым, и о нем больше не говорили. Бывало и так, что Тифон погружался в забытие и некоторое время ощущал тяжесть в голове, так что разум его бывал далек от недавних намерений. Снова же став бодрым, он уже не помнил даже о только что прошедшем.

А с правителями провинций он спорил, сколько зерен пшеницы содержит медимн и сколько киафов вмещает хеник⁹, обнаруживая тем самым какую-то излишнюю и нелепую придирчивость. Бывали случаи, что сон очень кстати нападал на Тифона и выры-

вал человека из беды. И лететь бы Тифону с кресла вниз головой, если бы кто-нибудь из слуг не бросал светильник и не спешил бы к нему на помощь. Поэтому часто трагическое ночное празднество кончалось комедией. Ведь днем Тифон не занимался делами, потому что его существо было сродни ночи и противно солнцу и свету. Он знал наверняка, что всякий человек, у кого есть хоть капля разума, уличит его в величайшем невежестве; однако себя в глупости он не винил, но будучи неспособным мыслить и умея ловко плести козни, он был врагом почти всех разумных людей, видя в них обидчиков для себя.

Бездеятельность ума и физическое безделье в равной степени были ему присущи, эти Керы души¹⁰, которые питали друг друга,— средство, чтобы уничтожить полностью род человеческий, зло, больше которого никогда не производила природа.

III. ВОЦАРЕНИЕ ТИФОНА

(Рассказ первый)

16. Итак, миф повествует дальше, не задерживаясь на страданиях Озириса. До сих пор ведь справляются те неизреченные дни священных слез, и люди, которым дозволено смотреть, видят живые их картины¹¹. Но все же, гласит миф, рассказ этот стоит того, чтобы его слышали все.

Ради своей страны, ради святилищ, ради законов отдает себя Озирис в руки тех, которые, если его не получат, грозят погубить все: на челне переплывает он реку. Его окружает стража на земле и на море, везде и всюду. И варвары держат совет, что он должен претерпеть.

Тогда Тифон потребовал, чтобы Озириса как можно скорее убили. А варвары, хотя и считали себя обиженными, не совершили преступления: их охватил стыд перед добродетелью. И они решили изгнать Озириса.

Но и этого опять они устыдились и решили, что это будет не изгнание, а всего лишь переселение. Они оставили Озирису его имущество и деньги, хотя Тифон позволил им и этим распоряжаться. Но они не касались этих вещей, как святыни. А Озирис отправился под охраной бога и благородных героев, чтобы в назначенное время вернуться.

Ведь вопреки законам в Египте царствовал худший, за очень короткое время обратив все в печаль и беспорядок, пока святая душа пребывала на чужбине.

Для того чтобы все это могло произойти, те демоны, которые это подстроили, с самого начала находились при Тифоне, а он, которому они помогали сначала родиться, а потом стать тиранном, служил им и ублажал их всякими злодеяниями.

Он тотчас же наложил на города сильно увеличенные подати, выискал несуществующие и откопал преданные забвению долги.

Жителям побережья поручались дела живущих вдали от моря, а корабли он спрашивал именно от вторых, так что ни один человек не жил спокойно и не радовался. Это было величайшим злом для народа, общим же злом было другое: разослав своих помощников и чиновников к подвластным народам, Тифон открыто продавал провинции¹².

К тому же наместники провинций, особенно самые молодые, полагали, что, поскольку их нанимают на один год, они должны в течение этого года собрать для себя налоги, относящиеся к незапамятным временам. Подобный случай произошел и при Тифоне. Письменно сообщив он сборщикам денег срок их службы. Но сначала те, кого обвиняли в плохом ведении дела, были отстранены от должности, а другим за добродетель была выдана награда, их власть была увеличена и время службы продлено. От этого все повсюду рыдали, каждый толковал о своем собственном горе, и каждое племя в каждом собрании постоянно вспоминало все свои беды, казалось, от Египта поднимается какой-то единый стон — эхо общего плача. А боги жалели египтян и собирались помочь им, но не хотели этого делать, прежде чем добродетель и порок еще яснее не проявили себя во взаимной борьбе, прежде чем чувство не отличит хорошее от дурного, и люди, использующие разум во зло, не понесут наказание и не будут изгнаны.

17. Итак, Тифон поставил себе целью вообще изгладить из памяти людей правление Озириса, и он прибегал для этого к различным способам, но особенно охотно он делал вот что: законченные судебные процессы он заставлял вести заново так, чтобы оправдать осужденного. Он лишал полномочий посольства, в составе которых был враг, — тот, кто был обучен божественной речи¹³; такой человек, и сам он, и его родные, и его город бывали ввергнуты в бедствия.

Человек в безысходном положении мог проникнуть к Тифону двумя способами.

Первый способ заключался в том, чтобы вручить деньги его жене: она сидела в своих покоях, словно в настоящем притоне, пользуясь девками как сводницами, чтобы удовлетворить свои желания и чтобы уладить свои дела, превращая то, что египтяне издавнее называли судилищем, в место торговли справедливостью. Кто разговаривал с ней, тот снискивал милость Тифона. Он и раньше был покорен женщинам и приручен ими; он испытывал к ним чувство благодарности за то, что они будто бы и доставили ему власть. Таков был один способ для тех, кто в отчаянии пытался обратиться к Тифону. Второй способ состоял в том, что шли к кому-нибудь из разбойничьей свиты или к собутыльникам Тифона. Их, жалких и ничтожных людишек, называли великими и блаженными. К тому же пришедший должен был осквернить Озириса бранью, да еще прибавить что-нибудь язвительное. И это делали те, кого несколько не заботила добродетель, кто не стыдился

извлекать выгоду откуда попало. И тотчас же менялась их судьба, а равно и их мысли. Ведь речи их достигали ушей тирана и встречали одобрение во время трапезы.

Угождающие получали в ответ благоволение. Поступили так несколько человек и получили они выгоду, но знали, что богам и мудрым людям они ненавистны. А большинство все-таки держалось стойко.

IV. КОНЕЦ ТИФОНА

(Рассказ второй)

3. Когда египтяне уже одержали блестящую победу и овладели воротами¹⁴, воздвигнув стену между собой и врагами, они бросились на оставшихся в городе варваров и нападали на каждого; всех подряд они сбивали с ног, пронзали копьями, били, кололи. Тех, кто как-то держался, они жгли, словно ос, вместе с их храмами, с их жрецами, под ругательства и крики Тифона. Ведь когда дело касалось даже вещей божественных, он считал нужным подчиняться варварам и старался сделать так, чтобы вошло вражеское войско, как будто не случилось ничего жестокого и ужасного. А весь народ поднялся по собственному побуждению, без предводителя, и божьей волей каждый сам себе был и полководцем и воином, и командующим и подчиненным. Да и могло ли быть иначе, если бог захотел и дал людям силу, чтобы спастись при любых обстоятельствах?

Итак, больше ворота Тифону не доверяли, да и в других отношениях его власть уже не имела силы,— ведь то, что породило ее, было удалено из государства.

Сначала египтяне устроили сходку у великого жреца, и возжигали священный огонь, и воздавали благодарность богам за то, что свершилось, и молились за то, что предстоит свершить. Потом просили они, чтобы вернулся Озирис, потому что теперь иного спасения не было. А жрец обещал, что, если позволят боги, Озирис вернется, как и вместе с ним изгнанные, обвиненные в соучастии с ним. Тифона же решили некоторое время держать в неведении — ведь он не скоро получил заслуженное: ему суждено было погибнуть, став жертвой войны, как главному виновнику того, что египтяне какое-то время были рабами скифов.

Палладий Еленопольский

(около 364—430 гг.)

Родина монашества — Египет. Оно сложилось под влиянием древнейших форм египетской религиозности, сумевших устоять под натиском эллинистической цивилизации и оживших теперь под воздействием того духа отречения и ухода в себя, который распространяло христианство. При этом была воспринята и та методика аскетических упражнений, которая сформировалась в практике философской школы киников. Первые монашеские общины возникли еще на грани III и IV в. на правом берегу Нила; Антоний Великий дал им в 305 г. устав. Несколько позже возник монастырь Ши-Хэт в левобережной пустыне Нитрии. Его название (по-египетски «вес сердца» — отражение египетских мифологических представлений, восходящих к временам фараонов) произносилось греками как «Скит». На Руси слово «скит» стало нарицательным. Такое же нарицательное значение по традиции закреплено за словом «Фиваида» (т. е. пустынная область вокруг египетских Фив, где процветало монашество). Суровое подвижничество египетских анакоретов необычайно действовало на воображение современников: так, например, обращение Августина было ускорено рассказами его друга о жизни Антония Великого. Монашество стремительно распространяется по империи. По египетским образцам создаются общины в Палестине, в Малой Азии, в Вавилонии и Аравии. Повсюду люди хотели возможно подробнее узнать о деяниях аскетов Египта. На эти запросы ответил своей книгой Палладий.

Этот историограф египетского монашества сам был не египтянином, а уроженцем Галатии (область в Малой Азии). По-видимому, он получил в юности какое-то светское образование. Около 388 г. Палладий отправился в Египет и больше десяти лет провел в монастырях Александрии, Скита (Нитрии) и Келли. В эти годы он хорошо изучил специфические нравы и красочные предания того мирка египетских аскетов, который он впоследствии описал в «Лавсанке». Затем он вернулся в Малую Азию, был епископом Еленополиса (отсюда его прозвище) и участвовал в богословских распрях своей эпохи, но за это попался изгнанцем. Так ему снова пришлось увидеть Египет. Позже его вернули из ссылки и сделали епископом в родной Галатии, в г. Аспуне; к этим спокойным годам жизни Палладия относится работа над «Лавсанком», или «Лавсийской историей» (книга получила свое название от имени императорского препозита Лавса, которому она посвящена).

Главные достоинства «Лавсанка» — острое ощущение бытового колорита и фольклорная по духу непосредственность изложения. Словесная ткань произведения держится на непринужденных интонациях устного рассказа. Синтаксис крайне примитивен; что эта примитивность сознательная, можно судить по

вводным частям «Лавсаика», которые сделаны в иной фактуре. Очень живо имитирован разговорный тон (ср. выкрики «калеки» в рассказе о Евлогии). Палладий хорошо знал своих героев — недаром он так долго прожил с ними: они еще не превратились для него в условные и безличные персонализации монашеских добродетелей. Конечно, он очень почитает и любит своих героев, любит их странное, нередко гротескное существование и видит в нем выражение высшей победы духа над плотью; при всем этом он относится к ним далеко не без юмора (ср. рассказ о Павле Простеце и о раскаявшемся разбойнике Моисее Мурине). Это сочетание пиетета и юмора, мечтательности и острого здравого смысла, сказочности и деловитой конкретности делает монашеские новеллы Палладия своеобразным и привлекательным памятником. У них есть свое лицо.

Особый характер придает «Лавсаику» то, что автор постоянно ссылается на личные впечатления и расспросы. У читателя создается впечатление, что автор если не все сам видел, то ведет свой рассказ по меньшей мере со слов непосредственных свидетелей событий. Трудно сказать, насколько это соответствует истине. Важнее то, что именно такая позиция рассказчика диктуется общей литературной структурой целого; в сочетании с непринужденной интонацией она усугубляет наглядность, конкретность, убедительность повествования. Подкупающая безыскусственность «Лавсаика» — прежде всего уверенно примененный литературный прием.

ЛАВСАИК¹

IV. ПОВЕСТЬ О ДИДИМЕ СЛЕПЦЕ

Много было среди мужей и жен, которые скончали жизнь свою в Александрийской общине, таких, что воистину достойны были земли кротких. Среди них был и книжник Дидим, слепец; я сам четырежды с ним встречался в разное время, отлучаясь на десять лет. Скончался он осмидесяти пяти лет; и был он слепцом, лишившись глаз четырех лет от роду, так что и грамоте не учился, и в школу не ходил. Однако же от природы дан был ему отличный наставник — собственное разумение; и был он украшен таким даром познания, что в отношении наук на нем исполнилось слово Писания: «Господь умудряет слепых»². Он толковал Ветхий и Новый Заветы слово за словом, а что до догматов, то в них он так изощрился и с такой тонкостью и силой излагал их, что превосходил своими познаниями всех древних.

Однажды он велел мне сотворить в его келейке молитву, а мне не хотелось, и тогда он рассказал вот что: «В эту самую келью приходил третьего дня блаженный Антоний навестить меня; когда же я предложил ему сотворить молитву, он незамедлительно преклонил в этой келейке колена и не заставил меня повторять ска-

занное, но делом преподавал урок послушания. Если же ты идешь по его стопам и подражаешь его жизни, монашествуя и подвижничая на чужбине, отложи свое любопрение».

Вот еще один его рассказ: «Когда я печалился о делах злочестивого царя Юлиана, тревожась, что он гонит церковь, случилось мне сидеть день, до глубокого вечера, не вкушая хлеба по причине этой тревоги; и вот я, сидя на седалище, впал в дрему, и было мне видение, будто всадники неслись на белых конях и возвещали: «Скажите Дидиму, что в седьмом часу сего дня скончался Юлиан; так встань и ешь, да передай весть епископу Афанасию, чтоб и он знал». «И я заметил,— говорил он,— и час, и месяц, и неделю, и день, и все сошлось в точности».

Он же рассказывал мне и о некоей девице по имени Александра, которая покинула город, заперлась в гробнице, взяв с собою все необходимое, и десять лет не показывалась ни женщинам, ни мужчинам; на десятый же год она преставилась, прибрав себя к погребению. А сказала нам об этом женщина, по обыкновению подошедшая к гробнице и не получившая ответа, после чего мы взломали дверь, вошли и увидели, что она преставилась. О ней же рассказывала и трижды блаженная Мелания, о которой я еще скажу, а говорила она вот что:

«В лицо я ее не видела, а только, ставши перед щелью, попросила сказать, чего ради она заточила себя в гробницу. Она же через щель ответила мне: «Один человек из-за меня повредился в разуме; и вот я, чтобы мне не вводить его в печаль или в грех, предпочла лучше живая сойти в могилу, чем быть соблазном для живой души, сотворенной по образу божию». А я и спросила ее: «Как же ты терпишь, как воюешь с унынием, и лица человеческого не видишь?» Она же ответила: «От рассвета и до девятого часа я творю молитвы на каждый час и пряду лен; а оставшееся время размышляю в уме о святых патриархах, пророках, апостолах, мучениках да ем свой хлеб, а время и проходит; и так я дожидаюсь конца с благой надеждой».

XXI. ПОВЕСТЬ О ЕВЛОГИИ И КАЛЕКЕ

Так рассказывал мне Кроний, Нитрийский³ старец:

Ушел я в молодые годы по своей нерачителности из обители моего архимандрита и набрал в блужданиях на гору святого Антония. Гора эта лежит между Вавилоном и Ираклеополем⁴ в совершеннейшей пустыне, которая тянется к Черному⁵ морю; до реки оттуда идти тридцать дорожных камней. Придя оттуда в монастырь на реке, где в месте, называемом Писпир⁶, обретались ученики святого мужа Макарий и Амаат, которым и довелось по кончине предать его погребению, я провел там пять дней, чтобы встретиться со святым Антонием; сказывали, что он навещает эту обитель то через десять, то через двадцать, а то и через пять дней,

как направит его господь на благо посетившим обитель. И вот сошлись там разные иноки с разными нуждами до святого мужа. В числе их был Евлогий, некий монашествующий александриец, и с ним еще другой, калека, а пришли они вот чего ради.

Евлогий этот был человек книжный и обучался всем наукам; возжаждав жития нетленного, он удалился от суеты, роздал все, что у него было, и оставил себе только малую толику монет, потому что не было у него сил для телесного труда. И вот, оставшись ни при чем, он ни в общину не хотел войти, ни сам с собой не ходил удовлетворения; между тем нашел он на торжище выброшенного туда калеку, безрукого и безногого, который только языком и мог помочь себе. И вот Евлогий, остановившись, со вниманием смотрит, молится богу и полагает с богом такой завет: «Господи, во имя твое я принимаю этого калеку и покою его даже до смерти, чтобы через него спастись и мне; ниспошли мне терпение служить ему». Затем он подходит к калеке и говорит ему: «Желаешь ли, почтеннейший, я приму тебя в дом и буду тебя ублажать?» А тот отвечает: «Очень даже». — «Стало быть, я привожу осла и забираю тебя?» Тот согласился. И вот Евлогий привел осла, отвез калеку в свой домишко и стал о нем печься.

Пятнадцать лет калека провел у него, как бы во врачебнице, и вел себя тихо, и Евлогий своими руками омывал его, и ходил за ним, и питал его так, как должно при подобном недуге.

Когда же прошло пятнадцать лет, вселился в калеку бес и стал возмущать его против Евлогия. И начал калека хулить этого человека такими словесами: «Ах ты, захребетник, ханжа, лишние денешки оставил, на мне хочешь спастись? Тащи меня на площадь! Хочу мяса!» Принес Евлогий ему мяса. А тот снова: «Мало! Хочу гарода! Хочу на площадь! У, насильник! Брось меня туда, где нашел!» Будь у него руки, ему недолго бы и придушить Евлогия: так ожесточал его бес. И вот Евлогий идет к ближним подвижникам и жалуется им: «Что мне делать? Довел меня до беды этот калека. Выбросить его? Страшусь, потому что дал обет богу. Не выбрасывать? Злые дни и злые ночи доставляет он мне! Что делать, не ведаю.»

Они же говорят ему: «Коль скоро Великий еще жив (а «Великим» они называли Антония), ступай к нему, а калеку положи в челн и так доставь в монастырь, а там подожди, покада святой муж выйдет из пустыни, и представь все на его суд; и если он что молвит, держись его решения, ибо господь глаголет через него.

И вот он послушался их, взвалил калеку на лодочку, какие бывают у пастухов, ночью оставил город и привез калеку в монастырь учеников святого Антония. И случилось так, что Великий пришел на другой день поздним вечером, и была на нем, как сказывал Кроний, кожаная хламида⁷. А когда он приходил в монастырь, был у него вот какой обычай: он звал Макария и спрашивал его: «Брат Макарий, что, пришли какие-нибудь братья?» Тот отве-

чал «Да». «А что, это египтяне или иерусалимляне?» — потому что он заранее условился с ним так: «Если ты увидишь, что странники пришли празднующие, скажи, что это египтяне; а если это люди благочестивые и с пониманием, скажи, что иерусалимляне». И вот он спросил по обыкновению: «Египтяне ли братья или иерусалимляне?» Макарий сказал в ответ: «Есть и такие, и такие». А когда он отвечал ему: «Это египтяне», — святой Антоний говорил ему: «Приготовь чечевицы и накорми их» — и творил для них одну молитву и с тем отпускал. Когда же тот говорил: «Это иерусалимляне», — он сидел с ними всю ночь и наставлял о спасении.

Рассказывают, что в этот вечер он сел и обратился ко всем. И хотя никто и ничего не сказал ему про свое имя, когда уже стемнело, он воскликнул и произнес: «Евлогий! Евлогий! Евлогий!» — и так до трех раз. А тот книжный человек не отзывался, думая, что зовут другого Евлогия. Антоний снова говорит ему: «Тебе говорю, Евлогий, что пришел из Александрии!» Молвит ему Евлогий: «Вопрошаю тебя, что велишь делать?» — «А с чем ты пришел?» Отвечает ему Евлогий: «Тот, кто открыл тебе мое имя, открыл тебе и мое дело». Антоний ему говорит: «Я знаю, для чего ты пришел, но расскажи это для всех братьев, чтобы и они знали». Говорит ему Евлогий: «Этого калеку я нашел на площади; и положил я с богом завет, что буду об этом человеке заботиться, чтобы мне спастись через него, а ему через меня. И вот, когда прошло уже столько лет, он до крайности меня терзает и принуждает его выбросить. Ради этого-то я и пришел к твоей святости, чтобы ты меня наставлял, как должно поступить, и помолился обо мне; ведь я ужасно терзаюсь». Говорит ему Антоний суровым и грозным голосом: «Выкинешь его? Но сотворивший его не выкинул его! Ты выкинешь его? Но бог вложит мысль человеку лучше тебя, и такой человек возьмет его себе!» И вот Евлогий замолчал и поник. А святой оставил Евлогия и принялся бичевать словами калеку и вопиать: «О злосчастный калека, недостойный ни земли, ни небес, и не стыдно тебе враждовать с богом? Что ты, не знаешь, что попечитель твой — Христос? Как же ты смеешь говорить такие речи против Христа? Не Христа ли ради этот человек наложил на себя добровольное рабство и стал тебе служить?» Разбранив, он оставил в покое и того. Затем он преподавал советы остальным, а после вернулся к Евлогию и калеке и сказал им так: «Не блуждайте, ступайте домой; не отходя друг от друга, вернитесь в вашу келью. Уже бог посылает по ваши души. Ведь и это искушение приключилось вам по той причине, что оба вы близки к концу пути, где вас ждут венцы. Так не делайте ничего неподобающего, и пусть ангел не застанет вас в этом месте. Скорее ступайте назад в вашу келью». И в сорок дней преставляется Евлогий. А еще через три дня преставляется калека.

XXII. ПАВЕЛ ПРОСТЕЦ

Вот еще что рассказывал Кроний, и святой Гиерак, и многие другие. Был некий Павел, простой земледелец, и был он до крайности незлобив и бесхитростен; и взял он за себя жену, весьма красивую и с дурными помыслами, и она долгое время его обманывала. И вот как-то Павел, неожиданно вернувшись с поля, застал любовников за срамным делом; а случилось это по воле провидения, направлявшего Павла на благой путь. И он, скромно усмехнувшись, обратился к ним и сказал: «Ну, что же, хорошо: воистину, до меня это не касается. Клянусь Иисусом, ее мне больше не надо; ступай и забирай с собой ее и ее детей, а я отойду от мира и сделаюсь иноком». И никому ни слова не сказав, он бежит восемь дней, приходит к блаженному Антонию, стучится в дверь, а тот выходит и спрашивает: «Чего тебе надобно?» Павел говорит ему: «Хочу быть иноком». В ответ говорит ему Антоний: «Ты уже старый человек, тебе шестьдесят лет, где тебе стать иноком? Ты лучше ступай в деревню и трудись, и в труде провождай жизнь да славу бога. А снести тяготы пустынножительства ты не в силах». А старик ему снова говорит свое: «Если ты меня научишь, вынесу». Говорит ему Антоний: «Я же тебе сказал, что ты стар и не сможешь этого; если уж хочешь быть иноком, ступай в общежительную обитель, где много братии, и они тебе помогут в твоей дряхлости. Ведь я один сижу здесь, вкушаю пищу через пять дней и терзаюсь голодом». Такими и подобными речами силится он прогнать Павла. Ничего не добившись, Антоний заперся и не выходил три дня даже и за нуждою. А тот не уходил. На четвертый день Антоний вышел по нужде и снова говорит ему: «Да уходи ты отсюда, старик! Что ты меня мучаешь? У тебя же не достанет сил здесь оставаться!» А Павел ему на это: «Невозможно для меня окончить жизнь в другом месте, кроме как здесь». И вот Антоний оглядел его с ног до головы и приметил, что тот не взял с собой никакой пищи, ни хлеба, ни воды и терпит уже четырехдневный голод; тогда он со словами: «Пожалуй, ты так и помрешь здесь и введешь меня в грех, с тебя станется» — принимает его к себе.

В последующие дни Антоний принял такой подвиг, какого не принимал и в юности. Взявши веток, он говорит ему: «Бери и плети веревку, как я». Плетет старик до самого девятого часа и с трудом делает веревку в пятнадцать оргий^в длиной. Антоний смотрит, не одобряет и говорит ему: «Скверно ты сплел. Расплети и заплетай сначала». И так он добивался, чтобы старик, который в таких летах был еще и голоден, не стерпел, рассердился и сбежал от него. А тот расплел и сызнова заплел те же самые прутья. И вот Антоний видит, что Павел не возроптал, не смалодушествовал, не возмутился, и ему стало жалко старика. На закате солнца он и говорит ему: «Не желаешь ли, мы съедим по куску хлеба?» А Павел говорит ему: «Как тебе угодно, авва». И опять-

таки он смягчил сердце Антония тем, что не подхватил с жадностью слово о трапезе, но предложил решать ему самому. И вот Антоний ставит стол и несет хлеба; и положив паксамады, весом больше, чем по шести унций⁹, себе размочил одну (они были сухие), ему три. Но тут Антоний начинает петь псалом, и поет его двенадцать раз, а затем двенадцать раз читает молитву, дабы испытать Павла; а тот снова усердно молится вместе с ним. Я думаю, что старик рад был бы пасти скорпионов, лишь бы не жить с развратницей женой. После двенадцати молитв сели они за стол, а был в это время уже поздний вечер. И вот Антоний съел одну паксамаду, а к другой и не притронулся; а старик больше мешкал в еде, и у него еще оставался кусок паксамады. Антоний подождал, пока тот управится, а после говорит ему: «Съешь, отец, и другую паксамаду». Говорит ему Павел: «Если ты съешь, тогда и я тоже; а если ты не будешь, и я не буду». Антоний ему говорит: «С меня достаточно; ведь я монах». Говорит ему Павел: «И с меня достаточно; ведь и я хочу быть монахом». Он снова встает и творит двенадцать молитв и поет двенадцать псалмов. После он немного спит самую первую часть ночи, а после снова поднимается в полночь петь псалмы и так до зари. И вот Антоний увидел, что старик ревностно подражает его подвижничеству, и говорит ему: «Если ты сможешь так жить день, оставайся со мной». Говорит ему Павел: «Если что сверх этого, не знаю, смогу ли; но то, что я видел, буду делать без труда». Говорит ему Антоний: «Вот, ты стал монахом».

Феодорит Киррский

(387—457 гг.)

Детство и юность Макария Феодорита прошли в Антиохии — одном из значительных центров византийской империи, где процветали науки и искусства. Антиохийские риторские школы славились по всему Востоку. В одной из таких школ получил образование Феодорит. Он изучил грамматику, риторику, философию, историю, христианское богословие, был знаком также с астрономией, медициной, геометрией; что же касается его знания литературы, то оно простиралось как на языческую, так и на христианскую. В своем апологетическом трактате «Излечение языческих недугов» он цитирует более ста древних авторов. До избрания в 423 г. епископом города Кирра (в евфратской Сирии) Феодорит вел уединенный образ жизни, удалившись почти на десять лет в монастырь близ города Апамеи в южной части Сирии. Но сделавшись епископом, он стал принимать самое живое участие в богословских спорах, заботился о благосостоянии и украшении вверенного ему города. Феодорит Киррский был плодовитым писателем: он оставил большое количество догматических, эксегетических, ораторских произведений; его пятитомный труд «Церковная история» представляет собой достаточно подробное изложение церковных и отчасти исторических событий от 324 до 429 г. Стиль этого сочинения прост, хотя и не блещет особой оригинальностью и изяществом. С литературной точки зрения заслуживает внимания повествование о тридцати аскетах евфратской земли — «Повесть о людях, преданных богу, или О подвижнической жизни». В ней описана жизнь пустынников — современников Феодорита или тех, кто жил немного ранее. Автор был близок к тем лицам, о жизни которых он пишет, и в своем сочинении сообщает только то, чему сам был очевидцем. Описания его очень конкретны. Большое внимание Феодорит уделяет быту монахов, их одежде, образу жизни. Для большей убедительности повествования автор ведет его в первом лице. Особую прелесть жизнеописаниям придают личные воспоминания Феодорита о днях его молодости.

ПОВЕСТЬ О ЛЮДЯХ, ПРЕДАННЫХ БОГУ, ИЛИ О ПОДВИЖНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ХII. ЗЕНОН

Удивительного Зенона знают немногие, но знакомые с ним не в силах выразить своего восхищения достойным образом. Ведь чело-

век этот, оставив у себя на родине — это был Понт¹ — огромное богатство, испил, по его словам, из источников Василия Великого орошающих соседнюю землю каппадокийскую, и принес плоды, достойные такого орошения. Ибо тотчас по смерти царя Валента² Зенон снял с себя пояс война (был он в числе тех, кто поставляет царю скорые донесения). Из дворца переселился он в одну гробницу — много их в горе, лежащей близ Антиохии. Там пребывал Зенон в одиночестве, очищая душу, омывая око ее, погружаясь в божественное созерцание; в сердце своем он прокладывал ступени для восхождения к богу, желая обрести крылья, наподобие голубя, в своем стремлении достичь божественного покоя. Вот почему не было у Зенона ни постели, ни светильника, ни очага, ни плошки, ни кувшина, ни даже малого ларчика, ни книжечки, ни иного чего из подобных вещей. Одевался он в старые лохмотья; обувь его тоже требовала заплат, ибо кожа сандалий протерлась. Пропитание — самое необходимое — принимал он только от единственного друга: состояло оно из одного хлеба, коим он питался два дня; а по воду Зенон ходил далеко и приносил ее сам. И когда однажды какой-то человек, увидев Зенона с тяжелой ношею, просил поделить с ним эту тяжесть, Зенон поначалу не соглашался, говоря, что не сможет нить воду, принесенную кем-то другим. Но, не убедив того человека, отдал ему кувшины — ведь он нес два кувшина, в той и в другой руке. Но дойдя до входа в пещеру, Зенон вылил всю воду до капли и вновь поспешил к источнику, подтвердив слова свои делом.

Я тоже, когда в первый раз поднялся на эту гору, желая побеседовать с Зеноном, увидел его с кувшинами в руках. Потом я спросил, где обиталище удивительного Зенона. Он же отвечал, что ему вовсе неведом монах с таким именем. Но я последовал за ним, догадавшись, что это он и есть, по той скромности, какая звучала в словах его. Войдя в жилище, увидел я постель, сделанную из соломы, и еще какую-то подстилку, разостланную на камнях, чтобы удобнее было сидеть на них. Долго мы беседовали о любомудрии (я спрашивал его, а он объяснял мне то, на что я искал ответ). Наконец, мне пора было возвращаться домой, и стал я просить Зенона дать мне напутственное благословение. Он же не соглашался, говоря, что по закону я должен совершить молитву; себя называл он мирянином, а меня — воином³. В самом деле, в то время я читал священное Писание благочестивому народу. Когда же я сослался на свою молодость и незрелый возраст — ведь борода моя только начинала пробиваться — и поклялся не приходить к нему в другой раз, если даже меня станут принуждать к этому, то Зенон, с трудом уступив, наконец, моей мольбе, попросил за меня у бога заступничества; необходимость такого заступничества он объяснял пространно, говоря, что поступает так ради любви и послушания. И я внимал его молитве, подойдя к нему ближе.

Кто смог бы достойно выразить восхищение столь скромным старцем, достигшим таких высот любомудрия! (Ведь сорок лет провел он в непрерывном подвижничестве). Какую следовало бы воздать хвалу, соразмерную величии сего подвига? Ведь при таком богатстве добродетели Зенон, словно пребывая в крайней бедности, ходил по воскресным дням с простыми людьми во святой храм и внимал речам божественным, слушал наставников, причащался таинственной трапезы. Возвращался он в свое необычное пристанище, в котором ни замка не вешал, ни сторожа не оставлял, ибо было оно недоступно злодеям, нечего было у него красть, кроме той единственной подстилки. Взяв у сотоварищей одну книгу, Зенон прочитывал ее всю; потом возвращал ее сначала и тогда только брал другую. И хотя дверь его хижины не запиралась, даже засовом он не пользовался, хранила его благодать свыше. Это ясно показывает такой случай: однажды ночью отряд исавров занял крепость, а на рассвете этот отряд подошел к самому подножью горы. Воины жестоко расправлялись со многими мужами и женами, вступившими на стезю подвижнической жизни. И тогда этот святой муж, видя погибель других, помрачил своей молитвою очи убийц; проходя мимо его двери, они не заметили входа. Зенон рассказывал, призывая в свидетели истину, что ясно видел, как трое юношей гнали мимо весь отряд,— так явил бог Зенону особую благодать свою.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить, как жил этот святой муж и какую благодать принял он от бога. Но все же к этому необходимо добавить следующее: сильно мучился и терзался Зенон оттого, что его имущество остается нетронутым, что оно не распродано и не роздано согласно закону евангельскому. А причиной тому был незрелый возраст сыновей его брата; ведь в то время, когда они сообща владели имуществом и деньгами, Зенон сам не хотел отправляться в родной дом ради раздела; продать же другому часть своего состояния он боялся, как бы покупатели не обманули племянников и не возвели бы этим порицание на него. Не зная, как поступить, Зенон отложил продажу на длительный срок, после чего продал все кому-то из своих знакомых, большую часть раздав уже. Но застигнутый в это время болезнью, вынужден был спросить совета, что делать с оставшейся частью имущества. И вот он послал за проедром⁴ города — это был славный Александр, краса благочестия, образец добродетели, совершенное олицетворение любомудрия.

«Подойди сюда, моя светлая головушка,— сказал Зенон,— и распорядись как можно лучше вот этими деньгами, раздели их согласно божьему велению, как если бы ты собирался держать ответ пред самим бесным судиею. Ведь одну часть я сам роздал своими руками,— так, как мне казалось лучше всего. Подобным же образом я хотел распорядиться и остальной частью; но поскольку мне дано повеление уйти из этой жизни, я назначаю тебя распоря-

дителем этих денег, ибо ты — первосвященник и ведешь образ жизни, достойный своего святительского сана».

Так передал Зенон имущество, словно божьему казначею. Сам же пожил еще немного и ушел из жизни, как подобает уходить с ристалища какому-нибудь победителю на олимпийских состязаниях, получив похвалу не только от людей, но и от ангелов. Я же прошу этого человека стать моим заступником пред господом и перейду далее к следующему повествованию.

XXIX. МАРИНА И КИРА

Поведав о жизни мужей благочестивейших, я полагаю полезным напомнить и о женах, которые ничуть не меньше, если не больше, соревновались в подвижничестве. Ведь они достойны даже большей похвалы, будучи по природе своей слабее, но являя пред мужами такое же рвение избавить род свой от позора прародительского.

Напомню я сейчас о Марине и Кире, которые своими подвигами терпения превзошли всех других жен. Родились они в Беррое⁵; род их был знаменит на родине, и воспитание получили они соответствующее происхождению. Но презрев все это, возлюбили они одно небольшое местечко не доходя до города, где и поселились, завалив доступ к себе камнями и глиною. Когда же их прислужницы захотели жить вместе с ними, то Марина и Кира, построив небольшую хижину за той оградой, велели им в ней поселиться. Сквозь небольшое какое-то оконце наблюдают за их образом жизни, нередко побуждают их к молитве и зажигают в них любовь к богу. Сами же, не имея ни дома, ни шалаша, живут под открытым небом. Вместо двери устроено у них нечто вроде окна: через него они и пищу принимают необходимую, и с приходящими к ним женами беседуют. Для такого общения определен особый день — день пятидесятницы⁶, так как все остальное время Марина и Кира проводят дни свои в молчании. А с приходящими беседует одна Марина; голоса другой никто и никогда не слышал.

Носят они на себе вериги, и ноша эта столь тяжела, что Кира, будучи телом послабее, сгибается до земли и не может выпрямиться. Верхнее платье их длинно, поэтому сзади оно волочится по земле и совершенно скрывает ноги, а спереди спускается до самого пояса, полностью покрывая лицо, шею, грудь и руки. Я часто их видел, пройдя через ту дверь, ибо они позволяли отворять ее предо мною из уважения к священническому сану. Потому-то я и увидел тот косяк железа, что был не вподъем даже дородному мужу; после многих неотступных просьб моих я смог тогда избавить Марину и Киру от вериг; но когда я ушел, они вновь возложили их на свои привычные члены: на шею цепь, на поясицу пояс, а к рукам и ногам то, что для них предназначалось. И так живут они не пять, десять или хотя бы пятнадцать лет, но целых

сорок два года. И несмотря на то, что столь долгое время пребывают Марина и Кира в подвижничестве, они с радостью обливаются потом, будто только недавно приняли на себя подвижничество. Созерцая красоту жениха небесного, они весьма легко и охотно несут тяготы пути своего и стремятся достичь высшего предела подвижничества, видя за тем пределом того, кого они любят и кто показывает им венок победы. Ради этого переносят они и дождь, и снег, и зной солнечный; и не печалются, не сетуют, но обретают радость в том, что иному представляется тягостным.

Подражая посту божественного Моисея, Марина и Кира трижды по стольку же времени постились и по прошествии сорока дней испробовали пищи немного. Трижды подражали они воздержанию от пищи божественного Даниила: в течение двадцати одного дня постились и только после этого дали своей плоти пропитание.

Пожелав однажды посмотреть святые места, где спаситель Христос принял страдания, Марина и Кира отправились в Элию⁷; в течение восьми дней не вкушали они никакой пищи, а дошедши до того града и окончив поклонение, подкрепились и снова в путь отправились, и не ели, пока не завершили его; длина же пути была не менее двадцати стадий. А возжаждав посмотреть храм Феоклы Победоносцы, что находится в Исаврии, дабы еще более возгореться огнем благодати божией,— как ушли, так и пришли, ни разу не вкусив пищи: столь сильно пылал в них огонь божественный, столь пламенной была любовь их к жениху небесному. Таким житием своим украсили Марина и Кира род женский, явив всем остальным как бы образцы для подражания, и господь увенчает их победными венцами. Я же, показав, какая от этого польза, и получив благословение, перейду к следующему повествованию.

Императрица Евдокия (Афинаида)

(конец IV начало V в.—460 г.)

Об императрице Евдокии, жене Феодосия II, говорят многие византийские историки — ее современники Сократ и Созомен — и более поздние — Малала, Евагрий, Фотий, Цец и др. Ее необычайная судьба постепенно описывалась все более подробно и дала почву для создания романтической истории, объясняющей ее возвышение до сана императрицы, ее ссылку и смерть в Иерусалиме.

Евдокия родилась в конце IV или начале V в. и была дочерью афинского софиста Леонтия, преподавателя философии и риторики. Ее отец был язычником, в этой же вере воспитывалась его дочь, носившая имя Афинаиды. С ранних лет она стала ученицей отца и проявила большие способности к литературе и ораторскому искусству; кроме родного греческого языка она знала и латинский. После смерти отца, оставившего ей очень скудное наследство по сравнению с ее двумя братьями, Афинаида, выгнанная этими братьями из дома, отправилась в Константинополь, где жила сестра ее отца, искать справедливости. Ее тетка добилась для нее приема у старшей сестры молодого императора, Пульхерии, фактической правительницы Восточной империи. Пульхерия была поражена умом, образованностью и редкой красотой Афинаиды и стала спрашивать ее служанку, девушка ли она. Получив утвердительный ответ, она предложила Афинаиде стать женой Феодосия, но, конечно, отказаться от язычества, креститься и принять христианское имя; Пульхерия была крайне религиозна, да к тому же на византийском престоле уже почти сто лет не было ни одного язычника, Афинаида согласилась и в 421 г. была обвенчана с императором, приняв в крещении имя Евдокии. Судя по ее дальнейшей деятельности она искренно увлеклась христианской догматикой и стала ревностной христианкой. Около 430 г. она совершила поездку в Иерусалим на поклонение гробу Господню, а свои литературные интересы направила на изложение библейских преданий Ветхого и Нового Заветов греческим гекзаметром. Прекрасно зная поэмы Гомера, она пользовалась в этих переложениях его эпитетами, метафорами и образами, часто и целыми стихами. (Этот тип стихотворства был в ту пору распространен и носил название «лоскутных» стихов — *Ἡέυτρα*, или *centones*.)

От Феодосия Евдокия имела двух дочерей, из которых младшая умерла в детстве, а старшая уже в два года была обручена с пятилетним Валентинианом III, внуком Гонория, и стала впоследствии римской императрицей.

Счастье не осталось верным Евдокии до конца ее жизни. Ее оклеветали перед мужем, обвинив в излишней склонности к красивому Паулину, другу императора, крупному сановнику. Впоследствии вокруг этого события сложи-

лась целая история о яблоке, поднесенном императору: он послал это яблоко жене, она переслала его Паулину, в это время тяжело больному, а Паулин отправил его в дар императору; из ревности Феодосий сослал и казнил Паулина и велел жене уехать в ссылку в Иерусалим, сперва дав ей свиту, но потом лишив ее этого почета. О казни Паулина и ссылке Евдокии упоминают все историки, но не все связывают эти события между собой. Вернее всего, причиной ссылки были придворные интриги приближенных Пульхерии, которая стала все враждебнее относиться к Евдокии, боясь потерять свое влияние на Феодосия.

Евдокия в ссылке держала себя с достоинством, занималась чтением религиозно-философских книг, делами благотворительности и построением нескольких церквей в Иерусалиме — городе, носившем тогда название Элим Капитолины и очень бедном. Одно время Евдокия приняла участие в религиозных спорах, покровительствуя учению монофизитов, признававших в Христе только божественную природу вопреки учению господствующей церкви о «богочеловечестве» Иисуса. Учение монофизитов для людей, воспитанных в язычестве, было более понятным и приемлемым. Однако, когда монофизитство было объявлено «ересью», Евдокия не решилась порвать с церковью и осталась ей верна. В Константинополь вернуться ей уже не удалось; она пережила Феодосия и умерла в Иерусалиме в 460 г.; перед смертью она поклялась в своей постоянной верности Феодосию — так заканчивают рассказ о ней некоторые хронисты.

О поэтических произведениях Евдокии имеются следующие сведения: кроме упомянутых переложений библейских преданий и книг пророков Захарии и Даниила, она написала хвалебное стихотворение в честь победы Феодосия II над персами (одержанной, разумеется, его полководцами — Феодосий никогда не участвовал в походах), «похвалу» городу Антиохии и большую поэму о мученической смерти Юстины и Киприана, погибших при гонениях на христиан; фактически даты их смерти не совпадают. Киприан, епископ карфагенский, погиб в 258 г. при Валериане, Юстина — в 303 г., в последнее сильное гонение на христиан при Диоклетиане.

Из этих произведений до нас дошли переложение Нового Завета (хотя и оно издано не полностью) и последняя поэма, состоящая из трех книг; ее полное переложение дал в своем «Мириобиблоне» Фотий; мы же имеем I книгу без начала, II — без конца, III — нет ни в одной рукописи. Однако именно III книга наиболее интересна.

В своих сочинениях Евдокия была не вполне самостоятельна: даже в переложениях Библии она не только использовала стихи Гомера, но, по-видимому, являлась не автором всей поэмы, а редактором стихотворения некоего епископа Патрикия, который не успел при жизни закончить эту работу. Поэма о Юстине и Киприане тоже излагает в гекзаметрах прозаическое «житие», которое дошло до нас в неполном греческом оригинале и в более распространенной латинской версии под названием «Confessio Syrgiani». Однако Евдокия сильно расширила это повествование и внесла в него некоторые черты, отсутствующие в прототипе.

Своеобразный интерес этой повести заключается в том, что под именем Киприана соединены два, на первый взгляд, диаметрально противоположных

образа: известный писатель-догматик, епископ Киприан Карфагенский, канонизированный как мученик, и прославленный на Востоке легендарный маг, носивший то же имя; о нем ходило множество легенд — о договоре его с сатаной, о преступлениях, совершенных с помощью нечистой силы, и т. п. Но, кончает легенда, убедившись в бессилии сатаны, не сумевшего покорить девушку-христианку, в которую были влюблены и сам Киприан, и один из его «клиентов», маг Киприан принес публичное покаяние, отрекся от сатаны и умер за христианскую веру. Именно эта «исповедь Киприана» (во II книге) и составляет наиболее интересную часть поэмы: в ней ярко отражены языческий синкретизм этой поздней эпохи и множество странных суеверий. Дошедшая до нас часть I книги менее интересна — в ней подробно рассказано, какими бесовскими ухищрениями Киприан пытался соблазнить Юстину и как был побежден. Книга III была посвящена истории мученической смерти Юстины и Киприана, вместе заключенных в темницу и казненных.

Несмотря на хорошее знание греческого языка, Евдокия допускала в своих поэмах некоторые грамматические и фразеологические ошибки, — конечно, с точки зрения классических норм. Стих ее в общем правилен, местами тяжел, но сохраняет основы античной метрики — соблюдает цезуру и избегает зияний; смешение долгих и кратких слогов встречается редко.

О СВЯТОМ КИПРИАНЕ ¹

(II книга, 1—81 и 229—296)

Вы, кто глубокую веру в Христов приснопамятный подвиг
Носите в сердце, на слезы горячие, мной пролитые,
Ныне воззрите, чтоб ясно понять мою боль и страдание.
Знаю, поймете вы все — говорю я лишь чистую правду.
Вы же, кого веселит кумиров вид безобразный,
Речи внимайте моей! Обману я обман их и лживость.
Жил ли еще хоть один человек, кто подобным нечестием
Был преисполнен, как я, кто демонам, грешник, предался,
Спутником был постоянным, усердным при лживых кумирах,
Все через них познавал и тайные силы их ведал?
Да, это я, Киприан, который в младенчестве раннем
Отдан был в дар Аполлону решеньем родительской воли.
Видел малюткой еще я шумные оргии зверя,
Змея-губителя. После, едва я достиг семилетья,
Митре я был посвящен Фаэтону ² и чтил его тайны.
Жил я в ту пору на кручах великого града афинян,
Став гражданином Афин, ибо это было угодно
Тем, кто меня породил. А десятого года достигнув,
Факел Део ³ разжигал и в блестящем шествии гибель
Коры оплакивал я. Афине, на высях стоящей;

Праздник змеинный свершал; а став служителем храма,
В лес на Олимпе ушел. Ведь те, кто в незнание коснеет,
Домом блаженных богов называют эту вершину.
Странные там услышал я слова, и шумы, и гулы,
Заки узрел и деревьев стволы, изумленье рождавших;
Демонам страшным и злобным они, казалось, служили.
Оры ⁴ пред взором предстали, услышал я ветров беседу,
Многих я дней вереницы узрел: через них посылает
Аживые вымыслы нам беспощадная злобная сила.
Духи вели предо мной хоровод, и ужасные песни
Пели они и вступали в жестокие битвы Ареса,
Хитрые козни ковали они, издевательства злые,
Страх леденящий. И там же предстали многие сонмы
Мне и богов, и богинь. Четырежды десять провел я
Там и дней, и ночей,— и к ним еще восемь добавил.
Словно из царских дворцов, оттуда сквозь воздух на землю
Множество духов летит: они принуждают народы
Злые желанья свои выполнять и в беды ввергают.
В час, когда в тьму Фаэтон погружался, тогда лишь вкушал я
Пищу с древесных вершин. И вот, пятнадцатилетним
Юношей ставши, постичь богов и духов природу
Я восхотел: и тогда от семи жрецов велемудрых
Каждого демона мощь и дела познавать научился.
Те, кто родили меня, хотели, чтоб все изучил я,—
То, что сокрыто в земле, и в пучине, и в бездне воздушной.
Все я узнал — не только о том, что губельно людям,
Но и о том, что в цветущих скрывается травах и в соке
Самых красивых растений, что в тело людей истомленных
Яд свой вливает — и все, что измыслил злокозненный демон,
Этой земли властелин, изворотливый, злой, хитроумный,
Чтоб уничтожить решенья бессмертного мудрого бога.
В Аргос богатый конями потом свой путь я направил.
Празднество там совершалось в честь Эос лилейноодежной,
Вечной супруги Тифона; и стал я участником таинств:
Понял, как воздуха вихри весь мир обтекают по кругу,
Понял родство меж струей водяной и землей плодородной,
Между потоком дождя и божественной воздуха силой.
После в Элиду пошел я, оттуда отправился в Спарту:
Страшный древесный кумир я узрел Тавропольской богини,
Суть вещества я постиг, многовидных металлов природу,
Числа, рисунки и знаки, которыми космос начертан,
Древних преданья времен изучил. А в пределах Фригийских
Стал прорицателем я: научился в рассеченной жертве
Печени смысла толковать и видеть грядущего образ.
Скифы меня обучили разгадывать пенье пернатых,
Видеть приметы в извивах пути бегущего зверя,
Знамений речь постигать и то, что свершится, предвидеть.

Треск деревянной доски и гул скалы раздробленной,
Голос из древних могил, где кости хранятся умерших,
Скрип скобы на дверях, удары жил у недужных,
Крови извилистый ток, пятнающей члены больные,
Легкий укус муравья, болезнь вносящий в суставы,—
Все я загадки раскрыл, что скрыты и в числах, и в слове,
Плоти страданье постиг, основные устои природы.
Кляत्व я цену узнал, правдивы ль они или ложны,
Зрел, как желанье людей к нежеланному гонит исходу.
Стало открытым мне все — на земле и в пространствах воздушных,
В бездне морей; и пестрой мечты, и замыслов скрытых,
Хитросплетений ума, изобретений выдумки ловкой,
Ложных обманчивых чар, нечестивых путей преступленья
Тайны постиг я — и все, что на этой земле существует.

5

Речи поверьте моей — я главного демона видел,
Жертвенным дымом его ублажив, угостив приношеньем,
Верьте — представ перед ним, я с речью к нему обратился;
Ласковым словом он мне отвечал: от иных отличаюсь
Юношей я — он сказал — красотою и с Ямбрием⁶ сходен,
Мощным властителем чар, и деяньями с ним я сравнюсь.
Мне предложил благосклонно в борьбе за господство над миром
Встать на его стороне — и сулил мне в жизни подмогу.
Эти услышав слова, меня весь сонм злочестивый,
Демонов рой восхвалял и, меня окружая, воскликнул:
«О Киприан, ты к величью рожден!» С престола поднявшись,
Сам он напутствие дал мне и всех поверг в изумленье.
С этой поры все слуги его меня чтили безмерно.
Лик его, грозно сверкавший, влатору цветку был подобен,
Кудри горели огнем, главу венчала корона,
Блеск разливая вокруг сияньем камней драгоценных,
Словно великое пламя палату она озаряла.
Мантией пышной одет был; вставал — и земля колебалась.
Тесным кольцом окружали престол его копыеносцы.
Взор в палате блистал, как огонь и как бог на Олимпе,
Сам восседал он меж звезд, окруженный садом цветущим.
Так он всему, что бог сотворил, подражает, враждуя
С вечным бессмертным владыкой, с его святым окруженьем.
Слабых смертных умы увлекает он в тьму заблуждений,
С хитрым искусством он к ним посылает тени пустые,
Но в этих призраках скрыта коварная демонов сила.
Зримыми стать для людей нечестивые духи стремятся,
Видимый образ создать и мощью его преисполнить.
Жирный жертвенный дым и куренья им пищу приносят,
Ведь из святилищ всегда возносится дым в изобилии,
Жадно его поглотив, разлетаются тени по миру.
Это обличье надев на себя, как яркие искры,

Или как нить шерстяная, как легкое тело пушинки,
Храмов высокие своды они покидают, и сонмом
Призраки в воздух летят на сражение с истиной чистой.
Могут они принимать муравья незаметного образ,
В каплю вселиться воды, проникнуть в плодов созреванье;
Служит укрытием им все, что рождает земля и питает,
Лишь бы им удалось обольстить наши смертные очи.
Может нам вдруг показаться, что видим мы лица умерших,
С ними беседу ведем, как будто они перед нами.
Все это — козни врага, он принял умершего образ
Тайным коварством, прикрылся его знакомым обличем.
Видом подобен ему, — но нет в этом призраке силы.
Призраки могут и ливень послать, но дождь их не влажен,
Могут разжечь и пожар, но пламя их — льда холоднее,
Рыбные стаи покажут, — но ты этих рыб не поймаешь.
Золота груды дают, но дар их — жалкая бедность.
Могут они показать и страны, и дебри лесные,
Город, и брачный покой, и мощных платанов вершины,
Рощи манящую тень, и край, тебя воспитавший,
Прелесть цветущих лугов — и смертных умы предаются
Этим лживым виденьям, творениям демонов жадных.
В сладкой дремоте ночной вкушают они наслаждение.
Знай, это демон, сгитаясь повсюду, творит эти чары,
Злобный враг божества, нечестивый дух-осквернитель.
Но почему же теперь я сам, душой содрогнувшись
Перед владыкой небесным, отвергнув кровавого змея
Мощь губительных чар и лживость пустых обещаний,
Все еще мыслю о мраке и бездне? Ведь юною Юсту
Видел уже я; узнав, как пред святостью девушки чистой
Демоны в страхе бежали, свое почуяв бессилье.
Видел я сам, как к ней приближался, исполненный ядом,
Гибелью смертной дыша, устрашающий змей хитроумный,
Видел, какую он силу явил — комару уподобясь!
Девушки видя победу, я понял, что этот владыка
Многое может сулить, но свершить ничего не умеет.
Мощного змея поправа она и под ноги повергла.
Слушайте, люди! Да, тот, кто владыка над сотнями духов,
В двери девической спальни войти оказался не в силах,
Трепетом жалким объят. Да, тот, кто ведал заклятья,
Чтобы разверзлись любые врата, обессилел пред девой.
Мнил он владыкой над всеми себя — побежден чистотою,
Землю хотел всколебать — покорился женщине слабой
Тот, в чьей груди бушевала могучая сила, повергнут.
Львом кровожадным он быть возмечтал, внушающим ужас,
Но от преддверия дома он был отогнан, как муха,
И посрамлен и осмеян он ныне женскою силой.

Христоводор Коптийский

(491—518 гг.)

Христоводор, происходивший из египетского города Копта, писал в царствование Анастасия. Его эпические поэмы (в том числе одна на христианский сюжет) утеряны. В Палатинской антологии под его именем приводятся две маловыразительные надгробные эпитафии (VII, 697—698) и занимающий всю II книгу антологии экфрасис, описывающий в 408 гекзаметрах 88 статуй богов, героев, а также философов, поэтов и государственных мужей как Греции, так и Рима. Жанр экфрасиса, получивший развитие еще во времена второй софистики, пользовался большим распространением в ранневизантийской поэзии (например, Агафий — «На изображение архангела Михаила»; Павел Сицилианский — «Освещение купола храма св. Софии»).

ОПИСАНИЕ ИЗВЯЯНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ГИМНАСИИ, КОТОРЫЙ ИМЕНУЕТСЯ «ЗЕВКСИППОВЫМ»¹

(отрывки)

1. ДЕИФОБ, ЭСХИН, АРИСТОТЕЛЬ, ДЕМОСФЕН

Первым стоял Деифоб, на алтарь стопы опирая,
В медных доспехах, отвагой кипя, дерзновенный воитель!
Так он в троянскую ночь у дверей пылавшего дома
Некогда встал, Менелаю оружием вход заградивши.
В точности был он подобен идущему; верно художник
Сгорбленный злостью хребет изваять сумел под доспехом,—
Ярое бешенство боя! Глаза исподлобья взирали,
Будто следили с опаской движенья врагов подступавших;
Щит округленный он шуйцей вперед выставял, а десницей
Меч высоко воздымал, и рвалась рука изваянья
Плоть врага растерзать, беспощадным железом пронзая,—
Если бы только природа движенье дозволила меди!
Был там и муж Кекропид, громоблещущей речи искусством
Дивный Эсхин. Округленные щеки под мягкой бородою
В складки стянулись, как будто стоял он на площади шумной.
Яростным спором волнуем, вития! Поодаль виднелся
Сам Аристотель, премудрости вождь. Покоясь, стоял он,
Руки перстами сплетя; однако и в меди безмолвной
Мысль не утихла его, но, мнилось, в труде неустанным
Вечным раздумьем была занята. Ланиты втянулись,

Время усилий ума многодумного взору являя,
А пронизательный взор обличал высокую мудрость.
Звонкоголосый меж ними вития блистал Пеанийский ²,
Мудрый родитель речей громкозвучных, во граде афинян
Некогда пламень возжегший властительного Убежденья.
Не был облик спокойным: чело омрачала забота,
В сердце разумном глубокие думы чредой обращались,
Словно собирал он в уме грозу на главы эматийцев.
Скоро, скоро от уст понесутся гневные речи
И зазвучит бездыханная медь!.. Но нет,—нерушимо
Строгой печатью немые уста сомкнуло искусство.

II. АНАКСИМЕН, КАЛХАНТ

Анаксимен многоумный стоял между них, обращая
В духе своем многосложный узор божественной мысли.
Зрелся меж них и Калхант Фесторид, премудрый провидец:
Мнилось, грядущее было пред зраком его, но молчал он,
Тайной предведенья края,— скорбя ли по рати ахейской,
Или страшась за царя многозлатной, великой Микены.

III. САПФО

Звонкоголосая Сапфо, пчела Пиерид, восседала,
Тихо покоясь, но в сердце слагала лесбийская дева
Сладкозвучную песнь, и музы ей ум обуяли.

IV. АФРОДИТА, АЛКИВИАД, ХРИС, ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Подле Киприда виднелась, и дивно по блещущей меди
Сладкая нега была разлита. Обнажилися перси,
Но округленные бедра скрывались под ризой просторной,
И на главе золотая повязка кудри стянула.
Зрел я меж них Клиниада: сей муж среди всех выдавался
Прелестью дивной; пленительный блеск озарял изваянье.
Был он таков, как в прославленном граде аттическом древле
Мудрости дивной советы творил средь мужей кекропийских.
Хрис недалеко стоял, Аполлонов служитель, десницей
Скиптр держа золотой, на главе же почтенной имея
Светлый Фебов венец: выдавался он ростом огромным,
Древнему роду мужей присущим. Просителем, мнится,
Он пред Атридом стоял. Глубоко брада опустилась,
А по плечам разлилось несплетенных кудрей изобилье.
Юлий Кесарь блистал поодаль, что некогда дивным
Множеством вражьих щитов украсил Рим велелепно.
Он подымал на плечах убор грозноокой эгиды,
В крепкой же длани перун потрясал, веселясь несказанно,
«Зевсом вторым» нареченный устами племен авсонийских ³.

V. ГЕРМАФРОДИТ

Был там и Гермафродит изящный обличем,— ни мужа
Вид, ни жены, но двойкий. Его от Гермеса родила
(знаешь и сам ты, пожалуй) Киприда о персях прекрасных.
Словно у девы, набухшие груди круглились четою,
Но в остальном он подобился облику мужеской плоти,
Той и другой красоты обоюдную прелесть являя.

VI. АПУЛЕЙ

Неизреченные тайны латинской музы безмолвно
В духе своем созердал Апулей, италийской сирены
Дивный питомец, вскормленный для оргий премудрости тайной.

VII. ГЕРМЕС

Был там и легкий Гермес о жезле золотом, и десницей
Он на стопе укреплял окрыленной плесницы завязки,
В путь устремиться готовясь: уже изогнул он для бега
Быструю правую ногу; слегка опершись о колено
Левой рукой, он зрак устремлял к беспредельному небу,
Словно внимал с прилежаньем родителя властному слову.

VIII. ГОМЕР

Одушевленная медь Гомера являла, и не был
Облик ни мысли лишен, ни разума — речи единой
Недоставало ему. Чудеса явило искусство!
Подлинно бог потрудился над хитроизваянным ликом.
В сердце мысль обращая, не в силах поверить я, будто
Смертный искусник сей труд созидал, хлопоча перед горном:
Нет,— но Паллада сама, многоумная, мудрой рукою
Облик знакомый смогла повторить: ведь она обитала
Некогда в этой груди, воспевая дивные песни,
Так он стоял, мой отец, Аполлону в певцах сопредельный,
Муж богоравный, Гомер, старцу подобился видом
Дряхлым. Но в нем и самая старость сияла отрадой,
Дивно его увенчав и украсив святым благолепьем,
Важным и кротким, любовь и почтение сердцу внушавшим.
Локон седой и извитый бежал по вые склоненной,
Подле ушей ниспадал, разветвлялся в хитрых блужданьях;
Книзу свободно легли, просторно лик обрамляя,
Мягкоизвитой бранды завитки, и она не сужалась
Остро, но вольно лилась, велелепным украсив убором
Персей его наготу и усладу почтенного лика.
Было открытым чело, и сиял на челе обнаженном
Ум, назиданий благих исполненный. Брови вздымались,
И не напрасно поднятыми их изваяло искусство

Зоркое: свет был отъят у четы очей сиротевшей.
Все же он не был подобен слепцу убогому видом:
Прелесть и в зраке померкшем жила. Не без умысла, мнится,
В нем очевидным явило художество нашему взору
Мудрости свет неугасный, в разумном сердце сиявший.
Впалыми чуть приметно содеяла старость ланиты,
В складки стянув,— но на них, украшая облик почтенный,
Строгая важность почила и милые с нею Хариты.
Подле божественных уст Пиерийские ⁴ пчелы витали,
Словно вокруг сот медоносных. Меж тем, десную и шуйцу
Он от обеих сторон простираал, опираясь на посох,
Словно при жизни, и чутко склонял со вниманием ухо:
Мнилось, призыв Аполлона слышал певец издали
Или кого из сестер Пиерид. Но дух сокровенным
Был помышлением занят, и ум извлекал непрестанно
Из потаенных святилищ плоды многохитростной мысли,
Браням слагая хвалу, Пиерийской сирены напевы.

IX. ГЕРАКЛИТ, КРАТИН, МЕНАНДР

Был там и муж богоравный, великая слава эфесян,
Древний мудрец Гераклит, что некогда первым о жалкой
Доле смертного рода пролил сострадательно слезы.
Разумом дивный Кратин изваяньем меж них красовался:
На властодержцев афинских, коварных душою мздолюбцев,
Некогда он ополчился грозой в сокрушительных ямбах.
Дал он комедии славу, шутовскую музу возвысив.
Подле стоял и Менандр, что в Афинах, прекрасных устройством,
Некогда ярко сиял, как звезда комедии новой.
Часто он девичью страсть выводил и лукавые тайны,
Буйство любви и невинности кражу без брака и свадьбы;
Много он ямбов родил на служение милым харитам,
Прелесть украшенной речи с любовной усладой сливая.

X. ПОМПЕЙ

Вождь Авсонийский, Помпей, похвалялся славной добычей
Он побежденных исавров, отваге его уступивших:
Грудю мечей исаврийских ⁵ пятой попираал он, ликуя,
Ибо согнул под рабский ярем строптивую выю
Тавра ⁶, смиренного крепкой петлей и тенетами Ники.
Светом явился сей муж человекам! А славное семя
Роду царя Анастасия, равного богу, началом
Было. Сие несомненным явил нам царь непорочный,
Ратью своей усмирив племена земли исаврийской

XI. ВЕРГИЛИИ

Милый земле авсонийской, напев воздымающий лебедь,
Дышащий сладостной песнью Вергилий меж них красовался,
В коем второго Гомера вскормило латинское слово.

Нонн из Панополиса

(V в.)

Византийская культура строилась на пересечении самых разнородных традиций. Среди них две притягивали на абсолютную значимость: христианская вера и эллинская образованность, каноны церкви и каноны школы.

Была одна группа литературных явлений, в которых этот дуализм византийского мироощущения проявился с особенной колоритностью, доходящей до гротескности. Речь идет о попытках применить к новому, христианскому, материалу классические формы, по возможности ничего в них не меняя. Событие такого эксперимента возник еще до христианства — в иудейской эллинистической литературе. Как только нашлись люди, которым была одинакова дорога и свята религиозная традиция иудаизма и литературная традиция эллинизма, им захотелось услышать, как зазвучат библейские имена, войдя в аттический стих. Около 150 г. до н. э. еврей Иезекииль написал трагедию «Исход», в которой Моисей должен был изъясняться в греческих ямбах. Полноценное литературное творчество на этом пути было, разумеется, невозможно. Но как бы ни были внутренне несостоятельны попытки насильственно соединить темы и формы, находящиеся между собой в глубоком противоречии, их нельзя вычеркнуть из истории византийской духовной жизни. Как раз в них с необычайной остротой и наглядностью отразилась одна из живых и подлинных потребностей образованного византийца: потребность хотя бы внешним образом объединить в рамках одной структуры два мира, которые владели его воображением, — христианство и эллинизм.

На эти запросы отвечает и «Переложение св. Евангелия от Иоанна», выполненное в классических гекзаметрах, обильно уснащенных архаическими гомеровскими оборотами и словосочетаниями. Автор этого странного сочинения — большой поэт: Нонн из египетского города Панополиса, виднейший метр греческой поэзии V в.

О его жизни мы почти ничего не знаем. Даже приблизительная датировка его творчества серединой V в. — плод ученых реконструкций. Какой-то Нонн был епископом Эдессы, но отождествлять его с поэтом нет достаточных оснований. Из его сочинений сохранились только две поэмы: упомянутое переложение Евангелия и огромная поэма в 48 песнях «Деяния Диониса». Нонн осуществил реформу гекзаметра, усвоенную целой школой эпических поэтов (Трифидор, Коллуф, Мусей); его виртуозная стиховая техника направлена на примирение традиционных законов гекзаметра с новым восприятием языка (стремление к совпадению музыкального и экспираторного ударения, исключение стиховых ходов со спондеями, теряющимися для византийского уха и т. п.). Таким образом, и в чисто формальном отношении поэзия Нонна — рискован-

ное балансирование между двумя разнородными сферами: школьной традицией и живой речью.

Странное впечатление производит тот резкий контраст, который выявляется при сопоставлении обоих сочинений Нонна. «Деяния Диониса» — поэма по всему своему характеру чисто языческая и притом далеко не чуждающаяся резкой, почти истеричной чувственностью; в переложении Евангелия мир языческой мифологии сменяет мир христианской мистики. Но сходства в этих поэмах больше, чем различия. У Нонна ничего не остается ни от пластичной простоты Гомера, ни от наивной простоты Евангелий; и в поэме о Дионисе, и в поэме о Христе господствуют взвинченная напряженность, совершенно неаestheticная по своей сути динамика, полное отсутствие сдержанности, меры и спокойствия. Словесная ткань поэм перенасыщена темными и многословными перифразами и сложными эпитетами; контуры образов размыты, формы взорваны нервным порывом, архитектурный план теряется за пестротой изложения: мир Нонна иногда отдаленно напоминает мир новоевропейского барокко. Лучше всего ему удаются в его переложении Евангелия темные, малопонятные, пугающие как бы самостоятельной жизнью вырвавшиеся из общего контекста образы места. Когда читаешь описание губки с уксусом, подано распятому Иисусу, становится ясно, что здесь воображение поэта совершенно отвлеклось от сцены как таковой и было на мгновение заполнено словами «губка», «море», «пучина», неожиданно вырастающими в неясные, но тем более жуткие символы.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА»¹

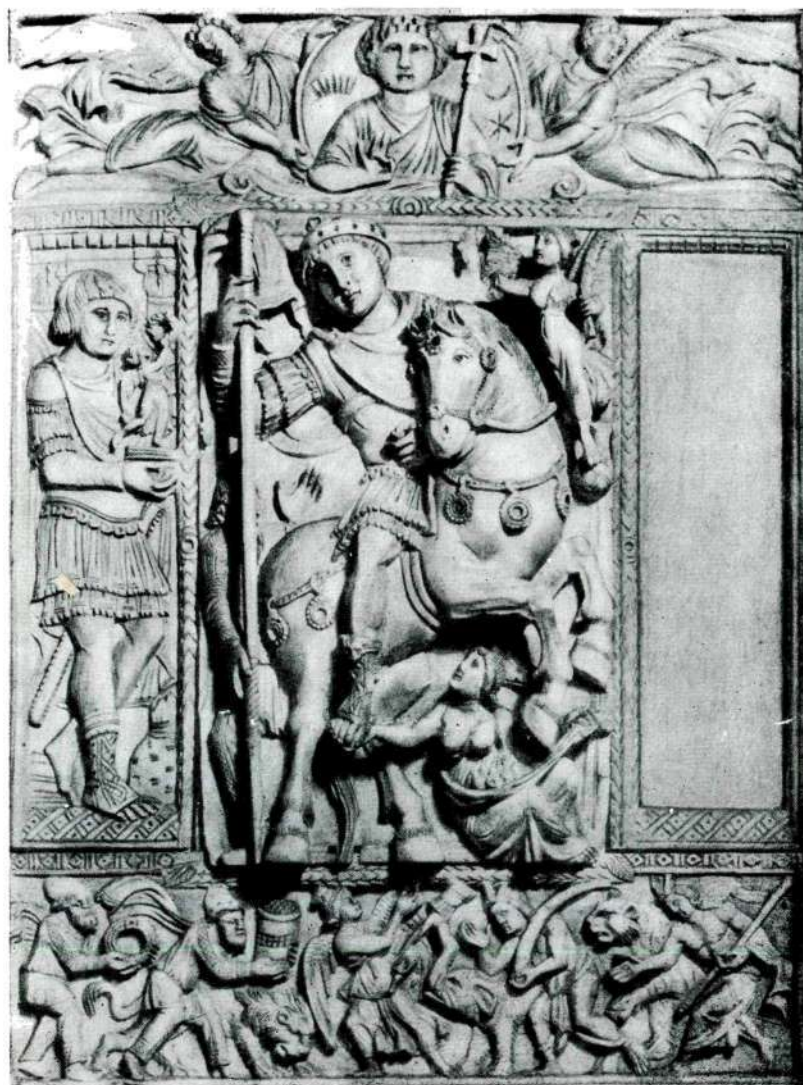
I. КРЕСТНАЯ СМЕРТЬ

...Подле крестного древа друзья собрались совокупно;
С ними была богоматерь Мария и сродница с нею
Одноименная ей Мария; поодаль стояла
Третья Мария, Магдалы рожденье. Приметивши матерь,
С нею же ученика, наипаче любезного сердцу,
Матери молвил Христос: «Возлюбила ты девство, о матерь,
Девственник будет и сыном тебе»; а к нему обратился
С речью такой: «Непорочный, прими непорочную матерь,
Ту, что без родов дала тебе жизнь». И от этого часа
Тот ученик у своих очагов сохранял неизменно
Чистую деву, и сам в чистоте сыновним служеньем
Матери, не по рожденью родной, угождал и заботой.
Тою порой Иисус, череду неизбежных свершений
В сердце своем обнимал и зная, чему оставалось
Сбыться, конец торопя, промолвил толпе предстоявшей:
«Жажду!» Уже недалече была уготована чаша,
Полная уксусом горьким; и некто, с неистовым духом,

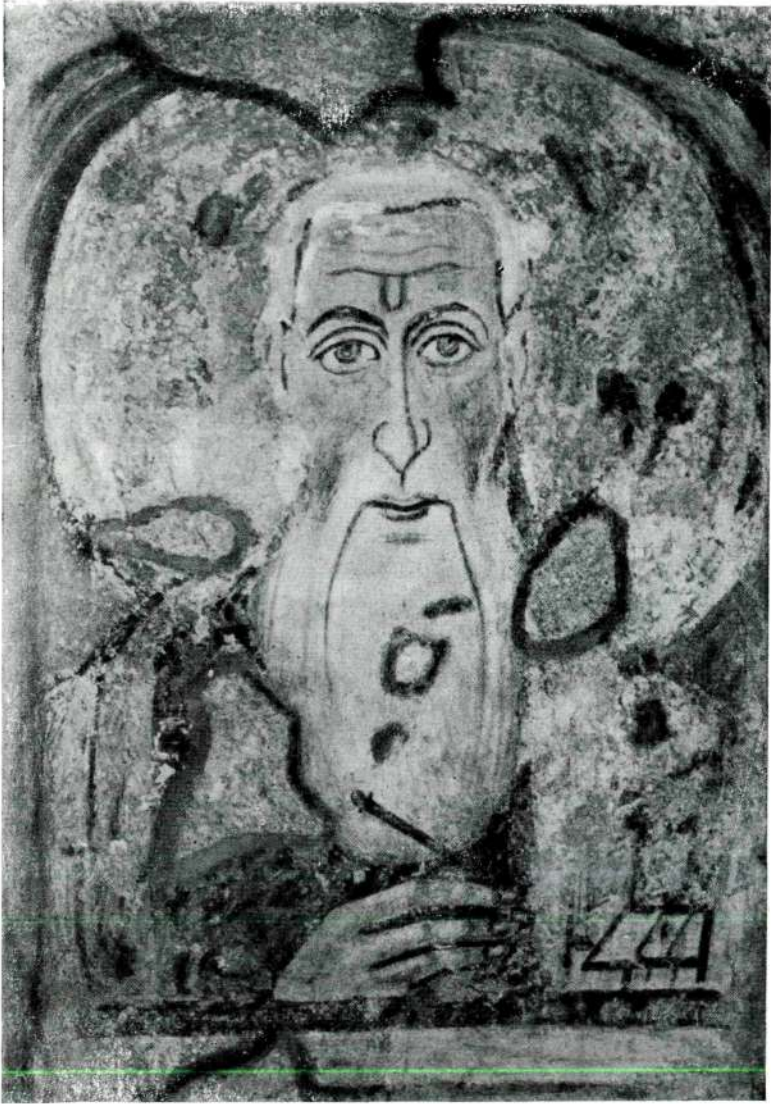
Губку, возросшую в бездне морской, в непостижной пучине,
Взял и мучительной влагой обильно насытил, а после
На острие тростника укрепил и приподнял высоко;
Так он к устам государя приблизил смертельную горечь,
Прямо пред ликом его на шесте длиннотенном колебля
В воздухе губку высоко и влагу в уста изливая,
Вместо живительных вод и божественных яств неистленных
Вот ощутили уста и гортань горчайшую влагу;
Весь обмирая, он молвил последнее слово: «Свершилось!»
И, преклоняя главу, предался добровольной кончине.

II. ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Только жена из Магдалы² у гроба еще оставалась.
Жаркие слезы из скорбных очей изливая обильно
В плаче о боге. Но вот она за блистающей дверью
(Все еще горько печалась о том, кто был недалече)
Ангелов видит чету. Один восседал в изголовье
Гроба Христова, на камне святом, одесную от входа —
Дивно окрест несказанного лика блистанье носилось!
Занял место второй в ногах нетленной могилы,
Света слепящего стрелы рассыпав от риз белоснежных.
Оба, в могильной ограде завидев жену, спросили:
«Что рыдаешь, жена?» Мария в ответ провещала:
«Некие мужи в ночной темноте, предерзкие, тайно
Тело царя моего исхитили, и не сыскать мне,
Где положили его?» И вот, лицо обративши,
Многооплаканного узрела она Иисуса,
Но признать не могла, созерцая своими очами
Облик его, а божественный муж, по саду блуждая,
«Что рыдаешь, жена?» — воззвал к печальнице горькой;
«Молчи, к чему этот плач?» Она же промолвила слово
(В мыслях своих полагая, как будто садовника видит):
Ежели вынес почившего ты из глубокого гроба,
Молви, где тело лежит, и на плечи его возложу я».
Голосом громким в ответ провещал Иисус, нарекая
Имя ее: «Мариам!», и, вся к нему обратясь,
«О раввун!»³ возопила она. Но жене многослезной
Он воспретил амвросических риз десницей касаться,
Строгое слово промолвив: «Моих не касайся хитонов;
Смерть претерпев, еще не узрел я отчего дома.
Ныне иди и братьям моим возвести в назиданье:
«Я возвращаюсь к отцу моему и родителю Мира,
К господу путь я держу моему и вашему богу».

Чекан VI в.

Святой Авваир. Фреска VI в.

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

(V—VI вв.)

Прокл Диадок

(410—485 гг.)

Прокл — последний великий представитель языческого идеализма, доведший неоплатоническое учение о иерархии бытия до высшей степени всеохватывающей систематичности, тончайшей детальности и аналитической рассудочности, родственной по духу поздней схоластике. Попытка дать язычеству приведенную к завершающему синтезу доктрину диктовалась нуждами предсмертной борьбы старого мирозерцания с христианством. Если в сочинениях Прокла выдвигал против возникавшего христианского богословия — языческое, то всей своей жизнью он противопоставлял церковному идеалу святости — философский, был настоящим «святым» для своих единомышленников: именно так Прокла рисует его преемник на посту главы афинской Платоновской Академии Марин. Прокл был необычайно плодовитым автором: ему принадлежат обильные философско-теоретические сочинения (часто облеченные в форму платоновской экзегезы), примыкающие к ним труды по астрономии и математике и шесть гимнов. Гимны Прокла — исключительно наглядный пример парадоксальной по своей сути историко-культурной ситуации на границе античности и средневековья. Они имеют традиционную, восходящую к Гомеру метрическую и лексическую форму, полны вокабулами и словосочетаниями древнего эпоса; в них звучат имена старых божеств — Гелиоса и муз, Афродиты, Афины, Гекаты и Януса, — но в сфере традиционалистского созерцания когда-то скульптурно-выпуклые образы этих божеств «утоновились» и до бесплотности «звевтрелись».

Среди этих гимнов наименее отвлечен по своему настроению, наиболее наполнен живым чувством приводимый нами гимн II (к музам), выражающий пессимизм неоплатонического мудреца, одинокого среди толпы, чуждой его мудрости и отдающей новой религии.

ГИМН МУЗАМ¹

Свет воспоем, воспоем, что к высям стезю указывает,—
Девять то сладкогласных Зевеса великого дочерей,
Те, что в писаньях благих очистительных таинств отраду
Душам людским даровали, плененным жизненной бездной,
Их разрешая от бедственных уз томленья земного.
Нас научили они над глубокотекущею Летою²
Путь в чистоте обретать, возвращаясь к родному светилу,
Ибо оттоле низверглась душа, к юдоли рождения
Некогда пала в безумье, о плотском ревнуя уделе.
Что до меня, о богини,— молю вас: предел положите
Долгим блужданьям моим, опьяните реченьями мудрых!
Да не возможет вовек совлечь меня род нечестивый
С вашей священной стези, благими обильной плодами;
Вы же душу мою от буйства толпы неразумной
Ввысь неизменно влеките, скиталицу, к горнему свету,
Дайте ей плод понести от ваших мудрых писаний
И покоряющий сердце даруйте ей дар красноречья!

Олимпиодор

(начало VI в.)

Олимпиодор — автор комментариев на сочинения Аристотеля и Платона, составитель биографии Платона. Приводимые ниже двустишие примечательно своим законченно языческим духом. От самоубийства, по признанию Олимпиодора, его удерживает лишь авторитет Платона; об авторитете христианской религии, видящей в самоубийстве тягчайший грех, он не считает нужным говорить.

НА «ФЕДОНА» ПЛАТОНА

Когда бы не Платоновы внушения,
Бежал бы я давно из жизни горестной.

Евнапий

(род. в 345 г.)

Языческая культура IV в., стремившаяся удержать в себе античную художественную технику формы и наполнить свое содержание синтезом неоплатонизма и восточной мистики, находит в конце IV в. своего бытописателя в лице софиста Евнапия. Евнапий был уроженцем Сард, учился в 60-е годы в Афинах, затем, по возвращении на родину, сблизился с Пергамской школой неоплатонизма, учился у Хрисанфия, ученика Ямвлиха. Он написал два сочинения — «Исторические записки» и «Жизнеописания софистов». «Исторические записки» охватывали события 270—404 гг. и освещали их главным образом с морально-психологической стороны. Эти записки служили источником для последующих историков: Созомена, Иоанна Патриция, Филосторгия. До нас дошло второе сочинение Евнапия, написанное после 396 г., «Жизнеописание софистов», где, подражая Филострату, Евнапий дает портретные зарисовки главных представителей эллинской образованности своего времени. Во введении к этому труду Евнапий отмечает три периода истории философии, которые уже нашли своих историков в лице Порфирия, Соттона и Филострата, и рассматривает свое собственное сочинение как продолжение этой историко-философской традиции. Евнапий пишет биографии главных неоплатоников, начиная с Платона («Плотин», «Порфирий», «Ямвлих», «Эдесий», «Максим», «Приск», «Хрисанфий»), и наиболее знаменитых риторов своего времени («Юлиан», «Проересий», «Елифаный», «Диофант», «Сополид», «Гимерий», «Либаный» и др.). Биографии неодинаковы по объему — мы встречаем и сухие короткие записки и пространные описания характерных бытовых сценок. Бессистемность изложения, заметная уже у Филострата (III в.), доводится здесь до предела. Евнапий привлекает главным образом анекдотическая сторона жизни, он пишет по рассказам очевидцев, описывает людей, с которыми сам был знаком, и выдвигает на первый план описание любопытных, ярких деталей и напряженных ситуаций, а не осмысление их значения.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ

ЮЛИАН

Во времена Эдесия¹ славился софист Юлиан из Каппадокии. Афины рабски внимали ему, и молодежь отовсюду стекалась к этому мужу, почитая в нем и ротора, и человека. Его славу разделяли тогда и другие ценители прекрасного: Апсин из Лакедемона, известный своими познаниями, Эпагат и целый хор других². Юлиан же

выделялся среди всех, намного превосходя их своим природным дарованием. И у Юлиана было бесчисленное множество учеников отовсюду, и, можно сказать, повсюду. Непонятно, где они размещались. Лучшие среди них — божественный Проересий, Гефестион, сириец Епифаний и араб Диофант³. Достоин упоминания также Тускиан⁴, ведь и он слушал юлиановы беседы. О нем мы уже говорили в записках об Юлиане⁵. Пишущий эти строки сам видел в Афинах дом Юлиана, небольшой и скромный, пропитанный, однако, воздухом муз и Гермеса — так похож он был на святилище. Дом этот он оставил после себя Проересию. Там выставлены были изваяния его самых любимых учеников; был там также и театр из полированного камня, напоминающий общественные театры, но небольшой по размеру, как то и следует дому. В Афинах тогда были такие раздоры между населением и молодежью, словно в городе, как в ту древнюю эпоху войн, опасность скрывалась. Софисты не смели выходить и вести беседы на площадях, а беседовали в своих домах, понизив голос, ведя борьбу не за жизнь, а за хлопки и крики одобрения. О многом я умолчу, но вот что расскажу и добавлю сюда как свидетельство просвещенности и ума Юлиана. Случилось раз, что грубияны ученики Апсина сцепились с учениками Юлиана и одолели их в этой междоусобной схватке. Они по-лаконски осыпали их тяжелыми ударами и, будто обиженные, обвиняли тех, кого сами избили. Дело было передано на суд проконсула, а тот поступил круто и сурово: велел арестовать вместе с ними и учителя и заключить всех обвиненных в оковы, как взятых за убийство. Но проконсул был римлянином, а не грубым, неотесанным деревенщиной. Он вызвал к себе Юлиана, и вслед за Юлианом пришел Апсин, без всякого вызова, чтобы держать речь вместе с обвинителями. Началось рассмотрение дела. Приказали войти обвинителям. Возглавлял сию непокорную Спарту афинянин, некто Фемистокл, зачинщик этой заварухи, страшный задира и грубиян, не оправдывающий своего имени. Апсина проконсул встретил злобным взглядом. «А кто тебя звал?» — спросил он. Апсин ему ответил: «Я пришел бороться за своих детей». Начальник промолчал, не выдавая своих мыслей. Между тем стали входить узники, избитые в драке. Их сопровождал учитель. Они шли с распушенными волосами, со следами побоев на теле, так что даже судьи, глядя на них, проникались жалостью. Когда обвинителям дали слово, Апсин начал было говорить, но проконсул оборвал его: «Нет! У римлян так не положено. Тот, кто первый внес обвинение, пусть сам вторично его отстаивает». Из-за поспешности, с какой был созван суд, обвинители не успели к этому подготовиться, и когда в роли обвинителя пришлось выступать Фемистоклу, то, растерявшись, он менялся в лице, кусал губы, переглядывался с товарищами и шепотом спрашивал: «Что делать?»

Они ведь думали, что идут только орать и кричать, защищаться же станет учитель. Наступило полное безмолвие и смятение (без-

моливие во всем судилище, смятение среди обвинителей), и Юлиан произнес тогда жалобным голосом: «Так позволь говорить мне!» Но проконсул закричал: «Нет! Никто из вас, учителей, заранее уже подготовленных, не получит слова! Никто из учеников не будет рукоплескать вашим словам! Вы сейчас узнаете, что такое римское правосудие, каково оно! Пусть приступает к обвинению Фемистокла, и пусть оправдывается тот, кого ты сочтешь самым лучшим!» После этих слов никто уже не выступал с обвинением, а Фемистокл опозорил имя, которое носил. Проконсул велел против первого обвинения защищаться самому способному, и софист Юлиан сказал на это: «Ты, проконсул, своим чрезмерным правосудием превратил Апсина в Пифагора, хотя и поздно, однако правильно. Ты научил его молчанию. Он же и своих товарищей научил молчать по-пифагорейски. Если велишь защищаться, то прикажи освободить от оков Проересия, одного из моих товарищей, и посмотри, научен ли он молчать по-пифагорейски⁶ или говорить по-аттически». Проконсул благосклонно согласился (мне, пишущему это, так рассказал Тускиан, бывший тогда на суде), и один из обвиняемых, Проересий, вышел на середину без оков. Учитель закричал ему вслед громко и протяжно, как подгоняющие и ободряющие борцов на состязаниях. Он пронзительно крикнул ему: «Говори, Проересий! Пора говорить!» Проересий начал с вступления — Тускиан не запомнил его и смог пересказать лишь смысл. Оратор вызвал сострадание к тому, что они перенесли, и вступление это было наполовину похвалой учителю. Но одно место, одно слово во вступлении было брошено как зерно упрека — он показал, что проконсул распорядился необдуманно, потому что не подобает им ни обвинению подвергаться, ни подобные обиды терпеть. Проконсул склонил голову, потрясенный смыслом его слов и достоинством речи, ее красотой и рукоплесканиями. Всем хотелось хвалить ее, но все были в трепете, как перед знаменем Зевса. При таинственной тишине Проересий перешел к своему второму вступлению (Тускиан запомнил его) и начал так: «Да, если любого можно оскорбить, обвинить и на слово поверить любому до защиты, то пусть владеет, пусть обладает городом Фемистокла». При этих словах проконсул вскочил с места; трясая, как мальчишка, своей окаймленной пурпуром одеждой (римляне называют ее трабесей), этот грозный и суровый человек стал рукоплескать Проересию. Вместе с ним рукоплескал и Апсин, сам того не желая, будучи не в силах удержаться. Учитель Юлиан плакал. Проконсул приказал обвиняемым удалиться, а вместе с ними и учителю обвинителей. Затем он схватил Фемистокла и лаконцев, напомнил им о лакедемонских плетях, да прибавил еще и афинских. Прославленный и сам, и через своих учеников, Юлиан скончался в Афинах, и над его могилой ученики состязались в похвальных речах.

Хорикий

(VI в.)

Жизнь и деятельность Хорикия теснейшим образом связаны с риторской школой южносирийского города Газы — блестящего и прославленного культурного центра Византийской империи. Несмотря на то, что в епископство некоего Порфирия (начало V в.) в Газе были окончательно запрещены языческие культы и празднества, газская риторская школа жила еще в течение V и VI вв. античными традициями. Ее воспитанники, получившие превосходные знания в области античной философии, литературы, искусства, в качестве преподавателей мирских наук были известны почти во всех крупных образовательных центрах империи, вплоть до самой столицы.

Поэтому в творчестве поэтов, писателей, риторов, получивших образование в Газе, античные мотивы находили для себя разнообразную и порой неожиданную трактовку. Это относится в равной мере — и к языческому поэту Иоанну из Газы (V в.), и к автору философских диалогов Энею-софисту (VI в.), стремившемуся сблизить христианское учение с учением Платона, и к ритору Хорикию. Сколько-нибудь подробной биографии Хорикия не сохранилось. Известно только, что он учился у известного и высокообразованного газского ритора Прокопия, написавшего изысканную хвалебную речь (энкомий) родному городу. Хорикий был в молодости школьным учителем, как он сам говорит об этом в одной из своих речей, а затем стал профессиональным ритором и оставил большое риторское наследие, разнообразное и в жанровом отношении и в идеологическом. От Хорикия сохранились и похвальные речи епископу Газы Маркиану, полководцу Сумму, наместникам Стефану и Арату, и надгробные речи своему учителю Прокопию и матери Маркиана, а также произведения, типичные для риторских школ поздней античности. Эти последние отличаются большой пестротой форм и тематики. Многие произведения Хорикия могут быть охарактеризованы как морально-психологические наброски (так называемые *μελέται*): таковы, например, речи о тираноубийцах и детоубийцах, трактующие эти темы в историческом плане, речи о храбрости, скупости, о профессии оратора; есть *μελέται* и этнографического характера (о спартах и о лидийцах). Хорикий писал также праздничные речи (эпитагамы, речь на празднование врумалий) и декламации на мифологические и общие темы (о розе, о пастухе, об Афродите).

Особое место в творчестве Хорикия занимает речь в защиту мимов, произнесенная перед большим собранием народа в газском театре Диониса. Из унаследованных театральных жанров античности мимы оказались наиболее приемлемыми для византийской действительности. Доступность и легкость содержания, а также непритязательность внешнего сценического оформления

сделали их любимым зрелищем и при императорском дворе, и в светских общественных театрах, и на ипподроме, и на ярмарках. Искусство, выросшее на почве язычества, а следовательно, на чуждых церкви эстетических принципах, вызвало резко неприязненное отношение к себе со стороны лиц, стоявших во главе христианского просвещения. Ярким противником мимических спектаклей и их главным обвинителем стал Иоанн Златоуст. Его проповеди пестрят более или менее пространными рассуждениями и сентенциями, которые могут быть сведены к следующим положениям: если устами монаха говорит Христос, то языком мима говорит сатана; кантики, т. е. вокальные части мимов — музыка сатаны; на сцене во время представлений раздаются сатанинские крики и вопли; смех, вызываемый мимами, исходит от сатаны, все представление мимов в целом есть порождение дьявола, которое преследует зрителя даже по окончании спектакля, обращая его мысли к суетным светским удовольствиям и отвлекая от церкви.

Примерно такие же сентенции содержатся в стихах Григория Назианзинна и в гомилиях учеников Златоуста.

Речь Хорикия послужила ответом на эти нападки. Мимы, по мнению Хорикия, есть действо, исходящее от Диониса и славящее Диониса; бог веселья и вина дарит людям веселье и отдых — а смех, так же, как и речь, отличает человека от неразумных животных. Хорикий полностью отвергал взгляды Златоуста и его последователей на сценическое подражание как на механическое воспроизведение наихудших и постыдных сторон жизни, толкающее зрителя на подобные поступки. В апологии мимов показана сущность мимесиса как художественного воспроизведения действительности. Таким образом, как бы подведен итог античным теориям мимесиса, которые начинаются с классической эпохи и получают развитие в поздней античности. Хорикий трактует мимесис как основу всякого искусства; он говорит, что осуждение мимесиса на сцене христианами проповедниками есть осуждение и других искусств, которыми однако же церковь пользуется.

Защиту мимов Хорикий закончил торжественным гимном Дионису. Так в VI в., возможно, около того времени, когда Юстиниан закрыл афинскую Академию, из уст газского оратора прозвучала лебединая песня античной поэтики.

Апология мимов сохранилась в единственном списке и была опубликована лишь в конце XIX в. В целом же творчество Хорикия было известно и ценимо уже в византийскую эпоху. В IX в. Хорикий нашел признание в опыте литературно-критической библиографии патриарха Фотия, в его «Мириобиблионе». В XI в. ученый историограф и филолог Евстафий использовал произведения Хорикия при составлении сборника пословиц.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ТЕХ, КТО ВОСПРОИЗВОДИТ ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ ДИОНИСА

(отрывки)

I. Пусть никто из вас, здесь присутствующих, не поставит мне в упрек предложенную тему, — а именно, мое намерение позаботиться о том, что приобрело название «подражания», раз уж слова стремятся всему подражать.

Насколько несправедливо и гнусно предубеждение против мимов¹, настолько это вдохновляет меня сразиться за них, так как битву, сопряженную с опасностями, я считаю величайшей заслугой оратора. Я обращусь ко всем вам с той же просьбой, с какой обычно обращаются к публике в театре, — благосклонно выслушать пьесу — не для того, чтобы вы созерцали неизвестно на чем держащуюся славу мимов, а чтобы вы точно определили их природу. Ведь и одного-то обвинителя нелегко опровергнуть, когда он говорит первым и наполняет слух собравшихся насмешками и порицаниями, занимая тем самым более выгодную позицию, — а как же кто-либо осмелится опровергнуть давно царящее мнение, которое содержит клевету на мимы?

И все же я осмелюсь попросить удалиться и тех, кто плохо слушает, и тех, кто плохо судит.

Итак, если бы я вовсе не знал этого зрелища, я не испытывал бы величайшего презрения к этому сброду — доносчикам. Но раз я оказался зрителем, когда после многих трудов мне выпало удобное время для короткого отдыха, так что прежде чем попасть в спски школьных учителей², я испытал потрясение, исходящее от этих спектаклей, я полагаю, что буду выглядеть просто дурачком, если за удовольствие от искусства, пронзившего меня словно стрела, я не заплачу взаимной помощью — речью.

А ведь я всегда испытывал сострадание к оскорбленному искусству. Когда же я узнал на каком-то городском празднике, что мимы играют милые люди, воспитанные, грамотные и благонравные, и народ им рукоплещет, я подумал, что и мне самому, и друзьям, и народу надо единодушно высказать справедливые суждения, чтобы я не казался единомышленником негодных людей, будто бы помышляющих о делах низменных, а народ не казался бы одобряющим тех, кто совершает что-то неблагородное. Вот какие причины побудили меня к этой настоящей защитительной речи.

III. Итак, в подражании нет ничего плохого, — когда речь заходит об этом названии и искусстве, следует остановить на нем внимание — и я приведу вам свидетельства, пройти мимо которых никто не имеет права.

Ведь Афина подражает Деифобу, Афродита — пожилой женщине, Посейдон сражается вместе с ахейцами в Трое, «уподобившись древнему мужу», также и Арес принимает внешность Гектора «и беду отражает»³, одним словом все

Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами.
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду⁴.

Так, если подражают боги, почему запрещается подражание у людей? Итак, мысль мою подтверждают свидетельства от неба; однако если видимое вызывает у всех больше доверия, чем невидимое, недурно бы прибавить к сказанному и другой пример, из человеческого обихода. Посмотрите поэтому, как много искусств делают своим основным занятием подражание? Это — риторика, поэзия, искусство механики, оживляющей медь с помощью воды⁵, плясуны, ваятели, художники. Одно только и можно было бы сказать в похвальной речи мимам: их обаяние настолько велико, что к ним стремятся все. Нам известно поэтическое творчество⁶ Софрона, и оно все называется «мимами». Правда, второе известно всем, а первое многие пропустили мимо ушей.

Говорят, будто Платон, сын Аристана привез из Сицилии в Афины именно такого рода сочинения⁷, полагая, что он везет некий большой дар отчизне, и что это будет украшением города и его родины и матерью всякой мудрости.

Есть предание, что он до того был восхищен этими творениями, что не только занимался ими по целым дням, но и ночью подкладывал книгу под свое ложе, чтобы, я так думаю, она у него была, если среди ночи ему вдруг придет в голову какая-нибудь мысль, для подтверждения которой нужен поэт.

Итак Софрон, который нашел в Платоне своего почитателя, подражает и мужчинам и женщинам⁸. Лепечет у него и ребенок, еще не умея ни матери правильно назвать, ни к отцу обратиться.

Так знайте же, — если бы искусство мимов было бесславным, то Софрон не назвал бы свои произведения мимами, Платон не стал бы их хвалителем, Дионис, как говорят, не приказал бы им превратить театр в свое святилище.

V. ...Я не спорю, что в некоторых идущих со сцены шутках есть что-то от вероломства. Я не сказал бы, что пользоваться такими шутками — значит порочить предмет, но не следует злоупотреблять этим. Раз уж в сочинениях величайших поэтов и у лучших риториков мы отвергаем какую-то часть, чтобы это не достигло ушей молодежи, — то, конечно, в самих репликах со сцены есть кое-что, по нашему мнению, сказанное неправильно. Так, например, чтобы устранить обвинение в нарушении клятвы, — кто из влюбленных не нарушал клятву с легкостью? Поэты говорят так:

Клятвы в любви пусть слуха бессмертных богов не достигнут!

Или:

Дожные клятвы в любви изрекая, богов ты пугаешь⁹.

Но ведь никто не питает такой ненависти к словам, чтобы уничтожить шутку, в словах содержащуюся; никто в такой мере не враждебен смеху, чтобы ради остроумных шуток, намскающих на вероломство, устранить мимы из жизненного обихода. Но если мне можно будет исследовать слова без ограничения, я не замедлю сказать, что в слове «клятвопреступление» не содержится понятия «подражание». Ведь говоря об всех иных вещах или воспроизводя их, мимы одним подражают действием, другим — словами. И если актер-мим изображает врача или ратора, или любовника, или господина, или раба, он подражает каждому, на самом деле не будучи таковым; а тот, кто ложно поклялся, переживает самое состояние клятвопреступника. Сказать точнее, мим не нарушит клятвы, пока он не заслужит это название делами. А эта самая моя речь пусть укажет также способ, как избежать актерам-мимам всякого лицемерия; ведь ничего нет хуже, и это уже действительность, а не подражание. Если же кто-либо, относящийся не бережливо к законам своего искусства и не стыдясь словесных улик, все же прибегнет к ложной клятве и осмелится испустить льстивый голос, он у меня будет выведен из сонма актеров-мимов.

Что же тогда останется тебе для клятвы?

Если в действительности однажды произошло что-то ужасное, и ни один из свободнорожденных зрителей¹⁰ не был замечен ни в чем плохом, если никто из прекрасно воспитанных в мусейонах явно подобными вещами не занимался, — так неужели ты не видишь, что хороший человек не станет заниматься тем, что от природы плохо: ни стяжательством, ни предательством, ни прелюбодеянием, ни чем другим, что только ни отсылают законы к надлежащей справедливости?

VI. Но услышав слово «прелюбодеяние», ты, кажется, дальше мне говорить не дашь и найдешь отсюда подступ к иному суждению. Ты ведь скажешь, что в мимах нет ни одной шутки, если можно так выразиться, не связанной с подобным моментом, так что зрители, особенно в определенном возрасте, теряют рассудок от этих зрелищ и бросаются к удовольствиям недозволенной любви.

Но когда, дражайший, ты смотришь на сцену прелюбодеяния, ты видишь также и судилище архонта¹¹, и обвиняет муж прелестницы, а судят вместе с отдавшейся похоти и того, кто осмелился на разврат, — и обоим угрожает наказанием судья. А раз все это — предмет для шуток — пьесы кончаются пением и смехом¹².

Ведь все это придумано для отдохновения и облечения, и мне кажется, что Дионис — бог, любящий смех и жалеющий нашу природу (ведь каждого удручают свои мысли: одного — потеря детей, другого — болезнь родителей, кого — смерть братьев, кого — утрата верной жены, а многих терзает недостаток денег, иных печалит невысокое положение) — я повторяю, из жалости ко всему этому он дал остроумным людям занятие, при помощи которого они утешали бы тех, кто пал духом.

Поэтому, как свидетельствует комедиограф, Диониса и прославляя слуга примерно такими словами:

Сказать, хозяин, шуточку такую,
Над чем привык театр хохотать?

а Дионис отвечает:

Какую хочешь¹³.

Так благодатен и преисполнен любви к людям этот бог, что он готов вызвать смех любимым средством.

XX. И вот я думаю, что сжато рассказать, сколь велик Дионис, перечислив его благодеяния для людей,— подходяще как раз для сегодняшней моей речи; ведь поскольку мимам покровительствует этот бог, собрать и заплатить дань словословием, которое их украсит,— дело не малое. Ведь если кто-нибудь будет петь в хоре возниц, он будет прославлять бога — повелителя коней¹⁴, а воспевая дочь Латоны¹⁵ захотят, пожалуй, восхвалять охоту. Однако есть две вещи, которым больше всего радуется человеческая природа — это виноградная лоза и смоква, так что сын Ликса¹⁶, желая показать ничтожество персов, сказал: «Они вина не пьют и смокв не едят!» А ведь оба эти дара — от одного бога¹⁷. Но увидев, что один из его даров приносит вред тем, кто им пользуется — ведь смесь вина и воды когда-то была неизвестна людям — он опять посетил нас и научил этому способу. Поэтому, справляя его двойной праздник, афиняне воздают ему почести в городе и совершают в его честь обряды по деревням. Вот каков, друзья, покровитель мимов. Я хочу поблагодарить его своей речью, а кстати и заплатить ему ту плату, которую я заработал, ведя совместную защиту того искусства, для которого он — эфор¹⁸.

Эней Софист

(конец V в.)

Софист Эней был учеником философа и ратора Гнерокла (умершего в 485 г.). Он преподавал в сирийском городе Газе, который славился в то время спонси школами и соперничал с Антиохией. Учитель Энея, Гнерокл, был язычником, сам Эней — христианином: ему приписывают диалог «О бессмертии души», в котором христианин Эвкситей опровергает доводы ряда греческих философов, приводимые его противником, язычником Теофрастом. Кроме этого диалога от Энея дошли двадцать пять писем к друзьям и знакомым, свидетельствующие о том, насколько прочно держалась классическая традиция в риторических школах и в литературном языке даже простых личных писем на разные темы.

ПИСЬМА

II. КАССУ

Лаэрт в старости уже не хотел царствовать и управлять людьми, а предпочел стать садовником и заботиться о деревьях¹. Ты, мне кажется, подражаешь ему: ведь ты, покинув город и своих близких, уже столько времени сидишь в деревне и беседуешь с растениями. А следовало бы тебе вспомнить не о Лаэрте, а о Сократе и о его поучительных словах, в которых он изящно и убедительно высказывает философскую мысль, что поля и деревья ничему научить не могут, — не то, что люди в городе. Поверь же ему, проникнись презрением к полям, которые не приносят земледельцам плодов мудрости; вспомни о своих привычных занятиях, в которых можно и самому кое-чему умному научиться, и других научить, а самое главное, порадовать своих друзей.

V. УЛЬПИЮ

Пусть пропадут пропадом те, кто причинил такой ущерб вашему делу! Сколь это меня огорчило, я — клянусь богами — даже сказать не могу! Однако потом, к счастью, мне пришла на ум некая утешительная мысль, которой мне кажется уместным поделиться с вами; я подумал, что ваша беда вовсе не лишена некоторой

пользы: теперь вы убедитесь в том, что ни золото, ни серебро, ни роскошные одежды — словом, все то, чего добивается толпа, — имущество непрочное и ненадежное, да, по правде говоря, вовсе и не принадлежит тому, кто им владеет, раз его может похитить каждый, кому захочется. А вот знания и мудрость — то, над чем люди неразумные издеваются, — это добро прочное, надежное и неотъемлемое. О нем и старайтесь заботиться больше всего, и для охраны его не понадобятся вам ни стены, ни оружие, ни сторожевые отряды.

VI. ПАМПУ ГРАММАТИКУ

Мою радость при получении твоего письма сильно уменьшило огорчение по поводу известия о нападении грабителей: право, я скорблю об этом не меньше, чем если бы я сам был потерпевшим! Верь моему слову — ведь если у друзей все имущество общее, то и утрата его — общая беда. А впрочем, о чем я сокрушаюсь? Тот, кто не стремится к наживе, не страшится и утраты. Вот и утешение для нас. Правильна ли эта моя мысль, я хотел бы узнать от тебя.

X. ЗОСИМЕ СОФИСТУ

Если бы наш дорогой Павел был юношей и притом поэтом, то его бы, конечно, чтли: а вот теперь он — поэт, и притом старик: и то, и другое требует, чтобы о нем заботились те, кто это умеет. В числе таких людей, ты, конечно, захочешь быть и притом первым! Так вот перед тобой тот, кому ты можешь сделать добро.

XIII. ЭНКРАТИУ

Того, кто вчера руководил детьми, теперь водит ребенок; прославлен был он среди юношества, а теперь жалости достоин! Вот что делает судьба! Так что же? Мы будем сокрушаться о нем, а помогать ему не станем? Конечно, ты этого не захочешь. Если бы он был воином и судьба лишила его правой руки, той, которой он совершал подвиги, то разве его соратники не дали бы ему его долю боевой добычи? Так неужели мы, которых питают науки, окажемся худшими друзьями, чем те, кто носит оружие?

XV. ПРЕСВИТЕРУ СТЕФАНУ

Не в первый раз я говорю с тобой, мы беседовали и раньше. Было это над Нилом, на берегах которого мы вместе весело служили музам. Речь была очень серьезной, но в то же время шуточной и забавной. Спор о красоте: судьями были греки, а состязались между собой Нирей², красивейший из земнородных, и Терсит, худший из всех, кто пришел под Трою. Очаровательней всего бы-

ло то, что Терсит считал себя более красивым и... ему действительно была присуждена награда; и этому не помешал даже насмешливый рассказ Гомера, который описывает каждую часть тела Терсита, подчеркивая ее безобразие и издевается даже над его волосами³.

Вот как ты когда-то шутил со своими слушателями! А теперь, как я слышал, ты стал серьезным, проповедуешь в храмах прекрасное учение и своим словом упорядочиваешь нравы сограждан. Значит теперь и каменщик и плотник умеют разговаривать о делах божественных, и беседуют в перерывах между собой о добродетели, они, которые до твоих проповедей разговаривали, как камни и чурбаны. Поэтому да здравствует наш милый Евстратий — ведь он, пройдя по многим городам, наполнил их славой твоего имени! Пусть никто великий не останется в тени! Именно он убедил меня послать вам это письмо, вдохновив меня надеждой и обещанием, что я получу золото взамен меди — ваше письмо в ответ на мое. Пусть же эта прекрасная надежда не обманет меня!

XXI. ПРЕСВИТЕРУ ДОРОФЕЮ

Толпа, как говорится, подходит к святыням грязными ногами, как тот лысый медник у Платона, который предстал пред госпожей закоптелым и вонючим. Ты же от одной святыни переходишь к другой, от философии к священнослужению. Тот, кто передаст тебе это письмо, тоже священнослужитель, значит, тебе друг. Он возлюбил тишину и когда услышал, — не знаю, где, — что есть какая-то пустынная гора, посвященная богу и подходящая для тихого уединения, отправился на поиски ее. Но препятствует ему бедность и все связанные с ней бедствия, от которых ты можешь его избавить: распорядись, чтобы священники, живущие по пути к этой горе, помогали ему.

XXIII. ЕПИФАНИЮ СОФИСТУ

Красиво жить и писать умеет тот, кому я вручил это письмо. Он может прекрасно управлять богатым домом и хранить его для хозяина. Многие хотели иметь его спутником жизни, но он любит родину больше богатства. Много городов повидав, он, как некий Одиссей, приходит теперь к вам, как к Алкиною⁴. И он вам расскажет о своих скитаниях, как рассказал Одиссей, а вы положите конец его странствиям и отправьте его домой, как это сделала Алкиной. Пусть не обманет его надежда найти у вас прибежище, — как я ему об этом говорил.

XXIV. МАРКИАНУ

Ты велел мне быть твоим другом, а я начинаю с просьбы. Тот, кому я дал это письмо, пострадал от преступления. Он поехал закупать фиги и вез с собой деньги для расплаты. Но — о судьба! — даже бедности грозят опасности! Ехал он, полон надежд; но среди варваров, которые якобы были настроены дружественно, нашлись страшные разбойники: они напали на него, избили, подвергли пыткам и, обнажив мечи, грозили его зарезать. Потом они отобрали у него деньги и велели еще поблагодарить их за то, что он лишился только имущества, а не жизни. Но богиня Дикэ крылата и настигла нескольких из преступников. Дело заслушал претор. Он был возмущен; он ненавидит грабителей больше, чем врагов, — и это правильно: ведь против врагов можно принять предосторожности, а эти нападают на друзей исподтишка. Поэтому претор приказал возместить убыток и вернуть все, что было отнято. Ну так вот — претор приказал, а бедняк все еще оплакивает свою беду. Но прошу тебя положить конец их разбою и его горю. Посылаю мой привет прославленнейшему и богоугоднейшему претору.

Евангелист. Скульптура VI в.

Молящийся мученик. Мозаика VI в.

Византийские эпиграммы

Имеющийся в нашем распоряжении и относящийся к позднему периоду византийской эпохи сборник эпиграмм, известный под названием Палатинской антологии, представляет собой один из интереснейших памятников литературы, по которому, как бы с птичьего полета, можно проследить развитие мирозерцания поэтов и мыслителей Греции, начиная от древнейших времен и кончая средневековьем. Эта антология замечательна тем, что составлена с полным беспристрастием; в ней уживаются и чисто языческие стихи, и чисто христианские, мировоззрение материалистическое и идеалистическое. Составитель ее брал свой материал из самых разнородных источников и периодов греческой литературы. Достаточно напомнить, что в этой антологии находятся и эпиграммы горячего поклонника и неутомимого собирателя литературных произведений античности Плануда, и стихотворения Григория Богослова.

В настоящем сборнике приводится ряд небольших стихотворений из Палатинской антологии и четыре эпиграммы, в нее не вошедшие, но относящиеся также к византийскому времени. Стихотворения группируются по их направленности — языческой или христианской, чтобы показать, как два борющихся между собою направления мысли существовали одновременно в эту замечательную эпоху¹.

I. СТИХОТВОРНАЯ ОБРАБОТКА ЕВАНГЕЛЬСКИХ РАССКАЗОВ

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ¹

Некогда в сон на ладье глубоко Христос погрузился,
Море же вздыбилось вдруг от ветров, рождающих бурю,
И закричали ему моряки: «Пробудися, спаситель!
Гибнем, о, помоги!» И господь повелел, приподнявшись,
Ветрам и волнам утихнуть; и на море стало спокойно.
Бога тогда естество по чуду поняли люди.

АНАСТАСИЙ КОСНОЯЗЫЧНЫЙ²

Распят некогда был на кресте Христос обнаженный,
С двух же сторон от него разбойников двух пригвоздили.

Рядом, рыдая о нем и горько плача, стояла
Матерь в печали его и с нею друг его чистый.
И поносили Христа, издеваясь, прохожие люди
И злополучного все обзывали пустым негодяем.
Жаждал он, а нечестивый евреев народ кровожадный
Жажду его утолить решил отвратительным пойлом,
С укусом горькую смесь замешав в смертоносный напиток.
Не противлялся распятый Христос и безмолвен остался,
Он, сын Марии, Христос, отца бессмертного чадо.
Кто из людей не отринет своей неразумной гордыни,
Мысля об этом, когда на образ распятого смотрит?
Бог воплотился, но плоть никогда божества не превысит.

СОФРОНИЙ ПАТРИАРХ ³

Трижды блаженна скала, орошенная божеской кровью:
Стража небесных сынов, пламенея, тебя охраняет,
Пением гимнов тебя земные властители славят.

II. ХРИСТИАНСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ АВТОР ⁴

Работы ежедневной что бежишь, душа?
Ведь беззаботной доли не найти тебе.
Земле — волчцы, а жизни нашей — горести
Нести Создатель мира повелел: неси!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ АВТОР ⁵

Веру имея царицей, моих помощницей мыслей,
Вышний владыка благой, тебе сей храм я поставил,
Эллинов здесь алтари и святилища их уничтожив,
Господу в дар Иовиан своей недостойной рукою.

СОФРОНИЙ ПАТРИАРХ ⁶

Киру, который постиг в совершенстве искусство леченья
Со Иоанном — святым, муки принявшим венец,
За избавленье очей от мук нестерпимых Софроний
В скромный памятный дар книгу свою посвятил.

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ ⁷

Надпись на гробнице со смешением христианских
и языческих мотивов

Если в коварной воде иссыхает какой-нибудь Тантал,
Если на голову пасть камень грозит роковой,

Ежели птицы клюют нетленную грешника печень,
Коль есть поток огневой и беспросветная тьма,
Тартара бездны во мгле и мучители демоны злые,
Да и другие еще казни в Аиде грозят,
Всякий, кто осквернит и взломает святую гробницу
Мартиниана, пускай все эти кары несет.

III. ПОСВЯЩЕНИЯ ЯЗЫЧЕСКИЕ

АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ⁸

Муж твой Анхис, на свиданья с которым, бывало, Киприда,
Часто бегала ты, на берег Иды спеша,
Нынче едва отыскал черный волос с висков своих срезать
И посвящает тебе след миновавшей весны.
Ты же, богиня, меня воссоздай молодым — ты ведь можешь!
Или седины мои ты, точно юность, прими.

ДАМОХАРИД⁹

Строки рождающий диск, исполненный черни свинцовой,
Вместе с линейкой, письму путь сообщавшей прямой,
Да и чернильницы с ней — вместилище жидкости темной
И с расщепленным концом острых тростинок набор,
Пемзы шершавой кусок, для очинки перьев пригодный,
Коль затупились, и вновь стало бы ясным письмо,
Нож, чтобы их подрезать, с отточенным лезвием острым —
Эти орудья свои все посвящает тебе
Слабый глазами уже Менедем, утомленный и старый,
Ты же, Гермес, не лишай пищи слугу своего.

НЕИЗВЕСТНЫЙ¹⁰

Сила единства — Баит и Атор в единенье с Акором,
Славься мира отец, славься во тронце бог.

НЕИЗВЕСТНЫЙ¹¹

Сей поразительный храм Сарапида, высшего бога,
Ярко сверкающий весь блеском лучей золотых,
Страж святыни воздвиг Диоскор и супруга Кирилла,
Ненарушимо всегда чтущая волю богов,
Вместе с родными двумя, блюдущими те же обряды,
Коим поручена честь в храме порядок хранить.

АРАВИЙ СХОЛАСТИК ¹²

Город Лонгину бы мог изваянье из золота сделать,
Только дарам золотым Правда-богиня чужда.

МАКЕДОНИЙ КОНСУЛ ¹³

Дева, высокорожденная Правда, старейшина градов
Не отвергает златых благочестивых даров;
Да ведь и Зевса весы соделаны все золотыми,
Коиими вешает он всяческий жизни закон:
«И протянул тут отец весы свои золотые»,
Если Гомера красот не позабыл ты еще.

IV. ПОСВЯЩЕНИЯ ВНЕ РЕЛИГИИ

АРАВИЙ СХОЛАСТИК ¹⁴

Нил, Персида, Ивер, Солим, Армения, Запад,
Инды и Колхи у скал горной Кавказской страны
С областью жарких равнин, где, кочуя, живут агаряне,
Все о Лонгина трудах ревностных могут сказать,
Как он-послом от царя неуклонно всюду являлся
И, не замедля, везде мир среди смут водворял.

ДАМАСКИЙ ФИЛОСОФ ¹⁵

Зосима, бывшая прежде одним своим телом рабыня,
Также и телом своим стала свободной теперь.

V. НАДПИСИ И НАДГРОБИЯ ХРИСТИАНСКИЕ

СОФРОНИЙ ПАТРИАРХ ¹⁶

Странник, блуждавший досель, нигде не имея приюта,
Иль по сухому пути, иль по морскому влачась,
Ныне, сюда подойдя, входи в пристанище это,
Если угодно тебе здесь отдохнуть и пожить.
Если ты спросишь меня, кто построил его, я отвечу:
Добрый Евлогий воздвиг, Фароса архиерей.

По добродетели всех превзойдя иереев Фаросских,
Здесь опочил Иоанн и в краю упокоился отчем.

Телом будучи смертен, нетленную жизнь заслужил он
И на земле совершил без числа деяний бессмертных.

«Ты мне, могила, скажи, кто такой, чей сын и чем славен
Мертвый, которого ты в недрах сокрыла своих?»
«Сей человек — Иоанн, уроженец Кипра, Стефана
Знатного сын, и он был пастырь Фаросской земли.
Был он богаче любых уроженцев острова Кипра
И по наследью отцов, и по священным трудам;
Все же святые дела, на земле им свершенные, вряд ли
Мог бы прославить мой ум, да и другие уста,
Ибо он всех превзошел бластательным светом деяний,
Даже и тех, кто других видимо превосходил.
Все же чудесное, чем украсился весь этот город,
Ныне во славу и честь этого мужа стоит».

ДИОГЕН, ЕПИСКОП АМИСА ¹⁷

Гроб сей твоей, Диоген, цветущей юности в память
В Понте Евксинском тебе ставит фригиец-отец.
Сколь далеко от отчины, увы! но велением бога
Долгая скорбь повела свидеться с дядей тебя.
Он освященной рукой схоронил тебя здесь и с молитвой
Тело твое положил близ хоровада святых.

Агафий Миринейский

(VI в.)

Эпиграмма, появившаяся как литературный жанр в IV в. до н. э., на закате античной культуры, в VI в. н. э. достигает последнего расцвета, который связывается с именами Павла Силенциария и Агафия.

Биографические сведения об Агафии довольно скудны, источником их служат его собственные произведения.

Он родился в городе Мирине (теперь Сандарлык) в Малой Азии. Вскоре отец его, ритор Мемноний, переселился с семьей в Константинополь. Среднее образование Агафий завершал в Александрии, где его застало землетрясение 554 г. Это позволяет предположить, что родился он в 536—537 гг. Агафий стал очевидцем еще одного землетрясения — константинопольского, в 557 г., что указывает на его возвращение в столицу, где он еще не менее 4-х лет занимался изучением законов, стал юристом. По своему положению, по дружеским связям (с Павлом Силенциарием, императорским секретарем Евтихианом), по литературным и научным занятиям и интересам Агафий может быть отнесен к верхушке византийской интеллигенции.

Адвокатура приносила ему доходы, достаточные для того, чтобы заботиться о благоустройстве родного города, где благодарные сограждане воздвигли стацию в честь его отца, брата и его самого.

После смерти императора Юстиниана (565 г.) Агафий решил сохранить для потомков великие исторические события своего времени и продолжить «Историю войн» Прокопия, только в отличие от последнего стал излагать события в хронологическом порядке.

Принимаясь за исторический труд, Агафий должен был основательно пополнить свои знания в области истории и философии, собрать много исторического материала, так что собственно писать он стал, как предполагают, не ранее 570 г. Как и многие другие историки, Агафий обвиняет в пристрастности своих предшественников и заявляет, что сам он не намерен «насиловать историю и прикрашивать случившееся» («О царствовании Юстиниана», гл. 5).

Действительно, описывая современные ему события («О царствовании Юстиниана» охватывает период от 552 до 558 г.), Агафий не довольствуется собственными воспоминаниями или слухами, но использует показания очевидцев, письма, официальные документы, историографические источники, как греческие, так и персидские, проверяет их и сопоставляет ради выявления истины. Он проявляет исключительную эрудицию и добросовестность. Ни один критик не мог упрекнуть его в неправильности приводимых сведений, необоснованности замечаний.

Литературная форма научного сочинения не безразлична Агафию. Его принцип — «соединять муз с харитами». Он подражает Фукидиду, вставляя длинные речи героев, приводя письма и документы, цитируя античных писателей. Повествование несколько растянуто, вставлено много эпизодов, отступлений этнографического и географического содержания.

В своих воззрениях Агафий склоняется к скептицизму, воздерживаясь от суждений о причинах явлений природы и в религиозных вопросах, не чужда ему и этика Эпикура.

Представление его о божестве весьма расплывчато; у него наблюдается довольно безразличное отношение к христианству, смешение христианских и языческих элементов.

Он полон римского патриотизма. Сторонник завоевательной политики Юстиниана, он считает, что его время лучше всех предыдущих эпох; его современники — полководцы, ученые, писатели ничуть не ниже героев античности. Интерес к такой актуальной экономической проблеме VI в., как производство шелка и культура шелковичного червя, дотоле в Европе неизвестного, выразился в том, что в схолиях к Павсанию, написанных Агафием в числе других мелких прозаических сочинений, упоминаемых Свидой, много места уделяется спровержению того, что думали о шелковичных червях (серях) греки во II в.

Агафий был человек разносторонне образованный, отсюда его прозвище — Схоластик. Помимо юридических и исторических познаний, он обладал еще и незаурядным поэтическим дарованием. Был он и редактором-составителем одного из сборников эпиграмм. Причем и здесь проявился его интерес к современности: в этой сборник он включил только свои собственные эпиграммы и эпиграммы новых (современных ему) поэтов, еще нигде не издававшиеся. В этом, а также в том, что эпиграммы расположены в его сборнике не в алфавитном порядке, как у прежних составителей, а по содержанию, будучи разделены на 7 книг в зависимости от их тематики, и состояло новаторство Агафия. Каждый автор представлен небольшим количеством эпиграмм («сколько надо для пробы»), а внутри тематических книг авторы шли в определенном порядке, так что две эпиграммы одного автора никогда не стояли рядом. Отсюда и заглавие сборника: «Цикл эпиграмм» ($\chi\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\pi\iota\gamma\rho\alpha\mu\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$). Ему было предпослано данное, вычурно написанное вступление, в котором Агафий излагал свои принципы составления сборника, названного им «пиршеством роскошных и разнообразных слов» (себя же он сравнивает с поваром), и указывал его задачу: спасти от забвенья эти эпиграммы, которые неизбежно затеряются среди книг, если не будут собраны в одно целое.

Вторая часть этого вступления к «Циклу», непохожая по форме на первую (в отличие от нее она написана гекзаметром), тематически близка к его историческому труду, но написана в тоне панегирика Юстиниану (в «Царствовании» Агафий отзываясь о нем сдержаннее). Эти соображения позволяют сделать некоторые выводы относительно даты составления «Цикла». Он должен был появиться еще при жизни Юстиниана, т. е. до 565 г., но после заключения мира с персами в Лазике (т. е. после 562 г.), так как там говорится об окончании войны во всех «владениях мудрого царя» от Геркулесовых столпов и до Инда. В то же время у Агафия зародилась мысль написать историю последних

войн Юстиниана (круг вопросов, затрагиваемых в этих двух произведениях, одинаков), но приступил он к написанию позднее. Все пять написанных Агафием книг «Царствования» сохранились, а «Цикл» был утерян, и 108 эпиграмм Агафия так же, как и эпиграммы других авторов, дошли до нас только благодаря более поздним сборникам: Константина Кефалы (X в.), известному теперь под названием Палатинская антология, и Максима Плануда (XIV в.), сохранившим тематический принцип Агафия.

Помимо эпиграмм, еще в юности Агафий, которому, как он сам признается, «нравилась сладость тонкой поэтической речи», сочинил ряд коротких стихотворений в гекзаметрах любовного и мифологического содержания, под общим названием «Δοφύλλια» (из 9 книг). Из них в Палатинской антологии сохранилось только два, так что литературное наследие Агафия известно далеко не в полном объеме. Умер он в возрасте около 46 лет. Дату смерти удается определить только по событиям, упоминаемым в «Царствовании Юстиниана» — это приблизительно начало 582 г.

ЭПИГРАММЫ

КНИГА V

220

Возраст тебя усмирил, притуплено жало желанья,

Помня про жар и про страсть юных умчавшихся лет,
Должен ты был бы понять печаль и томление девы,

О, Клеобул, ты отцом нежным считался ее!

Ныне врагом перед ней стоишь оскорбленным и злобным,

Видя любовников двух, слившихся в тело одно.

О, не лишай же любовь ни часа ее, и ни права,

И не позорь этих кос ревности ярым ножом!

222

НА АРИАДНУ — ТРАГИЧЕСКУЮ АКТРИСУ И КИФАРИСТКУ

Дева кифару взяла и коснулась с изяществом музы

Струн, и подумал я: впрямь, то — Терпсихора сама.

А на подмостках, когда лишь трагически голос понизит,

Все Мельпомены глагол слышат, оцепенев.

Если ж, как древле, свой суд на Иде Парис повторил бы,

То уступила бы лавр Пафия¹ деве моей.

Но замолчу, чтобы Вакх ничего не проведал об этом,

Не пожелал бы любви он Ариадны² тогда.

263

Не оплавьай, мой ночник, ведь нагар предвещает беду мне,¹ —

Дождь помешает прийти снова ко мне жениху.

К Пафии — зависть твоя. Вспомни былъ о Герó и Леандре ²,
О, позабыть бы конец!.. Больше не думать о том!..
Видно Гефеста рабом ты становишься, но на Киприду
Гневаясь, ревность его только ты вводишь в обман.

276

Это, невеста, прими от меня покрывало. Взгляни, как
Золотом блещет оно, чудным узором своим.
Волосы им ты прикрой, иль накинъ на белые плечи,
Или легко свою грудь этой накидкой обвей!
К нежному телу прильнет, и его осторожно укроет
Мягкая ткань ото всех глаз любопытных чужих.
Этот покров ты носи, как дева, но помни о браке,
Скоро уже его цвет заколосится в груди!
Думай о детях! Хочу серебром я украсить повязку,
Сетку на лоб ¹ возложить с геммой тебе дорогой!

278

Пусть же Киприда мое измучит сердце пустое,
Возненавидит меня, если впаду в этот грех!
Ведь никогда не грешил я с мальчишками и не искал их,
Не обольщала меня гнусная эта любовь!
Хватит мне женщин одних, хоть от них натерпелся немало.
Мальчиков пусть Питталак ¹ всех забирает себе.

280

Разве и ты не несешь это бремя и тягость, Филина,
Разве не знаешь тоски, долгих, бессонных ночей?
Или, Филина, ты спишь, а заботам нашим бессчетным
И огорчениям нет края, числа и конца?
Но и тебя те же ждут испытания, помни, Филина,
Трудности встретишь и ты, скорбь загуманит глаза!
Многое Пафии часто претит, в одном — ее благодать,
Гордых не терпит она, любит гордыню карать.

285

И хоть меня целовать запретили красивой Роданфе,
Выход придумала, все ж: пояс свой с бедер сняла
И, растянув его между собою и мной, осторожно
Поцеловала конец пояса, — я же — другой.
Влагу тянул я любви, я вбирал в себя чистый источник,
И поцелуи ее я ощущал на губах.
Тем же платил ей и я, мы в игре той усладу искали,
Пояс Роданфы моей слил наши крепко уста.

К милой на ложе легла, потеснив ее грубо, старуха,
 Деву прижала горбом жадная злая карга,
 Словно стена крепостная ее оградив от соблазна,
 Оберегая от всех поползновений чужих.
 Двери служанка затем расторопная быстро прикрыла
 И повалилась у ног, чистым упившись вином.
 Не испугали меня: крюк дверной приподнял я бесшумно,
 Платьем ночник загасил дымный, под ложе заполз.
 Вором проник я сюда, обманув задремавшего стража,
 И в ожиданьи притих, лежа на брюхе своем.
 Но, понемногу, затем распрямил свой я стан и расправил
 Члены затекшие там, где позволяла стена.
 Вылез и с девушкой лег я неслышно и, грудь охвативши
 Нежную, долго ласкал, милой целуя лицо.
 Трудно прекраснее рот разыскать в целом мире и лучше,
 Радовал негою он и опьянял мне уста.
 Губы — добыча моя, поцелуй ее нежный остался
 Символом схватки ночной, знаком любовной борьбы.
 Ведь я твердыни не взял, не сломал я ограды и крепость
 Не разгромил до конца, девство ее сохранив.
 Неодолимой стеной предо мной оно твердо стояло,
 Но в состязаньи другом быстро разрушу его.
 Вряд ли удержат меня все преграды и после победы
 Я Афродите венки, коль повезет, принесу.

КНИГА VI

79

Богу холмов посвятил Стратоник участок свой малый,
 Милостив был к нему Пан.— Агницев, сказал он, паси!
 Рад я богатствам твоим! Смотри, человек, чтобы плугом
 Не осквернить целины, медью не взрезать ее.
 Здесь ты приют обретешь! И Эхо супругу, немедля,
 Радостно в дом приведет и осчастливит твой брак.

87

Шкуру оленя тебе посвятил и с нею дубинку
 Пан твой, оставив твой хор из-за Киприды одной.
 Из-за нее это все, ибо бродит он в поисках Эхо.
 Милостив будь к нему, Вакх, думает он о двоих!

167

В дар козлоногому дам Дионису козла, он ведь тоже
 Любит залиvistый лай, псовый и заячий гон.

170

Да и рыбастью он сеть нам натянет искусно, коль надо,
Острый трезубец вонзит, с лодки забросит канат.
Царь ты охоты двойной: и в погоне ты всех искушенной, —
Заячьей травли вожак, и — господин на воде!
В жертву приносит козла Дионису Клебник, он тоже
С моря улов приносил, зайцев с лугов поднимал.

КНИГА VII

204

Больше не будет гнезда у тебя, куропатка, на скалах¹,
Не шевельнешь ты крылом в утренних солнца лучах.
Дом твой, сплетенный из лоз на утесах, разрушен злодеем,
И не увидать тебе блеска зари никогда.
Голову кот оторвал тебе бедной². Все остальные
Члены твои истерзал, но не насытил себя.
Ныне землей тяжело я тебя придавил, чтобы кости
Вновь не отрывал он твои, и до конца не сожрал³.

220

Я по дороге в Коринф могилу Лаиды¹ увидел,
Древней старухой она кончила путь свой земной.
«Жалко, — сказал, — мне тебя, никогда хоть я не был с тобою». —
Тихо скатилась слеза с глаз моих — дань красоте.
Юношей с чуждых мечты волновала когда-то, а ныне
Леты поток все унес, в прах превратилась краса!

552

«Путник, ты плачешь?! Зачем?! Ты знал меня?!» «Нет! Но зло-
счастный
Мне твой известен конец. Кто ты, поведай, прошу!»
«Я — Периклея, мой друг!» «Жена чья, скажи мне?» «Мемнона!¹
Добрый он был человек, ритором в Азии слыл!»
«Но почему тебя пыль покрыва Боспорская?» «Мойра
Скажет, зачем на земле чуждой могила моя!»
«Есть ли дитя у тебя?» «Трехлетнее! От материнской
Был он оторван груди, ищет напрасно ее!»
«Пусть он живет хорошо!» «Да, друг! Скажи, чтобы вспомнил,
Как подрастет, он меня, горькую пролил слезу!»

568

Только четырнадцать лет мне исполнилось, и умерла я.
Дядим — отец мне, а мать — Талия, дочь я — одна.
Мойры лишили меня и супружества и материнства,
Ждали и мать и отец так тебя, Гименей!

171

В брачный чертог отвести меня вместе родные мечтали,
Разве подобный удел мне подарила судьба?!
Ведь Ахеронта¹ поток ненавистный увлек меня в Гартар.
Боги, утешьте печаль мне дорогих, я молю!»

572

Не со своею женой возлежал человек неизвестный,
Рухнула кровля,— и вот сразу накрыло двоих.
Вместе сплетенными так остались тела на столетья,
Оба попали в один общий смертельный капкан.
Будут в земле возлежать любовники бедные ныне,
Вечно в упряжке одной их да пребудут тела!

578

Здесь Панопей погребен, охотник на львов дерзновенный
И на свирепых пантер злобных, в могиле своей.
В пятку ужалив, его убил скорпион, что из щели
Выполз внезапно, когда тот находился в горах.
Рядом с могилой копье его брошено бедное, боле
Не устршит никого, даже пугливых косуль.

593

Скрыла Евгению¹ пыль земная. Когда-то, припомни,
В песнях и блеске цвела, только о правде пеклась!
И над могилой ее — Фемида, Пафия, Муза,
Срезавши косы свои, в скорбном молчаньи стоят.

614

Лёсбоса были красой Эланис вместе с Ламакис милой,
Дев митиленских и жен всех были лучше они.
Остров прекраснейший тот, добычею Пэхеса ставши,
Флотом военным Афин был разорен до конца¹.
Женщин затем пожелав, он, злодей, истребил их супругов,
Думая так овладеть ими двумя без труда.
Но по-другому судьба, равнодушная Мойра, решила,
Все получилось не так, как захотел любодей.
Через Эгейскую гладь неоглядную, волны морские,
Жены чрез водный простор перенесли вдвоем.
К скалам Мопсопи² их принесло незаметно течение,
Всем возвестили они Пэхеса злые дела.
Все преступленья узнал его грязные демос. Решили
Полною мерой воздать за непотребство его.
Жены вернулись домой к дорогим им могилам и рядом
Ныне с мужьями лежат в гордой своей чистоте.

КНИГА IX

153

Стены где, Троя, твои? Илиона богатые храмы?
 Головы павших быков жертвенных? ¹ Где они? Где?
 Где алавастровых ваз Афродиты узор? Где парчовый
 Золотом шитый наряд? Статуя Девы благой? ²
 Войны, века и судьба, всемогущая Мойра ³, все смыли,
 Все унесла навсегда судеб различных река!
 Зависть сгубила тебя, но одно твое имя напомнит
 Славу твою, Илион, — и не погибнет оно!

155

Путник, идешь если ты из Спарты, глаумиться не нужно
 Наз Илионом, прошу, — многих унизил ведь рок!
 Если ж из Азии ты, — не горюй: города пред Дарданом ¹,
 Предком Энея, главу все преклонили свою.
 Пусть все пожрала война: и храмы, и жителей, все же
 Я остаюсь собой — царственной Троей всегда.
 О, подчини их, дитя ², заносчивых эллинов этих
 Игу законов твоих, римского права орлам! ³

641

НА МОСТ ЧЕРЕЗ САНГАРИЙ

После всех варварских толп ¹, после Мидии, Геспера после,
 Твой остановлен поток бурный, Сангарий ², теперь.
 Арками скована мощь. И рукой обращен ты владыки
 В рабство. Подумать кто мог, будешь что ты укрошен?!
 Непроходим для судов, неповержен никем, непреклонен,
 Ныне, Сангарий, лежишь, в камень закован навек!

- 653

НА ДОМ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ВЕРШИНЕ ВИЗАНТИЯ

«Боги поставили труд добродетели выше намного», —
 Так нам сказал Гесиод ¹, видя как будто сей дом.
 И, поднимаясь наверх, по лестнице длинной, ведь точно
 Пот я со лба вытирал влажной горячей рукой ².
 Море лежало внизу, огромен был вид с этой вышки,
 Крепость надежная здесь доблести, верный покой.

677

Зодчий построил меня здесь Мусоний с трудом превеликим.
 С моря холодный Борей дом обвеваает. Но сам
 Он не ушел от судьбы. И жилища зловещего Мойры
 Не избежал. И теперь он истлевает в земле.

173

В прах превратился и в тень: я же радую взоры пришельцев
И чужеземных гостей строгой своей красотой.

768

Знают ведь все, как судьбы равнодушной превратность подобна
Сей безрассудной игре в кости, метанию их!
Разве не точное здесь повторение жизни неверной?
То вознесен ты наверх, то ты низвергнут на дно.
Хвалим, конечно, того, кто в игре, да и в жизни умерен,
В радости, в горе всегда мудрую меру блюдет.

КНИГА X

14

В пурпуре море горит спокойное, белых барашков
Ветер не хочет сгонять с волн заостренных хребтов.
Ибо, у скал раздробясь на побережье, тотчас не уходит
Вновь в глубину, а у ног тихо ложится волна.
Дует сегодня зефир, и щебечет ласточка, терем
Склеив из прутьев себе, хрупкое в скалах гнездо.
Смело, моряк, отплывай, и, если ты берег увидишь,
Близкий Сицилии, в Сирт¹ если ладью приведешь,
В жертву сжечь не забудь Приапу² красного боба,
Скара с ним вместе принести и на алтарь возложить.

66

Коль неожиданно кто из бедного станет богатым,
Вмиг позабудет, кем был прежде, когда горевал.
Дружбу отвергнет глупец, до конца никогда не поймет он,
Что лишь играет судьба с ним, издеваясь зло.
Был бедняком ведь и ты, припомни, везде побирался,
Дали ломоть бы, молил, хлеба тебе на прокорм.
Ныне подать же другим ты не хочешь. Но знай, все минует!
Все у смертных пройдет и не вернется вовек!
Если не веришь словам, пусть пример тебя личный научит:
Как переменчива жизнь, знаешь ты сам по себе!

68

Ум, ненавидящий брак, получить хорошо, но, коль можешь,
Пусть и мужская любовь станет отвратной тебе.
Женщин, конечно, любить, это — зло, но не столь уж большое,
Ибо природа дала все им для этой игры.

174

Ведь посмотри на зверей неразумных: никто из животных
Брак не бесчестит, как мы, все в нем законы блюдут.
С мужем охотно всегда в сожительство, в брак ли вступает
Женщина. Мы же, подчас, ищем запретных путей.

69

Смерти бояться зачем? Конец она бедствий и боли,
Матерь покоя она, все прекращается с ней!
Только единственный раз она к смертному гостьей приходит,
Разве встречал кто когда дважды явление ее?
Много болезней у нас разнообразных и тяжких,
Форма различна хотя многих, исход же — один.

КНИГА XI

350

Как, неразумный, избег ты весов правосудия? Разве
Ты не слышал, что о вас думают, людях таких?
Слишком уверен в себе! Изворотливость речи, искусство,
Вся пестрота твоих слов, — стоят немного они!
Пусть красноречье твое разыгралось, но вряд ли Фемиду
Сможет оно убедить и отменить приговор!

354

Некто когда-то спросил Никострата ¹, — Платону был равен
И Аристотелю тот острым суждением своим, —
«Надо ль нам душу назвать бессмертной, или же смертной?
И бестелесна ль она, тело ли есть у нее?»
Чувствам ли нашим она сродни, иль, быть может, рассудку,
Иль им обоим? Ты все нам, толкователь, раскрой!
Тот «Метафизику» ² знал ведь отлично, читал и про душу
Труд Аристотеля он, глубь и «Федона» ³ постиг!
То надевая свой плащ, то глядя конец подбородка,
Вынес решение он мудрое нам, наконец.
«Есть ли природа души вообще, я не знаю, но также
Я вам сказать не могу, — смертна, бессмертна ль она!
Плоть ли имеет иль нет, нам того никто не откроет, —
Переплывя Ахеронт, истину лишь уяснишь!
Ведь и Платон все узнал обо всем только там лишь наверно,
Если же хочешь, пример можешь один повторить!
С кровли бросайся смелей, как юнец Клеомброт Амбракийский,
Тело свое опусти с крыши на землю скорей!
Сразу познаешь себя самого ⁴ бестелесным, бесплотным,
Ищешь коль душу лишь ты, с ней и пребудешь вовек!

175

Бедный лежал Алкимен, страдая от тяжкой болезни,
 Горло осипшим хрипя, чувствуя боли в боку.
 Так истрепала его лихорадка жестокая, будто
 Тело терзали ножи. Жар его мучил и бред.
 Шумно, болящий, дышал, когда Калагнот появился,—
 Лекарь один с островов, кóсец, по виду, мудрец.
 Мог он предвидеть исход болезни любой у любого,
 Ждет что его, объяснить в будущем,— и почему.
 Долго смотрел на него, как лежит тот. Со знанием дела
 Врач прикасался к руке и наблюдал за лицом.
 Ну, а затем, рассчитал, осталось сколько больному
 Ждать до последнего дня, что завершит его жизнь.
 Лучше и сам Гиппократ не обдумал бы все, что изрек он
 Здесь Алкимену, с лицом важным и гордым весьма:
 «Горло хрипящее коль болей у тебя перестанет,
 Боли, к тому же, в боку кончатся все наконец,
 Если дыханье твое учащаться не будет от жара —
 То не умрешь никогда ты от плеврита, заметь!
 Знак это добрый для нас, что болезнь не грозит тебе эта.
 Ныне, мужайся! Скорей за адвокатом пошли!
 Денег две части отдать не забудь в хорошие руки,
 Третью — оставь мне, врачу, и с суетою протистись!»

Сына мне лекарь отдал своего дорогого в ученье,
 Чтоб он законы узнал, правила речи постиг.
 «Гнев, о богиня, воспой...»¹ — уже выучил он, но когда мы
 Начали дальше читать, мальчика врач отобрал.
 Как-то, увидя меня, он сказал мне: «Спасибо, товарищ,
 Может ведь все это сын и у меня изучить!
 Я посылаю в Аид безвозвратно, и — многие души,
 Я, по профессии, — врач, надо ль еще добавлять?!
 И, потому, ты поймешь, что для этого правил не нужно
 Знать грамматических нам, также Гомера читать!»

КНИГА XVI

Здесь же ваятель воздвиг вакханку¹ стыдливую. Вряд ли
 Есть уменье у ней этот кимвал потрясать.
 Вся наклонилась вперед и как будто кричит: «Выходите,
 Я вам сыграю, хотя б не было здесь никого».

Я у ромеев была в Византии блудницей продажной,
 Все покупали мою недорогую любовь.
 Но написал меня ты, Фома, потерявший рассудок,
 Эрос тебе повелел, чтоб Каллироя жила.
 Ты показал всю любовь, пламенеет что в сердце влюбленном,
 Тает, как воск¹, на огне Эроса сердце твое.

331

Славный твой образ, Плутарх Херонейский¹, воздвигли мы, семя
 Мощной Авсонии² здесь. Подвиг известен твой всем.
 Жизней ведь ты пятьдесят описал, связав воедино
 Элинов лучших и всех римлян, счастливых в войне.
 Но ты едва ли бы жизнь описал, что твоей «параллельна»,—
 Нет ей подобной нигде, как и тебе самому!

332

Сделал добро ты, старик Лисипп¹, сикионский ваятель,
 Образ Эзопа что всем ты мудрецам предпочел.
 Ибо самосский мудрец был намного семи мудрецов тех²
 Выше. Ведь видели лишь правду нагую они.
 Не убеждены, как он, в ученье свое положили.
 В баснях и сказках хотя сущность Эзоп³ излагал,
 Но, что нужно сказать разумное, в шутке умел он.
 Лишь наставлений бежал, басня ж — приманка для всех.

Кирилл Скифопольский

(около 514—557 гг.)

О жизни Кирилла Скифопольского не сохранилось никаких сведений, кроме тех, которые можно извлечь из составленных им нескольких жизнеописаний святых. Из этих сочинений мы узнаем о том, что родился он в галлейском городе Скифополисе и, едва ему минуло тридцать лет, удалился в монастырь святого Евфимия (Палестина), где провел около одиннадцати лет; затем он переселился в монастырь святого Саввы (Палестина), где жил до конца своих дней. Еще во время пребывания в монастыре св. Евфимия Кирилл заинтересовался историей возникновения монастыря, личностью его основателя и стал собирать сведения с тем, чтобы описать жизнь Евфимия — одного из столпов палестинского монашества V в. Свой второй труд Кирилл посвятил основателю другого монастыря, Савве, жившему на рубеже V—VI вв. Возможно, что Кирилл поставил себе целью написать серию таких произведений, посвященных жизни видных представителей палестинского монашества, но ранняя смерть помешала ему осуществить свой замысел. Под его именем нам известны, кроме жизнеописаний Евфимия и Саввы, жизнеописания Иоанна Молчальника, бывшего некоторое время епископом монастыря св. Саввы, Кириака, Феодосия и Феогния. Все эти жития имеют немалое значение для ознакомления с историей церкви и распространения монашества в Палестине V—VI вв.

Жития написаны простым языком, хотя и несколько однообразным, безо всякого нарочитого риторического украшения; композиция всех жизнеописаний очень проста и почти одинакова; постоянные эпитеты, даваемые автором святым, не оригинальны; к этому времени они становятся уже штампом, но они не нарушают общий доверительный тон рассказчика, с большим уважением и почтением относящегося к описываемым им лицам.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ИОАННА, ЕПИСКОПА И МОЛЧАЛЬНИКА ЛАВРЫ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ

1. Первым я опишу преподобного Иоанна, молчальника лавры блаженного Саввы, потому что долгой и светлой жизнью превзошел он всех других подвижников¹.

Этот осиянный отец наш Иоанн происходит из армянского Никополя²; он рожден от мужа и жены по имени Эвкратий и Евфимия, прославленных богатством и знатностью рода, отличившихся и на государственном поприще; в начальстве над войском, в умении повести народ за собою, в распоряжении верховной властью при царском дворе. Немало сказаний и подвигов связано с ними у сынов византийских и армянских, но чтобы вступление к моему по-

ествованию не вызвало чувства пресыщения, я добровольно умолчу об этом и расскажу об Иоанне лишь то, что, быть может, хорошо известно всем, знавшим его.

Итак, родился Иоанн, как он сам мне поведал, восьмого дня января, седьмого индиктиона³, в четвертый год царствования Маркиана боголюбивого⁴. Родители его были христиане, и вместе со своими братьями он получил подобающее христианину воспитание.

2. Прошло некоторое время, и родители Иоанна почилы во Христе. Раздав состояние родительское, этот богоподобный муж посвятил себя богу. В самом Никополе построил он храм досточтимой богородицы и бессмертной девы Марии. Так, на восемнадцатом году жизни Иоанн отрешился от мирских забот; взял он с собою десять братьев, захотевших себе спасения, и основал в том городе киновию. Все свои молодые годы он прилагал ревностное усердие ко укрощению чрева и усмирению гордыни: ведь он знал, что в своем стремлении к пресыщению чрево не знает ни отдыха, ни воздержания, а гордыня не терпит смирения, и что нельзя преуспеть в подвижничестве без постоянного бодрствования, целомудрия и смирения...

3. Когда Иоанн вступил в свое двадцативосьмилетие, воссиявшее в нем светочем, святейший митрополит, под влиянием молвы об Иоанне и по просьбе жителей города, называемого Колонией, послал за ним, утаив истинную цель; он рукополагает Иоанна, уже прошедшего все ступени церковной иерархии, епископом указанного города, потому что тамошний епископ скончался. Так против воли своей принял Иоанн архиерейство, не отменяя предписания единодержавной власти.

Но и в епископстве оставался Иоанн подвижником, словно в монастыре: всего более соблюдая правило неомовения, остерегаясь не только того, чтобы его нагим увидел другой, но и того, чтобы самому взглянуть на нагого. Размышляя над наготой Адама и над тем, что сказано по сему поводу в Писании, он пришел к убеждению, что единственная величайшая добродетель — блюсти правило неомовения и, короче говоря, всеми силами стремился к этому. Стал Иоанн благоугоден богу в постах и в молитвах, святостию тела и чистотою сердца постоянно очищая свои помыслы, возносясь до всевышних высот и до познания бога...

4. Прошло девять лет епископства божественного Иоанна, когда случилось мужу сестры его Марии, по имени Пасиник, принять власть над Арменией; по некоему сатанинскому внушению стал он травить и смущать вверенную Иоанну церковь: служителям ее не позволял проявлять подобающей заботы о делах церковных, преступавших ее порог отлучал насильственно, уничтожая неприкосновенность церковных владений. И хотя раб божий весьма часто зывал к Пасинику и наставлял его разум, тот сделался еще хуже. А Мария, сестра Иоанна, уже скончалась.

Вот по какой причине этот праведник, испытывая ужаснейшие притеснения, принужден был отправиться в Константинополь. Прибыв туда и добившись помощи для своей церкви, Иоанн созы-

вает в конце царствования Зенона при содействии константинопольского архиепископа Евфимия богоугодный совет, чтобы ему удалиться в святой град и отрешиться от волнений жизни. Распустил он бывших с ним пресвитеров и клириков, обратившись к ним с божественными увещаниями, и тайно ото всех, совсем один, сел на корабль и прибыл в Иерусалим. Остановился он в первом же приюте для старцев града святого, возникшем стараниями блаженной Евдокии. В этом приюте была молеальная святого мученика Георгия.

Во время пребывания в приюте насмотрелся Иоанн на суету мирскую, огорчился в мыслях своих и со слезами просил бога указать ему путь в места благоприятные.

5. Видимо, особый смысл заключался в пребывании драгоценного отца нашего Иоанна в означенном приюте для старцев: однажды ночью, проведя немало времени в ночных молениях богу, он пошел один в нужник того приюта и, взглянув на небо, видит вдруг свет похोжей на крест звезды, движущейся к нему. И слышит он голос, исходящий от того света: «Если ты хочешь спасения, следуй за этим светом». И доверясь голосу, Иоанн незамедлительно вышел и последовал за тем светом. И был свет ему путеводителем, и пришел Иоанн в великую лавру святого отца нашего Саввы. Иерархом был тогда Салустий из иерусалимского храма; случилось это четырнадцатого индиктиона, на тридцать восьмом году жизни Иоанна; в то время освящался построенный божьей помощью храм великой лавры...

По прибытии в великую лавру Иоанн отыскал блаженной памяти Савву, собравшего вокруг себя сто пятьдесят отшельников, пребывавших в полной нищете в отношении плотских удовольствий, но богатых милостями духовными.

Блаженной памяти Савва принял Иоанна, передал его казначею лавры, дабы исполнял службу как всякий новый послужник: не ведал Савва, каким сокровищем был Иоанн. Да не удивится никто, что сокровищница подвигов иоанновых была сокрыта от очей священного старца Саввы...

А божественный Иоанн проявлял полное послушание и казначею и остальным отцам, помогая им со своею скромностью и усердием: носил воду из источника, готовил пищу для тех, кто занимался строительством, подносил им камни, оказывал и другие услуги в постройке, когда в лавре сооружали странноприимный дом.

13. ...В это время⁵ сиккиец Аламундар, захвативший царскую власть у сарацин, покоренных персами, двинулся в Аравию и в Палестину; в яростном гневе против ромеев он все подвергал опустошению, обратил в рабство несметное множество людей и совершил много беззаконного после взятия Амиды⁶.

Когда толпы варваров рассеялись по этой пустыне⁷, много сторожевых и охранных отрядов было расставлено там с целью оградить от варваров подходы к монастырям; отцы великой лавры убеждали высокочтимого отца покинуть Рувийскую пустыню, возвратиться в лавру и жить в духовном созерцании в своей келье.

Но боголюбивый Иоанн, вкусив божественную сладость молчания, переносил его радостно и не в силах был отступить; рассудив, он мысленно произнес такие слова: «Если бог не заботился бы обо мне, разве я жил бы?»

Так, положившись на всевышнего в спасении своем, оставался Иоанн на прежнем месте, ничего не страшась; бог же, который постоянно печется о рабах своих, заповедал ангелам, согласно Писанию, охранять святого.

По воле божией исполнилось так, что после легкого испуга, пережитого Иоанном, послан был ему хранитель, зримый для всех: преогромный и весьма страшный лев, охранявший Иоанна днем и ночью от козней нечестивых варваров. Было это так: в первую же ночь Иоанн увидел спящего рядом с собою льва, и немного испугался, как он сам мне рассказывал; но увидев, что лев денно и ночью ходит по его следам и не бросается на него, а варваров отгоняет, воздал благодарственные молитвы богу, который держит занесенным свой жезл над грешниками ради спасения праведных.

18. ... Ученики сего осиянного старца⁸, Феодор и Иоанн, поведали мне такой рассказ:

«После успения святого Саввы старец отправил нас с поручением в Ливиаду⁹, и по дороге, едва мы переправились через Иордан, встретились нам какие-то люди и сказали: «Смотрите, впереди вас лев».

Мы поразмыслили, что бог может сохранить нас молитвами нашего преподобного, так как не по своей воле мы исполняем сию заповедь.

Так порешив, пускаемся в путь, и вот лев идет нам навстречу. Очень мы перепугались, как бы он не напал на нас. И тотчас видим старца, который появился между нами и приказал нам не бояться. Тогда лев, словно его бичом погнали, бросился бежать от нас, а мы, нисколько не пострадав, продолжали путь свой...»

28. ... Выше рассказано было, как внимал я святому гласу Иоанна, поведавшего мне о том, как на двадцать восьмом году жизни своей он был рукоположен епископом; о том, что в епископстве провел он девять лет и оставался в лавре сначала в течение двенадцати лет, из которых шесть лет он был диаконом; а остальные шесть лет провел молчальником; в Рувийской пустыне пребывал Иоанн шесть лет, заточив себя в той келии, в какой жил молчальником до сего дня. С божией помощью прожил Иоанн молчальником целых сорок семь лет. И вот пошел ему сто четвертый год, — Иоанн весьма стар и светел ликом, бодр душою и полон божественной благодати. Мы же молимся смиренно, чтобы бог еще и еще дал сил Иоанну и окончил жизненный путь его в мире и чтобы молитвами его смилоствивлся и над нами, смиренными грешниками, предавшими все этой записи.

Почил этот святой старец и епископ Иоанн седьмого дня декабря месяца в царствование господина нашего Иисуса Христа, которому сила и слава во веки веков. Аминь.

Иоанн Малала

(около 491—578 гг.)

Сведения о жизни Иоанна Малалы из Антиохии чрезвычайно скупы и разрозненны. Время его жизни установлено приблизительно. Жил он при четырех византийских императорах: Анастасии I, Юстине I, Юстиниане I и Юстиниане II. Его имя сирийского происхождения и означает «ритор» или «судья».

Произведение Иоанна Малалы — «Летопись» — представляет собой образец ранневизантийской христианской хроники, написанной по принципу синхронного изложения событий, происходивших преимущественно на территории Средиземноморья. Автор начинает от «сотворения мира». «Летопись» состоит из 18 книг; первая из них утеряна, и вместо нее сохранился анонимный «Перечень событий в порядке хронологии». Во второй книге излагаются легенды о возникновении Ассирии, Египта, Фригии; в третьей книге на основании «Пятикнижия» даются основные события древнейшей истории Израиля. Затем Малала переходит к Элладе и в 4-й книге, говоря о возникновении эллинского государства, пользуется мифами об Орфее и аргонавтах; языческая мифология нередко переплетается с христианской. В 5-й книге автор излагает события Троянской войны, касаясь ее причин и ее последствий. 6-я и 7-я книги посвящены происхождению рода Энея и основанию Рима. В 8-й книге описываются походы Александра Македонского. С 9-й по 12-ю книгу изложена история Рима: последовательно описаны республиканская эпоха (9-я книга), царствование Августа и возникновение христианской религии (10-я книга), императоры Траян (11-я книга) и Коммод (12-я книга).

С 13-й книги Малала начинает историю Византии. После описания правления Константина (13-я книга) в пяти последующих книгах изображаются события во времена последующих византийских императоров, кончая Юстинианом I. Есть предположение, что 18-я книга была издана Малалой после смерти Юстиниана. С точки зрения манеры изложения «Летопись» отчетливо делится на две части, из которых первая кончается 14-й книгой. Литературными источниками для первой части служили книги Ветхого и Нового Завета, ряд произведений греческих историков, орфическая поэзия классического периода, хронисты позднесантичного и раннехристианского времени, трагедии Еврипида, повести Диктиса и Дареса о событиях Троянской войны. В большой степени использованы также сказания греческие, ассирийские, италийские и египетские. Стиль этой части местами вовсе не отделан, а иногда приближается к эллическому; изложение изобилует повторами и излишними подробностями в описаниях. Начиная с 15-й книги язык историка приобретает черты более тщательной литературной отделки и вместе с тем черты более индивидуальные. В этой части особенно интересны описания Константинополя и Антиохии.

На основании «Летописи» можно сделать некоторые наблюдения и над личностью автора: он — апологет христианства и противник язычества, преданный установившемуся порядку монархии. В первых книгах «Летописи» заметна склонность автора к монофизитству.

«Летопись» пользовалась большой популярностью в последующие века; она послужила источником для поздних византийских историков, как показывают многочисленные ссылки у Иоанна Дамаскина (VIII в.), Феофана (VIII в.), Георгия Монаха (IX в.), Скилицы (XI в.), Кедрена (XI в.).

В Древней Руси первый перевод «Летописи» появился в X в. Дальнейшие переработки 5-й книги, названной в оригинале «О временах троянских», говорят о большой популярности сюжетов на темы завоевания греками Трои. Однако в «Притче о кралех» — древнерусской переводной повести XIII в. (двумя веками позже вошедшей в «Хронограф» Пахомия Логофета) троянские события излагаются подробнее, чем в греческом оригинале, что свидетельствует о существовании промежуточных источников и о сложных путях проникновения «Летописи» на Русь.

5-й книге «Летописи» присуща чисто литературная занимательность, идущая главным образом от обилия мифологических и сказочных элементов. В толковании мифов, весьма популярных на всех этапах греческой культуры, проступают черты нового восприятия античности, характерного для человека средневековья. Каждый эпизод, далеко не оригинальный в античной литературе, несет на себе печать новой эпохи. Одно из самых заметных явлений такого порядка — отстранение богов от непосредственного участия в действии, как это было в поэмах Гомера. Античные боги таким образом в средневековой хронике теряют свой изначальный антропоморфизм. Имена богов употребляются редко, большей частью при упоминании о их культах, храмах и жертвоприношениях; а попытка автора дать характеристику Афродиты в начале рассказа превращается в абстрактно-аллегорическое толкование. Точно так же Артемида уже не играет спасительной роли в эпизоде с жертвоприношением Ифигении: жрецы сами заменяют на жертвеннике девушку ланью.

Происхождение героев «снижено». Так, например, Елена, объясняя Приаму и Гекубе свою генеалогию, не идет дальше «Даная, Агенора и Сидонян»; Киклоп Полифем, разделенный Малалой на два персонажа — Киклопа и Полифема, вовсе не сын Посейдона; его отец — Сикан, царь острова Сицилии; Кирка и Калипсо — дочери царя Эолийских островов Эола. Широко пользуется Малала мотивами платы, выкупа, взятки, к которым его герои прибегают по любому поводу. Подробно перечислено имущество Елены, привезенное ею в Трою; «за деньги и подарки» избавляется Одиссей из плена у Киклопа, за «дары из Трои» соглашается Кирка не испытывать своих зелий на Одиссее и его спутниках; Ахилл отбирает из принесенного Приамом выкупа за тело Гектора наиболее ценные вещи. В последнем эпизоде интересна мотивировка поведения Париса, которую автор вкладывает в уста Ахилла в его беседе с Приамом: оказывается, Париса привлекала не красота Елены, а фамильные сокровища ее предков — Пелопы и Атрея. И наконец, необычен по сравнению с античностью интерес автора к детальному описанию внешности героев. Довольно примитивным способом — наизыванием одного за другим эпитетов — Малалой описана

неружность 23 героев: этот прием восходит к «Повести о падении Трои» Дареса Фригийского, не упомянутой в «Летописи». Сличение обоих произведений показывает, что портреты, воспроизведенные Малалой, красочнее и полнее, они в большей мере соответствуют традициям древнего изобразительного искусства. Все эти новые по сравнению с античностью художественные приемы и осмысления сюжета в «Летописи» делают ее чрезвычайно ценным и значительным произведением для истории византийской литературы.

ЛЕТОПИСЬ

КНИГА V. О ВРЕМЕНАХ ТРОЯНСКИХ

Во времена Давида¹ Илионом, т. е. землей фригийцев, правил Приам, сын Лаомедонта. А в его царствование и сам Илион, и Дардан, и Троию и всю землю фригийскую опустошали ахейцы. Среди них прославились полководцы Агамемнон и Менелай и остальные вожди вместе с Пирром Неоптолемом, — все, кто шел походом на Троию из-за похищения Елены Парисом, которого называют также и Александр: ведь Елена его пленила. Потому что Елена была прекрасно сложена, с красивой грудью, бела, как снег, с тонкими бровями, с правильным носом, кругла лицом, волосы у нее были кудрявые, рыжеватые, глаза большие, движения вкрадчивые, голос сладкий — страшное для женщин зрелище! Было ей двадцать шесть лет. А несчастьям, которые погубили Троию и всю землю Фригийскую и ее царство, причина нашлась такая.

Когда у Гекубы родился Парис, его отец Приам отправился в прорицалище Фебово и спросил оракула о своем сыне. И дал ему оракул такой ответ: «Родился у тебя сын Парис, дитя несчастное², и когда он достигнет тридцати лет, он погубит царство Фригийское».

Услыхав это, Приам тотчас же дал сыну другое имя — Александр и послал его в глухое селение, Амандр, чтобы рос он там у какого-нибудь крестьянина, пока ему не минет тридцать лет, о которых говорил оракул. Так и оставил Париса в глухом селении отец его Приам, обнес это селение стеной и назвал его городом Парием³. Так и воспитывался Парис в тех местах и подрастал. Он был хорошо воспитан и образован, и сочинил похвальную речь Афродите, где утверждал, что выше ее нет богини, и ни Гере, ни Афине ее не превзойти. Ведь Афродита — это желание. А от желания рождается все — так он писал в своем сочинении. Говорят, что Парис был судьей между Палладой и Афродитой, и Афродите отдал он яблоко, т. е. присудил победу, говоря, что Афродита — это значит любовная страсть, и она все порождает — и детей, и мудрость, и разум, и искусства, и все другое, разумное и неразумное, и что лучше ее ничего нет. В ее честь Парис сочинил еще и гимн, который назывался «Пояс Афродиты».

Когда прошло тридцать два года, Приам подумал, что срок, определенный Парису оракулом, миновал, и он послал за сыном и вернул его со всякими почестями: ведь он любил сына. Сам Приам вышел встречать его со своими советниками и со всеми своими братьями и с жителями города. И прибыл в Трою этот самый Парис на тридцать третьем году своей жизни в месяце Ксантике, или в апреле. Когда же Приам увидел, каким красивым, каким сильным и каким речистым стал его сын, он велел Парису взять дары, отправиться в Элладу и принести там жертвы Аполлону Дафнейскому⁴. Думал он так: «Бог пожалеет мою старость и отвратит беды; ведь время, предсказанное оракулом, уже прошло». И вручив письмо ко всем царям или владыкам земли Европейской⁵, чтобы они приняли его сына, Александра или Париса, который отправился на молитву и для жертвоприношения Аполлону, Приам отпустил сына, послав с ним также дары этим царям. Итак, пробыв в Трое пятьдесят семь дней, Парис отплыл двадцать восьмого числа месяца Десия, или июня, и захватил с собою много царских даров. Его сопровождали сто фригийских юношей. И прибыл он в эллинский город, по имени Спарта, или вернее, наместником был Менелай, сын Плисфена. Этот Менелай был воспитан в стране Атрея, царя Аргивян, вместе с сыном его Агамемноном; оттуда, говорят, и происходили оба Атрида. А Менелай, как только к нему приехал Парис, сейчас же собрался на Крит вместе со своими родными, чтобы в критском городе принести обещанные жертвы Зевсу и Европе. Был у Менелая обычай каждый год в это самое время устраивать празднества и жертвоприношения в память Европы, потому что он происходил из ее рода.

Александра, или Париса, Менелай встретил, письмо Приама, царя Азии и Фригии, прочитал, дары присланные принял; затем обнял он Париса-Александра, радуясь ему, как родному сыну, почтил всеми почестями и в своем дворце предоставил ему всякие яства, и жилище, и слуг; сказал он Парису, чтобы тот оставался в этом городе, сколько хочет; и просил Париса остаться и отдохнуть после плавания, а потом уж отправляться в храм Аполлона, чтобы принести жертвы.

Позаботясь так о Парисе, отплыл Менелай на Крит и оставил Париса в своем дворце. Но пока в критском городе Гортине Менелай совершал жертвоприношения в честь Дия Астрейского⁶ и Европы, случилось так, что Елена спустилась из своего дворца в сад на прогулку вместе с Эфрой⁷, родственницей Менелая, и Клитемнестрой из рода Европы. А Парис потихоньку проник в сад и был поражен красотой и молодостью Елены. Он возгорелся к ней любовью, сошелся с ней при помощи Эфры, родственницы Менелая, Пелопиды, и Клитемнестры из рода Европы, похитил ее и бежал с ней на тех троянских судах, которые были у него, захватив денег триста литр, много ценной и серебряной утвари, Эфру из рода Пелопа, Клитемнестру из рода Европы, и еще пять ее служи-

тельниц-рабынь. И уже не заходя в храм Аполлона и не совершив в Элладе жертвоприношений, он направился в Сидон, а оттуда к Протею, царю Египта⁸.

Воины же, охраняющие дворец Менелая, узнав, что Елена бежала, немедленно послали трех послов из Спарты на Крит в город Гортину, чтобы сообщить царю Менелаю о похищении Елены Парисом и сказать, что он захватил также с собой его родственницу Эфру и Клитемнестру. С гневом выслушал это Менелай. Особенно огорчила его Эфра; он ведь думал, что она очень мудра. Тотчас же вернулся он в Элладу, в город Спарту, и разослал всюду погоню, чтобы найти Елену, Париса и тех, кто был вместе с ними. Но их не нашли. Через некоторое время Парис прибыл из Египта в Трою с Еленой, деньгами и всем ее богатством. А Приам и Гекуба, видя Елену с Парисом и дивясь ее красоте, стали у нее спрашивать, кто она, и какого рода. Елена отвечала, что она, мол, того же рода, что и Парис-Александр, и что она ближе Приаму и Гекубе, а не Менелаю, сыну Плисфена. Она сказала, что она из рода Даная, Агенора и Сидонян, и из рода самого Приама, как она уверяла. Ведь от Плесноны, дочери Даная, родились Атлант и Электра, от которой произошел царь Дардан, а от него пошел Трой и цари Илиона; от Финика, сына Агенора, происходил царь Дин, отец Гекубы. А из рода Дина происходит и Леда — говорила она. Сказав это Приаму и Гекубе, Елена попросила их клятвенно обещать, что они ее не выдадут, и говорила, что она взяла только свое и ничего не тронула из добра Менелая. И тогда Гекуба обняла ее, поцеловала, и потом любила ее больше других.

А приближенные Агамемнона и Менелая узнали, что Елена с Парисом достигли уже Трои, и отправили послов, чтобы им выдали Елену; ведь ее сестра, Клитемнестра, гневалась на своего мужа — Агамемнона, царя Аргоса, что ее сестра Елена ушла; она же и написала Елене и дала Менелаю письмо, которое должно было убедить Елену. И пришел Менелай к Приаму и потребовал назад свою жену, чтобы избежать войны. Но Приамиды не согласились отдать ее. И тогда цари — Атриды двинулись войной на Илион, созвав своих союзников, т. е. топархов. Они с трудом уговорили Пелея и его жену Фетиду, и ее отца Хирона, царя-философа, отпустить к ним как союзника Ахилла — сына Фетиды и самого Пелея, потомка Хирона. Хирон отправился за ним и привел его. Ведь Ахилл пребывал на острове у своего друга царя Ликомеда, отца Деидамии. И ушел вместе с Атридами этот самый Ахилл, имея особое войско из называемых тогда мирмидонян, а теперь называемых болгар, в числе трех тысяч, вместе со стратопедархом Патроклом и Нестором; Хирон, Пелей и Фетида настояли, чтобы они сопровождали Ахилла. И ушел Ахилл вместе со своим войском, аргивским и мирмидонским, в поход против Илиона. Быстро готовились и сами цари Атриды, и созвали топархов — своих союзников из каждой области Европы, каждого с собственным войском

и кораблями. И отплыли все, собравшись в стране, называемой Авлида.

Но поднялась буря и жрец Калхант сказал, что Агамемнон должен принести дочь в жертву богине этой страны — Артемиде. И вот Одиссей с хитрым планом, как будто по письму Агамемнона, отправился в Аргос и доставил оттуда его дочь Ифигению. Увидев, что она пришла, Агамемнон горько заплакал. Но боясь войска и топархов, он отослал ее на жертвенник Артемиды. И в то же время, когда она пришла в храм богини, появилась лань, которая пробежала совсем близко: между царями и войском, между жрецами и Ифигенией. Увидев ее, жрец сказал: «Поймайте лань и принесите ее в жертву Артемиде вместо девушки!» Лань поймали и принесли в жертву. А Ифигению жрец отдал отцу ее Агамемнону. Агамемнон оставил ее жрицей в храме Артемиды. И на остальное время Агамемнон стал предводителем всего похода. Двинулись они из Авлиды и пошли на Трою.

Когда эти самые греки прибыли в Трою, троянцы вступили с ними в бой и не позволяли им высадиться: с обеих сторон было много убито, в том числе пал Протесилай — союзник данайцев, но греки не отступали, пока не одержали верх. Они высадились на берег Троянской земли и канатами привязали суда. А вечером троянцы вошли в город и поставили у ворот охрану. Тогда в полночь некто по имени Кикн, из рода Приама, находившийся неподалеку, услышал, что греки приближаются к Трою. Он двинулся из города Неандра⁹ со множеством войска и напал на них. И в этой ночной схватке сам Кикн был убит Ахиллом, а соратники его погибли до рассвета. И задумали тогда ахейцы захватить города поблизости от Илиона и Трои, те города, которые были на стороне Приама. Они обязали друг друга клятвой, что все, что они ни захватят, они доставят царям, войску и союзникам; они выбрали для этого Ахилла, сына Теламона¹⁰, Аянта и Диомеда. И сейчас же отправился Диомед и захватил город Неандр, подвластный тому самому родственнику Приама, Кикну, и стал грабить его окрестности. Захватив двух сыновей Кикна — Коба и Кокарка, и его дочь по имени Главку, красавицу 11 лет, и все его имущество, и все ценное в окрестностях, он доставил все это войску. Ахилл же тотчас отправился вместе с аргивянами и мирмидонянами, т. е. вместе с собственным войском, и подошел к Лесбосу — к городу и к его области, где царствовал Форнабант, родственник Приама. У него была сильная вражда с эллинами. Захватив страну и город, Ахилл убивает Форнабанта, увозит все их добро и уводит его дочь — Диомеду, а она была девушка белая, с круглым лицом, с блестящим взором, со вздернутым носиком, хорошо сложена; волосы ее отливали золотом, лет ей было около двадцати двух. Вернулся Ахилл и доставил все греческому войску из страны Лесбоса. Затем он снова выступил на Эвксинский Понт, разграбил страну и захватил город Лирнес. Убил он там царя Этиона и взял в плен его

жену Астиному, дочь Хриса¹¹, жреца Аполлона, которую стали называть Хрисеида; богатства этой страны он также принес на корабли. Астинома была складная, белая, с золотистыми полосами, с красивым носом, с маленькой грудью, ей было девятнадцать лет. Ахилл сокрушил также войско тех, кого зовут кидкийцами, которых Этийон взял к себе; разбил он и троянское войско.

Двинувшись оттуда, идет он к детям Бриса, который доводился Приаму племянником, в город по имени Легополь; страну он разграбил, а город остался осаждать и многих убил. Затем он захватил город и взял в плен Гипподамию, дочь Бриса¹², которую потом назвали Брисеида, — она была женой Менета, царя Легополя, — и уничтожил ее братьев Андра и Фианта. А Менет, муж Гипподамии или Брисеиды не был в то время в Легополе, а находился далеко, чтобы получить помощь от союза с фригийцами, а еще из Ликии и Ликаонии. Этот самый царь Менет тотчас же после пленения его страны и его жены Гипподамии-Брисеиды Ахиллом быстро подошел с помощью ликийцев и ликаонцев. И не отступил, а сейчас же объединился с войсками своих союзников и жестоко сражался с Ахиллом, пока его не поразило копье некоего Эвритиона из окружавших Ахилла экзархов-начальников его войска, и вместе с Менетом погибли все. А Гипподамия, или Брисеида была высокая, белая, с красивой грудью, нарядная, со сросшимися бровями, с красивым носом, с большими глазами, с тяжелыми веками, с вьющимися, рассыпанными по плечам волосами, веселого нрава, ей был 21 год. Увидев ее, Ахилл воспылал к ней страстью. И попав под власть ее чар, он захватил ее и скрыл в своей палатке, чтобы не показывать ее греческим воинам. Деньги же, Астиному-Хрисеиду и все остальное он доставил прямо воинам, полководцам и царям.

Когда все узнали, что Ахилл скрыл у себя дочь Бриса, жену Менета, вместе со всеми ее сокровищами, на него стали сердиться и негодовать, потому что он нарушил клятву ради любви к ней. И все упрекали Ахилла, что он скрыл Брисеиду, и, сошедшись все вместе, запретили ему идти походом на города, захватывать их и грабить местности, и поставили на место его других: Тевкра — брата Аянта Теламонида и Идоменея. Эти полководцы захватили Кипр, Исаврию, Ликию, разграбив и уничтожив их. А Теламонид Аянт, выступив походом на фракийцев в Херсонесе, осадил и Полиместора, их царя. А Полиместор, устрасясь храбрости этого человека, дал ему много золота и хлеба на содержание ахейского войска в течение целого года, а также выдал ему сына Приама, самого младшего, по имени Полидор, которого привел к нему отец мальчика, Приам, с большой суммой денег. Ведь Приам очень любил Полидора, как самого младшего, поэтому он и отправил сына в другую страну, чтобы дитя не пугалось шума войны. А этот самый Полиместор обещал и письменно подтвердил Аянту, что Приаму он помогать не будет. И двинувшись оттуда, Аянт пришел к царю Тевтранту и начал против него войну, убил его мечом, разрушил его

город и захватил все его добро. Его дочь Текмессу и все его богатство он везет ночью к грекам. Текмесса была стройна, смугла, с красивыми глазами, с тонким носом, черноволосая, с изящным лицом, девушка 17 лет. Что же касается сына Приама, Полидора, то с противоположной стены данайцы подали знак Приаму, чтобы он отослал Елену к грекам, взяв назад сына Полидора и заключил мир. В противном случае они Полидора убьют. И греки не согласились...¹³

Договорившись между собой, они отплыли сначала в страну Авлиду, оттуда во Фригию, где они остановились и разрушили царство Троию, как написано ранее, захватив царя Приама и царя Гекубу, убили их, а их детей захватили в плен, и, разграбив все царство, вернулись в родные земли.

Итак, царство Эфесское, которое принадлежало всей Азии и Фригийской Трое, существовало всего восемьсот девятнадцать лет.

И вот, после пленения Трои, все ахейцы, разделив между собой добычу и деньги, желая двинуться в родные края, стали готовить свои корабли. Некоторые отплыли, а иные остались, потому что Аянт Теламонид, Одиссей и Диомед завязали между собой ссору. Ведь Теламонид Аянт стремился захватить священный символ, небольшую деревянную статую Паллады, — палладий¹⁴, который, как говорили, был сделан, чтобы помогать победе; палладий охранял город, где его хранили, и делал этот город непобедимым. Этот самый палладий царю Троию, когда он хотел захватить город Асий¹⁵, дал некто Асий — философ, посвященный в таинства. И в благодарность царь Трой, в его память, страну, называемую ранее Эпитроп¹⁶, переименовал в Азию. Этот палладий Одиссей и Диомед украли с помощью Антенора, троянского эвзарха, жена которого по имени Феано, была жрицей Паллады; это случилось, когда у данайцев были празднества с жертвоприношениями. Устроили все это греки и фригийцы, когда им дано было прорицание: «Вы не сможете захватить Троию, пока не завладеете палладием». И Аянт Теламонид, желая увезти его на свою родину, говорил: «Палладий нужен мне; ведь я страдал за ахейцев. Достаточно с меня того, что Гектор оказался слабее меня в нашем единоборстве; но я опять пошел на Илион, я один преследовал троянцев, спас принадлежащие всем вам, грекам, корабли, уложил много троянских героев и при этом не был ранен. Я думаю, что для славы мне и того довольно, что из святилища Тимбрейского Аполлона¹⁷ я переправил в лагерь тело Ахилла».

А Одиссей, поднявшись сказал: «Я увезу палладий в свой город. Больше, чем я, за греков ты не страдал. Сначала, после того, как Парис похитил Елену, я выступил в Илион вместе с Паламедом и царем Менелаем. Также и царей с героями созывал я отовсюду. Уготовил гибель Парису тоже я. Как вы знаете, когда произошла схватка греков с троянцами и многие погибли, а друг против друга стояли вожди троянские и ваши, греческие вожди, и настойчиво»

обращались друг к другу, чтобы порешить войну, тогда я побудил Филоктета вызвать Париса на поединок лучников. Услыхав это, Парис выступил как стрелок и против Филоктета и против своего брата Деифоба. Выйдя, я отмерил для них место, где им нужно было встать; тогда они стали тянуть жребий, и первому стрелять досталось Парису. Но когда он выстрелил, он промахнулся. Я ободрил Филоктета, он выстрелил и пронзил Парису правую руку; тотчас же пустив вторую стрелу, он ранил ему правый глаз, Парис закричал и отвернулся, а Филоктет послал еще одну стрелу, поразила его в ноги, и Парис упал. И все бегут и поднимают Париса. Когда его принесли, он позвал трех своих сыновей, которые были у него от Елены,— Бунима, Корифея, Идэя¹⁸; увидев их, малых детей своих, он потерял сознание и в полночь испустил дух. Увидела это первая его жена, Энона, и повесилась. Тогда Елену взял в жены Деифоб, второй сын Приама, который ранен был Менелаем, как все вы знаете.

Опять-таки я посоветовал, чтобы Поликсену отвели на могилу Ахилла и чтобы там ее заколол герой Пирр. Тут, возвысив голос, Одиссей сказал: «Кто же сравнится со мной, раз я подстроил гибель Париса в месть за Ахилла, Менелая и всех греков?» И Агамемнон и все бесчисленное войско похвалили его. Одиссей же продолжал опять: «Не стану молчать я и об остальных опасностях, которым подвергался я вместе с Диомедом, когда мы стремились отобрать божественный символ, и когда были мы долго в Трое с варварами, и расскажу, что случилось с нами. Мы пробрались ночью в лагерь и вам, царям, рассказали все, что говорю я сейчас. Ведь когда троянцы в назначенное время приносили жертвы, случилось так, что в городе было знамение возле жертвенника Аполлона: бросили огонь на жертвенник во время жертвоприношения, а жертвы не загорелись. И когда все подносили огонь, он не загорался, а все, что лежало на алтаре, падало на землю. Когда явились и другие знамения, троянцы, увидав их, сказали, что это недобрые знаки. И тогда экархи троянские, Приам и войско заставили Антенора выйти к вам, царям — так через особого посланника просили данайцы и убедили вас взять выкуп и прекратить войну. И все это запомнив, мы вернулись и вам всем рассказали. Между тем Антенор, приняв на себя посольство, вышел и сказал так: «Цари-эллины, вы имеете дело с друзьями, а не с врагами. Все мы испытали то, что следовало испытать грешникам. За то, что Александр, он же Парис, обидел Менелая, возмездие понес Илион; свидетели этому — могилы погибших в битвах. А собранный нами выкуп мы принесли вам за богов, за родину, за детей. И вы, эллины, тех, кто ранее был непокорен, а теперь умоляет вас, спасите за принесенные деньги». И вы все, послушавшись Антенора, послали меня вместе с Диомедом к Приаму определить величину выкупа. Когда же мы пришли в Трою к Приаму, мы долго спорили и настаивали, чтобы троянцы выдали вам два таланта и сверх того столь-

ко же серебра. И мы пришли сообщить вам об этом решении. Мы принесли, что было назначено, обязав всех вас клятвой не отплывать из Илиона раньше, чем не будет сделан деревянный конь из гладких бревен, украшенный со всем искусством. Тогда будет казаться, что мы уплыли прямо в Тенедос, сжегши наши палатки, и думая, что мы удалились, варвары¹⁹ будут беспечны, а мы, будто вернулись с Тенедоса, подожжем город, убьем Приама и отладим Елену в царство Плисфена. Итак, моим умом боги даровали вам победу над варварами. А вы, цари и герои, будьте судьями моим трудам».

И перешли на сторону Одиссея Агамемнон и Диомед и их войско, а на сторону Аянта Теламонида — Пирр Неоптолем, который был из его рода, и войско Пирра.

Так как и другие вожди много спорили до вечера, было решено, что на ночь Диомед возьмет палладий к себе, спрячет его и будет охранять, а каждый из них отдохнет, чтобы в следующем споре решить, кто будет владеть палладием. Но Аянт был несогласен в душе ни с Одиссеем, ни с Агамемноном, ни с Диомедом. Ушел он в свою палатку и ночью закололся мечом; поутру нашли его останки. Тогда восстало Аянтово и Пиррово войско против Одиссея, — его хотели убить. Но Одиссей, захватив свои суда, бежал на них в Понтийское море. Через некоторое время он отплыл оттуда со своими кораблями и войском, держа путь на родину, в город Итаку. Когда он прибыл в страну Марониду²⁰, на него напали тамошние жители.

В схватке с ними он победил их и захватил много денег. И полагая, что в какую страну он ни прибудет, он обязательно победит ее жителей и из каждой страны принесет богатство, — он пристал к так называемой стране лотофагов и затеял с ними войну. Но жители той страны его победили, так что у него едва не погибло все войско. Он бежал оттуда на остров Сикилу, теперь называемый Сицилией, и прибыл туда после долгого плавания, претерпев бурю. Этот остров был очень велик, его поделили три брата — Киклоп, Антифант, Полифем — сыновья Сикана²¹ — царя этого острова, великаны могучие и друг о друге пекущиеся. Были эти три брата нрава сурового, они никогда не принимали гостей, иногда же их убивали. Прибыв со своим войском, Одиссей попал в область, подвластную Антифанту, и с ним и его войском — лестригонами — затеял войну. Из войска Одиссея убили они достаточно. Захватив своих воинов, Одиссей убежал в другую часть острова — Киклопову, потому и гора зовется «Киклоповой»²². Узнав это, Киклоп явился к нему с собственным войском. Он был велик ростом и уродлив на вид. Неожиданно напал он на Одиссея, который находился в его владениях, и перебил многих из его войска. Схватил Киклоп Одиссея и некоторых его товарищей, поймал одного из пленников, по имени Микалиона, человека благородного, под Троей отличившегося, начальника отряда у Одиссея, поднял его за волосы на глазах у Одиссея и остальных и вспорол мечом ему живот за то, что

тот с ним сражался. Остальных Киклоп запер, замыслив убить всех по порядку. А Одиссей, припадая к ногам его, умолял за большой выкуп отпустить и его самого и его людей. Киклопа едва уговорили с помощью денег, и под вечер он объявил, что освобождает Одиссея. И в самом деле под вечер он освободил Одиссея со спутниками, а сам замыслил ночью напасть на него и забрать все, что сможет унести, в том числе и корабли. Как только Одиссей был освобожден, он, боясь жестокости этого человека, тотчас же отплыл из его пределов. А ночью Киклоп бросился за ним и не нашел кораблей; он пришел в ярость и приказал бросать камни в море, чтобы беглецы не бросили якорь где-нибудь на этой же земле. Но глубокой ночью, когда мрак покрывал землю и море, не зная этих мест, они прибыли в другую часть, отданную Полифему, брату Киклопа и Антифанта. Этот Полифем, узнав, что какие-то люди ночью приплыли и высадились в его стране, тотчас же захватил свой отряд, пришел к Одиссею и затеял с ним войну. Они бились всю ночь, и многие из войска Одиссея погибли. Когда же наступило утро, Одиссей принес Полифему подарки и умолял его, говоря, что он из Трои отправился странствовать, потому что его заставили нужда и несчастья. И он перечислил ему происшедшие с ним на море разные беды. Полифем проникся к нему состраданием, пожалел его и оставил у себя как гостя, пока не будет хорошего времени для плавания. А дочь Полифема по имени Эпа загорелась любовью к некоему красавцу Лиону из воинов Одиссея. И когда подул попутный ветер, они, похитив ее, отплыли с острова Сицилии.

Это написал умнейший Сизиф с Коса²³. Ведь премудрый Еврипид сочинил драму о Киклопе, у которого было три глаза, имея в виду этих трех братьев, в дружбе друг с другом живущих, вместе воюющих и друг за друга мстящих. Он также рассказывает, что Одиссей, напоив Киклопа вином, убежал от него. На самом же деле Киклопу были даны большие деньги и подарки, и он напился,— Одиссей так устроил, чтобы Киклоп не мог съесть его спутников. Тогда Одиссей взял горящую головню и ослепил того же самого Киклопа на один глаз; ведь он похитил единственную дочь его брата Полифема, Эпу — девушку, сожженную любовным огнем. Это значит, что он выжег один глаз Киклопа-Полифема, отобрав его дочь.

Такое толкование дал Фидалий из Коринфа²⁴, объясняя, что премудрый Еврипид переложил это стихами, но не такими, какими Гомер, описавший странствия Одиссея.

Между тем, Одиссей после Сицилии прибыл на Эолийские острова. И был он принят как гость Эолом, царем острова, который, ожидая смерти, разделил два острова между дочерьми; и царствовали две царицы на двух островах.

А Кирка была жрицей солнца²⁵; с детства отдал ее отец в храм на острове Эя; она выросла и стала волшебницей; она была очень

красива. Сестра же ее, Калипсо, из зависти воспылала к ней великой враждой. Калипсо говорила (передает тот же историк), что сестра почему-то отказывается от своего отца и называет себя дочерью титана Гелиоса. И Кирка испугалась ее, потому что на острове у Калипсо было множество благородных мужей, испугалась, как бы та не пришла и не причинила ей вреда. Сама же Кирка не могла найти себе ни союзников, ни защитников, и она принимала гостей-пришельцев. Из каких-то трав готовила она зелье и предлагала им питье, волшебная сила которого отрешала человека ото всего и заставляла забыть свою родину, а пьющие зелье оставались у Кирки жить. И все оставались у Кирки на долгое время на том самом острове, забыв о своей родине, и так собрала она многих. Когда же Кирка узнала, что корабли Одиссея прибыли к ее острову, она приказала своим слугам приветливо встретить и его самого и его воинов; ведь она хотела, чтобы все они стали ее союзниками. А Одиссей, как только пристал к острову, увидел на нем много людей из различных стран. Он узнал, что многие из ахейского войска, и когда они подошли к нему, он спросил их: «Чего ради живете вы на этом острове?» А они ответили: «Мы из ахейского войска, и к этому острову пригнала нас сила морских волн; выпив волшебного напитка царицы Кирки, раненые жестокой любовью, обрели мы на этом острове родину». Сказали они и что-то другое. Услышав это, Одиссей собрал всех своих и приказал им ничего не принимать из подносимого Киркой — еды ли, питья ли, потому что все это обладает каким-то волшебным действием, — а взять из того, что приготовил для них царь Эол, или из тех припасов, которые они раньше запасли на кораблях. И когда Кирка поднесла ему и его воинам, и его матросам угощение — еду и питье, они все от нее не приняли этого. Узнав это, Кирка подумала, что Одиссей знает какое-то тайное средство, и что ему ведомы ее замыслы. Послав за ним, она вызвала его в храм. И он явился к ней с вооруженным отрядом и принес ей дары из Трои. Она же, увидев его со спутниками, просила их остаться на острове, пока не пройдет зима, и дала клятву в храме не делать вреда им. И Одиссей послушался ее и некоторое время жил у нее, по ее желанию став ей супругом. Об этой Кирке написали мудрейшие Сизиф с Коса и Диктис с Крита²⁶.

А премудрый Гомер написал в стихах, как волшебным питьем Кирка изменяла внешность захваченных ею людей, — одних она делала львами, других — собаками, иных — свиньями, иных — поросятами, иных медведями. Упомянутый ранее Фидалий из Коринфа истолковал эту поэму так. Нелепо, говорит он, чтобы Кирка хотела превратить людей в животных: поэт лишь показывает характер влюбленных, — будто Кирка, внушая им желание, делала их подобными животным — они скрежещут зубами, безумствуют, приходят в ярость. Это ведь свойственно природе любящих — стремиться к предмету любви и даже презирать смерть. Таковы уж любящие: от желания они становятся звероподобными, ничего разумно-

го в голову им не приходит, и они изменяют облик, походя на животных и по внешнему виду и по характеру, когда приближаются к тем, кто отвечает им на их страсть. Природой устроено так, что влюбленные смотрят друг на друга подобно животным и до кровопролития бросаются один на другого. Одни сходятся как собаки часто, другие — как львы, чтобы насытить единственный порыв желания, иные сходятся грязно, как медведи. Тот же Фидалий еще более понятно и ясно объяснил это в собственном сочинении.

Отчалив от острова, принадлежавшего Кирке, Одиссей поплыл к другому острову, борясь ее встречными ветрами. Приняла его и сестра Кирки, Калипсо, и почтила большими почестями, соединившись с ним в браке. Оттуда поднялся он к большому озеру, что лежит близ моря, под названием Некиопоми²⁷, а живут в нем пророки. Они рассказали ему все его настоящее и будущее. Уйдя оттуда, он претерпел сильную бурю на море, и его выбросило к скалам Серенидам, издающим дивный звук, когда ударяют в них волны. Пройдя с трудом между ними, он пришел к так называемой Харибде, в места дикие, с крутыми скалами. И там все оставшиеся у него корабли и войско погибли, а сам Одиссей на обломке корабля носился по морю, ожидая лютой гибели. Увидели финикийские моряки, как он плыл, пожалели его, спасли и привезли его на Крит к греческому экзарху Идоменею. Увидав Одиссея, потерявшего одежды и в нужде, Идомея проникся к нему жалостью, дал ему много подарков и целое войско со стратегом, а еще два корабля и несколько человек для охраны, и отпустил их в Итаку.

Также и Диомед, захватив палладий, отправился из Трои на свою родину.

Агамемнон же с Кассандрой, которую он полюбил, пересек Родосское море, стремясь достигнуть города Микен.

Между тем Пирр, видя, что все отплыли, предал огню тело Аянта Теламонида, положил прах в урну и похоронил с большими почестями близ могилы Ахилла, его родственника, отца Пирра, в месте, что зовется Сигрис²⁸. А Тевкр, брат Аянта Теламонида, быстро ушел с Саламина, города на Кипре²⁹, для помощи своему брату и нашел Пирра. От него узнал он о происшедшем; выслушав также и о почестях, возданных останкам Аянта, он похвалил Пирра и так обратился к нему: «Ты не сделал ничего, что было бы не в твоём характере; ты ведь сын Ахилла, славного божественным разумом. Ведь останки хороших людей время уничтожает, а добродетель остается и после смерти». И зовет Пирр Тевкра вместе с ним разделить еду и питье. И за трапезой, как человека родного, просит Пирр Тевкра рассказать ему все по порядку, что случилось с его отцом; он, дескать, точно не знает. А Тевкр начал рассказ так:

«Во все времена не угаснет память о победе Ахилла над Гектором. Когда услышал Ахилл, что Гектор хочет идти навстречу царю Пентесилее, он тайно перерезал ему путь со своими воинами и спрятался с ними в засаде. Как только Гектор переходит реку,

Ахилл убивает его и всех его спутников, кроме одного, которого он оставил в живых. И заколов Гектора, он посылает к Приаму сообщить об этом. И пока никто из эллинов не узнал о происшедшем, он привязал тело Гектора к оси колеса. Повесив тело в петле, когда Автомедонт погнал лошадей, твой родитель без отдыха бичевал тело. Услыхал Приам о судьбе Гектора, зарыдал и все вместе с ним. И такой крик пошел в толпах троянцев, что птицы в небе пугались. Ворота Илиона сейчас же заперли. Твой родитель устроил праздничные состязания для царей и для всех, раздавая щедро подарки. На следующий день Приам надел траурные одежды и вместе со своей дочерью, девушкой Поликсеной, с Андромахой, женой Гектора, вместе со своими малыми детьми, Астианактом и Лаодамантом, отправился к грекам, захватив с собой много украшений, золота, серебра, одежды. И среди греческих войск наступила тишина, когда он приблизился; все удивились дерзости Приама и встретив его, стали спрашивать, почему он явился. А Приам, увидя их, бросился на землю, посыпал прахом голову и просил их быть его спутниками, говорил, что ему и его близким надо видеть Ахилла по поводу тела Гектора. Пожалели Нестор и Идоменей, что ему придется идти к Ахиллу за телом Гектора, и стали упрекать твоего отца за Приама. И Ахилл приказал Приаму войти в его палатку. Приам вошел и кинулся в ноги ему, распростерся вместе с детьми и Андромахой, а Поликсена, обняв ноги твоего отца, объявила, что она готова остаться у него рабыней, если он отдаст тело. И цари, пожалев старика, стали просить за Приама. А твой отец сказал им: «С самого начала надо было сдерживать детей, а не грешить вместе с ними. У того человека ведь была любовь к чужому добру. Ведь не за женщиной Еленой он гнался, а страстно желал сокровищ Пелопя и Атрея. Вот и дайте выкуп за те несчастья, которые вы совершили. Это научит впредь уму-разуму и греков и варваров». И цари убедили его взять выкуп и уступить тело. И Ахилл, обратившись мыслью к радостям жизни, поднимает с земли Приама, Поликсену и Андромаху, приказывает Приаму совершить омовение и отвести вместе с ним питья и хлеба, иначе тела он Приаму не отдаст. Со страхом и надеждой Приам разделил с Ахиллом еду и питье, а Поликсена утешала и ободряла его. Долго шла их беседа, потом троянцы встали и положили выкуп на землю. Увидел Ахилл множество даров, он взял себе только золото, серебро и часть одежды, а остальные вещи с усмешкой отдал Поликсене. И стал Приам уговаривать Ахилла, чтобы он оставил у себя Поликсену. Ахилл же ответил, что сейчас надо ее увести в Илион, а речь о ней пойдет в другой раз. Приам с телом сына удалился к повозке и с ним вернулся в город. И троянцы, предав огню тело Гектора, похоронили его у стены Илиона, жестоко о нем сокрушаясь».

Проконий Кесарийский

(VI в.)

Один из наиболее выдающихся историков переходного периода от поздне-греческой литературы к византийской, Проконий, родился в конце V в. (год его рождения точно неизвестен) в городе Кесарии (Палестина). Он происходил из знатной семьи и получил равностороннее образование. В 527 г. он был назначен советником и личным секретарем полководца Велизария. Находясь на этой должности, Проконий принимал участие в ряде походов Юстиниана. Разнообразие впечатлений, знакомство с различными странами и народами, а также возможность наблюдать придворные интриги и дипломатические отношения дали Проконию разнообразный материал для его исторических трудов.

Проконием была написана «История в восьми книгах», в основном касающаяся времени Юстиниана, и поэтому названная в последующие времена «Историей войн Юстиниана». Две первые книги этого сочинения повествуют о походе Юстиниана против персов, две следующие — о войне с вандалами, а затем три книги посвящены войнам с остготами, которые велись на территории Италии. В 8-й книге дан общий обзор событий до 554 г.

Второе сочинение Прокония в византийскую эпоху называлось «Anecdota» (в словаре Свида), а в дальнейшем получило название «Тайная история». По жанровому определению оно ближе всего к мемуарной литературе. Проконий беспощадно обличает деспотическое правление Юстиниана и Феодоры, их жестокость и коварство в отношениях с подданными, их внутреннюю политику, которая вызвала экономический упадок империи. Третье произведение — «О постройках» представляет собой трактат-панегирик, где описаны наиболее значительные и красивые здания Византии, возведенные за время царствования Юстиниана.

Существует предположение, что Проконий в конце жизни достиг высоких государственных должностей и похвалами, расточаемыми им в этом сочинении, хотел смягчить высказанное ранее.

Проконий — большой мастер стиля. Изложение его живое и увлекательно. «История» написана, подобно сочинению Аппиана, по локальному принципу, и единая хронологическая линия отсутствует. Изложение прерывается многочисленными отступлениями: это описания иноземных нравов и обычаев, описания географического характера. Нередко приводятся речи действующих лиц или письма. Встречаются также и новеллы в манере Геродота.

Образованность Прокония была известна его современникам. Историк и поэт VI в. Агафий писал, что Проконий «изучил необыкновенно много и, так сказать, перебрал всю историю» («О царствовании Юстиниана», IV, 26).

ВОЙНА С ГОТАМИ

I. ВЗЯТИЕ НЕАПОЛЯ

(книга V, глава 10)

Тогда Велизарий установил следующий порядок для проникновения в город¹. С наступлением ночи, отобрав около четырехсот человек и поставив во главе их Магна, который командовал всей конницей, и начальника исавров Энна, он велел им всем надеть панцири, взять щиты и мечи и ожидать спокойно, пока он не даст знака. Послав за Бессом, Велизарий велел ему оставаться при нем, говоря, что хочет посоветоваться с ним относительно войска. И когда была уже глубокая ночь, он сообщил Магну и Энну, что им предстоит сделать, и указал место, где прежде был разрушен водопровод; он велел им ввести в город своих четыреста воинов, захватив с собою светильники. Он послал с ними двух лиц, умеющих играть на трубе, с тем, чтобы они, будучи внутри укреплений, могли привести в замешательство (этими звуками) город и дать знать своим, что порученное выполнено. Сам он держал наготове возможно большее число лестниц, которые были заранее заготовлены. Посланные, проникнув в водопровод, двигались в середину города, а сам Велизарий с Бессом и Фотием оставался на месте и вместе с ними все приводил в порядок. Он послал по лагерю людей с поучением приказывать всем бодрствовать и держать оружие в руках. Около себя он собрал большой отряд тех, кого он считал самыми смелыми. Из тех, которые пошли в город, приблизительно половина, испугавшись опасности, вернулись назад. Так как Магн, несмотря на усиленные увещания, не мог убедить их следовать за собой, то он вместе с ними вернулся к главнокомандующему. Велизарий обратился к ним с суровыми и обидными словами и, выбрав из тех, кто окружал его, около двухсот, велел им идти с Магном. Желая вести их, вскочил в проход водопровода и Фотий, но Велизарий ему этого не позволил. Устыдившись упреков начальника и Фотия, также и те, которые только что старались бежать от опасности, вновь почувствовали смелость подвергнуться ей и последовали за первыми. Боясь, как бы кто-либо из неприятелей не заметил, что задумано и выполняется (дело в том, что неприятельские воины держали караул на башне, которая была очень близка к водопроводу), Велизарий пошел туда и велел Бессу на готском языке вступить в разговор с варварами, чтобы какой-нибудь шум оружия не дошел до них. И Бесс, громким голосом обратившись к ним, увещевал сдать-ся Велизарию, заявляя, что за это они получают большие награды. Готы же издевались над ним, сильно оскорбляя и Велизария и самого императора. Вот что делали тут Велизарий и Бесс.

Неаполитанский водопровод доходил не только до стены, но таким же образом проходил через большую часть города, имея высокий свод, сделанный из обожженного кирпича, так что оказа-

шись в середине водопровода, все войны, шедшие с Магном и Энном, не могли нигде спуститься на землю. Они не могли оттуда никуда и уйти, пока передовые не дошли до места, где водопровод случайно не имел крыши и где находился дом, оставленный без всякого внимания. В нем жила женщина, одинокая и очень бедная, а над водопроводом росло масличное дерево. Когда войны Велизария увидели небо и заметили, что находятся в середине города, они решили сойти на землю, но у них не было никаких средств выйти из водопровода, особенно в таком вооружении. Стены здания здесь были высокие и не было лестницы, по которой можно было бы подняться вверх. Войны находились в большом недоумении, и их собралось много в этом узком проходе, так как большая толпа тех, которые шли позади, вливалась сюда же; и вот у кого-то явилась мысль попытаться подняться вверх. Тотчас же, положив оружие, изо всех сил работая ногами и руками при подъеме, он вошел в жилище женщины. Увидев ее там, он пригрозил ей, что убьет ее, если она не будет молчать. Пораженная ужасом, она оставалась безгласной. Он же, сплетя из древесины сивы крепкую веревку, сбросил другой конец этой веревки в водопровод. Держась за него, каждый воин с трудом поднимался вверх. Когда все вышли, оставалась последняя четверть ночи; они все двинулись к стене. Они убивают не ожидавших никакой беды сторожей на двух башнях, находившихся на северной стороне укреплений, где стояли Велизарий с Бессом и Фотием, ожидая исхода предприятия. Звучом труб они стали звать войска к стене, а Велизарий, приставив лестницы к стене, велел воинам подниматься здесь на укрепления. Но оказалось, что ни одна из лестниц не доходит до края стены, так как рабочие делали их втемную, на глаз, не имея возможности получить точного размера. Поэтому они стали связывать две лестницы вместе и по ним подниматься наверх, так что войны оказались выше укреплений. Так шли здесь дела у Велизария.

II. ПИСЬМО ВЕЛИЗАРИЯ ЮСТИНИАНУ

(книга V, глава 24)

Велизарий написал письмо императору; оно гласило следующее: «Мы прибыли в Италию, как ты повелел, завоевали большую часть этой страны и захватили Рим, вытеснив оттуда варваров, начальника которых, Левдерия, недавно я послал к вам. Часть воинов нам пришлось оставить в Сицилии и в Италии для охраны тех укреплений, которыми мы завладели; таким образом, войско дошло до пяти тысяч. Враги же собрались против нас в числе ста пятидесяти тысяч. И с самого начала во время рекогносцировки у реки Тибра мы, сверх ожидания, должны были вступить с ними в рукопашный бой и едва не были засыпаны тучей их копий. Затем варвары пошли на приступ стен всем войском, отовсюду к стенам подвинув машины, и едва не захватили нас и город при первом же

натиске, если бы не спасла нас от них некая счастливая судьба. То, что превосходит естественный ход событий, конечно, надо отнести не к человеческой храбрости, но к соизволению высших сил. То, что нами совершено до сих пор, волей ли какой-либо судьбы или доблестью, пока находится в блестящем состоянии. Что же последует потом, я хотел бы, чтобы оно было еще лучше для твоих дел. Итак, что мне полагается сказать и вам сделать, я ни в коем случае не скрою, зная, что человеческие дела идут так, как угодно богу, а те, которые стоят во главе всех дел, навсегда несут обвинения или получают похвалу в зависимости от своих деяний. Итак, да будут нам посланы оружие и солдаты в таком количестве, чтобы в дальнейшем в этой войне наши силы соответствовали бы силам неприятеля. Ведь не должно же во всем всегда доверяться судьбе, так как она обычно не все время бывает одинаковой. Прими во внимание, государь, и то, что если теперь варвары победят нас, то мы будем изгнаны из твоей Италии, потеряем все войско, а сверх того присоединится и величайший позор для нас за все нами сделанное. Я не хочу говорить, что тем самым, ясно, мы погубим и римлян, которые меньше заботились о своем спасении, чем доверяли твоему императорскому авторитету; так что бывшие до сих пор наши счастливые дни нам придется закончить признанием последующих бедствий. Ибо если бы случилось, что нас вытеснят из Рима, Кампании и прежде всего из Сицилии, то — из всех несчастий самое легкое — нас грызла бы сознание, что мы не смогли сделаться богатыми за счет чужого достояния. Кроме того, нам надо обратить внимание и на то, что Рим никогда не мог очень долгое время защищаться, даже при гарнизоне во много десятков тысяч человек, так как Рим занимает очень большую площадь и, не будучи приморским городом, отрезан от подвоза всяких съестных припасов. Римляне сейчас относятся к нам дружественно, но если их бедственное положение, как это и естественно, будет продолжаться, они не задумаются выбрать то, что для них лучше. Ведь те, которые недавно с кем-нибудь заключили дружбу, обыкновенно сохраняют ему верность, не перенося бедствия, но получая от него beneficia. Так и римляне голод заставит сделать многое, чего бы они не хотели. Я лично твердо знаю, что за твое царское величество я должен умереть, и потому меня живым никто не может отсюда удалить. Смотри же сам, принесет ли тебе какую честь такая смерть Велизария». Вот что написал Велизарий.

III. ОПИСАНИЕ ВЕЗУВИЯ

(книга VI, глава 4)

В это время² в горе Везувии слышались подземные удары, но извержения не было, хотя можно было вполне ожидать, что оно произойдет. Поэтому все местные жители находились в величай-

шем страхе. Эта гора отстоит от Неаполя на расстоянии семидесяти стадий к северу³, поднимаясь круто вверх, внизу же она окружена густыми рощами; ее вершина поднимается отвесно и трудно доступна. На самом перевале Везувия по середине находится очень глубокий провал, так что кажется, что он уходит до самого основания горы. Там можно видеть и огонь, если кто решится перегнуться за край отверстия, а иной раз оттуда появляются языки пламени, не причиняющие никаких бед живущим тут людям; когда же в горе раздаются подземные удары, по звуку похожие на мычание, то немного спустя обыкновенно выкидывается большое количество пепла. И если эта беда застигнет кого-нибудь на дороге, то ником образом этот человек не может остаться живым; если же этот пепел падает на какие-либо дома, то и они разваливаются, подавленные тяжестью этого пепла. Если же случится, что поднимется сильный ветер, то бывает, что этот пепел поднимается высоко в воздух, так что для людей становится невидимым, и несется туда, куда дует ветер, и падает на землю, которая иной раз бывает очень отдаленной. И говорят, как-то он упал в Византии⁴ и до такой степени напугал тамошних жителей, что вследствие этого они решили с того времени умилоstimлять бога ежегодными всенародными молебствиями; в другой раз он упал в Триполи, городе Ливии. Говорят, что такое «мычание» с землетрясением бывало и раньше, лет сто тому назад или даже и более, а в прежние времена оно происходило гораздо чаще. И вот что настойчиво утверждают: та земля, на которую упадет этот пепел Везувия, должна обязательно сделаться плодородной для всяких злаков. Воздух на Везувии очень легкий и более чем где-либо является здоровым. Поэтому еще с древних времен врачи посылают сюда страдающих чахоткой. Вот что говорится о Везувии.

IV. ИСТОРИЯ «СЫНА КОЗЫ»

(книга VI, глава 17)

Когда в Пиценскую область пришло войско Иоанна⁵, то, естественно, у местных жителей произошло большое смятение. Одни из женщин тотчас же бежали, кто куда мог, другие же были захвачены и, невзирая ни на что, увезены первыми встречными. В этой местности была женщина, только что родившая; случилось, что она оставила ребенка лежащим в пеленках на земле; бежала ли она, или кем-нибудь была захвачена, но уже вернуться сюда не могла; ясно, что ей выпала судьба исчезнуть или из среды людей, или из пределов Италии. Ребенок, оказавшись покинутым среди такого безлюдия, стал плакать. Тут какая-то коза, увидев его, сжалась и, подойдя ближе (она тоже недавно родила), дала ему свои соски и заботливо охраняла ребенка, чтобы собака или какой-либо зверь не причинили ему вреда. Так как в этом смятении прошло много вре-

мени. то ребенку пришлось долго пользоваться этой кормилицей. Когда в Пиценской области потом стало известно, что войско императора пришло с враждебными целями только против готов, а что римляне от него не потерпят никакой неприятности, все тотчас вернулись по домам. И в Урбисалию⁶ вместе с мужьями вернулись и их жены, те, кто из них был родом римлянки; увидев ребенка в пеленках, оставшегося в живых, совершенно не зная, как это объяснить, они были в большом изумлении, что он еще жив. Каждая из них давала ему свою грудь, та, у которой в данное время было молоко. Но ребенок еще не принимал человеческого молока, да и коза вовсе не хотела отказать от него; она непрерывно бляела, бегая вокруг ребенка, и, казалось, была готова напасть на присутствующих за то, что женщины, подойдя так близко к ребенку, ему надоедают, одним словом, она хотела обращаться с ним как бы со своим собственным козленком. Поэтому женщины уже перестали приставать к ребенку, и коза без всякого страха стала его кормить и охранять его, заботясь о нем и во всем остальном. Поэтому местные жители стали называть этого ребенка Эгисфом («Сыном козы»). И когда нам пришлось быть там, желая показать мне такую невероятную вещь, они повели меня к ребенку и нарочно сделали ему больно, чтобы он закричал. Ребенок, сердясь на причиняющих ему неприятность, стал плакать; коза, услышав его плач (она была от него на расстоянии полета камня), бегом с сильным бляением бросилась к нему, и, подойдя, стала над ним, чтобы в дальнейшем никто не мог его обидеть.

V. ГОЛОД В ЭТРУРИИ

(книга VI, глава 20)

Время шло, и вновь наступило лето⁷. На полях сам собой стал взрывать хлеб, но совсем не в таком количестве, как в прошлом году, а гораздо меньше. Так как зерна его не были скрыты в бороздах, проведенных плугом или руками человека, а им пришлось лежать на поверхности земли, то лишь небольшой части их земля могла сообщить растительную силу. Еще никто его не жал, но уже задолго до созревания он вновь полег, и в дальнейшем ничего отсюда не выросло. То же самое случилось и в области Эмилиевой дороги⁸. Поэтому жители, покинув тут свои жилища и родные поля, ушли в Пиценскую область, думая, что там они будут меньше страдать от голода. По той же самой причине не меньший голод поразил Этрурию; те из ее жителей, которые обитали в горах, вместо зерна питались желудями с дубов; они пекли себе из той муки хлебы и их ели. Вполне естественно, что большинство из них было поражено различными болезнями; лишь немногие уцелели. Говорят, в Пиценской области погибло от голода не менее пятидесяти тысяч римских землевладельцев и еще гораздо больше по ту сторону Ионийского залива. Я сейчас расскажу, так как я сам был очевид-

цем этого, какого они были вида и как умирали. Все были худы и бледны; плоть не имея питательной пищи, по древнему выражению, сама себя поедала, и желчь, властвуя над оставшимся телом, окрашивала его, придавала внешнему его виду свой собственный цвет. При продолжении этого бедствия вся влага уходила из тела, кожа страшно высыхала и была похожа на содранную шкуру, давая представление, что держится она только на костях. Их синий, как кровоподтек, цвет лица постепенно переходил в черный, и они были похожи на сильно обожженных факелами. Выражение лица у них было как у людей, чем-либо пораженных, и их глаза смотрели всегда страшно и безумно. Одни из них умирали от недостатка пищи, другие же от чрезмерного ею пресыщения. Так как у них потух весь внутренний жар, который природа зажгла у них, то если кто-либо давал им есть сразу досыта, а не понемногу приучая к пище, как своевременно рожденных детей, то они, уже не имея сил переваривать пищу, умирали еще скорее (чем от голода). Некоторые, страдающая от ужасного голода, поедали друг друга. И говорят, что две женщины в какой-то деревне, севернее города Ариминума, съели 17 мужчин. Случилось, что они одни только уцелели в этом месте. Ведь проходившим по этой дороге иноземцам приходилось заходить в тот домик, где они жили. Во время сна они их убивали и поедали. Но говорят, что восемнадцатый гость проснулся в тот момент, когда эти женщины собирались наложить на него руки; вскочив с постели, он узнал от них все это дело и обеих их убил. Вот что, говорят, произошло там. Большинство жителей, понуждаемые голодом, если где-нибудь встречалась трава, стремительно бросались к ней и, став на колени, старались ее вырвать из земли. А затем (так как вырвать ее они не могли: вся сила покинула их) они падали на эту траву и на свои руки и умирали. И никто нигде их не хоронил: ведь не было никого, кто бы мог позаботиться о погребении. И ни одна из птиц, которые обычно питаются трупами, не коснулась их, так как на них не было мяса, которое бы они могли взять себе. Все их тело, как я выше сказал, было уже раньше поглощено голодом. Но достаточно мне рассказывать о голоде.

IV. ГИБЕЛЬ УРАЙИ И ИЛЬДИБАДА

(книга VII, глава 1)

Впоследствии между Урайей и Ильдибадом⁹ произошло столкновение по следующей причине. Жена Урайи отличалась и богатством и телесной красотой, занимая, безусловно, первое место среди всех женщин в кругу тогдашних варваров. Как-то она пошла в баню, одетая в блестящие одеяния с удивительными украшениями, сопровождаемая большой свитой. Увидав там жену Ильдибада, одетую в простые одежды, она не только не приветствовала ее как супругу короля, но даже, взглянув на нее с презрением, нанесла ей

оскорбление. Действительно, Ильдибад жил очень бедно, не прикасаясь к государственному деньгам. Очень обиженная бессмысленностью нанесенного оскорбления, жена Ильдибада пришла в слезах к мужу и просила защиты, как потерпевшая со стороны жены Урайи нестерпимое оскорбление. Из-за этого Ильдибад прежде всего оклеветал Урайю перед варварами, будто он хочет стать перебежчиком (на сторону римлян), а немного спустя убил его. Этим поступком он вызвал против себя ненависть готов; они менее всего сочувствовали убийству Урайи без всякого суда и следствия. Многие из них, собравшись между собой, бранили Ильдибада как совершившего беззаконный поступок. Но отомстить ему за этот поступок никто не хотел. В их числе был некто Велас, родом гепид¹⁰, удостоенный звания царского телохранителя. Он был женихом очень красивой женщины и любил ее безумно. И вот, когда он был послан на врагов с тем, чтобы вместе с другими сделать на них набег, Ильдибад по неведению ли, или руководясь каким-либо другим основанием, выдал замуж его невесту за кого-то другого из варваров. Когда же, вернувшись из похода, об этом услышал Велас, то, будучи по природе человеком вспыльчивым, он не перенес такого оскорбления и тотчас же решил убить Ильдибада, думая, что этим он сделает приятное всем готам. Дождавшись дня, когда Ильдибад пировал с знатнейшими из готов, он решил выполнить свой замысел. Был обычай, чтобы, когда король пировал, многие лица, а также и телохранители стояли около него. Когда Ильдибад, протянув руку за кушаньем, склонился с ложа над столом, Велас неожиданно ударил его мечом по шее, так что пальцы Ильдибада держали еще пищу, а голова его упала на стол, приведя всех присутствующих в величайший ужас и внося крайнее смятение. Такое отмщение постигло Ильдибада за убийство Урайи. Кончилась зима, а с нею кончился и шестой год¹¹ войны, которую описал Проконий.

VII. СЛАВЯНЕ И АНТЫ

(книга VII, глава 14)

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, схваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и

думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга; и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение к врагам. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов¹², грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуинские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли «спорами» («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

Тайная история

I. ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЮСТИНИАНА

(глава VIII, §§ 12—13)

Думаю, будет уместно описать и черты лица и фигуру этого государя. Ростом он был не очень высок, но и не очень низок, можно сказать, среднего роста; он был не худым, скорее в надлежащей мере полным. Лицо у него было круглое и не лишенное красоты; даже после двухдневного поста у него играл румянец.

Чтобы одним словом описать всю его фигуру, можно сказать, что он был очень похож на Домициана, сына Веспасиана. Римляне были так по горло сыты низостью этого императора, что, разорвав его на клочья¹, не могли удовлетворить этим своего гнева, но состоялось даже постановление сената: нигде в письменных памятниках не упоминать его имени и не сохранить ни одной его статуи. Поэтому его имя везде, и в Риме, и в других местах, на надписях можно видеть вырезанным только среди имен других императоров и, по-видимому, во всей Римской империи нет ни одной его статуи, кроме одной медной, сохранившейся по следующему поводу.

У Домициана была жена, женщина благородного характера, очень уважаемая; она сама никогда не причинила другим никакого

зла и поступкам своего мужа она решительно не сочувствовала. Ее очень любили за это, и потому сенат вызвал ее к себе и предложил ей сказать, чего она хочет для себя. Тогда она стала просить только одного, чтобы ей дали тело Домициана, чтобы она могла его похоронить, и чтобы дали ей право поставить ему одну медную статую, где она захочет. Сенат, уступая ей, дал на это разрешение. И вот жена, желая на будущие времена оставить память о той бесчеловечности, с которой растерзали на клочки тело ее мужа, придумала следующее. Собрав куски тела Домициана, сложив их и аккуратно соединив друг с другом, она сшила таким образом целое тело, дав указание ваятелям изобразить в медной статуе весь этот ужас. Художники тотчас сделали статую. Тогда женщина взяла и поставила эту статую у дороги, ведущей вверх к Капитолию, если идти с форума направо. Эта статуя передает и до настоящего времени облик Домициана и постигшее его бедствие. Фигура Юстиниана поразительно похожа на эту статую, как будто его двойник, равно, как общий его облик, так и все характерные черты лица. Такова была его внешность, характера же его с такой же точностью я не мог бы описать. Это был человек коварный и переменчивый, которого по справедливости можно назвать злобным дураком; сам он не был правдив с имеющими с ним дело и всегда во всех своих поступках и словах был лжив; с другой стороны, всякому, кто хотел его обмануть, он легко поддавался.

В нем уживалось какое-то необычайное сочетание глупости и низости. Это — то самое, что еще в древние времена сказал один из философов-перипатетиков, что в природе человека сочетаются самые противоположные оттенки, как при смешении красок.

Я описываю то, что во всей ясности я не могу себе представить. Был этот император полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел он способностью скрывать свои мысли, обладал искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужную минуту по мере необходимости; алгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров, и при этом даже по отношению к своим подданным. Он быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или другое показание. Другьям он был неверен, неумолим к врагам, всегда жаждал крови и денег, очень любил ссоры и всякие перемены; на зло он был очень податлив, к добру его нельзя было склонить никакими советами; он был скор на придумывание и выполнение преступлений, а о чем-либо хорошем даже просто слушать считал для себя горьким и обидным.

Кто мог бы при таких чертах характера Юстиниана дать полный образ его? Он обладал даже еще большими недостатками, — сверх человеческой меры, и казалось, природа собрала от всех

людей все низкие качества и сложила их в душе этого человека. Ко всему этому он был очень склонен выслушивать доносы и быстро налагать наказания. Никогда он не расследовал дела, произнося свой суд, но, выслушав доносчика, тотчас же решал дело и выносил свое решение. Он без всякого колебания подписывал бумаги, назначающие разрушение местечек, уничтожение огнем больших городов, обращение в рабство целых племен без всякой вины с их стороны. И если бы кто захотел подсчитать и сопоставить то, что совершается теперь, с тем, что было в прежние времена, то, мне кажется, он найдет, что этим человеком совершенно больше убийств, чем их было за все истекшие века. Он не проявлял ни малейшей нерешительности, если можно было без долгих разговоров захватить чужое имущество; он даже не выставлял никакого предлога или видимости закона, чтобы захватить чужое состояние; присвоив его себе, он был всегда готов тратить его с самой неразумной расточительностью и бессмысленно раздавать варварам.

Говоря кратко, у него самого не было денег, и другому он не позволял владеть всем своим состоянием, как будто им владело не столько корыстолюбие, сколько зависть к тем, кто был богат. Вычерпав, таким образом, со всем легкомыслием все богатства Римской империи, он явился творцом и создателем всеобщей бедности.

II. ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР ФЕОДОРЫ

(глава X, §§ 11—23)

Феодора была красива лицом² и в общем изящна, но невысокого роста: кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, пронизательный и быстрый. Если бы кто захотел рассказать все, что она проделала в своей жизни на сцене, то ему нехватило бы целого века, но и того немногочисленного, что мною рассказано выше, вполне достаточно для того, чтобы дать полное представление потомству о характере и нравах этой женщины.

Теперь я считаю необходимым вкратце рассказать о делах ее, а вместе и ее мужа, так как в течение всей жизни они ничего не делали один без другого. Долгое время всем казалось, что и в образе мыслей, и в образе действий они всегда противоположны друг другу; впоследствии, однако, стало понятным, что такое представление сознательно ими было создано для того, чтобы их подданные, видя их единомыслие, не восстали против них, но чтобы у всех не было твердо установившегося о них мнения. Прежде всего натравив христиан друг на друга и в религиозных спорах сделав вид³, что оба они (и Юстиниан и Феодора) идут противоположными путями, они так разделили всех на группы и партии, как я об этом скажу немного позже. Затем они разъединили и стасиотов. Феодора делала вид, что она всеми силами покровительствует венецам, и широко предоставила им возможность действовать против их

противников, не считаясь ни с каким правом, и совершать насилия самые нетерпимые. Юстиниан делал вид, будто он на это негодует и исполнен гнева, но что в данный момент он не в состоянии противиться жене; часто, переменявшись ролями, они действовали так, что создавалось впечатление обратного влияния.

Юстиниан считал нужным наказывать венецов за их великие прегрешения, Феодора же, на словах высказывая недовольство, делала вид, будто негодует, что против своей воли она должна уступить мужу. Как я уже сказал, стасиоты считали венецов, по-видимому, самыми благоразумными: они совсем не позволяли себе проявлять насилие над своими согражданами в той мере, в какой они могли. Но в судебных процессах казалось, что каждый из них защищает интересы одного из тяжущихся, а выходило обязательно так, что побеждал их тот, кто выступал в защиту несправедливых претензий: таким образом, они грабили большую часть имущества судящихся. Многих из них этот самодержец заносил в число своих приближенных и давал им полную возможность (легально) производить насилия и совершать всякие правонарушения в государственной жизни, какие они только хотели; но как только они являлись обладателями огромных богатств, тотчас же, поссорившись с Феодорой, они становились ему врагами. Относительно тех, кого вначале он не считал недостойным для себя привлечь на свою сторону, проявляя всякое к этому старание, он потом, лишив всякого расположения, внезапно забывал все свои прежние отношения к этим людям.

И Феодора начинала тогда действовать против них самым безбожным образом, а Юстиниан, конечно, не замечал, что совершается и против них, и, бесстыдно завладев их состоянием, наслаждался им.

И вот всегда, при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной.

III. ОБЫЧАИ ПРИ ДВОРЕ ЮСТИНИАНА

(глава XXX, §§ 25—34)

В прежнее время те, кто являлся во дворец, приветствовали самого государя именем императора, а его супругу — императрицей, а из остальных высших магистратов каждого они приветствовали именем той должности, какую он в данное время занимал. Теперь же, если кто-нибудь в беседе с Юстинианом или Феодорой употреблял слово «император» или «императрица», а не называл их «владыкой» и «владычицей», магистратов же, какую бы высокую должность они не занимали, не старался назвать их рабами, то такого человека считали совершенно невоспитанным, дерзким и несдержан-

ным на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление (против этикета) и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость.

В прежние времена не много и не часто люди бывали во дворце. Но с того времени, как Юстиниан и Феодора приняли власть, магистраты и прочие (виднейшие) люди все должны были непрерывно пребывать во дворце. Дело в том, что в старину магистраты имели право судить и совершать законные действия самостоятельно. Поставленные начальники выполняли обычные обязанности, оставаясь в своих присутственных местах, а подчиненные, не видя и не слыша по отношению к себе никакого принуждения, понятно, не надоедали императору. Эти же властители, захватывая на горе и гибель своих подданных все дела в свои руки, заставляли всех магистратов, как самых последних рабов, вечно сидеть возле себя. Почти каждый день можно было видеть суды по большей части безлюдными, а в приемной императора толпу, великую толкотню, оскорбления и вечное и сплошное раболепство. Те, которые считались наиболее близкими лицами к Юстиниану и Феодоре, непрерывно целыми днями, иногда и большую часть ночи, простаивали там в приемной, без сна и без еды, и, нарушая все привычные сроки жизни, безвременно погибали. Вот во что обращалось у них их кажущееся счастье!

А те люди, которые были свободны от всех забот, вели между собою разные речи о том, куда девались богатства Римской империи. Одни утверждали, что все перешло к варварам, другие говорили, что император держит их спрятанными во многих тайниках. И вот, когда Юстиниан, если он человек, отойдет в другой мир, или если он, владыка демонов, освободится от этого брэнного тела, те, которые тогда еще случайно останутся в живых, узнают о нем всю правду¹.

Роман Сладкопевец

(VI в.)

Родился в Сирии в последней четверти V в., был жрецом в одном из храмов Бейрута, при императоре Анастасии пересел в Константинополь, где крестился и стал диаконом. Умер после землетрясения 555 г. Жития Романа приписывают ему 1000 песнопений; сохранилось около 85. Творчество Романа отличается народной простотой и интенсивностью переживания: с ним в византийскую литературу пришло мировосприятие простых людей, греков и иных народностей империи, которым мало было дела до классических традиций и эллинской учености (Роман первым разрывает с метрическим стихосложением), но которые хотели узнавать в церковных песнопениях — как-никак, самом «массовом» искусстве эпохи, — свои чувства, мысли и идеалы. Песнопения Романа получили необычайную популярность; складывались легенды о чудесной помощи самой богородицы своему певцу; вся позднейшая византийская литургическая поэзия окрашена влиянием Романа, хотя и не смогла ни разу вернуться к свежести и силе своего образца.

Песнопение Романа «О Иуде предателе» характеризуется редкой даже для него эмоциональностью тона и своеобразной, не имеющей ничего общего с классическими образцами изысканностью структуры: помимо того, что все песнопение представляет собой акrostих, в нем с беспрецедентной для византийской поэзии широтой использованы ассонансные и рифмоидные созвучия. Картина довершается щедрым обилием аллитераций и синтаксических параллелизмов.

НА УСОПШИХ

Сколь сладостны кущи твои и возлюбленны,
Боже и господи сил!
В них же обитающие, спасителю наш,
Во веки веков воспоют тебя,
Восхваляя, восславляя.
Давидовым оным напевом:
«Аллилуия!»

Совершая земные веселия,
Помышляя в уме об увиденном,

Восскорбел я, постигнувши явственно,
Сколь горька сия чаша житейская!
Вас одних почел я блаженными,
Что избрали в жизни благую часть,
Возлюбили Иисуса сладчайшего
И ликуя пророку подпевае:
«Аллилуия!»

Не видал я в мире бескорбного,
Ибо жизни превратно кружение:
Кто вчера величался гордынею,
Того ныне зрю я поверженным,
И плетется с сумою роскошествовавший,
И терзается голодом изобиловавший;
Вы одни, спасены от превратностей,
Воспевае в вечном служении:
«Аллилуия!»

Неженатый в тоске угрызается,
А женатый в суете надрывается;
Бездетный терзаем печальми,
Многодетный снедаем заботами;
Те во браке печалью снедаемы,
Те в безбрачьи бесчадьем терзаемы,
Только вы посмеетесь сим горестям,
Ибо ваша радость небренная —
«Аллилуия!»

Ради алчной своей ненасытности
Человек и по морю отважился
Совершать смертельное странствие.
Угождая чреву и похоти,
Он вверяется ветрам и парусу,
Небрежет о погибели горестной.
Лишь для вас — затишье безбурное,
Ибо вы обрели гавань тихую —
«Аллилуия!»

Ныне же разум помрачается:
Брата зрю бездыханным, безжизненным,
С кем вчера, вчера лишь беседовал.
Онемели уста говорливые,
Угасли очи проворные;
Все строение телесное замерло,
Господней рукой запечатано.
Воспоем же в трепёте, братие:
«Аллилуия!»

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИУДИНОМ

Отче наш и господи,
Создателю, спасителю,
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир подъемлющий
И объемлющий!

Смирил себя владыка,
Омыл стопы злодею,
Меж тем, как вор лукавый,
Язык на грех кровавый
Уж готовил в потайности!
От скверны сей и мерзости,
О Христе господи.
Нас сохрани, молящих,
В доме девы поющих:
«Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир подъемлющий
И объемлющий!

Не содрогнется ли слышащий,
Не ужаснется ли видящий
Иисуса на погибель лобызаема,
Христа на руганье предаваема,
Бога на терзанье увлекаема?
Как земли снесли дерзновение,
Как воды стерпели преступление,
Как море гнев сдержало,
Как небо на землю не пало,
Как мира строение устояло,
Видя преданного, и проданного,
И погубленного господя сильного?
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир подъемлющий
И объемлющий!

Вот обман замыслил лукавейший,
Вот ковы уготовал безбожнейший,
Призванный, и от тебя отложившийся!
Возлюбленный, и на тебя изощрившийся!
Ты же в оный час, о милостивец,
Явил погубителю проклятому
Безмерное твое человеколюбие!
Губку наполнил влагой,
Длань утрудил работой, —
Так услужил слуге ты;

И простирал стопы свои
Иуда, ты же омывал их, о господи!
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

Боже, водами стопы омывающий
Устроителю твоего погубления,
Святыми хлебами одаряющий
Осквернителя твоего благословения,
Предателя твоего лобызания, —
Ты возвысил нищего милостью,
Обласкал убогого мудростью,
Одарил и облагодетельствовал
Игралище бесовское!
Приял он хлеб причастья,
Вкусил вино Завета,

И злобой заплатил за милости,
Не постыдился окаянный мерзости!
Смилуйся, смилуйся, смилуйся!
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

Бессердечный, безбожный, безжалостный,
Погубитель, предатель, преступниче, —
Чем побужден ты, скажи, к отпадению,
Чем склонен, молви, к преступлению,
Чем увлечен, злодей, к погублению?
Не братом ли господь называл тебя,
Не другом ли он нарекал тебя,
Когда уже проклятого распознал тебя?
Тебе ведь он доверил
Святое достоянье,
Всей братии владенье;
Ты же без стыда и без совести
Не устыдился, не утрашился низости! —
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

Петр апостол с мольбой преклоняется,
Зря, как искупитель снаряжается,
Приступая к омовению,
Молит Петр: «Да не будет, господи!»
Но губка влагой наполняется,
И владыко к работе готовится,
В зраке рабьем за труд принимается.

Тогда и силы неба
Страшились и взывали,
Дивились и дрожали,
А лютый не утратился,
На кровавое дело изощрился!..
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

Ангелы в страхе изумляются,
Архангелы крылами закрываются,
Взирая с небес на непостижного,
Перед перстью себя смирившего,
Перед прахом спину преклонившего,
Гавриил кличет в исступлении:
Рати небесные, воззритесь,
Неслышанному делу подивитесь:
Простер стопу апостол,
И моет плоть людскую
Кто плоть и мир созидил;
И не Петра единого омывает,
Но Иуду служением ублажает!
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

О, какие любви деяния,
А Иуда не принял умиления!
О, какие святые речения,
А злодей не вкусил покаяния,
Не смягчился, не дрогнул, не тронулся!
Вот принял от хлеба причастного,
Вот испил от вина благодатного
Тать, и пята, подъял, по Писанию,
И вышел из овчарни,
Оставив агнцев стадо,
Для волчьей стаи ада,
Покинул сосцы сладчайшие,
И приняло тебя лоно проклятого.—
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
И объемлющий!

О, помедли, злосчастный, одумайся,
Помысли, безумный, о возмездии!
Совесть свяжет и сгубит грешника,

И в ужасе, в муках одумавшись,
Ты предашь себя смерти мерзостной.
Древо встанет над тобой губителем,
Воздаст тебе сполна и без жалости.
И на что, сребролюбче, польстился ты?
 Страшное злато бросишь,
 Гнусную душу сгубишь
И серебряниками не поможешь,
Продавши сокровище нетленное.
Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
 И объемлющий!

Господи, господи, господи,
Святой боже, святой крепкий, вседержителю,
Умились над твоим творением,
Над прахом, над плотью, над паствою,
Сохрани, сбереги от гибели!
Мы же, братие, внимая сказание,
Лукавца созерцая растление,
Укрепим стопы свои крепостью!
 Стойкой пяте недвижимый,
 Твердый, святой, неложный
 Веры устой обрящем
И от адской сбережемся засады,
К искупителю взывая с молитвою:
«Смилуйся, смилуйся, смилуйся
Над нами, о мир поднимающий
 И объемлющий!»

Иоанн IV, патриарх Константинопольский

(ум. в 595 г.)

Прозванный «Постником» константинопольский патриарх Иоанн происходил из бедной семьи и в молодости готовил себя к ремеслу резчика. Однако, познакомившись с монашеской средой, он увлекся идеей аскезы, принял обет поста, стал монахом, а затем дьяконом храма св. Софии. В течение нескольких лет Иоанн был сакелларием — блюстителем мужских и женских монастырей в столице. В обязанность ему вменялись не только заботы о внешнем состоянии монастырских зданий, но и наблюдения за внутренней дисциплиной в монастырях. Когда его избрали в патриархи (582 г.), он хотел избежать этого и скрылся в одном из предместий Константинополя, но был насильно приведен во дворец, где и состоялось его посвящение. Лишенный с молодых лет систематического образования, Иоанн писал по внутреннему побуждению, под влиянием непосредственных впечатлений от окружающего. Его занимали вопросы покаяния, исповеди, бессмертия души. Овладев наиболее простым стихотворным размером, ямбическим триметром, Иоанн, в расчете на легкое усвоение, изложил таким образом отдельные положения монастырского устава.

ПРЕДПИСАНИЯ МОНАХУ

Блюди прилежно скромность добронравную,
Как должно, инок, взор держи потупленным:
По сторонам бесчинно не мечи очей.
Умей молчать, умей сказать ко времени.
В одежде, сколь возможно, ограничь себя,
А что до яств, ты должен на одно смотреть:
Чтоб только немощь поддержать телесную.
Что на столе поставлено, вкушать не грех,
Но беса берегись чревоугодного.
Не смей одними кушаньями брезговать,
Другие выбирать себе по прихоти.
А кто брезглив, таким и мы побрезгуем.
По большей части вовсе избегай вина.
Лишь занедужив, пригуби во здравие.
На людях скромно руки под плащом держи;
Да попусту за трапезой не важничай

И будь готов собрату услужить во всем.
Болатливости и сплетен, как бича, беги:
Они ввергают сердце в скверну смертную.
Не смей плеватья посредине трапезы.
А коль нужда припала так, что мочи нет,
Сдержись, скорее выйди и откашляйся.
О человеце, есть и пить желаешь ты?
В том худа нет: но бойся пресыщения.
Перед тобою блюдо, из него и ешь,
Не смей тянуться через стол, не жадничай.
Смирненным и послушливым со всеми будь,
Собрату не дерзай твердить досадливо:
Прискучил-де, учитель, за собой смотри!
Зевота неумная — бесчинства знак.
Помысли о менадином обычае¹
И не забудь ладонями прикрыть уста —
Не окажи соседу неучливости.
У двери, как пристало, постучись слегка,
Да не врываись, словно пес сорвавшийся,
Что по дому шныряет и подачки ждет.
Во всем покорствуй старцам, и начальникам,
За вычетом единым: если грех велит.
Веди беседы тихие и кроткие,
Ни с кем не забывай, монах, о скромности.
Пусть смех твой будет мирною усмешкою:
Не хохочи, ограды не кажи зубов.
Беги родных: избегнешь огорчения.
Страшись сношений с братьями юнейшими:
Здесь сатана губительный скрывает ков.
Не суесловь, не надмевайся гордостью,
Не забывай о строгом послушании.
Не суемудрствуй без нужды о догматах,
Ученостью не хвастай, избегай греха.
Коль все исполнил, радуйся и бодрым будь.

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
VII—первой половины IX в.

Период византийской культуры, занимающий около трехсот лет (от смерти Юстиниана в 565 г. до константинопольского Вселенского собора 843 г.), называют обычно «темными веками»¹. Это был период сильнейшего распространения монашеской идеологии и ученого богословия, влияние которых захватило все области интеллектуальной жизни империи. Монашество, принимавшее в себя представителей всех сословий, к этому времени чрезвычайно разрослось в численном отношении и сосредоточило в своих руках значительные материальные богатства. Монастыри превращались в процветающие культурные центры, и резким контрастом для них были большие и мелкие города с их сословной и имущественной рознью, мятежами, эпидемиями. Таковы были последствия грандиозных и разорительных военных кампаний Юстиниана, после смерти которого военная мощь Византии быстро пошла на убыль. Немногим больше чем за полвека империя лишилась половины своих итальянских владений, которые захватили лангобарды,— Месопотамии, Сирии, Египта, отошедших к персам,— и подверглась набегам славян и аваров, которые устраивали свои поселения на Балканском полуострове; этнический состав империи менялся.

В начале VII в. персы и авары появились перед Константинополем, и империя оказалась на краю гибели. Смена династий, в результате которой к власти пришла сильная военная группировка во главе с сыном карфагенского экзарха Ираклием, предотвратила казавшуюся неминуемой катастрофу.

Современником Ираклия был энергичный и волевой человек — патриарх Сергей, сосредоточивший в своих руках духовную власть. С его именем связано усмирение военного и гражданского мятежей в Константинополе, а затем спасение столицы во время осады ее аварами в 626 г.

Однако территориальная монолитность, приобретенная империей за время этих тяжелых испытаний, упрочила ее внешнеполитическое положение, и с половины VII в. византийское общество было захвачено уже не борьбой с иноземным неприятелем, а внутренними идеологическими распрями, которые, как и раньше, принимали формы отклонений от ортодоксальной линии церкви. Эти так называемые ереси порой захватывали и правящие круги и высшее духовенство,— так, например, Сергей был монофелитом.

Монофелизм — усложненный вариант монофизитства, проповедующий единую волю при разных сущностях Христа, — держался очень недолго и не оправдал надежд **Сергия** и **Иракия**, стремившихся при помощи этой доктрины примирить монофизитство и православие.

Гораздо длительнее и болезненнее для государства было иконоборчество — то брожение умов, которое охватило империю в VII—VIII вв., продолжавшееся почти столетие и захватившее все слои византийского общества. Иконоборчество было подготовлено многовековой борьбой в религиозных сферах, восходящей к начальной стадии тринитарных и христологических споров. В общем ходе этих дискуссий отчетливо выявились два основных направления: отрицание познаваемости божества и утверждение возможности частичного познания божественной сущности в различных явлениях материальной жизни, в частности в искусстве.

Остроту вопроса усиливали распространенные в народной среде суеверия, которые нередко смешивались с обычаями почитания икон, а это вызывало реакцию со стороны образованного духовенства. В поклонении иконам иконоборцы усматривали недопустимое «дробление» божественной сущности на материальное и чисто духовное начало; поэтому они призывали к чисто разумному познанию божества, а это уже несло в себе зародыши критического отношения к принятым христианским догмам. Со стороны монашества иконоборцы встретили самый решительный отпор. Однако сторону иконоборцев приняло большинство императоров Исаурийской династии — в этом сказался исконный антагонизм светской и духовной власти, боязнь укрепления церковных поместий и провинциальных феодалов. Борьба иконоборцев и иконопочитателей часто выходила за пределы богословских диспутов: изображения бога и святых в церквях заменялись орнаментальными композициями² или сюжетами флоры и фауны; монастыри закрывались, их превращали в гостиницы для мирян, а принятие монашества каралось ослеплением. Иногда доходило и до кровавых столкновений. Иконопочитатели называли своих противников «икonosжигателями», а сами получили с их стороны прозвище «амнемоневты» (незаслуживающие упоминания). В конце концов победили иконопочитатели: на их стороне находилось монашество и стоявшее близко к нему духовенство, а также массы крестьянства и горожан, для которых теоретические положения иконоборцев были чужды и непонятны. В середине IX в. к иконопочитателям присоединились и императоры: в окончательном восстановлении иконопочитания (843 г.) принимала самое деятельное участие вдова последнего императора-иконаборца **Феофила**, регентша **Феодора**.

Вся огромная «нечестивая» литература иконоборцев погибла. Но для теоретических основ и последующего направления в развитии искусства эпоха иконоборчества оказалась весьма плодотворной.

Во главе партии иконопочитателей стояли виднейшие люди своего времени, блестяще образованные, как например, Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, константинопольский патриарх Никифор. Многие мысли в их полемических трудах выходят за рамки специфической религиозной тематики и превращаются в общие высказывания о природе искусства, о соотношении объекта и изображения, о воздействии искусства на воспринимающего. Эти высказывания сводятся к утверждению первичного восприятия материального образа, и только на основании этого восприятия возможен переход к познанию духовной сущности. Так был утверждён внешний антропоморфизм византийского изобразительного искусства и сформулирован спиритуалистический принцип его как конечная цель. Обе эти черты оказали сильнейшее влияние также и на другие искусства, в частности на литературу.

Однако изменение уклада государственной жизни империи снизило общий культурный уровень. По мере увеличения упадка в послеюстиниановскую эпоху совершается постепенный отход византийской культуры от античности. Особенно это сказалось в реформах, относящихся к просвещению, которые стали издаваться с начала VII в.

В это время картина византийской образованности обнаруживает значительные изменения. Из программ высших школ исключаются курсы античной филологии и риторики; они заменяются теперь изучением произведений христианской догматической литературы. В области юридического образования окончательно утвердилось направление, сложившееся ещё в VI в., когда на смену классическим произведениям римской юриспруденции пришли законодательные сборники Юстиниана.

В первое десятилетие VII в., при деспотичном правлении Фоки, начали закрываться даже христианские школы. В связи с арабскими нашествиями Византия потеряла крупные центры образования — Антиохию и Бейрут.

Разрыв Византии с Западом на религиозной и политической почве способствовал сокращению распространённости латинского и развитию народного греческого языка. Именно в VII в. римские названия государственно-административных должностей были заменены греческими (например «логофет», «эпарх», «стратиг»). На монетах чеканились греческие обозначения.

Эти тенденции в сфере византийского образования во многом определили линию литературного творчества данного периода. На первом месте теперь стоит богословская и житийная литература, а также поэзия в тех ее формах, которые наиболее близки церковной и монастырской жизни. Однако, несмотря на заметное снижение интереса к восприятию античных образцов, Византия именно в эту эпоху выступает как хранительница форм классической эллинской литературы, используемых в соответствии с целесообразностью их применения в каждом отдельном случае.

Наиболее распространенной формой богословской полемической литературы был унаследованный от античности философский диалог; в эпоху ожесточенной религиозной полемики его должны были особенно ценить. Характерны такие произведения, как «Вопросы и ответы» Афанасия Синаита (VII в.) и «Диалог с манихеем» Иоанна Дамаскина, направленный против павликиан. В этом жанре писались и популяризаторские произведения, подобные «Поучению старца» Иоанна Иерусалимского, написанному простым языком в виде оживленной беседы. С целью узко практической пишутся пособия для усвоения основных положений христианской этики, напоминающие гномические сборники античной эпохи, — таков сборник афоризмов Талассия (около 650 г.) под заглавием «О благости и воздержании», построенный в форме четырех центурий (т. е. циклов по сто афоризмов), из которых каждая представляет собой акростих: изысканность формы должна компенсировать однообразие содержания.

Очень важной стороной во многих подобного рода догматических сочинениях является какая-то доля, в большей или меньшей мере, общефилософского содержания. Своеобразной философской энциклопедией того времени был «Источник знания» Иоанна Дамаскина, написанный под влиянием и при использовании сочинений Аристотеля, особенно «Категорий». Достижения античной науки логики были применены Иоанном Дамаскиным к богословию, и это обеспечило «Источнику знания» громадную популярность на Западе в тех кругах, где формировались методы схоластики. Наиболее ценны и интересны с точки зрения истории философской науки те разделы, в которых затронуты вопросы классификации наук, предпринята попытка описания психических явлений, дан анализ возможностей познания, роли чувственного восприятия, поставлен вопрос о свободе воли. Между богословской и философской литературой и беллетристическими жанрами иконоборческой эпохи стоят риторика, эпистолография и историческая литература, которые отличаются от аналогичных произведений предшествующей эпохи чрезвычайно сильной тенденциозностью и полемической стороной, нередко отодвигающей на второй план художественные задачи автора. На этом фоне особенно интересно сохранение в первой половине VII в. традиций газской риторской школы, представителем которых был Теофилакт Симокатта.

Уроженец Египта, блестяще образованный и талантливый, Теофилакт составил два небольших сборника: фиктивные письма и рассказы «О непонятных явлениях в природе». По большому количеству сохранившихся рукописей можно судить о большой известности этих сборников в средние века; оба они написаны в живой и увлекательной форме. Для одного сборника образцом послужили «Рассказы о животных» Элиана, для другого — эпистолярная беллетристика II—III вв., в большинстве своем сохранившаяся под именами Алкифрона и Филострата.

Феофилакт заимствует у Алкифрона манеру вводить исторические и мифологические имена авторов писем и их адресатов — у него, например, Аталанта обращается к Коринне, Сократ к Платону, Фемистокл к Хрисиппу. Заимствована также и манера заключать каждое письмо нравоучительной сентенцией, среди которых встречаются чисто христианские мотивы. Так, после изящной подделки эзоповской басни автор помещает следующую мораль: «Брось заботу об имуществе своем и о плоти, а окружи попечением бессмертную душу, так как она невидима и нетленна» (письмо 34).

О большой осведомленности Феофилакта в области античной литературы свидетельствует также и его «История» в восьми книгах, где описано царствование Маврикия (582—602 гг.). Первые же ее страницы говорят о любви автора к риторическим фигурам, олицетворениям, аллегориям; вступление представляет собой витиеватый и пространный диалог Истории и Философии. Последующее изложение пестрит цитатами из Гомера, Платона, Фукидида, трагиков. При этом Феофилакт обнаруживает склонность к словотворчеству, к сложным, порой даже запутанным стилистическим построениям. Его аллегории, затемняющие содержание, уже в IX в. раздражали знатока и ценителя литературы — патриарха Фотия («Мириобиблион», гл. 65).

После Феофилакта Симокатты на протяжении почти двух столетий (вплоть до Македонской династии) византийская литература не дала ни одного сколько-нибудь значительного исторического сочинения. Большой популярностью в области исторической литературы пользуется жанр «Летописи» («Хронографии»). Этот жанр продолжает линию Иоанна Малаалы: хронисты стремятся охватить все события «от сотворения мира» в их синхронной и внутренней связи. Но общая направленность подобных произведений заметно меняется. На смену увлекательному изложению Малаалы, охотно привлекающего любой материал и не особенно критически относящегося к своим источникам, приходит тенденциозность «Пасхальной хроники», летописей Иоанна Антиохийского и Георгия Синкелла (Амартола). Эти произведения несут на себе явный отпечаток монашеского мировоззрения: божественная воля рассматривается в них как единственный фактор, направляющий и регулирующий все явления и события жизни; человеческая деятельность не имеет самостоятельного значения. Поэтому изложение в этих хрониках перегружено описанием чудес и знамений как проявлений высшего промысла. Эта традиция была в значительной мере нарушена «Летописью» Феофана, которая появилась на рубеже VIII—IX вв. В хронологическом отношении Феофан продолжает «Летопись» Георгия Синкелла (т. е. начинает от Диоклетиана), но манера освещения материала в данном случае совсем иная. Феофану свойствен пристрасный подход к изображаемым людям и событиям, его характеристики (особенно это относится к характеристикам иконоборцев, ненавидимых автором) в высшей степени эмоциональны.

Таким образом, несмотря на традиционные мотивы чудесного, в центре внимания автора оказывается человек и его деятельность. Такая трактовка событий намечает ту линию развития исторической литературы, которая впоследствии, в Македонскую эпоху, выльется в предгуманистические тенденции произведений Пселла и других авторов.

Более полно тема чудесного представлена в обильной и разнообразной продукции агиографического жанра в VII—VIII вв. Снижение школьного и университетского образования создавало благоприятную почву для распространения популярных и доступных мало образованному читателю произведений, из которых самое известное и значительное — «Луг Духовный» Иоанна Мосха (ум. в 619 г.), известный на Руси под названием «Лимонарь» или «Синайский патерик».

Как в жанровом отношении, так и в смысле внутренней структуры «Луг Духовный» — произведение на первый взгляд аналогичное «Лавсаику» Палладия Еленопольского (VI в.). В обоих случаях были собраны и литературно обработаны различные случаи из монашеского быта. Однако при сопоставлении этих, казалось бы очень похожих, сборников становится совершенно очевидной их разница — следствие разных эпох, мировоззрений и разных задач, стоящих перед авторами. Палладий писал гораздо раньше Мосха, когда идея монашеской аскезы еще требовала толкований и осмыслений. Агитационная цель определила своеобразную манеру изложения у Палладия — деловитость повествования, соединенную с неприязательностью и простодушием. От этой эпической манеры у Мосха не остается ничего. Он — лирик и дидактик, творивший в эпоху полного утверждения и апогея монашества. Его вступление гораздо лиричнее и эмоциональнее обстоятельной истории возникновения «Лавсаика» у Палладия. В свои короткие рассказы Мосх мастерски вплетает этические положения христианства, умело варьируя при этом средства эмоционального и психологического воздействия, от прямых рецептов поведения до назидательных эпизодов визионерского характера и различных случаев, из которых можно извлечь хоть малейший предлог для поучения. Если у Палладия преобладает спокойное описание аскезы, то у Мосха в центре внимания — кара за нарушение христианской этики или за отступление от ортодоксии. Так происходит внутренняя трансформация жанра.

Гораздо беднее и однообразнее «Луга» произведение ученика Мосха — Софрония, ставшего впоследствии иерусалимским патриархом. Его «Семь декад о чудесах», появившиеся в результате путешествия по Египту, написаны по шаблону «Деяний святых», и разнообразие в них внесено лишь за счет географических и этнографических экскурсов.

В начале VII в. в связи с постоянными войнами и эпидемиями и усилением неравенства среди населения империи в агиографи-

ческой литературе утверждается тип бесребренника, щедрого милостивца, преданного аскезе, выражающейся в заботе о бедных. Этот тип отчасти восходит к реальному историческому лицу. На рубеже VI—VII вв. в Александрии большой известностью пользовался круг Иоанна Милостивого — патриарха, раздавшего все свое состояние нищим.

На личные средства Иоанн выкупал пленных во время персидского нашествия. Он умер по дороге в Константинополь, куда он отправился после вторжения персов на африканскую территорию просить о присылке войск.

«Житие Иоанна Милостивого» было написано Леонтием, епископом Неаполиса на Кипре, талантливым писателем-агиографом. Тему этого жития повторяет написанное позже «Житие Филарета Милостивого», замечательное обилием фольклорных эпизодов и бытовых деталей, изображающее эпизод сватовства Константина VI на манер сказки о Золушке.

Этим общедоступным агиографическим повествованиям сопутствуют произведения иного рода. Рост монастырей и возникновение при них общеобразовательных школ дали повод для проникновения в житийную литературу рафинированной риторики; появляются также частые отступления на научные темы. Иногда житие целиком принимает форму похвальной речи — энкомия. Некоторые авторы совмещают в своем творчестве оба эти направления: у выдающегося стилиста Леонтия в «Житии Симеона из Салоса» (или «Христа ради юродивого») изысканная риторика уживается с современной писателю народной речью. Софронием написан энкомий мученикам Киру и Иоанну, у мощей которых, по преданию, исцелился ослепший автор.

Были также агиографы, выбирающие для себя только второе направление, и наиболее яркая фигура среди них — митрополит Никеи, Игнатий, живший на рубеже VIII—IX вв. В написанных им житиях Георгия Амастридского, патриархов Тарасия и Никифора характерны нарочитые нагромождения риторических украшений, отодвигающие на второй план сюжетные задачи произведений.

В самом начале IX в. появляется «Житие Стефана Нового» — монаха, пострадавшего за иконопочитание во время царствования Константина V Копронима. Это в своем роде единственный пример жанрового синкретизма в литературе эпохи иконоборчества. Несмотря на полностью соблюденный автором житийный шаблон, несмотря на придуманные диалоги и, возможно, преувеличенные описания пыток и мучений, житие это представляет собой правдивое описание одного из самых острых моментов религиозной и социальной борьбы в VIII в. Действие жития не ограничивается местом монашеского уединения, — автор вводит своего героя во дворец, описывает его пребывание в городских тюрьмах. Тяга автора к реалистическому, неприкрашенному изображению действитель-

ности дает основание рассматривать это произведение как жанр средний между житием и историческими мемуарами, жанр, который в пределах того же IX в. будет более определенно повторен «Псаммафийской хроникой» (или «Житием патриарха Евфимия»).

Почти во всех житиях этого периода проходит тема преимущества христианской религии перед религиями восточными, но эта тема получает более интересное жанровое оформление в романе «Варлаам и Иоасаф».

Роман этот представляет собой историю царского сына, добровольно отказавшегося от всех жизненных благ и роскоши, принявшего христианство и обращающего на этот путь своих ближних. Основу этого повествования, проникшего в Византию сложными путями из Индии, составляют эпизоды из жизни Будды³. Канва, на которой строится назидательная повесть, состоит из ряда деталей сказочного шаблона: предсказание при рождении царевича его судьбы, попытка скрыть царевича от суровой действительности в великолепном дворце, странствующий под видом купца монах, и многое другое. Эпизодам такого рода соответствуют тенденциозные, специфически христианские наслоения: казнь монахов-пустынников, ученый диспут язычника и христианина, описание двух царств — процветающего христианского и гибнущего языческого. И в начале и в конце романа излагается христианская догматика и христианская этика, но это сделано умело, не навязчиво, особенно при описании первой встречи царевича с Варлаамом, где притчи, рассказанные Иоасафу его учителем, обнаруживают лаконизм и изящество восточной новеллистики и принадлежат по праву к лучшим страницам романа. Такое сочетание занимательности, доступности и дидактичности обеспечило роману всемирную славу; его бесчисленные переделки постоянно появляются на протяжении всего средневековья и позже в восточных, в славянских, и в западных странах. Несмотря на то что повесть на первый взгляд следует отнести к жанру жития (в ее пространном заглавии стоят слова «повесть о жизни Варлаама и Иоасафа»), — по композиционной сложности и соприкосновению в ее пределах нескольких сюжетных линий она, несомненно, может быть отнесена к роману, который получает настоящее развитие только в последующую эпоху.

Подобно прозе VII—VIII вв. духовная и светская поэзия этого периода отмечены существенными сдвигами и изменениями. Отход от непосредственной связи с античностью выражен в резком снижении эпиграмматического творчества. Лирика в форме античной эпиграммы, подобная стихотворениям Григория Назианзина, или экфразы на манер Павла Силенциария, в этот период уже невозможны. Но церковная поэзия отбирает для себя и усваивает из античных форм анакреонтовские размеры и ямбический триметр; второй размер применяется также и в светских поэтических произведениях. Церковные поэты так усердно культивировали эти размеры, что они постепенно полностью вытеснили песнопения Романа

Сладкопевца, построенные на ритмическом принципе стихосложения.

Правда, церковные поэты начала VII в. еще сохраняют известную близость к предшествующему периоду, — именно такими и являются два выдающихся поэтических произведения того времени: «Великий (или «Покаянный») канон» Андрея Критского (650—720 гг.) и «Акафист» патриарха Сергия (626 г.).

Форма новых церковных песнопений (канонов) допускала бесконечное усложнение композиции и произвольное увеличение объема. Канон состоял из восьми-девяти песен, разделенных ирмосами (краткие заключения отдельных эпизодов), из которых каждая, при обособленности темы и архитектоники, оканчивалась одинаковым или напоминающим главную тему рефреном.

«Великий канон» Андрея Критского представляет собой огромную поэму в 250 песен, написанных двенадцатисложным ритмическим стихом. Каждая песнь поэтически перелагает какой-либо эпизод из Ветхого Завета в причудливом и изошренном переплетении с христианской дидактикой. Только в отдельных местах канона поэту удалось достичь большой художественности и экспрессии, — но они теряются в общем строе церковно-поэтического шаблона.

Проще, выразительнее и органичнее по композиции акафист, сочиненный константинопольским патриархом Сергием во время осады столицы аварами в 626 г. С появлением акафиста связана легенда о чудесном спасении города Девой Марией и о ее внушении Сергию написать благодарственный церковный гимн, исполняемый, в отличие от других песнопений, стоя. О популярности акафиста в последующие времена свидетельствует факт перехода некоторых выражений из него в народный язык с соответствующими фонетическими изменениями.

Однако и эти поэтические формы, лишь частично повторяющие ритмическую структуру гимнов Романа, уже в середине VII в. уступают место возрожденному тщательно отделанному метрическому стихосложению, которому отдают дань почти все известные церковные поэты того времени. Колоссальное количество гимнов и стихов полемического содержания, написанных анакреонтовскими размерами, принадлежало Максиму Исповеднику (его поэтические произведения не сохранились) и Софронию.

Расцвет ученой церковной гимнографии, наступивший в VIII в., связан с именами Иоанна Дамаскина, его брата Космы, епископа Майюмского, его старших современников — Феодора Студийского и Игнатия. Иоанну Дамаскину принадлежало около 50 канонов, основная особенность которых состояла в соединении теологии с поэзией, во введении философских положений в церковные песнопения. В грядущем большинстве случаев это сложные композиционно и затемненные риторикой произведения, видимо, с трудом воспринимавшиеся уже современниками поэта. Эта сложность и неясность содержания еще в большей степени свойственна

стихотворениям Космы, который был известен не только как поэт, но и как ученый комментатор церковной поэзии.

И все же некоторые гимны Иоанна Дамаскина выдержали испытание временем. В отдельных случаях поэту удалось достичь высокой эмоциональности и выразительности, так что его идиомелон (т. е. «самостоятельное песнопение» — вид канона) на отпевание по сей день сохраняется в составе заупокойной церковной службы. В русской поэзии XIX в. этот идиомелон известен под заглавием «тропаря», введенного А. К. Толстым в свою поэму «Иоанн Дамаскин». Несмотря на то что Толстой отступил от метрики своего образца, его переложение довольно точно воспроизводит композицию и содержание византийского идиомелона.

Развитие формы канона вполне соответствовало монументализму изобразительного искусства в церкви и театрализации церковной службы. Летописцы с явным восхищением упоминают сияние шести тысяч свечей, 80-килограммовую Псалтырь, украшенную драгоценными камнями в храме св. Софии. Фигуры святых изображались во весь рост, так, что они, казалось, выступали из стен и принимали участие в богослужениях, которые превращались в драматическое действие.

Значение этих прототипов западных мистерий особенно возросло после запрещения на Трулльском соборе (691 г.) светской сцены, в частности, мимических представлений. Но церковные представления требовали нового материала, и этот материал создавался на основе драматургической техники мимов. По сообщению Феофилакта Симократы, еще в конце VI в., при Маврикии, Менаандр Протиктор написал пьесу о персидском маге, который принял христианство и был распят соотечественниками. От эпохи иконоборчества сохранились фрагменты двух анонимных трилогий на евангельские темы. Более поздние авторы упоминают драму Иоанна Дамаскина «Сусанна».

Очень убедительный пример слияния церковного действия с мимом представляют собой драматические фрагменты, приписываемые патриарху Герману. Эти фрагменты складываются в цельную пьесу, близкую к так называемому «бытовому миму», построенную на мотивах ревности Иосифа к Марии.

Наиболее цельное сохранившееся произведение подобного жанра — «Стихи на Адама», драматизированная поэма Игнатия. За вступлением, в котором автор говорит и о кознях сатаны, и о силах небесных, противостоящих злему началу в мире, о райской жизни, следуют три довольно живых диалога — Евы со змием, Евы с Адамом, Адама с богом.

Кроме подобных, ограниченных религиозной тематикой произведений, в сфере духовной поэзии интересны произведения дидактические, представленные большой поэмой «Гексамерон» (Шестоднев), написанной дьяконом храма святой Софии, Георгием Псиддой, в первой части которой излагаются библейские мифы о сотво-

рении мира. Георгий Писида виртуозно владел метрическим стихосложением, будучи при этом еще и мастером высокого стиля. Чтобы описать мироздание, Писида максимально использовал свои риторские способности; он не скупится на меткие и красивые эпитеты, метафоры и сравнения, неожиданные и оригинальные, так что вся поэма производит впечатление роскошно вышитой, хотя и несколько тяжеловесной ткани. Интересно, что для второй ее части, чтобы описать созданный богом мир, поэт использует сочинения Аристотеля, Плутарха и «Рассказы о животных» Элиана.

Значительным явлением в конце VIII в. было также и поэтическое творчество Феодора Студийского, возглавлявшего партию иконопочитателей в последний период иконоборчества. Наряду с обычными церковно-поэтическими произведениями он написал цикл стихотворений о монастырской жизни, отличающихся искренним интересом к человеку в его повседневных трудах. В чрезвычайно эмоциональных, хотя и внешне сдержанных стихах, используя ямбический триметр, Феодор Студийский описывает людей различных профессий, живущих в монастыре. Так, в рамках вполне традиционного любования монашескими обычаями возникают новые, пока еще чуждые данному времени, мотивы.

Наряду с церковной поэзией в VII—VIII вв., как и в предшествующую эпоху, развивалась поэзия светская, к которой нередко бывали причастны люди из среды духовенства. Источником сюжетов здесь были, как правило, события века. Георгию Писиде принадлежат три поэмы: о походе Ираклия против персов, о нападении авар на столицу, панегирик Ираклию по случаю его победы над арабами и захвата «креста господня». В смысле метрики поэту представилась единственная оправдывающая себя возможность — входивший тогда в употребление двенадцатисложный стих, возникший на основе триметра, но стоявший несравненно ближе, чем античные размеры, к живому языку того времени. Этот кризис в стихосложении подготовил возникновение «политического» (т. е. общеупотребительного) стихотворного размера, которым, начиная с X в., пользовалась народная поэзия.

Художественные достоинства поэм Писиды высоко ценились византийскими писателями последующей эпохи: в XII в. появилось сочинение Михаила Пселла «Кто лучше сочиняет стихи — Писида или Еврипид?»

Придворная и военная тематика Писиды находит продолжение в поэме Феодосия Грамматика, современника императора-иконоборца Льва Исавра; поэт описывает вторую осаду Константинополя аварами (673 г.)

Традиционная линия лирической поэзии представлена глубоко пессимистичной поэмой Писиды «О суетности жизни» и поэмой Феодора Студийского «К самому себе». Более оригинальна афористическая поэзия Касии — ученой монахини, писавшей также и в традиционных жанрах. В лаконичных двенадцатисложных изрече-

ниях, отмеченных оригинальностью стилевых приемов и глубиной мысли, отражен мир весьма разнообразных интересов поэтессы. Часто ряд афоризмов объединяет одинаковое начало,— например, 27 триметров начинаются словом «ненавижу». Касия осуждает глупость, скаредность и другие пороки; чужды ей также лицемерие и вероломство, с которыми ей неоднократно приходилось сталкиваться.

Эта чисто светская струя в творчестве Касии служит как бы переходом к новой, послейконоборческой эпохе, когда Византия пришла к величайшему расцвету культуры во времена «Македонского» и «Комниновского» возрождений.

Таким образом, эпоха иконоборчества, при всей ее противоречивости и мрачности, была для византийского искусства необходимым переходным периодом, без которого искусство последующих эпох было бы невысказано.

Иоани Мосх¹

(ум. в 619 г.)

Антология монашеского фольклора под названием «Луг Духовный», или «Новый рай» — весьма популярное и вместе с тем чрезвычайно характерное произведение для литературы VII в. Составитель «Луга», ученый палестинский монах Иоани Мосх, долгие годы провел в путешествиях по восточным странам.

Вместе со своим учеником и другом, ученым-мирянником (софистом) Софронием², Мосх обошел многие монастыри Палестины, Сирии, Египта, побывал в Малой Азии, на Кипре, на Самосе. Путешественники наблюдали жизнь монашеских общин, записывали интересные случаи, монастырские предания, поговорки и памятные изречения, бытовавшие среди монахов.

В условиях резкого спада античной образованности и возрастающей христианизации, что составляет специфику византийской культуры VII в., такой интерес к монашеской жизни и любованию ею были закономерны.

По свидетельству патриарха Фотия (IX в.), который отводит Мосху почетное место в своем «Мирнобиблионе» (гл. 199), первоначальная редакция «Луга» состояла из 304 литературно обработанных записей; из них сохранилось 216.

Свой многолетний труд Мосх закончил в Риме, где он провел последние месяцы жизни. В изысканном риторичном вступлении обращается он к Софронию, которому и посвящает все произведение, сравнивая при этом каждый эпизод с прекрасным цветком.

Составляющие «Луг Духовный» рассказы в жанровом отношении делятся на несколько групп.

Изялюбленный жанр Мосха — новеллы, содержание которых очень разнообразно. Именно в этих повествованиях сказалась в полной мере идейная сторона «Луга». Стремясь показать всеислие христианской религии и прибегая к обычному изобразительному приему житийной литературы, — гиперболе, Мосх рисует своего положительного героя — человека, обретающего вследствие благочестивого образа жизни сверхъестественную силу. Подвижники добровольно подвергают себя физическим страданиям, принимают обеты длительного голодания, молчания, полного отрешения от мирских удовольствий. Святость порою превращается в могучую власть над силами природы и над царством животных. Святой у Мосха — целитель неизлечимых болезней, могучий повелитель стихий, молитва которого может сделать пресной морскую воду, прекратить падеж скота, вызвать в засуху дождь. Святость покоряет животных, делаю их верными друзьями и помощниками пустынников: в «Луге» содержатся рассказы, как осел приносил старцам овощи, как некий старец спал в пещере вместе с львами, как лев исполнял в лагере разные хозяйственные работы.

В связи с этим в «Луге» представлена тема неприкосновенности святого: в нескольких рассказах приводятся эпизоды, как постигнувших на жизнь пустынных поражает неизлечимые недуги. Эта тема получает дальнейшее развитие в мотивах неотвратимой божественной кары за всякий грех, совершенный даже втайне от окружающих людей.

Этот сказочно-идеальный план «Луга» дополняется мотивами чудесных видений, которые превращаются иногда в особые визионерские повествования, — их традиция восходит к раннехристианской литературе.

Такие рассказы во многих случаях связаны с тем кругом лиц и явлений, которые противопоставлены Мосху монаху-подвижнику: обычно это всякого рода грешники — люди, легко поддающиеся низменным страстям и темным порывам, еретики и иноверные иноземцы — сарацины. Поэтому в визионерском жанре действует определенная схема: погрешивший в чем-нибудь против христианской морали после чудесного видения вдруг «прозревает», очищается от греха.

Так, например, в 26 главе рассказано, как некий монах, связанный с историческими фактами, видит ад, где палачий огонь жжет всех отклонившихся от православия — Нестория, Севера, Ария, их последователей; монах обращается на путь православия.

Новеллы у Мосха иногда утрачивают сюжет, сокращаясь до предельно малых размеров, принимая вид дидактических анекдотов или изречений святых — готовых рецептов и правил христианской морали.

Этот вид повествований подводит читателя к иному, реальному плану «Луга», что непосредственно связано с композиционным обрамлением рассказов. В редких случаях Мосх повествует от собственного лица. В большинстве случаев рассказы вложены в уста тех лиц, с кем довелось встречаться и беседовать Мосху и Софронию: это и монастырское начальство, — пресвитеры и настоятели, и просто монахи, именуемые «авва», «один старец», «один христоробец». Рассказы нередко снабжены короткими приступами, напоминающими, что автором уже проделан долгий путь по пустыням и может быть такой же еще предстоит: «Пришли мы (в такую-то лавру)» — такими словами часто начинает Мосх очередную главу. Этим и достигается единство композиции всего произведения.

Все это обеспечило Мосху большую свободу не только в отношении содержания, но и в стилистическом отношении. Несмотря на всю дидактичность и тенденциозность, «Луг Духовный» пользовался репутацией увлекательного чтения, доступного широкому читателю. В XI—XII вв. книга появилась на Руси под названием «Лимонарь», или «Синайский патерик». Сюжеты из Мосха иногда служили материалом для писателей в более поздние эпохи. Так, например, приведенный ниже рассказ о жизни старца, приручившего льва, послужил (правда, через «Пролог») образцом для рассказа Лескова «Лев старца Герасима».

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Иоанн Евират своему возлюбленному во Христе софисту Софронию.

Возлюбленный! Я полагаю, что созерцание весенних лугов смотрящим на них доставляет величайшее удовольствие множеством разных цветов, которые останавливают идущих мимо, как бы предлагая им разнообразное угощение — то красками их зрение радуя, то запахами обоняние услаждая. Здесь сверкают пурпуром розы, там белеют лилии, конечно же, манящие к себе сразу после роз; а в иных местах цвет фиалок подобен царской багрянице. И эта пестрая ткань несказанных красок повсюду испускает сладостный аромат.

Прими же, Софроний, дитя мое благостное и верное, этот труд, лугу подобный. Ведь ты найдешь в нем добродетели святых мужей, ярким светом сиявших в наше время, «вращенных близ источников водных», как говорит псалмопевец³.

И хотя они в равной мере угодны Христу, богу нашему, однако каждый по-своему отличился в какой-либо добродетели или красотой душевной или благочестивой жизнью, и я выбрал из этого вечно цветущего луга самые прекрасные цветы и сплел венок, который, верное дитя мое, я подношу тебе, а через тебя — всем. Этот труд мы и назвали «Лугом», потому что каждый извлечет из него пользу и удовольствие, подобно тому, как мы ощущаем приятное благоухание. Ведь достичь добродетельной жизни и заслужить всеобщее уважение можно не только постоянно предаваясь божественным делам, не только всегда заботясь о них и помышляя, но также и рассказывая о добродетели других людей. Поэтому-то, сын мой, я и предпринял этот труд, составляя из подлинных цветов полное их собрание, чтобы любовь твоя была полной. Подражая премудрой пчеле⁴, собрал я такие добродетели отцов, которые особенно полезны для души. Итак, я перехожу к своему повествованию.

XII. ИЗРЕЧЕНИЕ АВВЫ ОЛИМПИЯ

Один брат спросил авву Олимпия, пресвитера лавры аввы Герасима⁵. «Что ты мне скажешь?» Тот отвечал: «Не сиди рядом с еретиками, обуздывай язык и чрево и, где бы ты ни был, говори: «пришлец!»

LXXV. ПОТОПЛЕНИЕ МАРИИ-ГРЕШНИЦЫ⁶

И еще историю рассказал нам тот же самый авва Палладий⁷, говоря, что слышал он это примерно так от одного корабельщика:

«Однажды отправлялся я в плавание и взял на корабль мужчин и женщин. Вышли мы в открытое море, и хотя был попутный ветер, так что все другие плыли благополучно — кто в Константинополь, кто в Александрию, — мы одни не могли плыть, и около пятнадцати дней оставались на том же месте. Напало на нас отчаяние, и мы терялись в догадках, что это значит. Я, как хозяин корабля, который должен заботиться и о самом корабле и о всех, кто был на нем, начал спрашивать об этом бога. И как-то раз, неизвестно откуда доносится до меня голос: «Брось Марию вниз и поплывешь благополучно!» И стал я размышлять, что это такое, кто такая Мария. А так как я оставался в неведении, опять дошел до меня голос: «Я сказал тебе: брось Марию вниз, и вы будете спасены». Тогда я что-то уразумел и сейчас же кричу: «Мария!»

Ведь я не знал, кто эта Мария. Она лежала на своей постели и, услышав, ответила: «Что прикажешь, господин мой?» Тогда я говорю ей: «Сделай милость, подойди сюда!» Она встала и пришла.

Как только подошла она, я отвел ее в сторону и говорю: «Видишь, сестра моя Мария, сколько у меня грехов, — за меня все вы должны погибнуть».

Она же, тужко вздохнув, сказала: «А на самом деле, господин мой, грешница я».

Я говорю ей: «Какие же за тобой грехи, женщина?» Она отвечает: «Нет греха, которого бы я не совершила, и за мой-то грехи вы все и погибнете».

«После этого, — говорил корабельщик, — рассказала эта женщина мне вот что:

«Господин мой! Был у меня, несчастной, муж и двое детей. Когда одному из детей было около девяти, а другому около пяти лет, муж мой скончался, и я осталась вдовой. Недалеко от меня жил воин, и я захотела, чтобы он взял меня за себя замуж. Я подсылала к нему кое-кого, но воин говорил: «Не возьму я женщину, у которой есть дети от другого мужа!»

Услышав, что он не берет меня из-за детей, и вместе с тем любя его, я, несчастная, убила обоих моих детей и объявила ему, что теперь у меня никого нет. Но воин, узнав, что я сделала со своими детьми, сказал: «Жив господь, обитающий на небесах, — я не возьму ее!»

После этого напал на меня страх, что это станет гласным, и мне придется идти на смертную казнь, и я убежала».

Выслушав такое от женщины, я, однако ж, и тогда не захотел бросить ее в море. Но поразмыслив, — рассказывал корабельщик, — я сказал ей: «Вот сойду я в лодку, и если двинется корабль, — знай, женщина, что на корабль действуют твои грехи!» Потом зову я к себе матроса и говорю ему: «Спусти лодку!»

Когда же я сошел в лодку, ни корабль, ни лодка не двигались. Поднялся я на корабль и сказал женщине: «Сойди теперь ты в

лодку!» Она сошла, и лодка, сделав пять кругов, прямо пошла в пучину. А корабль поплыл так быстро, что в три с половиной дня мы совершили то путешествие, которое нам предстояло совершить не меньше, как в пятнадцать дней».

CVI. ЖИЗНЬ АВВЫ ГЕРАСИМА ⁸

1. Почти на целую милю от святой реки Иордана отстоит лавра, названная именем святого аввы Герасима. Когда случилось нам быть в этой лавре, живущие там старцы вот что рассказывали об этом святом.

Однажды, когда святой Герасим прогуливался по берегу святой реки Иордана, встретился ему лев, неистово ревущий от боли в лапе. Лев занозил лапу стрелкой от тростника; нога от этого распухла и сильно загноилась.

Увидев старца, лев подошел к нему, показывал лапу, пораненную стрелкой, как будто жаловался, и просил у старца помощи. А старец, увидев льва в такой беде, сел, взял его лапу, раскрыл рану, вытащил занозу вместе с гноем, тщательно очистил больное место, обвязал его полотном и отпустил льва. Но излечившийся лев не покинул старца, а словно верный ученик, стал следовать за ним, куда бы тот ни шел. И старец дивился столь великому чувству благодарности в звере. С того времени стал он кормить льва хлебом и сочными плодами.

2. В этой лавре был осел, на котором возили воду для старцев. Ведь воду брали из святого Иордана; а река была далеко от лавры — на целую милю.

Лев охранял этого осла; но однажды осел ушел от него довольно далеко. А идущие из Аравии погонщики верблюдов увидели осла и увели с собою. Лев, потерявший осла, вернулся в лавру к авве Герасиму очень печальный и с поникшей головой. А старец подумал, что лев съел осла, и сказал: «Где осел?» Но лев, словно человек, стоял молча и потупив глаза. Говорит ему старец: «Съел ты что ли осла? Слава господу! То, что делал осел, делай теперь ты!» И с этих пор лев по приказанию старца носил на себе бочку, вмещающую четыре ведра, и доставлял в лавру воду.

3. Как-то пришел к старцу воин принять благословение, увидел льва, носившего воду, и, узнав причину этого, пожалел зверя. Воин достал три золотые монеты и отдал их старцам, чтобы они купили осла носить воду, а льва освободили от такой службы. Через некоторое время после того как лев был освобожден, погонщик верблюдов, который увел осла, опять появился в лавре, чтобы продать хлеб, и с ним был осел. И когда погонщик переправился через святой Иордан, случилось так, что ему встретился лев. Погонщик, увидев льва, оставил верблюдов и побежал. А лев узнал осла, бросился к нему и, как это всегда бывало, покусывая его, погнался в лавру; пригнав он еще и трех верблюдов.

С радостным ревом оттого, что нашел осла, лев прибежал к старцу. Ведь старец думал, что лев съел его; а теперь старец понял, что обвинял льва напрасно. И он назвал льва Иорданом. С этого времени лев находился при старце и пять лет они были неразлучны.

4. Когда же авва Герасим переселился к господу и был погребен отцами, тогда, по воле бога, льва не было в лавре. Лев пришел немного спустя и стал искать старца. А ученик старца и авва Савватий сказали ему: «Иордан! Наш старец оставил нас сиротами и переселился к господу; поди же сюда, поешь!» Но лев не принимал пищи и постоянно озирался, чтобы увидеть своего старца. Лев страшно рычал, потому что отсутствие старца было для него невыносимо.

Видя это, авва Савватий и другие отцы гладили льва по гриве и говорили ему: «К господу отошел старец, оставил нас!» Но слова их не унимали криков и скорбных воплей льва. Напротив, чем больше старцы пробовали успокоить и утешить его словами, тем больше он ревел, крики его нарастаи и переходили в рыдание. И голос льва, и выражение его глаз, и весь его вид показывали, как велика его печаль оттого, что он не видит старца.

Говорит тогда льву авва Савватий: «Иди за мной, раз ты мне не веришь: я покажу тебе место, где лежит наш старец!» Взяв льва, авва Савватий отвел его на то место, где был погребен старец. Находилось это место на расстоянии пятисот шагов от церкви. Остановился авва Савватий перед могилой и сказал льву: «Здесь наш старец!» — и преклонил колена. Когда лев увидел, как плачет авва, он стал сильно биться головой о землю и кричать; вскоре он умер на могиле старца.

Все это случилось не потому, что лев имел разумную душу, а потому, что бог хотел прославить славящих его не только в этой жизни, но и после смерти, и показать, в каком подчинении находились звери у Адама до его ослушания и изгнания из блаженного рая⁹.

Георгий Писиды

(конец VI — начало VII в.)

Георгий Писиды, уроженец малоазийской области Писидии (отсюда прозвище), служил диаконом в столичном соборе св. Софии и занимал должность хартофилакса (придворного архивариуса) при Ираклии (610—641 гг.). Военным операциям своего царственного патрона Георгий посвятил большие эпические поэмы: «На поход царя Ираклия против персов», «На нашествие аваров» и «Ираклиада, или На конечную гибель Хосроя, персидского царя». Кроме того, Георгию принадлежат менее значительные поэмы религиозного («Шестоднев, или Сотворение мира», в 1385 г. переведенная на русский язык, и др.), моралистического и личного содержания, а также эпиграммы.

Георгий — самый значительный представитель светской поэзии на всем расстоянии VII—IX вв. Его образная система отличается убедительностью и четкостью. К сожалению, перевод по необходимости оставляет в тени специфические достоинства стиховой техники поэта. Писиды жил в эпоху сильнейшей дезорганизации византийской метрики, которая была вызвана как общей культурной разрухой послеюстиниановского времени, так и ненормальным существованием взаимоисключающих метрических систем — музыкальной, которая имела за собой традицию, но не имела никакой связи с живой речью, и тонической, которая еще не успела привиться. Несмотря на эти условия, он сумел достичь настолько виртуозного владения античными метрами (по большей части — ямбический триметр, реже гекзаметр или элегические дистихи), что в XI в. тонкий ценитель Михаил Пселл всерьез обсуждал в особом трактате проблему: кто лучше строит стих — Еврипид или Писиды?

СУДЬБА

Вот что зовется ложно у глупцов Судьбой.
Представь в уме плясунью непотребную,
Что с шумом и ломаньем лицедействует,
Изображая бытия превратности
Обманчивым мельканьем суетливых рук.
Срамница млеет, вертится, кривляется,
Подмигивая томно и прельстительно
Тому, кого дурачить ей взбредет на ум,
Но тотчас на другого обожателя

Все с той же блудной лаской переводит взор.
Все обещает, все подделать силится.
И ничего не создает надежного,
Как потаскуха, что с душой остывшею
Ко всем с притворным пылом подбирается.

Глупцам — престолы, царства, слава, почест
Со злобой и заботой неразлучное;
Но для того, кто истину постичь сумел,
Престол — молитва, слава — речи тихие.

Глупцам отрадно хвастовство крикливое,
Но мудрому — молчанье и покой души.
Глупцам желанны распри, ссоры, рознь умов,
И яблоко раздора, и безумный спор;
Но чистые враждуют лишь с одной враждой,
И мудрой волей гасят любопрение.

Глупцам набить желудок усладительно,
Дойти до пресыщенья нездорового;
Но мудрого питает воздержание,
Его бока подтянуты и сны легки.

Глупца богатство ввергнет в огорчения,
Но мудрому и огорченье прибыльно.
Глупец из кожи лезет вон, стремясь добыть
Почет и славу, радость злополучную,
Но мудрому любое место — первое,
Затем, что всюду троны есть и гробы есть.
И все для нас едино, коль греховный пыл
К бесславной славе нас не гонит яростно.
И что есть слава? Ведь хула на доброго,
Кричи она хотя бы громче Стентора¹,
Себя не обелит своим злословием;
Меж тем порочной галке уподобится,
Что перьями чужими убрала себя
И славы добивается двусмысленной.

Патриарх Сергий

(VII в.)

Замечательное произведение византийской церковной поэзии, стоящее на рубеже перехода от более простых форм христианских гимнов к усложненным композициям канонов, связано с именем известного церковного и государственного деятеля, константинопольского патриарха Сергия¹. Происходивший из семьи сирийских монофизитов, Сергий не был приверженцем ортодоксальной линии христианства, но его властная натура постоянно заставляла его обращаться к мысли об устранении раскола среди христиан. Поэтому он стал сторонником компромиссной монофелитской доктрины — это обеспечило ему в истории церкви репутацию «еретика».

Известно, что Сергий пользовался расположением и дружбой Ираклия и даже имел на него влияние: во время своих походов на Восток император поручил ему вместе с вельможей Боновом фактическое управление империей; также изданный Ираклием «Эктесис» был составлен при участии Сергия.

В 626 г. Константинополь выдержал тяжелую осаду авар. В это тяжелое для столицы время Сергий стал духовным вождем константинопольского населения. Ему удалось урегулировать конфликт, возникший из-за повышения цены на хлеб, он руководил богослужениями в храмах и шествиями с иконами (крестными ходами) вдоль городских стен. По его приказанию, на городских воротах был написан образ богородицы. Видимо, на этой почве и возникла легенда, будто сама богородица внушила Сергию мысль написать благодарственный гимн по окончании осады.

Так появился акафист, сочиненный патриархом-еретиком, — песнопение, которое было принято православной церковью и до настоящего времени сохранилось в ее обиходе. Название «акафист» (от греческого *καθίστημι* — сидеть) означает, что во время исполнения этого гимна присутствующие в церкви должны были стоять (в противоположность «кафисмам» — отрывкам из сборника псалмов — псалтири, которые можно было слушать сидя). Отдельные строки акафиста известны и в предшествующей христианской гимнографии, что наводит на мысль о его наполовину фольклорном происхождении. Возможно, что роль Сергия ограничилась редакцией, приданием гимну литературной формы. Акафист был предметом многочисленных переводов и подражаний: его образы, его яркие эпитеты и метафоры, его опозитивированные эпизоды из христианской мифологии были понятны и близки средневековому мышлению.

АКАФИСТ МАТЕРИ БОЖЬЕЙ

(отрывки)

Необорной воеводе песнь победную,
Град избавившей от страха речь хвалебную
Мы в веселье воспеваем, богородица!
О владычица всемогущая, предивная,
Мир мне даруй, и тогда возопию к тебе
В мире: «Радуйся, невеста невестная!»
Ангел достославный, с небес низшедший
Молвит богородице «Радуйся»,
Созерцая господа воплощение, гласом своим бесплотным
Возопиал и возглаголал, и провещал в изумлении:
Радуйся, чрез тебя радость сияет,
Радуйся, чрез тебя горесть истает,
Радуйся, Адамова горя утешение,
Радуйся, Евина плача прекращение,
Радуйся, высота неизъяснимая человеческим умам,
Радуйся, глубина неизследимая и ангельским очам,
Радуйся, что подъямешь все подъявшего,
Радуйся, что объёмлешь объявшего,
Радуйся, звезда, зарю возвещающая,
Радуйся, вода, тварь омывающая,
Радуйся, чрез тебя обновление миру,
Радуйся, чрез тебя воплощение богу!
Радуйся, невеста невестная!
Знание незнаемое познать желая,
Дева к вестнесущему возопила:
«Как же возможно, молви, от девственных недр
дитяти родиться?»
Он же в страхе великом только и мог изречь ей:
Радуйся, избрания святого тайна,
Радуйся, безмолвия благого бездна,
Радуйся, чудес Христовых начинание,
Радуйся, словес господних утверждение,
Радуйся, лестнице небесная, по ней же сошел к нам бог
Радуйся, цепь прекрасная, сочетавшая небеса земле,
Радуйся, ибо свет непостижимо явила,
Радуйся, ибо «как» никому не открыла,
Радуйся, ангелов многославное изумление,
Радуйся, демонов многослезное уязвление,
Радуйся, посрамившая мудрость мудрых,
Радуйся, утвердившая радость верных,
Радуйся, невеста невестная!
.....
Риторы многословные, как рыбы бессловесные,
Немеют при тебе, богородице,

Не умея изъяснить, как

Ты и девой пребываешь, и чадо порождаешь;

Мы же, тайну созерцая, возопием с верой:

Радуйся, мудрости божией святыня,

Радуйся, промысла горнего твердыня,

Радуйся, мудрых немудрыми явившая,

Радуйся, суесловие в безмолвие обратившая,

Радуйся, толкователи многославные явно посрамлены,

Радуйся, стихослагатели многословные в ничто обращены,

Радуйся, упразднившая неведения бездну,

Радуйся, воссиявшая светом смысла,

Радуйся, сети афинейские расплетающая ¹,

Радуйся, мрежи рыбацкие наполняющая ²,

Радуйся, пристанище среди бурь житейских,

Радуйся, спасения корабль блаженный,

Радуйся, невеста невестная!

Леонтий из Неаполиса

(около 590—668 гг.)

Подробности жизни Леонтия, епископа города Неаполиса на острове Кипре, неизвестны. Широко эрудированный в области богословских наук, виртуозно владеющий искусством риторики и различными литературными стилями, Леонтий получил образование, видимо, в Александрии, — об этом свидетельствуют его связи с кругом Иоанна Милостивого. Суровая аскеза александрийского патриарха вызвала искреннее восхищение Леонтия, и он увековечил этот образ в «Житии Иоанна Милостивого» — пространным биографическом вкормии, составленном на основании личных впечатлений и рассказов людей, знавших Иоанна. Из многочисленных агиографических произведений Леонтия, кроме этого жития, уцелела еще биография Симеона — «Христа ради юродивого». Это сочинение менее важно в культурно-историческом отношении, но более ценно в смысле передачи народного языка. Византийские авторы последующего времени упоминают также духовные речи и полемические сочинения Леонтия, которые полностью утрачены.

ИЗ ЖИТИЯ СВЯТОГО СИМЕОНА, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО¹

...На одной улочке девицы водили хороводы с припевками, а святому по этой улочке заблагорассудилось пройти. И вот они увидели его и принялись дразнить святого отца своими припевками. Праведник же сотворил молитву, чтобы привести их в разум, и по его молитве все они тотчас сделались косоглазыми. Одна говорила другой, что за напасть с той приключилась, и так они все уразумели, что он сделал их косоглазыми; тогда они принялись со слезами гоняться за ним и кричать: «Возьми слово назад, юродивенький, возьми слово назад!», — ибо полагали, что он напустил на них косоглазие ворожкой. И так они догнали его, силой захватили и упрасивали, чтобы он, дескать, развязал свое заклятие. А он молвил им, усмехаясь: «Которая из вас желает исцелиться, той я облобызаю окошейший глаз, и исцелится». И тогда все, кому была воля божья исцелиться, допустили, как сказывал святой муж, облобызать свое око; а прочие, которые не дались, так и остались косыми и плакали. Когда же он малость отошел от них,

тогда и прочие пустились бежать за ним и кричать: «Останься, юродивенький, бога ради останься, поцелуй и нас!». И вот люди добрые могли видеть, как старец бежит, а девицы гонятся за ним: одни говорили, что девки-де забавляются с юродивым, другие полагали, что и девки повредились в уме. Кончилось тем, что девицам так и пришлось остаться неизцеленными. Как говаривал святой: «Если бы Господь не наслал на них косоглазие, из них вышли бы величайшие на всю Сирию срамницы, но по причине недуга очей своих они убереглись от множества зол».

ИЗ ЖИТИЯ СВЯТОГО ИОАННА МИЛОСТИВОГО ²

Раз некий состоятельный горожанин пришел к нему и приметил, что архиепископ прикрывается изношенным и худым одеялом, и послал ему одеяло ценою в тридцать шесть золотых монет с великими просьбами прикрываться этим одеялом на память о дарителе. Когда же Иоанн принял это одеяло и по неотступной просьбе того человека прикрывался им на одну ночь, почти всю ночь он твердил самому себе, как сказывали его келейники: «Как можно вымолвить, что смиренный Иоанн укрывается покровом в тридцать шесть монет ценою, а его братья во Христе коченеют от холода? Ведь многие в это самое мгновение стучат зубами от мороза, многие имеют только соломку, половину ее подстилают, половиной накрываются и не могут ног вытянуть: так и дрожат, свернувшись клубком. И многие почивают в горах без ужина и без светильника и страдают вдвойне и от холода, и от поста... А ты еще помышляешь сподобиться вечного блаженства, когда ты и вино пьешь, и огромных рыбин пожираешь, и в спальне прохлаждаешься, а тут еще к прочему злу вдобавок нежишься под одеялом в 36 золотых ценою! Воистину, при такой жизни да при таком роскошествовании не смей и помышлять, будто сподобишься нездешних благ уготованных; нет, ты вовеки будешь слышать то, что услышал евангельский богач. Смиренный Иоанн на другую ночь уже не станет тобой укрываться. Ведь справедливо и богоугодно будет, если сто сорок четыре брата и господина твоих им укроются, а не ты, злосчастный!» Ибо на золотой продавались четыре плаща.

И послал он незамедлительно с наступлением утра одеяло на продажу, а даритель приметил его, купил за тридцать шесть золотых и снова принес святому отцу. Когда же он сызнова на утро увидел его выставленным на продажу, он таковым же образом купил его и принес святому отцу, досаждая и упрашивая, чтобы тот им прикрывался. И когда совершил он это в третий раз, отец наш молвил ему шутивно: «Посмотри, кого постигает зло, меня ли, или тебя!»

Феофилакт Симокатта

(первая половина VII в.)

Феофилакт Симокатта, уроженец Египта,— один из талантливых представителей того риторического направления в литературе, которое развивала с V в. риторская школа Газы и которое достигло наивысшего расцвета во время Фотия (IX в.). Феофилакт дал великолепные образцы популярных жанров риторики — рассказов о чудесном («О непонятных явлениях в природе») и вымышленных писем («Письма нравоучительные, сельские, любовные»). Первое из этих сочинений написано в форме диалога двух персонажей (Антисфена и Поликрата), которые обсуждают традиционные для античной риторики темы, хорошо знакомые нам по «Рассказам о животных» Элиана, например: «Почему на аттический мед не садятся пчелы?», «Почему вороны не лют весной?» Эти рассказы о необыкновенном в природе пользовались большим успехом и не раз перерабатывались в средние века. Не менее популярны были и его «Письма». Феофилакт продолжает традицию созданного второй софистикой жанра фиктивного литературного письма. Эпистолярная литература как художественный жанр служила формой воссоздания этического портрета личности и разделялась во второй софистике на письма философские (т. е. приписываемые знаменитым философам), любовные (письма Филострата, Аристенета), письма рыбаков, крестьян, паразитов (Алкифрон, Элиан). Феофилакт объединяет в своем сборнике письма трех родов: нравоучительные, сельские и любовные и располагает их по триадам, включающим по одному письму каждого рода. Имена авторов и адресатов он заимствует из реальной истории (Перикл, Плотин, Платон, Сократ и др.), из мифологии (Аталанта, Фетида), из художественной литературы (Абротон — персонаж комедии, Коридон — персонаж буколки) или создает этимологически. Так, например, в сельских письмах мы встречаем такие имена, как Теттигон (от τέττις — цикада), Ортигон (от ὄρνις — перепел), Ампелин (от ἀμπέλος — виноградная лоза), Анфин (от ἀνθος — цветок). Письма нравоучительные строятся по обычным предписаниям практической морали — осуждение скупости, проповедь стойкости и т. д. В двух подобного рода письмах мы находим пересказ басен. Сельские письма близки к буколке и письмам Алкифрона с их идеализацией жизни, далекой от политики, заполненной заботами о пастбище и пашне. В любовных письмах звучат отголоски комедии и приводятся любопытные описания внешности. Язык писем украшен пышным орнаментом сравнений и красочных деталей. Средние века ценили эпистолярный сборник Феофилакта как лучшее средство выработки стиля. В XVI в. письма были переведены на латинский язык Коперником и изданы в Кракове в 1509 г.

Меньшей популярностью пользовалась его «История» в 8-ми книгах, описывающая правление Маврикия (582—602 гг.).

ПИСЬМА

I. КРИТИЙ ПЛОТИНУ

С приходом весны звонкоголосая цикада затягивает свою песню и, пьянея от солнечных лучей, живет и звонче поет она к полудню. Летит ее песнь, и дерево становится помостом, поле — театром, и путники внемлют ее пению. Подобно ей и мы восславим твои доблести, в пламенном рвении вознося им хвалебную песнь. Мы, уже мертвые от скверной жизни, вдруг ожили от слов твоих для добродетели. Так, я, Критий, стал Плотиним, и то ли Плотин вне тела на земле философствует, то ли Философия, облекшись в плоть, пребывает как человек среди людей.

II. ДОРКОН МОСХОНУ

Погиб овечий вожак, мой дивный баран, и нет у овец предводителя стада. Злая беда пришла к нам за то, видно, что разгневал я Пана¹, не почтив его начатками улей. Спешу в город умилостивить его. Я расскажу горожанам о его жестокости: «Из-за пчелы, скажу я им, Пан погубил вожака моего стада».

III. ФЕАНО ЕВРИДИКЕ

Увяла твоя природная краса. Благообразию грозят уже морщины, но ты хочешь обойти истину и веселишь любовников деланной красой. Покорись времени, старушка. Некрасивы осенью цветы на лугах. Вспомни близкую смерть и поневоле научись благоразумию. И перед старостью и перед юностью своей ты виновата. Молодящаяся старуха, ты обманываешь молодость и безобразной делаешь старость.

IV. ЕРМАГОР АНТИПАТРУ

Творцом положены пределы даже волне морской — пучина моря ограничена берегами, и мелкий песок лежит посреди, между сушей и морем. Не властно море обижать прибрежную землю, и бешеный прилив, хотя и грозит земле страшным натиском, все равно отступает назад. Так и ты, Антипатр, положи предел своему возбуждению, останови руку, не делай ее служанкой ярости. Верх совершенной добродетели в том, чтобы с руками вместе любомудрствовал бы и язык. Если в тебе нет сил сдержать его, тогда влечи свой дух к бесчинствам, раз уж захотелось тебе лаять по-собачьи. Так же и море в своей ярости не идет дальше пенистых волн.

V. ЭГИР ПЛАТАНУ

Злые, друг мой, завелись у нас соседи — журавли. Не на жизнь, а на смерть дерутся они за поле. Уже с родителями наши-

ми не было у них мира, а после них и с нами не кончают они войны. Часто мы приносили им начатки урожая, даже часть поля выделали им, как посвящение богу. Но, видимо, не благоволят они к дарам. Из-за них все мы снялись с места. Легче обрабатывать скалы, чем жить на равнине и холмах во власти свирепых журавлей.

ХV. АТАЛАНТА КОРИННЕ

Я видела, Коринна, Авгея в палестре. Этого зрелища не описать словами и не изобразить рукою живописца. Был крепок и статен этот юноша. Грудь у него волосата, очи — как у газели; взгляд не мрачен от гнева и не влажен от изнеженности, но мужественен и кроток. Цвет его тела ни бел до женственности, ни смугл до черноты. Волосы — в меру густые и волнистые, подобны морю в час покоя, когда, смилив дикое неистовство волн, оно ласкает прилежащую землю ровным течением. На щеках его не играет румянец, как у женщин и бледность не лишает их красоты. Нос изогнут очень величественно, и обличает мастерство художника². Масло, стекая с него, сверкало, как солнце, и блеском сияющих лучей озаряло палестру. Душа болит у меня, Коринна, и горькую муку терплю я. Женщинам ведь стыдно рассказывать о любовном томлении.

ХIХ. ДИОГЕН ХРИСУ

Ты сторож своих богатств, а не господин их. Такой приговор вынести о тебе заставляют твои повадки. Ни в чем хорошем нечестивые души не могут участвовать. Зарой в землю и стереги свое золото, несчастный, ибо не принадлежит, а лишь вверено оно тебе. Ты хочешь быть подобен фригийцу Мидасу³ и, голодая, богатеешь, как бы вися в золотой петле.

ХХ. ХЛОАЗОН МИКОНУ

Вчера, Микон, я послал груши своей милой. Она же, получив подарки, встала, отложила в сторону утök и пряжу, и начала раздавать груши поросятам, а посланца отослала прочь как нежеланного ей вестника. Горько плачу я. Жесток и несправедлив к нам Эрот, заставляя любить недостойную девицу. Слепы они — и судьба и эроты, ибо эроты необдуманно и как попало распределяют горести, судьба же — блага жизни.

ХХI. ПЕРИКА РОДОПЕ ..

Неблагозвучна твоя песнь, не усладу, а печаль несет она любовникам. Не сладостно твое пение, похоже оно скорее на трагедию. И плачут от обиды любовники. Вместо неги, твои песни учат их целомудрию, мелодия не увлекает их. Смилуйся, ради богов, над

нами, недовольными. Не на флейтистку, а на плакальщицу похожа ты в кругу любовников. Все мы залепим уши воском, если не оборвешь ты эту мелодию. Мы слушаем сирен⁴ охотнее, чем плачущих муз.

XXXIV. ФЕМИСТОКЛА ХРИСИППУ

Слушай, Хрисипп, какую прекрасную басню я расскажу тебе, ведь и в басне воздана честь благоразумию.

Как-то раз к Зевсу пришли птицы и просили Олимпийца поставить им начальника. Анархия тяготила птиц, и не было у них начальства — сего великого блага, отчего царил у них страшнейший беспорядок. Зевс взял им, желание их сбываясь, и просители получили дивный дар. Дар этот был царское достоинство. Чтобы получить его, Зевс велел птицам лететь к болотам и источникам и смыть в них свою грязь. Воде поручил проверить, какая птица должна стать вожаком. Зевс ведь чтит красоту. Птицы, омывшись, опять слетелись к Зевсу, и каждая стала пред ним являть свою красу. Галка тем временем, боясь показаться дурнушкой, подделала свой природный убор и чужой красотой захотела прикрыть свое безобразие. Но сова разоблачила ее и показала, что красота у галки ненастоящая. Заметив у галки свое перо, сова вытащила его, а за ней и другие птицы стали делать с галкой то же. И галка снова превратилась в галку.

Басня эта, Хрисипп, истинна как вещей сон, научая великому благоразумию. И мы, люди, похожи на галку, своего ничего здесь не имеем, но, пока живем, на краткий миг приукрашиваем себя поддельной красотой, после смерти же отнимается у нас то, что не наше. Поэтому брось заботу об имуществе своем и о плоти, а окружи попечением бессмертную душу, ибо она невидима и нетленна. А все наши внешние блага смертны и преходящи.

XXXVIII. ТЕТТИГОН ОРТИГОНУ

Что натворил ты, разнесчастный? И одежда на тебе уже не та, и куропаток растерял ты. Все это от вина. Вином Одиссей, говорят, выколол глаз Киклопу⁵. Посмей только теперь не собрать всех птиц, и я сам с тобой брошусь в бездну. В живых оставить распущенного сына тяжело, но еще тяжелей для отца приготовить сыну могилу прежде себя.

XXXIX. ФЕТИДА АНАКСАРХУ

Любить и Фетиду и Галатею ты не можешь. Страсть ведь не раскалывается пополам, эроты не разделяются, и ты не вынес бы двух эротов. Землю не могут греть два солнца, и одна душа не стерпит двойного пламени любви.

XL. СОКРАТ ПЛАТОНУ

Никто не наносит обид нам, мы сами бываем неправы. Человек своей волей обижает себя. И мы властны избирать доблесть или порок. У тебя отнял поле Эонид? Что же! Беда коснулась лишь посторонних вещей, душе же твоей он не нанес бесчестия. Филипп разоряет тебя, подделывая твою печать? И в этом также нет ничего обидного для тебя, ведь вещи, которые можно приобрести, не наши. Твоего сына сгубили варвары? Но и это еще не самое ужасное. Ребенок твой не был бессмертен. Еще не так давно его вообще не было у тебя. Затем он появился на свет, а теперь снова его нет, как тогда, когда он еще не родился. Итак, люди бывают обидчиками, но не обиженными. Потому и восхищаюсь я гомеровским Киклопом⁶, который говорит, что Никто его обидел, и этим словом «никто» пастух утверждает истину.

L. КАЛАМОН СПИРОНУ

Если захотел ты быть земледельцем, то забудь о тревожениях политики. Но если любишь раторов, судилища и помосты, то убирайся ты к ворону, старик, бросивший кирку и мечтающий о тростнике и хартии! Земледельцы не пускают в свою среду сикофантов⁷ и тех, кто громко орет: «Граждане судьи!»

LI. РОДОКЛЕЯ ГИПСИПИЛЕ

Вчера ночью я проходила через Пирей⁸ и видела, как твой любовник шел с Хрисиппой, и путь им освещал мальчик с факелом. Их вела подружка — старуха Абртонон. Она шла впереди, и когда ты заговорила с ней, то мальчик потушил факел. Так подстроила твой любовник, чтобы темнотой прикрыть свой поступок. Не верь теперь ни льстивым словам, ни клятвам его. Чтобы ни говорил он — будет лишь хитрое лукавство.

LXI. СОСТРАТ ЛИСИСТРАТУ

Удивительные и нескончаемые наши советы напоминают тебе ткацкий станок⁹ Пенелопы. Ну что же, давай, примемся теперь за басню¹⁰, может быть, в ней мои слова коснутся твоего разумения.

Стояла знойная пора; в свежей зелени дерев прыгала и громко пела цикада, услаждаясь собственной песней. А муравей тем временем был там, где жнецы, сновал около гумна и прятал в недрах земли для себя пищу. Пришло время, и солнце покинуло северные страны, минула осень, и зима надвинулась на землю. Море забыло о тишине, мореплаватели укрылись в спасительных гаванях, земледелец вернулся к своему очагу, а муравей открыл в расщелинах земли свои запасы пищи, накопленной трудами. К нему пришла цикада, прося уделить ей от этих сокровищ. Но он громко рас-

хохотался и отогнал певунью от своих дверей, коря ее за лень и напоминая, как она пела летом. Итак, голод получила она за песни, он — пищу за свои труды.

Про тебя, Лисистрат, сложена эта басня. Ленивай ты, и жалок больше, чем тот, кто болен лихорадкой. Ты тунеядец вдвойне. Брось, милый, лениться. Позоришь ты свой природный дар, когда с такой телесной силой и с таким здоровьем не желаешь учиться труду.

LXXXIII. АНФИН — АМПЕЛИНУ

Вот уже настала пора для сбора винограда, и гроздья налились сладким вином. Усердней охраняй теперь главную дорогу, на помощь возьми себе критского пса, потому что руки путников не знают удержу и всегда готовы нанести обиду поту, пролитому земледельцами.

LXXXIV. ХРИСИППА — СОСИПАТРУ

Сосипатр, ты не попался в любовные сети, полюбив Анфусу. Полюбить девушку красивую — знак рассудительного взора. Не стони от того, что пленен ты красотой. Награда заставит забыть труды. Лить слезы любви приятно. Печаль эта смешана с наслаждением, и эроты, огорчая, радуют. Неодинаковые страсти вытканы на поясе Афродиты.

LXXXV. ПЛАТОН — ДИОНИСИЮ

Если хочешь переселить свое горе, то пойдй, поброди среди могил и найдешь исцеление от муки, так как увидишь, что даже у самых счастливых людей от их надменности не осталось ничего, кроме праха.

Житие Филарета Милостивого

Житие Филарета Милостивого написано в первой половине IX в. Автор его — Никита из Амнии (Пафлагония), внук Филарета от его сына Иоанна. Житие интересно как исторический и как литературный памятник. В живой, непринужденной форме, нередко с задорным юмором, автор сумел образно запечатлеть черты окружавших его людей. Мы хорошо можем представить себе психологию доброго, любвеобильного старца Филарета и жадной, немного вздорной его жены Феосевы; правда, остальные члены большой семьи Филарета обрисованы довольно бледно, но зато они не затемняют главных героев — Филарета и Феосевы, столь противоположных друг другу по характеру и нравственному складу. Автору прекрасно удается в нескольких словах дать всю суть внутреннего облика человека — так кратко, но выразительно даны опять-таки противопоставленные образы доброй, благоразумной Марии, внучки Филарета, прибывшей на смотрины во дворец императора, и ее соперницы, надменной и самоуверенной дочери богача Геронтиана. Перед нами выступают также исторические лица, правда, очерченные бегло, — правительница Ирина, ее сын Константин VI, его жена Мария, всесильный временщик Ставракий. Упоминается даже лонгобардский король по имени Аргус¹. Таким образом, из жития можно почерпнуть немало ценных исторических сведений — об отношениях лонгобардов с византийским двором, о размерах византийских зажиточных хозяйств, о взаимоотношениях крупных и мелких землевладельцев.

При сравнении стиля повествования в житии Георгия Амастридского (по времени написания очень близкого к житию Филарета) со стилем этого жития обнаруживается огромная разница: насколько сложен и труден для восприятия стиль в житии Георгия, настолько он прост и ясен в житии Филарета. В языке Никиты из Амнии нет сложно построенных метафор, сравнений. Его излюбленное речевое украшение — эпитеты, которыми изобилует повествование. В большинстве случаев они передают настроение самого автора, его отношение к изображаемому. Эпитеты очень разнообразны, есть, хотя и в небольшом количестве, постоянные (см. описание внешнего облика дочерей и внуков Филарета, его сыновей и внуков). Простой язык и почти сказочное содержание (сюжет напоминает сказку о Золушке), быстро развертывающиеся события жития сделали его очень популярным и в Византии, и в других странах, в частности в древней Руси. На греческом языке оно существует в большом количестве списков, а переводные древнерусские списки различных редакций жития относятся еще к XV в.

В XVIII в. это житие послужило А. Н. Радищеву темой для повести, написанной им в назидание своим детям². В одном из писем 1790 г. С. И. Шеш-

ковскому, написанных в Петропавловской крепости, А. Н. Радищев делает такое признание: «Читая житие святого Филарета Милостивого, душа над тем паче прилепилася и вникла в его подвиги, что она соразмернее на подражание нашему слабому сложению. Я преложил его несколько на образ нынешних мыслей, не отступая от истинного повествования ни мало, и мечтаю себе, что оно может детям моим быть на пользу»³.

Как видно из повести А. Н. Радищева, сюжетная линия по сравнению с житием, приводимым нами, существенно изменена. Может быть, русский писатель был знаком с иной редакцией жития, но суть того и другого повествования одна и та же, ибо, по признанию А. Н. Радищева, его основная мысль заключается в том, что «добродетель есть вершина всех наших деяний и наилучшее украшение человеческого»⁴:

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО

Жил некий человек в земле пафлагонов, по имени Филарет⁵; человек этот, сын Георгия Нареченного, принадлежал к числу благородных жителей страны от Понта и Галатии. Был он очень богат, и стада его были огромны: шестьсот быков, сто пар упряжных волов, восемьсот коней пастбищных, восемьдесят выездных лошадей и мулов, двенадцать тысяч овец. Пригородной земли принадлежало ему сорок восемь больших участков: расположенные отдаленно друг от друга, они были в цветущем состоянии и по достоинству ценились весьма высоко, ибо напротив каждого из них находился источник, низвергавшийся с горной вершины, из которого вдосталь можно было напоить все земли, нуждавшиеся в орошении. И еще было у него много слуг и весьма большое состояние.

Супругу его звали Феосева⁶; она тоже была благородна и богобоязненна. Были у них дети: один преславный отрок по имени Иоанн и две дочери; одну звали Гипатия, а другую Еванфия — тоже преславные.

Человек этот был необычайно милостив: всякий раз, когда приходил к нему проситель, он с радостью давал ему с преизбытком, что бы тот ни просил; сначала от своей трапезы, чего бы тот ни желал, а затем, так же щедро предоставив ему просимое, отпускал его с миром, поистине уподобляясь гостеприимному Аврааму и Иакову⁷. Так поступал он в течение многих лет, и молва об его милосердии разнеслась по всему Востоку и его окрестностям. И если случалось кому-либо лишиться быка ли, лошади, или иного кого из четвероногих, он смело отправлялся к тому осененному благодатию человеку, словно шел к своему собственному стаду. Всякий брал то, в чем нуждался, всякий, сколько бы ни потерял

из своего стада, шел и брал, сколько хотел. А Филарет насколько раздавал, настолько же богател.

Заприметил дьявол добрые деяния этого человека, позавидовал ему, как некогда Иову⁸, и стал просить, чтоб Филарет впал в нищету, и чтоб тогда посмотреть, какова будет его простота. «Нет ничего удивительного,— говорил дьявол,— в поступках этого человека, дающего бедным от своего приизбытка». Потом взял на то позволение от бога,— ведь он не мог сделать это без бога,— ибо господь подает нищету и богатство, унижает и возвышает; из праха подымлет он бедного, из брения возвышает нищего,— согласно слову пророчицы Анны⁹.

Итак, Филарет не переставал раздавать бедным свои стада и все, чем владел, но бог не стал воздавать ему сторицею, и, наконец, из-за этих раздач, из-за набегов изманилитов¹⁰ и по многим другим поводам дьявол развеял все и поверг Филарета в крайнюю бедность, так что осталась у него одна упряжка быков, да одна лошадь, да один осел, да одна корова с телятком, один раб и одна служанка. Все пригородные земли его разграбили соседи — могущественные земельные собственники: ибо когда они увидели Филарета нищенствующим и бессильным владеть землею и обрабатывать ее,— они кто насильственно, а кто по соглашению поделили между собой его землю, оставив Филарету поместье, в котором он жил, и отчий дом его.

Филарет же, перенося все эти бедствия, никогда не печалился, не богохульствовал и не досадовал, но, как человек, внезапно разбогатев, становится полон радости, так и он, обнищав, радовался, словно сбросил с себя тяжкое бремя — богатство. А про себя он чаще всего повторял такие слова господя: «Имеющим богатство трудно войти в царствие божие», и еще: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие божие»¹¹. Ибо богатство безвредно и не есть порок лишь в том случае, если, пока оно есть, его используют ко благу, а если теряют, то переносят это беспечно, согласно Писанию: «Богатство — благо для использующих его ко благу, и бедность — благо для терпящих ее»¹².

Как-то раз, к вечеру, взял Филарет пару упряжных быков с плугом и отправился пахать свое поле. Он пахал и благодарил бога за то, что бог удостоил его соблаusti первую данную им заповедь, а именно: «В труде и в поте лица твоего будешь есть хлеб свой»¹³ и слово апостола: «...так трудясь, надобно всепомоществовать слабым»¹⁴, и еще: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»¹⁵. Благоговевя пред божьими заповедями и исполнившись радости необъятной, Филарет с чрезмерной силой погнал упряжку, а сам из-за огромной радости совсем не чувствовал усталости. А когда он увидел, что волы обессилели,— снова припомнил Писание: «Блажен сострадающий душой своей скотине»¹⁶. Остановил он упряжку и стад молиться богу, благодаря его за такую нищету.

Один бедный земледелец тоже пахал свое поле, как вдруг его бык свалился и издох. Не в силах снести эту потерю, принялся он горевать и рыдать, проливая горькие слезы и обращаясь к богу:

«Господи, ничего у меня не было, кроме этой пары быков, а ты и ее лишил меня; как стану кормить я свою жену и девять детей-несмышленнейшей? Чем внесу подать царю? Из чего уплачу своим кредиторам? Ты же, господи, знаешь, что сдохший бык дан был мне в долг! Что делать — не знаю! Остается покинуть свой дом и скрыться в далекой стране, пока не узнали мои кредиторы и не накинулись на меня, словно дикие звери. О, господи! Если б ты не поверг в нищету нищелюбца Филарета из Амнии, я бы смело пошел к нему и взял другого быка, запряг бы его в свою упряжку и забыл о своем сдохшем быке; но теперь и Филарет нуждается в чужой помощи!»

Так думал он, а потом сказал себе: «А все же пойду-ка я к Филарету и поведаю о своем несчастье тому, кто прежде кормил странников; он поплачет со мною, и я получу хоть какое-нибудь утешение в горе. Правда, я знаю, что ему не из чего дать мне что-либо, но ведь не позабыл же он своего прежнего милосердия...»

И вот пошел земледелец к Филарету и застал праведника за пахотой, принялся со слезами рассказывать ему о сдохшем быке. Едва только услышал праведник про быка, тотчас поспешил отдать земледельцу быка из своей упряжки, полагая, что чем плакать вместе с этим человеком, лучше утешить в его потере даянием. Тогда земледелец говорит Филарету: «О, господин мой! Я знаю одно — что другого быка у тебя нет! Как же ты станешь обрабатывать свое поле?» Тот ответил ему: «Есть у меня дома другой бык, преогромный и сильный; он сможет прокормить всю мою семью. Бери себе вот этого быка и беги скорее, чтобы другой твой бычок не стоял без дела и чтоб домашние твои не узнали, и супруга твоя не плакала больше, чем ты».

Взяв земледелец быка и отправился, радостный, в путь, славя бога и молясь за Филарета.

А честный праведный муж погнал своего единственного быка, положив ярмо себе на плечо; радуясь, он возвращался домой; увидела жена Филарета, что он идет с одним быком, а на плече ярмо возложено, говорит ему: «Господин мой, а где же другой бык?» Филарет ответил: «Утомившись, присел я на солнцепеке, а быков развязал, — пусть себе пасутся, да и я передохну немного; но я задремал, а бык отвязался и убежал в поле».

Отправился сын Филарета на понски быка в поле. Пока он бродил, наткнулся на того земледельца, что пахал на быке Филарета. Преисполнился сын страшного гнева и стал оскорблять земледельца такими словами: «Как смел ты запрячь в свое ярмо чужого быка? Ты, верно, и впрямь считаешь нас уже мертвыми, коли мы от такого богатства впали в такую бедность!» Земледелец ответил ему: «Милое дитя! Этого быка дал мне твой отец!»

И он рассказал ему о своем несчастье. Юноша, узнав, что его отец отдал быка земледельцу, удалился печальный к себе домой и поведал обо всем матери. Услыхав это, она сбросила с головы турбан и начала рвать на себе волосы. Подступив к мужу, бранила его такими словами: «У-у, меднолобый! Право же, меня тебе не жаль — я тебя только сейчас узнаю хорошенько. Но сжался хотя бы над детьми своими — как они будут жить без упряжки быков? Ты же, бездельник несчастный, потерял упряжку и хочешь в тени полеживать — потому ты так и поступил, а совсем не бога ради!»

Филарет кротко сносил женину брань, на лице его блуждала улыбка. Он ничего не отвечал, чтобы, поддавшись гневу, не погубить содеянное милосердием. Таков уж был этот удивительный человек, что не только заботился о милосердии, но был воплощением скромности и смирения, соединив эти добродетели с милосердием. Когда же супруга Филарета вылила на него всю обидную брань, муж сказал ей в ответ только вот что: «Бог премного богат, и я слышу слова его: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и отец небесный питает их»¹⁷. А уж нас, конечно, напитает он, потому что мы лучше птиц. И еще: «Не заботьтесь о завтрашнем дне»¹⁸, «что нам есть? или что пить? или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники»¹⁹; «Ищите же прежде царствия божия, и это все приложится к вам»²⁰. И еще я скажу: бог возвестил, что воздаст сторицей тем, кто ради имени его и евангелия раздает свое имущество, и что он сделает того наследником жизни вечной»²¹. Станете ли вы печалиться, дети мои, если за одного быка получите сто?»

Филарет говорил так не из желания получить в этой жизни во сто крат, а чтобы утешить малодушную жену. Она же, услышав такое, замолкла.

Через пять дней после этого бык земледельца, что был у него прежде, пасся на лугу и не избежал губительного яда травы, называемой волчьей; проглотил он ее, задрожал, упал вдруг наземь и издох. Взял земледелец быка, полученного от милостивого мужа, пришел к нему и говорит: «Согрешил я пред твоими детьми, когда взял твоего быка и этим своим поступком предал детей твоих голодной смерти; вот бог не стерпел моего неблагоприятия, погубил и второго быка». А боголюбивый и поистине добродетельный муж тотчас поднялся, куда-то пошел, привел второго, своего единственного быка и отдал ему земледельцу, сказав ему: «Бери его и иди обрабатывать свою землю, а я хочу отправиться в дальний путь, так что бык будет стоять без дела».

Так сказал он для того, чтоб земледелец не отказывался брать быка. Взяв его, отправился земледелец, радуясь, прославляя бога и дивясь простоте этого человека, который даже в такой нищете не перестал быть милостивым.

Но дети Филарета заплакали, а вместе с ними и мать их; при этом они приговаривали: «Плохо мы знали отца нашего. Ведь при

всей нашей бедности нара быков была для нас утешением, потому что с нею мы не погибли бы с голоду».

А старец святой, слыша вопли детей и жены своей, сказал им, дав клятву: «Не печальтесь, дети мои! В некоем тайнике сокрыты у меня деньги: их очень много, так что если вы проживете сто лет и не умрете, то хватит всем и на пищу, и на одежду. Ведь тот скот, которого, как вы знаете, у нас было не мало, я тайком ото всех продал, предвидя эту нищету и предстоящий голод. Я еще от родителей своих слышал, что живая скотина ничего не стоит, ибо быстро гибнет либо от непогоды, либо от болезней, либо ее могут похитить. Узнав об этом, решил я лучше распродать ее по частям, а вырученные деньги спрятал в надежном укрытии. Я часто прихожу туда и пытаюсь сосчитать их, но не могу».

Услышав такое от своего отца, дети утешились, особенно после того, как он дал клятву. А ведь старец духом предвидел неистощимое богатство божие и, веря во стократное приумножение его в теперешнем веке, рассуждал так: все, что он раздал и чем поделился с бедными, все это поместил он в лоно божие и, таким образом, заслужил жизнь вечную. Потому-то он и поклялся, нисколько не колеблясь...²²

После этого осталась у Филарета одна корова с теленком, осел и двести пятьдесят ульев с медом. Пришел к Филарету другой нищий и стал умолять его такими словами: «Раб божий! Отдай мне хотя бы одного теленочка! Да начнет мое благополучие с твоего благословения, ибо даяние твое чистосердечно, и когда входит оно в дом, то благословение твое обогащает и приумножает его».

Привел Филарет теленочка и с радостью отдал его нищему; тот привязал и пошел весело своею дорогою. А мать теленочка побежала к дверям хлева с таким громким мычанием, что старцу даже жаль ее стало. Жена его, услышав мычание коровы, почувствовала, что внутри у нее все надрывается, будто она собирается родить; говорит она своему мужу: «Ну, хорошо, детей своих ты не пожалел, но неужели не чувствуешь сострадания к этой плачущей корове? Неужели ты позволишь, чтоб рассталась она со своим родным детенышем? Значит, ты и меня не пожалеешь, ежели я расстанусь с тобой или с детьми родными?» Муж обнял жену свою и благословил ее такими словами: «Да благословит тебя господь за то, что сказала мне верное слово, ибо поистине безжалостен я и немилостив, разлучая теленка с родной матерью; бог прогневается на меня за это. И, побегав вдогонку за нищим, Филарет стал громко кричать ему: «Эй, человек, поворачивай назад теленка, а то мать его плачет у порога моего дома».

Повернул назад бедняк с теленком, думая, что старец, верно, раскаялся, сделав ему такой подарок. А мать, увидав родное дитя, побежала к нему, облизала и стала кормить молоком. Феосева очень была рада, а Филарет сказал бедняку: «Брат мой! Жена моя сказала, что я согрешил, разлучив теленка с матерью; возьми же

его вместе с матерью и иди своею дорогою, и господь «благословит тебя»²³ и приумножит все это стадо».

Так и случилось: с благословения Филарета бедняк тот купил столько быков и так разбогател, что стадо его намного превысило то, которое прежде было у старца. А жена Филарета корила себя такими словами: «Надо же было этому случиться! Не скажи я так, я не лишила бы детей своих матери теленка!»

После этого остался у Филарета единственный осел и ульи; наступил голод, и так как этому человеку нечем было кормить своих детей, то он отправился в дальнюю сторонку и взял в долг шесть модиев пшеницы. Ввалил все на вьючное животное и привез домой. Пока он разгружал его, явился какой-то нищий с просьбою дать ему одну горсть пшеницы; милостивый муж сказал своей жене, просеивавшей пшеницу с помощью своей служанки: «Дайка, жена, этому бедняку один модий пшеницы». Она же в ответ: «Дай модий мне, и детям своим по одному модию, и невестке моей один, столько же моей служанке, и если что останется, раздавай кому хочешь».

Тогда он говорит ей: «Но ты не учла мою долю». Она сказала: «Ты — не человек, ты — ангел, и в пище не нуждаешься; потому что если б ты нуждался в ней, ты не стал бы раздавать направо и налево пшеницу, которую взял в долг и за которой ездил за столько верст». И в сильнейшем гневе на мужа она сказала: «От имени Феосева дай ему два модия!» Старец в ответ: «Благословенна будешь ты у господя!»

Отмерив два модия, Филарет дал их нищему. Жена же сказала ему кислосладким голосом: «Если б я была на твоём месте, я отдала бы бедняку половину всей этой пшеницы». Отмерив еще один модий, Филарет дал его нищему. И так как у него не было мешка, чтоб ссыпать пшеницу, он хотел снять с себя гиматий, но и его не оказалось, ибо был надет один хитон; и бедняк оглядывался кругом, не зная, что делать.

Увидела Феосева, что бедняк в замешательстве и что старец готов помочь ему, и говорит мужу с иронией: «Если бы я была на твоём месте, я дала бы ему и мешочек». Филарет так и сделал. А Феосева, бросив наземь свое сито, поднялась и сказала мужу: «От имени Феосева насыпь ему и второй мешок». Он так и сделал. Приподнял бедняк мешки и, не в силах унести шесть модиев, кричит новому Иову: «Господин мой! Позволь мне оставить здесь часть пшеницы. К себе домой я сперва отнесу четыре модия, ибо сразу все унести не смогу».

Услышав это, Феосева устало говорит мужу: «Дай ему и осла, чтоб этот человек не надорвался». Филарет похвалил ее и, сняв осла и навьючив его, отдал нищему и отпустил его с радостью. При этом он повторял известные в той стране всему народу слова: «Да не будет заботы у нищего: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь»²⁴

Так впроголодь и жила мать со своими детьми, потому что не было у нее ячменной муки, чтоб испечь хлеб и накормить детей своих. Не в силах смотреть, как они голодают, отправилась она по соседям с просьбой дать ей хлеба в долг. Получила она один хлебец, нарвала дикорастущей травы, принесла это своим детям. Вечером они поели и легли спать, а старца не позвали. Отправился и он, нимаго не сетуя, к соседу в дом, поел у него и стал готовиться ко сну, вознося благодарение богу.

Один из архонтов, занимавший должность казначея и бывший ранее другом Филарета, узнал, что тот впал в нищету. И вот из благоговейного чувства к прежней дружбе с Филаретом нагрузил он на четыре мула сорок модиев пшеницы и отправил к нему, написав: «Это тебе на пропитание твое и детей твоих. Когда израсходуешь все, я снова пришлю тебе еще столько же». Старец разгружал мулов, прибывших с пшеницею, и славил бога, не оставляющего тех, кто надеется на него. А жена Филарета сказала мужу: «Дай мне мою долю и детям моим — их долю, а что до тебя, то бери свою и делай с ней, что хочешь». Он ответил: «Как тебе угодно, так и сделаю».

Получили они по пяти модиев. Взял Филарет свою долю и отложил, оставив себе один модий. Когда приходил какой-нибудь нищий, Филарет давал ему от своей доли, и в два дня он все раздал нищим. Наступил час завтрака, и жена Филарета со своими детьми принялась за трапезу. Подошел к ним старец и говорит с улыбкой: «Примете, дети, друга?» Не зная, что делать, они все же посадили его завтракать вместе с собою и спросили: «Ты еще не доставал спрятанного сокровища и не продал его, чтоб сытым быть самому? Или ты отберешь у нас тот хлеб, который дал нам, и съешь его?» Старец ответил: «Очень скоро я достану его».

Вот остались у Филарета одни пчелы,— двести пятьдесят ульев, все полные меда и приносявшие ему доход. Когда приходил к Филарету нищий, он, ничего не имея для подаяния, брал нищего за руку и отводил на пасеку, открывал улей и кормил бедняка медом до тех пор, пока желудок его не насыщался; сам тоже ел вместе с ним. Так поступал он весьма-весьма часто. Кончился и мед—остался лишь один улей. Увидели дети Филарета, что теперь даже меда они поесть не смогут, пошли вечером тайком на пасеку, очистили весь улей и съели мед. Намазав пустой улей воском, они оставили его там, чтоб старец ничего не узнал.

Пришел другой нищий, взял старец его за руку и повел на пасеку, открыв улей, обнаружил, что он пуст. Нимаго этим не обеспокоясь, снял с себя гиматий, отдал его нищему и отпустил его. Когда Филарет возвратился к себе домой, супруга его увидела, что нет на нем рубашки, и сказала: «Господин мой, где же твой хитон? Неужели и его ты отдал какому-нибудь нищему?» Филарет, сделав вид, что удивлен, обратился к сыну: «Сбегай,

дитя мое, на пасеку! Я позабыл там свой гиматий». Сын ушел, и, не найдя гиматия, возвратился с ответом к матери. Она очень опечалилась, так как муж ее вконец был обворован, и, не в силах смотреть на него, едва приодетого, сняла с себя платье, сшила из него мужское и дала мужу.

В это время христоробивая царица Ирина Августа, правившая совместно со своим сыном царем Константином, повелела искать по всей ромейской стране, с востока до запада, самую красивую девушку, на которой предстояло жениться ее царствовавшему сыну. Исходили царские посланники весь запад, юг и север и, не найдя такой девушки, пришли в Понтийскую землю. Ходили они по ней, ходили, и прибыли в срединную часть той земли, в Пафлагонию, в местечко, где жил муж милостивый; называлось то местечко Амния, принадлежало городу Гангры. Увидели царские посланники дом старца,— старинный, громадный и очень славный,—решили, что живет в нем какой-нибудь вельможа, и приказали своим слугам и вестникам войти в этот дом. А старейшины, жившие в том местечке, говорят посланникам: «Не входите, господа, в этот дом, ибо он только снаружи кажется большим и богатым, а внутри он пуст». Царские посланники, решив, что они говорят так по повелению владельца этого дома, который, будучи богат и могуществен, не желает, чтоб они расположились в его доме. Сердясь, сказали они своим слугам: «Отправляйтесь же! Мы войдем в этот дом!» Филарет, истинный страннолюбец и боголюбец, взяв свой посох, вышел из дому навстречу царским посланникам. С большой радостью он приветствовал их такими словами: «Как хорошо, что бог привел моих повелителей к рабу их! Чем заслужил я, что вы удостоили своим посещением жилище нищего?» Ответ Филарет в сторону свою жену и стал ей приказывать: «Приготовь, жена, для нас ужин хороший, чтоб не пришлось нам краснеть пред такими мужами». Она же говорит ему: «Ты так хорошо вел свое хозяйство, что даже ни одной курицы у меня не осталось: вари вот теперь дику траву и подавай ее царским посланникам». Муж ей в ответ: «Ты только разведи огонь и приберись в большом триклинии; отмой старинный наш стол из слоновой кости, и бог пошлет нам что-нибудь поесть». Так она и сделала.

И вот старейшины той страны вошли в дом милостивого старца через боковую дверь и принесли ему и баранов, и ягнят, и кур, и голубей, и вина отменного,— одним словом, все необходимое. Жена Филарета приготовила из всего этого самые вкусные кушанья, как бывало прежде, когда они были богаты. Накрыли стол в большом триклинии. Царские посланники вошли и увидели очень красивый триклиний и старинный круглый стол из слоновой кости, украшенный золотом,— такой большой, что за ним могли поместиться тридцать шесть сотрапезников. Увидели они и блюда, стоявшие на нем, словно на каком-либо царском столе, увидели и хозяина, похожего на священнослужителя и очень приветливого; по-

истинне он похож был на Авраама не только своим страннопримством²⁵, но даже и внешностью своею; возрадовались царские посланники. Пока они садились за трапезу, вошел сын старца, по имени Иоанн, весьма славный: был он в возрасте Саула, с волосами, как у Авессалома²⁶, красив, как Иосиф²⁷. Вошли и другие потомки Филарета, сыновья сыновей его, числом семеро, все необычайно красивые; взглянули на них царские посланники и поразились их красотой. Обращаются они к милостивому старцу: «Есть ли у тебя, славный старец, жена?» Он в ответ: «О да, мои повелители, есть, а эти отроки — дети мои и внуки». Посланники говорят ему: «Пусть выйдет к нам жена твоя и поприветствует нас».

Услыхала это жена Филарета, вышла к мужам. Она тоже была славная и очень красива собою: во всей Понтийской стране не нашлось бы ей равной. Увидели царские посланники ее необычайную красоту, — а ведь и Филарет, и жена его были в преклонном возрасте, — и спрашивают их: «Есть ли у вас дочери?» Старец ответил: «Есть у меня две дочери, матери тех отроков, которых вы видите». Посланники говорят тогда: «У этих отроков есть, несомненно, и сестры?» Старец ответил: «Есть у моей старшей дочери три девочки». Посланники говорят: «Пусть же те девицы войдут сюда, мы посмотрим на них — так велит боговдохновенный приказ венчаных богом великих царей наших. Ибо так повелели они нам, недостоинным рабам своим, чтоб никогда и нигде в стране ромеев не утаилась от нас ни одна девица, на которую бы мы не взглянули».

Старец говорит царским посланникам: «Мои повелители! Давайте есть и пить то, что послал нам бог, и будем веселиться! Вы устали с дальней дороги, предайтесь же беззаботному сну, а завтра да будет все по воле божией». Так они и сделали.

А наутро, как только поднялись царские посланники, тотчас с большой поспешностью послали за девицами. Но старец сказал им: «Мои повелители! Бедны мы, и потому дочери мои никогда еще не выходили из своих покоев. И только потому, что вы, властители мои, так повелеваете, я разрешаю вам войти в их покои и взглянуть на них».

Мужи поспешно поднялись со своих мест, вошли в те покои, где встретили их дочери старца со своими дочерьми. Увидели они необычайную красоту матерей и дочерей их, — что даже в простых нарядах они затмили бы своей красотой любую женщину, — были радостно поражены и, не в силах отличить матерей от дочерей, — по красоте своей они равны были, — спрашивают старца: «Кто же из них твои дочери, а кто — твои внуки?»

Он отделил тех и других и тотчас, по царской мерке, измерили они рост старшей внучки и нашли, что он соответствует условиям; осмотрели ее грудь, и нашли, что она также хороша; измерили ее ножку — и она совпала с заданной меркой. В превеликой радости собрались они в путь вместе с матерью, старцем и всей

своей семьей и, радуясь, отправились в Византий — было их всех тридцать человек...²⁸

Были отобраны еще десять других девушек; всех вместе повели их к царю.

Внучка Филарета Милостивого подозвала к себе своих сестер и сказала: «Давайте, сестры, заключим между собою соглашение, которое называется союзом сестер: чтобы та из нас, что станет царицей, заботилась бы и об остальных сестрах». А дочь Геронтиана, очень богатая и лицом красивая, надменно отвечала ей: «Что до меня, то я хорошо знаю, что я и богаче, и благороднее, и прекраснее вас, и что царь выберет именно меня».

Когда они прибыли в Византий, то царские посланники первой ввели дочь Геронтиана к Ставракию — он был правою рукою правителей и всем распоряжался во дворце. Взглянув на нее, царь и царица, матушка его, сказали ей: «Ты мила и очаровательна, но не создана для царя».

Одарив ее дарами, отпустили. Точно так же осмотрели они одну за другой остальных девушек, и ни одна им не понравилась; одарив их дарами, отпустили их.

Самой последней изо всех вошла дочь милостивого старца со своими тремя дочерьми. Взглянув на них, царь, матушка его и Ставракий — первое лицо при дворе — поразились их красотой и восхитились их нарядами, благоразумием и изяществом поступи. И тотчас царь обвенчался со старшей дочерью, а со второй обвенчался один из вельмож царя, патрикий, по имени Константинакий, славный и весьма приятный лицом. Что касается третьей дочери, то царь лангобардов, по имени Аргус, направил к царю Константину послов с многочисленными дарами, прося ее в жены. Так и свершилось: приняв дары и искательство Аргуса, царь отправил ее с превеликим почетом и с богатым приданым.

Сыграли свадьбу, и царь, радуясь такому союзу, повелел созвать на пир всех до единого родных своей супруги, чтоб приветствовать их и воздать им честь. Когда все собрались, царь приветствовал их и, благоговей пред родней супруги своей, — ибо все они отличались красотой, — каждого, когда встали из-за стола, одарил своими щедротами — от мала до велика: деньгами, одеждой, серебром и золотом, драгоценными вещами из камней драгоценных — изумрудов, сапфиров, жемчуга. Царь дал им большие дома близ дворца и отпустил с миром. Принесли все это они к себе домой и забыли приставать к старцу по поводу имевшегося у них некогда сокровища, про которое он говорил, что спрятал. Но старец не забыл этого: собрав всех, сказал им: «Завтра устройте здесь превосходный обед, на который мы пригласим царя, патрикия и весь синклит²⁹, чтобы к моему возвращению из дворца все было готово». Они подумали, что Филарет и вправду хочет пригласить царя, своего зятя, и приготовили превосходный обед.

Еще не кончилась ночь, когда старец направился ко дворцу,

а на обратном пути, пока шел он от дворца к себе домой, он созывал всех нищих, сколько ни находил их под портиками. Собрал он их сто человек — прокаженных, кривых, хромых, изувеченных и привел в свой дом. Сам первый вошел в дом и сказал: «Прибыл царь с патриkiem и со всем синклитом, а также те, кого мы не ждали и не приглашали, тоже оказались здесь».

Среди хозяев поднялся страшный шум и замешательство из-за большого числа прибывших на пиршество. А нищие вошли и сели за стол. Видя, что происходит, родственники Филарета стали между собою перешептываться: «А старец-то и теперь не позабыл прежнего обычая, но мы достигли такого положения, что он не сможет повергнуть нас в нищету, если даже захочет».

Старец же, сев за стол вместе с нищими, повелел сыну своему, ставшему спафарием при манглабите³⁰, а также внукам своим и брату царицы, который исполнял ту же должность, стоять близ стола и оказывать услуги, словно истинному царю царей.

Игнатий (VIII—IX вв.)

Сложная и незаурядная личность Игнатия, сначала диакона Софийского собора в Константинополе, а затем митрополита Никейского, весьма характерна для времени второго периода иконоборческого движения. Даты его жизни точно неизвестны, но, судя по его произведениям, большая часть сознательной жизни его падает на тот период, когда иконоборческое движение приобрело особую остроту. Игнатий не мог не откликнуться на волновавшие всех события того времени: в борьбе противников со сторонниками почитания икон сначала он встал на сторону первых, но потом раскаялся и перешел на сторону иконопочитателей. Трудов Игнатия-иконоборца не сохранилось, за исключением нескольких стихотворений, цитируемых Феодором Студийским; в нашем распоряжении лишь та часть литературного наследия Игнатия, которая отражает его взгляды как иконопочитателя. Это литературное наследие довольно обширно, и, главное, очень разнообразно по жанровому содержанию.

Получив блестящее образование, Игнатий стал «грамматиком»; его учителями были образованнейшие люди того времени — патриархи Тарасий и Никифор; Игнатий стал известным писателем, обладавшим к тому же и значительным поэтическим даром. Его перу принадлежит драматическая поэма о грехопадении Адама и Евы — возможно, первый прообраз «Потерянного рая» Мильтона; в то время это был первый образец драмы-мистерии, нашедший более широкое распространение в последующие века. Далее Игнатий переложил многие басни Эзопа на стихи в форме ямбических четверостиший, придав им нередко мораль, отличную от морали Эзола. Их необыкновенная краткость свидетельствует о редкостном умении автора предельно четко и ясно выразить подчас очень значительное содержание. Басни в его переложении пользовались большой популярностью в последующие столетия. «Ямбы на Фому Славянина», надгробные элегии, несколько канонов также принадлежат перу Игнатия.

Как прозаик Игнатий знаменит, главным образом, своими агиографическими произведениями. Они очень тесно связаны с его личной судьбой и написаны в самые различные периоды его литературной деятельности; особенно интересно в этом отношении написанное в ранний период жизни Георгия Амастридского, где автор признается в своей неопытности по части искусства описания жизни святого; зато оно ярко свидетельствует о прекрасной риторской выучке Игнатия. Исторические и бытовые описания преподнесены в крайне изощренной форме, со множеством стилистических украшений, риторических вопросов, восклицаний, правоучительных сентенций от лица автора, со множеством цитат из классических авторов и священного Писания. Синтаксическое

построение нарочито удлиненных фраз крайне сложно; это дает основание думать, что житие было рассчитано не на широкую читающую публику, а на образованную часть византийского общества того времени.

ЖИТИЕ И ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СВЯТОГО ОЦА НАШЕГО И ЧУДОТВОРЦА ГЕОРГИЯ, АРХИЕПИСКОПА АМАСТРИДСКОГО¹

И. ВСТУПЛЕНИЕ

1. Наставники допускают своих питомцев к гимнастическим соревнованиям лишь после того, как в предварительных упражнениях те обнаружат физические способности, соответствующие испытанию. А нас, не успевших приобрести никакого опыта и совершенно не запасшихся чем-либо достойным для настоящего состязания, духовные подвигоположники толкают на арену слова. И по указанным причинам у нас много было оснований для колебания: ибо и уступить речам побуждающих было опасно, и упражняться в молчании значило бы только продлить испытание. Одно выглядело бы дерзостью, ибо все, на что решаешься сверх надлежащего, исполнено дерзости; другое возбудило бы подозрение в пренебрежении. Таким образом мы объяснили положение дела, как оно представляется на истинный взгляд.

Но и при выборе из того, чего следует избегать, должно предпочитать легчайшее зло; а дерзновение представляется, пожалуй, меньшей опасностью, чем небрежение. Первое внушается иногда одушевленную ревностью и возникает от пламенного желания, а второе есть признак души ленивой и близкой к отчаянию. На основании того, что следует из того и другого, сочтя предпочтительным говорить, мы спешим приступить к самой словесной борьбе, но чтобы дело это не показалось недостойным такого рвения, мы вспомним сначала сотворившего слово, который производит речь, открывая нам уста.

А чтобы длинное, написанное для благообразного оправдания, предисловие не послужило причиной скуки для слушателей, желающих как можно скорее услышать рассказ, мы от этих словесных извивов перейдем как можно скорее к предмету нашего желания и вкратце, как бы в виде оглавления припомним деяния святого, доставим удовольствие присутствующим и сделаем их более внимательными к последующим частям повествования.

Кто же не знает этого великого и поистине небесного злака этой ветви и отпрыска истинного винограда², сего божественного Георгия, слава которого разносилась от края до края, чудеса кото-

рого многочисленны, а подвиги еще многочисленнее? Он был угоден царям ради своего пророческого дара, и был уважаем сановниками ради необычайности чудотворения; патриархам он был известен до своего священства блеском своей добродетели, для всех прежде испытания был почтенным и желанным, образец подвижников, украшение иереев и опора мирян; он был страшен для врагов и дорог для своих, помощник для находящихся в опасности, доставляющий ободрение для бедствующих, врач для страждущих какою бы то ни было болезнью, исцеление и прибежище для грешных и образец смирения, весы справедливости; «всем вся, да всех (или весьма многих) приобрящет», по известному благоизречению Павла³, он направлял своими указаниями на путь наилучший. Но после того, как этому краткому изложению наступил обещанный конец, и вы можете из самого прикосновения к краю одежды догадаться о целой ткани, я приступаю с божией благодарностью к повествованию⁴.

II. КОНЧИНА ГЕОРГИЯ

39. Он превзошел отцов, прославившихся в деле пастырства. Ибо кто, как он, умел собрать рассеянное и отыскать погибшее, исправить хромающее, исцелить болящее? Одних он сохранял невредимыми посредством предохраняющих лекарств, других — посредством очищающих, всего менее прибегая к розгам посредством слова, исправляя всего более примером, чем словом. О, как он изгонял человеконенавидение и вместо того вводил своим высоким смирением человеколюбие! Изгнав вместе с сребролюбием всякое любостяжание, он вместо того утверждал нестяжательность и сострадание. Он всех соединял узами справедливости и приучал украшаться целомудрием; всех прекрасно воспитывал в мужестве, приучая мужественно ополчаться против незримых врагов. Ибо нет ничего столь сильно побуждающего к приобретению добродетели людей подвластных, чем деятельный пример образа жизни начальствующих.

40. Но так как он был человек и ему следовало исполнить требования природы, т. е. отрешить от себя матерню, переселиться в лучшую страну, надеть за благочестие победные венцы, в состоянии чистоты пребывая с богом, то он подвергся смертному недугу; и при этом он совсем не был в неведении о наступлении конца, но ожидал его с радостью, воздавая благодарность связавшему и устроившему освобождение от тленной части посредством разделения, а также могущему по своим законам опять связать тело с душою там, выше. И вот он разлучается с внешним покровом за два дня до десятого месяца Дистра⁵, и его обоготворенная посредством умерщвления желаний душа возвращается к богу в самую высь. И можно было видеть собрание царей и архиереев, слезы и неутешный плач властителей и подвластных; одни оплакивали в

нем образец для хорошего управления, другие — для доброго повиновения властям. И вот он предается боголепно погребению руками иереев, и думают о нем, что он для архиереев — архиерей, для апостолов — ученик, для пророков — зрящий будущее, для мучеников — ежедневно умерщвляемый в сознании ради Христа.

41. Его скрывают во гробе как человека, но, как подобает святому, его не прикрывает забвение, он боголепно сияет чудесами — так, как мы это сейчас покажем, из многого взяв немного, ибо мы не будем пытаться все объяснить словом. Сколько было одержимых нечистыми духами, которые освободились от демонов одним прикосновением к его гробнице; или расслабленных членами и принесенных к нему на носилках, которые возвратились домой укрепленные на собственных ногах; или лишившихся зрения и водимых другими, которые опять получили способность видеть, освободившись от глубокой ночи! Если бы мы вздумали перечислять, то мы или малым сосудом вздумали бы измерить море или определить количество песку морского или исчислить расстояние от земли до неба. Но согласно с известным изречением, что лев узнается по когтям, мы покажем его дерзновение и близость к богу — и после разлучения со здешнею жизнью — на самом деле, упомянув об одном или двух из его чудес, и затем окончив речь свою.

42. Был сильный дождь, способный покрыть всех когда-либо существовавших множеством вод, который казался, можно сказать, вторым потоком: наводнялись горы, плавали в воде долины; дома, храмы были полны водою; отчасти текущая сверху через крышу, отчасти проникающая снизу через двери, вода наполнила все; город вследствие напора волн со всех сторон как бы плавал в море, колебался в своих основаниях и угрожал разрушением, если бы только высший промысел, все обращающий на пользу, сверкающий мечом наказания, однако не опускающий удара, а открывающий нам путь покаяния, не остановил течения и не даровал спасения по молитвам святого, как это показало чудо, совершившееся в его гробнице. Когда храм наполнился водою, то эта вода совершенно не приближалась ко гробу святого, но тот, кто разделил Красное море и рассек Иордан, сам и тогда чудодействовал чрез своего раба; и можно было видеть, как влажная и жидкая стихия превратилась в нечто совсем противоположное, и стала по ту и другую сторону гроба, как некая твердая и неподвижная стена, так что гробницы не коснулась даже ни малейшая сырость. Поистине чуден бог в святых делах его, творящий чудесное и ужасное сверх всякого слова и силы!

III. НАШЕСТВИЕ РУСИ⁶

44. Пастырь добрый⁷ не был при своей плоти, а духом пребывал с богом, и в непостижимых судах его читая, как посвященный, лицом к лицу, медала с заступничеством и откладывал помощь.

Но он не мог совершенно не заметить этого⁸, и вот он и здесь чудодействует не меньше, чем в иных случаях. Когда чужеземцы вошли во храм и увидели гробницу, они воображали, что тут сокровище; действительно, это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать его, они почувствовали себя расслабленными в руках, расслабленными в ногах, связанными невидимыми узами; совершенно неподвижные, жалкие, в полном изумлении и страхе, они ничего иного не могли сделать, как только кричать.

45. А их предводитель, увидев необычайное явление, тоже исполнился страха и ужаса и, приказав подвести к нему одного из захваченных в плен, стал спрашивать его, что означает случившееся и какого бога эта сила, и что такое здесь закопано, и каким образом пострадали воины.

Тот отвечает: «Это сила бога, все приведшего из небытия в бытие и творящего все ему угодное, чему никто не может противостоять — ни царь, ни тиран, ни князь, ни варвар, ни кто-либо иной, кого только ты можешь назвать, ни даже целый народ. Ибо через него цари царствуют и властители владеют землею».

«Что же, — отвечает варвар, — разве мы каждый день не приносим жертвы богам, устраивая алтари и возлияния?» «Но, послушай, это совсем не истинные боги, которыми вы совершаете возлияния; не такие жертвы угодны нашему богу; ни в чем не нуждается тот, кто над всеми владевает». «А существует ли какая другая жертва, которая обрадовала бы вашего бога? И как нуждающийся в ней может считаться ни в чем не имеющим нужды?» «Сам он ни в чем не нуждается, но, будучи благим, принимает благие деяния, которые приносят ему от чистого помышления. Кто же явился чистым пред ним своими благими делами, тот удостоивается от него величайшей чести — и при жизни и по смерти». «А какая это честь?» — спрашивает варварский князь. «Что бы ни захотел кто-либо творить во имя его — благодетельствовать почитающим эти дела и останавливать тех, кто осмеливается не воздавать им чести. Вследствие этого и твои воины, как видишь, дерзнувшие раскопать этот гроб, были наказаны: так как прикосновение нечистых рук варварских было оскорблением лежащему в нем, то по своему дерзновению перед богом он связал руки и ноги их. И если хочешь узнать, что все это истина, принеси ему дары, умиловитив чрез посредство нас, христиан, и люди твой освобожденные будут от обрушившихся на них напастей». «А какими дарами, — спрашивает тот, — можно ему угодить и какие приношения он принимает?» «Елей и воск, как это обычно у христиан, да еще освобождение пленных, и сохранение почтения к храмам. Если все это захочешь сотворить и соблюсти, то увидишь своих воинов здоровыми, как прежде».

46. Варвар, пораженный этим, обещал все сделать как можно скорее. Дав вольность и свободу христианам, он поручил им ходатайство пред богом и пред святым. И вот устраивается щедрое воз-

жение светильников, и всеночное стояние, и песнопение; варвары освобождаются от гнева, ниспосланного богом, устраивается некоторое примирение их с христианами, устанавливается согласие, и варвары уже более не оскорбляли святых, не попирали божественных жертвенников, уже не отнимали более нечестивыми руками божественных сокровищ, уже не оскверняли храмов кровию. Один гроб был достаточно силен для того, чтоб обличить безумие варваров, прекратить всякое смертоубийство, остановить зверство, привести свирепых волков к кротости овец и заставить тех, кто поклонялся рощам и лугам, уважать божественные храмы.

«Эзоповы басни» Бабрия
в ямбических четверостишиях

1

Льва человек топтал в картине каменной.
«Вот наша сила!»— говорит прохожий льву.
Но тот в ответ: «А будь у львов художники,—
Здесь человек бы оказался попраным».

8

Под смех рабочих мышь несла из кузницы
Другую мышь, от голода издохшую,
И так сказала: «Следовало плакать бы,
Что даже мышь вы прокормить не можете».

15

Ел ворон сыр; лиса хитрить пустилася:
«Будь голос у тебя— ты стал великим бы!»
Закаркал глупый, сыр из клюва выронив;
А та: «Есть голос у тебя, да мозгу нет».

19

Осел надел на плечи шкуру львиную
И пастухам прохожим говорит: «Я — лев!»
Но чуть узнали люди, кто под шкурою,—
И живо он свою припомнил мельницу.

22

В большом сраженье меж зверьми и птицами
Ливийский страус, попадая в плен к врагам,
Зверям назвался зверем, птицам — птицею,
И показал тем — ноги, этим — голову.

23

Лисица, видя гроздь в винограднике,
Под ними долго прыгала, измучилась
И прочь пошла, а про себя промолвила:
«Напрасный труд: они еще зеленые!»

Орел, стрелою в грудь смертельно раненный,
Страдал, роняя в муке слезы горькие,
И молвил, видя перья на конце стрелы:
«Увы! Разит перо меня, пернатого».

28

Трусливый ловчий пастуха расспрашивал:
«Скажи, ты не видал ли следа львиного?»
А тот: «Видал и льва я, он поблизости».
«Нет, нет,— сказал охотник,— льва не надо мне».

29

Чужими галка перьями украсившись,
Уже кичилась красотой над птицами,
Но общипали птицы (первой — ласточка)
Свое добро, оставив галку голою.

41

С лисою и ослом делил добычу лев.
«Вот эту треть,— сказал он,— как ловец, беру;
Вторую треть беру себе как царь зверей;
А третьей кто коснется, сам поплатится».

42

Бык лягушонка раздавил копытами.
«Таков ли был он?» — мать спросила в ярости.
Но дети ей в ответ: «Ты лопнешь, матушка,
И все же с этим зверем не сравняешься».

46

В стрельбе тягался Аполлон с отцом своим,
Напряг он тетиву и вдаль пустил стрелу.
А Зевс, единый шаг шагнув, догнал ее
И спрашивает: «Где ж тут мне стрелять, мой сын?»

52

Однажды звездочет, следя за звездами,
В колодец провалился. И сказал ему
Прохожий, услышав его стенания:
«Наря умом, что ж не смотрел ты под ноги?»

57

Осел с мешками соли через реку шел,
Упал, а груз растаял и полегче стал.
Пошел вторично, нагруженный губками,
Упал нарочно и, увы, пошел ко дну.

Иоанн Дамаскин

(вторая половина VII в. — около 753 г.)

Иоанн Дамаскин — философ, полемист, поэт. Он родился и долгое время жил в Дамаске, находившемся под властью сарацин, занимая пост градоначальника Дамаска и первого министра халифа при его дворе. Когда византийский император Лев III Исавр (717—741 г.) издал в 726 г. первый указ, запрещающий почитание икон, Иоанн встал на защиту иконопочитателей; он выступал против императора-иконоборца и в устных проповедях, и в письменных посланиях. Это не понравилось Льву, и он решил уничтожить Иоанна: направил халифу подложное письмо, написанное будто бы рукой Иоанна, в котором сообщалось, что градоначальник Дамаска намерен предать свой город византийскому императору. Халиф жестоко наказал Иоанна, приказав отрубить ему правую руку, но потом, узнав правду, снял с него обвинение и просил остаться при дворе. Но Иоанн не согласился и удалился в иерусалимский монастырь Саввы Пресвященного, где жил до самой смерти. Там он написал много церковных песнопений (в том числе 64 канона), в которых ярко сказался его поэтический дар, за который он был прозван «Златоструйный». Современники Иоанна и потомки на протяжении многих веков считали его поэтические произведения лучшими образцами церковных песнопений, а Карл Великий приказал ввести октоих Иоанна в богослужение западной церкви.

В монастыре Иоанн написал несколько философско-богословских сочинений, главное из которых — «Источник знания». Для своего времени это была попытка сделать полный свод наук, включая, разумеется, и богословие; в этом обширном сочинении Иоанн, по его собственным словам (гл. 1), не намерен отбрасывать «умений языческих мудрецов», в надежде и у них найти «что-либо пригодное и душеполезное». Действительно, в первой части трактата Иоанн довольно точно воспроизводит свои главные источники — части из трактатов Аристотеля и Порфирия; лишь иногда он вносит в них более или менее значительные изменения и дополнения с целью более удобного перехода к изложению христианских догм. Так, вместо аристотелевского разделения субстанции на первую и вторую он вводит термины «ипостась» и «индивид». Интересны его рассуждения о грамматических и логических категориях — о сказуемом (гл. 16), о термине,сылке и силлогизме (гл. 64). При построении богословских рассуждений Иоанн не случайно придает огромное значение логике; именно логика, по мнению Иоанна, должна составить основу догматики, так же, как она легла в основу философии языческой, и особенно поздней языческой. Эту мысль развивали позднейшие теоретики христианского богословия, особенно западные.

Обширный труд Иоанна состоит из трех частей: 1) «Философские главы»; 2) «О ересях»; 3) «Точное изложение православной веры». Стиль автора, несмотря на сложные абстрактно-философские темы, необыкновенно прост: образные сравнения, использованные в весьма умеренном количестве, общенародная основа языка — большие литературные достоинства труда Иоанна — способствовали популярности его как в Византии, так и за ее пределами: Иоанн Болгарский уже в X в. перевел первую и вторую части этого сочинения на славянский язык.

ИСТОЧНИК ЗНАНИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ «ФИЛОСОФСКИХ ГЛАВ»

Глава I. О знании

Ничего нет дороже знания, ибо знание есть свет разумной души; напротив, незнание — тьма. Подобно тому, как отсутствие света есть тьма, так и отсутствие знания есть тьма разума. Ибо незнание свойственно существам неразумным, а знание — разумным. Поэтому всякий, кто от природы способен к приобретению знания и к пониманию, но не приобрел его, тот, хотя от природы и разумен, но из-за нерадивости и душевной слабости хуже существ неразумных. Под знанием я разумею истинное знание сущего, ибо любое знание касается сущего.

Ложное знание, будучи как бы знанием не сущего, — скорее незнание, нежели знание. Ибо ложь есть не что иное, как не сущее. А так как мы живем не одной душою, но душа наша сокрыта плотью, словно завесою, и имеет нечто вроде ока — видящий и познающий ум, воспринимающий знание и понимание сущего, то душа имеет знание и понимание не сама по себе, а ей необходим для этого наставник; приступим же к неотложному наставнику — истине¹.

Глава II. Какова цель этого сочинения?

В силу того, что всякий, без цели принимающийся за дело, словно во тьме блуждает, и так как работающий без цели нищенствует во всем, мы прежде всего скажем о поставленной нами в этом сочинении цели, чтобы содержание его легче усваивалось. Итак, цель наша заключается в том, чтобы, начав с философии, кратко предначертать в настоящей книге по возможности всякого рода знания. Поэтому назовем ее «Источником знания». Следовательно, я ничего не скажу своего: я только изложу все вместе собранным то, что порознь говорили божественные и мудрые мужи. Итак, прежде всего лучше доподлинно узнать, что есть философия.

Глава III. О философии

Философия есть знание сущего как такового, т. е. знание природы сущего. Иными словами, философия есть знание божественных и человеческих вещей, т. е. и видимых и невидимых. В то время философия есть забота о смерти, как произвольной, так и естественной. Ибо жизнь бывает двух видов: естественная, которой мы живем, и произвольная, через которую мы страстно привязываемся к настоящей жизни. Двух видов бывает и смерть: естественная, когда душа отделяется от тела, и произвольная, когда мы, пренебрегая настоящей жизнью, стремимся к будущей. С другой стороны, философия есть уподоблению богу. Уподобляемся же мы богу через мудрость, т. е. через истинное знание добра, а также через справедливость, которая есть равное воздаяние и нелицеприятное суждение; и, наконец, через святость, которая выше справедливости, т. е. через добро как благодеяние обидчикам.

Философия есть искусство искусств и наука наук, ибо философия есть начало всякого искусства. Ведь при ее посредстве изобретено всякое искусство и всякая наука; искусство, по мнению некоторых, кое в чем погрешает; наука же не погрешает ни в чем, и одна философия безгрешна. По мнению других, искусство есть то, что осуществляется посредством рук; наука же—всякое умственное искусство: грамматика, риторика и тому подобное. Кроме того, философия есть любовь к мудрости; истинная же мудрость есть бог; поэтому любовь к богу есть истинная философия².

Философия разделяется на теоретическую и практическую; теоретическая — на богословие, физиологию и математику; практическая — на этику, экономику, политику.

Теоретическая философия украшает знание. При этом богословию свойственно рассматривать бестелесное и невещественное: прежде всего — бога, поистине невещественного, затем ангелов и души. Физиология есть знание вещественного и непосредственно нам доступного, т. е. животных, растений, камней и тому подобного. Математика есть знание того, что само по себе бестелесно, но что тем не менее можно наблюдать в телах: я имею в виду числа и гармонию звуков, а кроме того, — фигуры и движение светил; при этом рассмотрение чисел составляет науку арифметику, рассмотрение звуков — музыку, фигур — геометрию, светил — астрономию. Все это занимает среднее место между вещами телесными и бестелесными. Действительно, число само по себе бестелесно, но рассматривается по отношению к веществу, например: к хлебу, вину или чему-либо подобному.

Практическая философия касается добродетелей, так как упорядочивает нравы и учит, какой вести образ жизни; при этом, если она предлагает законы одному человеку, то называется этикой; если целому хозяйству — экономикой; если городам и странам — политикой.

Некоторые пытались устранить философию, говоря, что нет ни ее, ни какого-либо знания, или понимания. Таких мы спросим: почему вы говорите, что нет философии, знания, понимания? Потому, что вы это знаете и понимаете, или потому, что не знаете и не понимаете? Если потому, что понимаете — то вот вам знание и понимание; а если потому, что не знаете, — никто вам не поверит, ибо вы рассуждаете о предмете, не познав его...

Глава V. О звуке

Так как мы задались целью рассуждать о всяком звуке в чисто философском смысле, то нам необходимо прежде узнать, с каким звуком философия имеет дело. Начиная свою речь с рассмотрения звука, мы говорим: звук бывает или значащий, или незначащий: незначащий — тот, который ничего не обозначает; значащий — тот, который что-нибудь обозначает. Далее, незначащий звук, в свою очередь, бывает или нечленораздельный или членораздельный. Нечленораздельный — тот, который не может быть написан; а членораздельный — тот, который может быть написан; итак, звук бывает нечленораздельный и незначащий, например, тот, который производится камнем или деревом; ведь его ни записать нельзя, и ничего он не обозначает. Бывает незначащий и членораздельный, например, скиндапс³. Ведь записать его можно, но он ничего не обозначает; скиндапса не было и нет. Философия не занимается незначащими звуками, будь он нечленораздельный или членораздельный.

Значащий звук также бывает или членораздельным или нечленораздельным. Нечленораздельный звук бывает значащим, как например, лай собаки: он обозначает собаку, потому что есть голос собаки. Обозначает он и чье-то присутствие, но он нечленоразделен, а потому и не пишется. Этим звуком философия также не занимается. Членораздельный значащий звук бывает или общим, или частным: общий — например, человек; частный — Петр, Павел. Но и частным звуком философия не занимается, а занимается значащим, членораздельным, общим, всеобъемлющим, — в том смысле, что относится ко многим предметам.

Этот звук, в свою очередь, бывает или существенным, или прилагательным к сущности. Существенный тот, который раскрывает субстанцию, т. е. природу вещей. Прилагательный к сущности тот, который выражает случайный признак⁴; например, человек — разумное смертное животное. Все это существенно, ибо если что-нибудь из этого отнимешь у человека, он не будет человеком. И если скажешь, что он не животное, то он уже и не человек; и если скажешь, что он не разумен, то он — не человек; точно так же, если скажешь, что он не смертен, он — не человек; ибо всякий человек — животное разумное и смертное.

Вот потому-то эти звуки и называются существенными, что они и выражают природу человека, и человек без них не может существовать. Точно так же и в каждой вещи существенным называется то, что составляет ее природу; прилагаемое же к сущности есть тот случайный признак, который может быть в подлежащем, например, в человеке, в лошади или в чем-либо ином, а может и не быть; например, белое. Ведь будь кто-либо белым, или черным, тем не менее он останется человеком.

Глава IX. О роде

В отношении омонимов следует искать ответ на три вопроса: омонимы ли это? Сколько предметов ими обозначается? И о каком из них идет речь? Но прежде следует сказать, что такое омоним. Омоним бывает тогда, когда два или более предметов имеют одно название, и каждый из них означает нечто иное, имеет иную природу, т. е. принимает отличное от другого определение; так в данном случае обстоит дело в отношении рода, ибо род относится к числу омонимов. Во-первых, род означает происхождение из определенного отечества и от определенного родителя; и в том и в другом случае в двух смыслах: либо близко, либо далеко. Происходящий из близкого отечества, например, из Иерусалима, называется иерусалимлянином, а из далекого, например, из Палестины, палестинянином. Точно так же происходящий от близкого родителя — когда, например, Ахилл, бывший сыном Пелея, называется Пелидом. А происходящий от отдаленного предка, — когда, например, тот же Ахилл по деду Эаку называется Эакидом, ибо Эак был отцом Пелея.

Далее, родом называется отношение родоначальника ко многим происшедшим от него людям: например, все ведущие свое происхождение от Израиля называются израильтянами. Но указанными значениями слова «род» философы не занимаются.

Далее, родом называется то, чему соподчинен вид. Например, животному соподчинен человек, лошадь и другие виды. Следовательно, животное есть род. Этим-то родом и занимаются философы. Определяя его, говорим: род есть то, что включает в себя много предметов, различающихся по виду, и можно спросить: что есть предмет? Например, животное — род — содержит вопрос: что есть предмет? — и включает в себя человека, лошадь, быка и много иных существ, различающихся между собою по виду. В самом деле, у человека — свой вид, у лошади — свой, у быка — свой. О роде можно спросить: что есть предмет? В самом деле, на вопрос, что есть человек, отвечаем: животное. Точно так же и в отношении лошади: на вопрос — что есть лошадь? Говорим: животное. Таким образом, род есть то, чему соподчинен вид (и снова: род есть то, что разделяется на виды). Т. е. род разделяется на виды, является более общим, нежели вид, обнимает виды и есть высшее в сравнении с ним понятие.

Глава XV. О сказуемом

Всякое сказуемое или шире подлежащего, или равно ему; уже подлежащего оно никогда не бывает. Шире оно бывает тогда, когда более общее высказывается о менее общем; более общими являются высшие понятия, менее общими — низшие. Самое общее из всех понятий есть сущее, поэтому оно и высказывается обо всем. В самом деле, и субстанция называется сущим, и акциденция называется сущим. Но мы не можем сказать, что сущее есть субстанция; ибо не только субстанция есть сущее, но и акциденция. Равным образом и роды высказываются о видах, так как роды более общи; виды же не высказываются об их родах; виды менее общи, нежели роды, поэтому субстанция высказывается о животном, а животное о человеке. Ведь животное есть субстанция, и человек есть животное. Но эти суждения не допускают обращения: ведь всякий человек есть животное, но не всякое животное — человек. И лошадь, и собака — животные; но не всякая субстанция есть животное. В самом деле, камень или дерево — субстанция, но они — не животные. Подобным же образом и вид служит сказуемым к обнимаемым им индивидам, т. е. ипостасям, так как вид является более общим. Но индивид, или ипостась, не говорит о виде, ибо ипостась имеет меньшую общность, нежели вид. Итак, Петр есть человек и Павел есть человек; но не всякий человек — Петр или Павел: ведь есть и другие ипостаси, объединенные видом, к которому относится человек.

Различия также служат сказуемым к видам, которым они принадлежат, и к индивидам этих видов, ибо различия более общи, нежели виды. Так и «разумное» имеет большую общность, нежели вид «человек»: ведь всякий человек разумен, но не всякое разумное существо — человек; ангел разумен, но не человек. Таким бывает сказуемое, когда оно шире подлежащего.

Сказуемое равно подлежащему, когда оно допускает обращение. Так, свойства служат сказуемым к видам, которым они принадлежат, и виды служат сказуемым своим свойствам. Ведь всякий человек обладает способностью смеяться, и всякий, обладающий способностью смеяться, есть человек. Ибо хотя и говорят про обезьяну, что она смеется, однако она смеется не сердцем, а лишь своим наружным видом, ибо она — животное подражательное. Таким образом, когда род служит сказуемым к виду, различие к виду, вид — к индивиду, то сказуемое шире подлежащего. Когда же сказуемое есть свойства, то оно равно подлежащему. Такое сказуемое называется чисто обращаемым и допускающим взаимное с подлежащим предикатирование.

Глава XVI. О сказуемом синонимическом и омонимическом

Сказуемое бывает синонимическим тогда, когда подлежащее принимает и название, и определение самого имени. Например, животное есть сказуемое по отношению к человеку, и человек принимает как название, так и определение животного. В самом деле, животное есть субстанция одушевленная, чувствующая, и человек принимает это определение; ибо человек есть субстанция одушевленная и чувствующая.

Сказуемое бывает омонимическим тогда, когда подлежащее принимает название, а определения—никогда, как, например, изображение человека принимает название человека, а определения человека не принимает. В самом деле, определение человека таково: животное, разумное, смертное, способное к разумению и познанию. Напротив, изображение и не животное (ибо оно не одушевлено), и не разумно, и к разумению и к познанию не способно.

Следует знать, что все, что служит сказуемым к чему-либо как к подлежащему, т. е. синонимически, будет сказуемым и к тому предмету, который служит подлежащим в отношении первого; например, животное есть сказуемое в отношении подлежащего—человека, т. е. сказуемое синонимическое; и человек есть сказуемое в отношении Петра, а Петр—подлежащее в отношении человека. Следовательно, животное есть сказуемое и по отношению к Петру, ибо и Петр есть животное.

Подлежащее употребляется в двух смыслах: в смысле основы существования и в смысле предмета высказывания. В смысле основы существования субстанция как бы служит основой для акциденций: в ней они имеют свое бытие и вне ее не существуют. Подлежащее менее общо в отношении сказуемого, ибо менее общее подлжит быть высказанным в более общем, то есть когда более общее служит сказуемым к менее общему; например, животное есть сказуемое в отношении человека. Об общем говорят, что оно соотносится с подлежащим, а о более частном,—что оно есть подлежащее в отношении сказуемого. Об акциденции говорят, что она находится в подлежащем, в субстанции; а о субстанции, что она есть подлежащее, составляя основу существования.

Глава LXIV. О термине, посылке и силлогизме

Следует знать, что логика ставит своей целью рассуждать о доказательстве. Доказательство есть силлогизм. Силлогизм состоит из двух правильных посылок и заключения. Например, желая доказать, что душа бессмертна; я говорю: «Все, что в вечном движении, есть бессмертно». Это—первая посылка. Далее я высказываю вторую посылку: «Душа находится в вечном движении». Затем—заключение: «Следовательно, душа бессмертна».

Каждое слово посылки называется термином. А термином называется то, на что разделяется посылка; например, посылка гласит: «Все, что в вечном движении,— бессмертно». «Все» называется термином, так как оно — часть посылки; подобным же образом называется термином и «что находится в вечном движении»; называется термином и слово «бессмертно», и слово «есть» также называется термином.

Следует сказать, что все посылки должны быть правильными, а заключение соответствовать посылкам. В самом деле, если одна из посылок или заключение окажутся ложными, то будет паралогизм, а не силлогизм. Кроме того, следует знать, что простой звук, имя, глагол, речение, термин — все эти пять слов ничем не отличаются друг от друга по предмету, но различаются только по своим отношениям. Например, человек как простое обозначение именуется простым звуком, как подлежащее — именем, как занимающее место сказуемого — глаголом, как часть утверждения и отрицания — речением; как часть посылки и силлогизма называется термином.

Следует знать, что в посылке, будь она утвердительной или отрицательной, подлежащее называется именем, а сказуемое глаголом. Например, утверждение: «человек прогуливается»; здесь «человек» — подлежащее и называется именем; «прогуливается» играет роль сказуемого и называется глаголом. «Сократ прекрасен». «Сократ» — подлежащее и называется именем; «прекрасен» играет роль сказуемого и называется глаголом, как часть утверждения. Хотя у грамматиков «прекрасен» называется именем, но вообще говоря, то, что сопровождается словом «есть», является глаголом.

Следует знать, что следующие пять названий: суждение, посылка, вопрос, возражение, заключение несколько между собою различаются. В самом деле, когда я просто высказываю, что «душа бессмертна», то это называется суждением. Когда же выражение «душа бессмертна» берется как часть силлогизма, тогда оно является посылкой.

Когда кто-либо возражает против данной посылки, говоря: «Из чего следует, что душа бессмертна?», то это называется возражением. Когда же мы снова обращаемся к исследованию и спрашиваем: «действительно ли душа бессмертна?», то это называется вопросом. Наконец, когда из посылок делается вывод, то он называется заключением. Например, «душа находится в вечном движении; то, что в вечном движении — бессмертно». Из этих посылок делается вывод: «следовательно, душа бессмертна»; это и есть заключение.

ЯМБИЧЕСКИЙ КАНОН НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Так благозвучие слов величает и сладостно славит
Божьего сына, что нас ради придя во плоти,
Древнюю скорбь прекратил совокупно стенающей плоти;
Боже, помилуй и нас, славящих имя твое.

I

Ты свой народ избавил древле, господи,
Рукою чудотворною смиряя хлябь:
Но так и ныне к раю путь спасительный
Ты открываешь, девой в мир рождаемый,
Хоть человек всецело, но всецело бог.

Тебя приемлет чрево благодатное,
Неопалимой купины подобие¹,
И древнее проклятие снимается
С печальной Евы, ибо ныне с образом
И плотью человека сочетался бог.

Звезда о солнце возвещает явственно
И путь волхвам указывает в тот вертеп
Где ты, повитый пеленой, покоишься;
И славят с ликованием тогда волхвы
В лице твоём и смертного, и господа.

II

Благослови служителей твоих напев
И древнего низвергни искусителя,
О человеколюбче, прегрешения
Понесший наши; даруй же певцам твоим
Несложного устои правоверия.

Пречистой девы чадо всеблаженное
Сподобился, о диво! хор пастушеский
Узреть, и несказанно изумлен был слух,
Напевы невестственных небесных сил,
Что рождество Христово славословили.

Ты — горних царь, но в милости неслышанной
Спасенья ради нашего приходишь к нам;
От века был бесплотен ты, но час пробил —
И плотью загустело слово божие,
Дабы Адама вызволить из немощи.

Провидя человека возрождение,
Вещал великий Аввакум в прообразах²
И темных притчах тайну несказанную:
Что некогда с таинственной горы сойдет
Родившийся народам во спасение.

ИЗ ПАСХАЛЬНОГО КАНОНА (ПЕСНЬ 8)

Радуйся, о радуйся, райский град!
Слава господня осияла тебя!
Пляски веди, горний Сион!
Ты же, о чистая,
Ликуй, богородице,
Ибо сын твой из гроба восстал!

О дивный! о милый! о сладкий глас!
Нам ты неложно обещаал, Христе,
Во веки веков с нами пребыть!
Якорь надежды нам
В том необманчивый,
И о нем веселимся мы!

О пасха! о праздник! о день Христов!
О мудрость! о сила! о боже наш,
Даруй и нам долю свою
Мирно наследовать
В день, что во царствие
Внидешь твое во веки веков!

ИДИОМЕЛОН НА ПОСЛЕДОВАНИЕ ОТПЕВАНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ ИОАННУ ДАМАСКИНУ¹

(отрывки)

Сладость какая в жизни сей
с плачем и рыданием не смешана?
Слава какая стоит на земле
нерушима и незыблема?
Всё теней бессильнее,
всё снов ненадежнее,
Миг единый, и смерть разгонит сны!

Но во свете лика твоего, Христе.
И в усаде твоего благообразия
Упокой, благий, раба твоего!

.

О, какие страхи душе предстоят,
что от тела своего отрывается!
О, в какой печали возрыдает она,
И не сыщет для себя утешителя!
К ангелам ли светлым подымет взор,
понапрасну будут моления!
К людям ли добрым руки прострет,
никто не подаст ей помощи!

Потому, достолюбезные братья мои,
о краткости века помысливши,
помолитесь усердно в душе своей
о душе новопреставленного!
Все дела человеческие — морок и сон,
все расточается с кончиною.
Ни богатства, ни славы не возьмем мы в путь,
ведь смерть, пришед, отымет все.
Но Христу бессмертному помолимся:
Упокой новопреставленного
во блаженных твоих селениях!

Где мира сего мечтание?
Где есть бранных вещей упоение?
Где злато, где серебро, где роскоши?
Где сонмы рабов послушливых?
Все — прах, и пыль, и тени мелькание!

Но царю бессмертному помолимся:
Господи, нетленных благ твоих
Удостой новопреставленного,
Упокой его в весельи нескончаемом!

Феодор Студийский

(759—826 гг.)

Виднейший религиозный деятель эпохи иконоборческих споров, защитник иконопочитания, теоретик аскетизма, неутомимый организатор монашеской жизни. С 22-х лет монах; с 798 г. ареной его деятельности становится доселе ничем не примечательный столичный монастырь Студийос или Студийон, который благодаря его усилиям выходит на положение первостепенного религиозного и культурного центра, так что после смерти Феодора студенты осмеливались спорить со вселенской патриархией за право представлять правоверие. Среди сочинений Феодора (догматические и аскетические «беседы», литургии, поэзия, эпиграммы в честь святых) выделяются своей простотой, искренностью и непосредственностью ямбические стихотворения, посвященные монастырю, ставшему как бы второй родиной автора, отдельным моментам привычной монашеской жизни и товарищам Феодора, от игумена до монастырского повара.

МОЛИТВА ПЕРЕД СНОМ

Отрада сна созданий в разрешении
Всей маяты и муки, что приносит день,
Христе благий, и мне пошли, молю тебя,
Сон сладостный, спокойный, благодетельный,
От всех соблазнов и тревог избавленный,
Но тихими виденьями исполненный.
Когда звонарь ударит, пробуди меня
На труд молитвы здоровым, бодрым, ревностным:
Стопе дай силу отстоять заутреню,
Душе дай крепость одолеть прельщения,
Уста отверзи к пению размерному
Тебе во славу, господи и боже мой, —
Да узрю на рассвете, пробудясь от сна,
Твоих велений свет незападающий.

К МОНАСТЫРСКОМУ ПОВАРУ

О чадо, как не удостоить повара
Венца за прилежанье целодневное?
Смиранный труд — и слава в нем небесная,
Грязна рука у повара — душа чиста,
Огонь ли жжет — гееннский огонь не будет жечь,
Спешн на кухню, бодрый и послушавный,
Чуть свет огонь раздуешь, перемоешь все,
Накормишь братий, а послужишь господу.
Да не забудь приправить труд молитвою,
И воссияешь славою Иакова¹,
В усердьн и смиренньн провожая жизнь.

Феофан

(около 760—818 гг.)

Жизнь Феофана, крупнейшего хрониста IX в., падает на период иконоборчества, и ее основные вехи совпадают с поворотными моментами этой, потрясшей всю восточную империю, борьбы императорской власти и церкви. Он родился в семье иконопочитателей, и детство его проходило в самый разгар гонений на монастыри и иконы при императоре Константине V (740—775 гг.) Годы его юности протекали в обстановке постепенного ослабления этой борьбы и полного восстановления иконопочитания на Вселенском Соборе в 787 г. В это время, уже имея титул спафария, Феофан уходит в монастырь и делается там усердным переписчиком книг. В 810 г., по предсмертной просьбе Георгия Синкелла, Феофан берет на себя завершение незаконченной Синкеллом летописи и через несколько лет составляет свою «Хронографию» (летопись) событий от Диоклетиана (277 г.) до Михаила (805 г.). Иконоборчество с новой силой вспыхивает в 815 г. (при Льве V), и Феофан становится теперь его жертвой; в 818 г. его заключают в тюрьму на остров Самофракию, где он вскоре умирает.

Летопись Феофана построена по общему принципу данного жанра. Сведения, почерпнутые из сочинений более ранних историков, располагаются здесь в хронологическом порядке по годам. Летописец создает синхронную картину событий и часто рядом помещает факты, причинно не связанные между собой. Ход истории предстает как смена актов, действий, происшествий, без их внутренней обусловленности. Основным средством выразительности делается в таком повествовании подбор любопытных черт и занимательных подробностей.

Сын бурной, полной идеологических конфликтов эпохи, Феофан вносит в свое повествование напряженность ритма и тенденциозность оценок. Напряженность достигается отбором фактов, тенденциозность сквозит в выборе тонов для их окраски. Феофан схватывает лишь узловые моменты событий и проходит, обычно, мимо побочных деталей. Его внимание направлено на действие, а не на описание его аксессуаров, на человека, а не на окружающую его обстановку. Человек делается, таким образом, главной пружиной событий, и на него падает ответственность за все происходящее. Отсюда пристрастность Феофана. Ровный и равнодушный в рассказе о безразличных для него лицах, Феофан вводит резкие оценочные суждения там, где он говорит о религиозных и церковных распрях. Изображение своих идейных противников он сопровождает, как правило, бранными эпитетами и показом их постыдных поступков. Особенно характерны в этом отношении рассказы об императоре-иконоборце. Ход

событий получает свое истолкование в нравственной оценке исторических фигур.

Труд Феодана пользовался огромной популярностью на протяжении всего средневековья. Уже с конца IX в. он известен на Западе в переводе папского библиотекаря Анастасия. В Византии из Летописи Феодана было сделано извлечение Георгием, монахом. Последующие хронисты рассматривали свой труд как продолжение Феодана и начинали повествование с того периода, где он его обрывает. На Феодана опираются Зонара (XII в.) и Синописис Сат (XIII в.). Для нас Феодан остается ценнейшим источником по истории Византии VII—VIII вв.

ХРОНОГРАФИЯ

I. ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Год 396. Это был год величия Иоанна Златоуста. И жизнь, и проповедь его были исполнены света божественной благодати, и он верен был добродетели. Весь народ любил его за назидание в проповедях, живущие же развратно сторонились, а некоторые даже враждовали против него. На эту пору приходится и ссора его с внуком Евтропием, и распря Севериана Гавальского с Серапионом, архидиаконом Иоанна, и бегство Долгих братьев из Египта из-за Феофила, и послание Епифания к Феофилу¹. Все это направлено было против раба божия Иоанна. Епифаний Кипрский пришел в Евдомон и стал совершать рукоположение и созывать собрания без позволения Иоанна. Иоанн же, по божественной любви, оставил это без внимания и даже усиленно звал Епифания жить с ним в одном епископском доме, тот же отказался, прельщенный клеветой Феофила против блаженного Иоанна.

Год 397. В этом году Иоанн Златоуст говорил слово против злых жен. Ненавистники и враги истины озлобили против него Евдоксию, уверяя, что слово сказано было против нее. Она же сказала Аркадию², что жестоко обижена Иоанном, и убедила его послать за Феофилом, явным врагом Иоанна. Феофил прибыл в Дуб, называемое так ныне поместье Руфиново³, и замыслил коварство против Иоанна. И изгнал его из града. Узнав это, народ пришел в сильное волнение, не мирясь с изгнанием Иоанна. Тогда и Евдоксия, тронутая воплями народными, просила за него царя Аркадия и, послав внука Врисона, возвратила Иоанна от Пренета⁴. Но он не решился вступить в город до соборного постановления и оставался в пригороде Анапле. И вот народ криками заставил царей ввести Иоанна и снова посадить его на престол, так что Феофил со своими соумышленниками в страхе бежал из города. Тогда, собравшись вместе, шестьдесят епископов справедливо отменили все постановления Феофила и его друзей против божественного Иоанна.

Год 398. В этом году царица Евдоксия приказала поставить свое серебряное изваяние на месте, которое зовется Питтакии, около церкви святой Ирины. Эпарх⁵ же города, манихей и приверженец эллинизма, устроил перед изваянием шумные рукоплескания, песни и пляски, и тем досаждал Иоанну, мешая ему мирно совершать богослужения. Ведь часто там нельзя было расслышать песнопений. Святой Иоанн обличил его в своем слове. Тот же восстановил Евдоксию против Иоанна, как бы за то, что Иоанн недоволен почестями, которые воздаются ее статуе. И вот опять ненависть, опять ярость против Иоанна. Тогда-то Иоанн произнес свое слово, которое начинается так: «Опять Иродиада безумствует»⁶. Это до конца сделало царицу врагом его. И вот опять низложение и ссылка. Народ же взял и поджег церковь. На многих пало преследование за Иоанна. Сам же Иоанн был изгнан из города и сослан в Кукуз, а оттуда отправлен в Пидиунт. Но прибыв в Команы, по дороге в Армению, он скончался о госпoде. После его изгнания рукоположен был Арсакий, брат Нектария, предшественника Златоуста. Иннокентий Римский и Флавиан Антиохийский не были причастны к изгнанию Иоанна; своими посланиями они ободряли клир города и с негодованием обличали дерзнувших так поступить с Иоанном. Епифаний отплыл на Кипр после того, как бог, как кажется, открыл ему его кончину. Говорят также, что Иоанну Епифаний предсказал смерть в заточении, а Иоанн ему — смерть во время плаванья. Епифаний сказал провожавшим его: «Я тороплюсь, но оставляю вам книги, город и лицемерие».

II. ЭПОХА ИКОНОБОРЧЕСТВА

Год 756. В этом году турки опять вторглись в Каспийские ворота и в Иверию; они вступили в бой с арабами, и павших было много с обеих сторон. Авделас⁷ коварством лишил власти Исе Ивинмуса, которому, как уже сказано, выпал жребий править третьим после него. Приметив, что он страдает от головокружения и боли в половине головы, Авделас обещает вылечить Исе, если тот понюхает порошок, приготовленный врачом по имени Моисей, диаконом Антиохийской церкви. Этого диакона Авделас уже успел склонить дарами к тому, чтобы тот приготовил лекарство весьма едкое и в то же время надолго усыпляющее. Хотя Исе остерегался вкушать с Авделасом пищу, он все же доверился тут и принял чихательный порошок. Как только порошок проник в голову, все чувства и все двигательные силы покинули его, и он упал безгласен. Тогда Авделас созвал всех военачальников и тех, кто знатен родом, и сказал: «Что скажете о вашем будущем царе?» Все они в один голос отреклись от Исе и дали правую руку сыну самого Авделаса Мухамеду по прозвищу Мад, а Исе без чувств отнесли домой. Через три дня Авделас принял его в своем доме; притвор-

но оправдываясь, утешил его и загладил оскорбление, дав ему сто талантов серебра.

В том же году Паган, властелин Болгарии, просил свидания с царем и, взяв с него слово, пришел к нему со своими воилами⁸. Царь принял его сидя на престоле, а Савин⁹ сидел около него. Царь корил болгар за беспорядки и за ненависть к Савину. На словах они договорились о мире. Царь, однако, тайно поручил ехать в Болгарию и схватить там Севера, правителя славян, много зла наделавшего во Фракии. Схвачен был также один христианин, отступник от христианства, предводитель скамаров¹⁰, которому в гавани святого Фомы отрубили руки и ноги и затем отнесли врачам, а те еще живого вспороли от пупа до груди, чтобы узнать устройство человека, и лишь после этого сожгли его. Царь, неожиданно выступив из города, не встретил в ущельях стражи, ибо был притворный уговор о мире, и он проник в Болгарию до Чики¹¹, спалил дворы, которые попадались на пути, и в страхе вернулся обратно, не совершив ничего доблестного.

Год 757. В этом году 20 ноября, 4 индиктиона¹², царь, безумный, нечестивый и беззаконный, враждующий против всякого богобоязненного человека, велел влачить на казнь Стефана, нового первомученика, затворника при святом Авксентии¹³, близь горы Даматра. Его схватили сообщники и единомышленники невежественного царя из дворцового и других отрядов. Привязав за ногу к корабельному веслу, они волокли его от Претории до Пелагеи и там, растерзавши, швырнули честные останки в яму умерших насильственной смертью за то, что он многих наставлял в монашеской жизни и внушал презирать царские почести и деньги. Он был почитаем всеми, ибо шестьдесят лет провел в затворе и просиял многими добродетелями. Оклеветаны были в поклонении иконам многие начальники и воины, и царь предал их разным казням и горчайшим мукам. Он потребовал, чтобы в его царстве все дали клятву, что не поклоняются иконе. Даже Константина, лжеименного патриарха, он принудил взойти на амвон и, подняв честное и животворящее древо, поклясться, что он непричастен к почитанию икон. Он склонил его, монаха, обвенчаться, есть мясо и слушать песни за царским столом. Справедливость, однако, вскоре предала его в руки убийцы.

21 июня, 4 индиктиона он выступил против болгар и послал в Анхиал 2600 судов¹⁴, на которых сидели все легионы. Когда они причалили к берегу, подул северный ветер и чуть не перевернул их всех. Утонуло много народу, так что царь велел расставить сети, вытащить умерших и похоронить. 17 июля он бесславно вернулся назад в город. А 21 августа того же 4 индиктиона он выставил на поругание и позор сам образ монашеского жительствова, приказав на ипподроме каждому монаху взять за руку женщину и в таком виде пройти по ипподрому, снося оплевание и оскорбления от всего народа. 25 числа того же месяца были проведены по ипподрому

девятнадцать знаменитых сановников и поставлены напоказ как злоумышленники против царя. Это была ложная клятва на них, зависть к их благообразию, силе и доброй славе. Из них некоторых он приказал казнить за благочестие, за то, что того отшельника, о котором сказано выше, они посещали и прославляли за муки. Самые именитые среди них были: Константин, патрикий и логофет бега, которого царь прозвал Подопагуром; его брат Стратигий, спафарий и начальник ночной стражи; Антиох, логофет бега и военачальник Сицилии; Давид, спафарий, посланный против Васира, и комит Опсикский; Феофилакт Икониат, протоспафарий и военачальник Фракии; Христофор, спафарий после патрикия Имерия; Константин, спафарий и царский протостратор¹⁵, сын патрикия Вардана; Феофилакт, кандидат¹⁶ после Маринакса и др. Царь поставил их для поругания на ипподроме и дал всему народу оплевывать их и проклинать. Двух братьев, Константина и Стратигия, он повелел обезглавить на Собачьей площади, и весь народ плакал о них, так что царь, узнав это, разгневался и велел высечь и сместить епарха Прокопия за то, что он допустил такое дело. Остальных царь приказал ослепить и сослать в заточение. Безумец этот, отсылая их, наказывал, чтобы и там, куда их ссылали, они получали по сто ударов воловьими жилами каждый год. 30 августа того же (4) индиктиона этот злоименный обратил свое безумие и против соименного и единомышленного ему патриарха. Найдя каких-то клириков, монахов и мирских священников и его друзей, царь научил их сказать: «Мы слышали, как патриарх с Подопагуром высказывались против царя». И он послал их в патриарший дом, чтобы обличить его там. Патриарх отпирался, и тут царь заставил их поклясться честным деревом, что «мы слышали от патриарха эти бранные речи». Тогда царь послал наложить печать на патриарший дом, самого же его сослал в заточение в Иарею, а потом еще раз на Принцев остров¹⁷.

Год 759. В этом году, в 6 день месяца октября, шестого индиктиона, приведен был обратно с Принцева острова лжеименный патриарх Константин. Он не мог даже ходить из-за жестоких побоев тиранна. Его, по царскому приказу, принесли на носилках и посадили на солее¹⁸ Великой Церкви. Рядом с ним стал секретарь с книгой, где была записана его вина. Смотреть на них собрался, по повелению царя, народ со всего города. Слышно было всем, как читалась книга. По прочтении каждой главы секретарь бил Константина по лицу. И это зрелище наблюдал патриарх Никита, сидя на престоле. Наконец, Константина ввели на амвон и поставили прямо, а Никита взял книгу, послал епископа снять с него омофор¹⁹ и предал его анафеме. Константина обозвали «омраченным (скотиопсом)» и вытолкали в спину из церкви.

Следующий день был днем ристаний на ипподроме. Константи-ну остригли бороду, обрили ресницы, волосы на голове и брови, облачили его в шелковую одежду без рукавов, посадили лицом к

хвосту осла, наизворот оседланного и, под град насмешек и оплеваний, вывели через дигиппий на ипподром. Осла вел его племянник, у которого был отрезан нос. Как только он дошел до димов²⁰, все вскочили с мест, стали плевать и осыпать его сором и, притаив к царскому месту, скинули с осла и начали топтать ему горло. После этого его усадили напротив димов и до конца ристаний осыпали насмешками. В 25 день того же месяца царь посылает к нему патрикий и через них спрашивает: «Что скажешь ты о вере нашей и о соборе, который мы созвали?» На это он, уже помутившись в уме, дает ответ: «Хороша вера твоя и собор, тобою созванный!», ибо надеялся умиловить такими словами царя. Они же не медля ответили: «Вот это мы как раз и хотели услышать из твоих скверных уст! Сгинь отныне во мраке и проклятии». Этим был сказан приговор ему. Обезглавили его на Собачьей площади. Голову повесили за уши на три дня в Милии, чтобы весь народ мог видеть. Тело же привязали за ногу к веслу и перетащили через Среднюю улицу²¹ на живодерню и бросили там к трупам погибших насильственной смертью. Через три дня перенесли туда же и голову. О дикое безрассудство и жестокость лютого зверя! Даже святой купели не постыдился несчастный! Ведь Константин крестил двух его детей от третьей жены. Царь и всегда был необуздан и зверонравен, но с этих пор ожесточился еще больше в своей вражде против святых церквей. Он послал за Петром, славным столпником, чтобы сняли его с камня, а когда Петр не принял царского учения, то его связали за ноги, проволокали живого через Среднюю улицу и бросили к трупам в живодерню. А других по царскому приказу сажали в мешки, привязывали им камень и топили в море, иных ослепляли, отрезали носы и бичевали. Самые разнообразные казни придумывал царь для людей благочестивых. В городе он устроил все это сам со своими единомышленниками — с патрицием и domestikом дворцовой стражи Антонием и с Петром магистром, используя для этого отряды нарочно обученных солдат. Во внешних же фемах²² он действовал через упомянутых выше военачальников.

Его любимым занятием были — игра на кифаре и попойки. К срамословиям и пляскам приучал он и своих приближенных. А если случалось, что кто-либо, споткнувшись ли, или от боли, произносил обычные у христиан слова: «Богородице, помоги!», либо был замечен за всенощной молитвой, либо в церкви, или вообще вел жизнь благочестивую и не произносил попусту клятв, то такого человека карали, как царского врага, и имя его предавалось забвению. Монастыри, кои строились во славу божию, как прибежище людей, ищущих спасения (души), он отдал под постой единомышленным ему солдатам. Он обратил в казарму Дааматскую обитель, самый знаменитый в Византии монастырь с уставом для общего житья²³. Он разрушил до основания монастыри Каллистрата, Дия, Максимиана и прочие священные дома отшельников и дев. Он предавал казни тех, кто стремился покинуть высшие должности в войс-

ке и при дворе и хотел посвятить себя монашеской жизни, особенно тех, кто близко стоял к нему и посвящен был в тайны его безудержного и постыдного разгула, ибо боялся срама, которым покрыли бы его их рассказы. Так, погубил он Стратигия, брата Подопагуры. Сначала он приблизил его к себе за миловидность, ибо по распутству своему любил держать около себя красавцев, но поняв, что Стратигий противится его нечестивой страсти и открывает о ней блаженному Стефану, отшельнику монастыря святого Авксентия, и ищет исцеления души, царь обвинил его вместе с отшельником в заговоре и приказал казнить.

Город в то время при нем был полон товаров. Как новый Мидас, копил он золото и обирал земледельцев. Из-за высоких налогов люди вынуждены были за бесценок продавать то, что раньше уделяли храмам.

В том же году Никита, лжеименный патриарх, заставил выскоблить мозаику на иконах в Малом Зале патриаршего дома и вынести резные по дереву образа из Большого Зала, а на остальных иконах велел замазать лики. То же самое сделал он и в обители Аврамия²⁴.

Роман «Варлаам и Иоасаф»

(VII—IX вв.)

Имя автора, время и место возникновения романа «Варлаам и Иоасаф» все еще остаются неясными. В течение нескольких веков авторство его приписывалось Иоанну Дамаскину, но сейчас почти все исследователи отказались от этой точки зрения; время его возникновения определяется от VII до IX в.; место возникновения — Палестина или Абиссиния, которую и греки, и византийцы называли Индией. Сюжет этого романа, в самом деле, пришел из Индии, и основой его послужила жизнь Будды (VI в. до н. э.). Но христианский автор, а может быть, несколько авторов, придали этому сюжету христианскую окраску, так что от его исконной основы осталось лишь название индийского царства. «Варлаам и Иоасаф» повествует об обращении язычников в христианство.

У индийского царя, язычника и гонителя монахов, Авенира, который долго был бездетным, родился красавец сын, которому было предсказано, что он станет христианином. Тогда царь поселил сына в роскошном дворце и совершенно оградил его от внешнего мира. Но со временем сын, став умным и любознательным юношей, пожелал видеть все находящееся за стенами дворца. Царь разрешил ему покинуть дворец в сопровождении слуг, которые должны были выбирать пути, где не встречалось бы ничего безобразного и уродливого. Однако они встретили больных и старых людей, и, таким образом, юноша узнал, что существуют болезни, старость, смерть. Но дать ему более глубокие объяснения оказалось некому, так как царь изгнал из страны всех мудрецов-философов. Тогда, по божественной воле, к юноше явился Варлаам — монах, отшельник и аскет; он проник во дворец под видом купца. В беседах с юношей, рассказывая притчи, прибегая к иносказанию и аллегории, Варлаам открывает юноше христианское восприятие мира. Последовательно изложив Ветхий и Новый заветы, Варлаам яркими красками рисует картины Страшного суда, осуждает идолопоклонников и, наконец, преподносит своему ученику христианскую этику. Окрестив Иоасафа, Варлаам удаляется в пустыню. Узнав о происшедшем, царь задается целью вернуть сына к языческой вере. Он посылает отряд воинов во главе с Арахеном в погоню за Варлаамом. Блуждая по пустыне в безуспешных поисках, Арахен встречает семнадцать монахов; расспросы Арахена о Варлааме и ответы монахов постепенно переходят в догматическо-религиозный спор, монахов пытаются и казнят. Затем Арахену удается схватить в пустыне некоего старца Варлаама, которого заключают под стражу. Иоасаф узнает об этом и так предается горю, что отец сам идет к сыну и пробует убедить его отказаться от христианства. Но юноша непреклонен; за новую веру он готов принять смерть и отречься от отца. Тогда Авенир собирает всех своих приближенных, в присутствии которых должен произойти диспут о преимуществах языческой и христианской религий. Со стороны христиан

выступает, по совету Арахена, язычник Нахор, знакомый с христианским учением и очень похожий внешне на Варлаама. По заранее намеченному плану его должен опровергнуть языческий оратор. Но в ответ на речь Нахора язычники не находят возражений; и Нахор, убедив самого себя своей речью, принимает крещение и удаляется в пустыню. Царь начинает понимать бессилие своих богов. Жрецы, удивленные равнодушием царя к языческим обрядам, обращаются к магу Фавде, который советует царю окружить Иоасафа красивыми девушками, но и этот замысел не увенчался успехом. Затем царь приводит к сыну самого Фавду, но беседа Иоасафа с магом кончается обращением последнего в христианство.

Царь предпринимает последнюю попытку: делит царство между собой и сыном, чтобы государственные дела изменили образ мыслей юности. Но Иоасаф, сделавшись повелителем половины царства отца, разрушает языческие храмы и обращает своих подданных в христианство. Постепенно царство Иоасафа увеличивается и становится сильным, а царство Авенира слабеет. Тогда и сам Авенир принимает крещение.

Иоасаф передает управление государством своему главному советнику Арахену, а сам удаляется в пустыню и отправляется на поиски Варлаама. Преодолев трудности, испытания и искушения, он приходит в Сennaарскую пустыню, где живет Варлаам. Иоасаф рассказывает старцу обо всем происшедшем со времени их последней встречи. Варлаам дает Иоасафу предсмертные наставления и умирает. Последние дни своей жизни Иоасаф посвящает строгой аскезе. После его смерти его хоронят в гробнице Варлаама, затем мощи их обоих, обладающие чудесной силой, переносят в городской храм.

Роман был очень популярен в средние века: его не только переводили на латинский, французский, немецкий, испанский, арабский, сирийский, еврейский, армянский, грузинский, польский, чешский, старославянский языки, но и перелагали стихами.

Старославянский перевод романа «Варлаам и Иоасаф» можно отнести уже к XII в., так как в это время Кирилл Туровский пользовался им (см. его сочинение «О белоризце человеце и о мнишестве»). Песни о царевне Иоасафе были, видимо, очень популярны в России, недаром одну из них Мельников-Печерский использовал в романе «В лесах» (кн. 1, ч. 1, гл. 6). Всемирно известными стали притчи из романа «Варлаам и Иоасаф» — о трех друзьях, о птицелове, поймавшем соловья, особенно — о человеке, преследуемом разъяренным единорогом (именно ее привел Л. Н. Толстой в своей «Исповеди»). Нравоучительные притчи, вставные новеллы, рассказанные в живой, занимательной форме, придают повествованию особую поэтическую прелесть. К достоинствам романа следует отнести и отчетливую композицию, несмотря на многоплановость и довольно большое количество действующих лиц; внутреннее содержание этих образов раскрывается не только посредством авторского повествования, но также и в действиях, речах, которые вполне передают индивидуальность каждого из них, например, царя Авенира, его сына Иоасафа, пустытника Варлаама, царского слуги Арахена.

ДУШЕПОЛЕЗНАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ДОСТОСЛАВНЫХ
И БЛАЖЕННЫХ ВАРЛААМА И ИОАСАФА,
ПРИНЕСЕННАЯ ИЗ ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ ЭФИОПСКОЙ
СТРАНЫ,
НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ ¹, В СВЯТОЙ ГРАД ²
МОНАХОМ ИОАННОМ,
МУЖЕМ ПОЧТЕННЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ,
ИНОКОМ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ ³

1. РОЖДЕНИЕ ИОАСАФА

3. На праздник по случаю рождения царского сына собралось у царя без малого 55 избранных мужей, постигших халдейскую мудрость гадания по звездам. Посадив их к себе поближе, царь стал каждого спрашивать, какое будущее ожидает его новорожденного сына? После длительных наблюдений над звездами они сказали, что Иоасаф будет очень богат и могуществен, превзойдет всех предшествовавших ему царей. Но один астролог, изю всех самый сведущий, сказал так: «Судя по тому, что я узнал по движению звезд, царь, родившийся у тебя сын преуспеет не в твоём царстве, а в другом, более сильном и несравненно превосходящем твоё. Я полагаю — он обратится к преследуемой тобою христианской вере, и, мне кажется, он не обманется в своём намерении и надежде».

Вот что сказал астролог, словно древний Валаам ⁴: правду здесь сообщила не астрология, а правду показал бог через своих противников, чтобы лишить безбожников всяких оправданий.

С тяжёлым сердцем выслушал царь это известие; радость его омрачилась печалью. И все же в своём замечательном городе построил он красивейший дворец с искусно отделанными постройками и поселил в нём сына. Когда тот вышел из детского возраста, царь повелел, чтобы никто к его сыну не имел доступа; он назначил Иоасафу воспитателей и слуг — молодых и самых красивых людей — и наказал им не сообщать мальчику ни о каких бедствиях жизни: ни о смерти, ни о старости, ни о болезни, ни о бедности, ни о какой-либо иной горести, которая может омрачить его радость; напротив, они должны были рассказывать Иоасафу все сладостно приятное, чтобы мальчик, увлекаясь наслаждениями, не имел возможности задумываться о будущем; а о Христе и его учении чтоб не слышал ни единого слова. Ведь царь помнил о предсказании астролога и поэтому более всего старался скрыть от сына это учение. Если кому-либо из слуг случалось заболеть, царь тотчас приказывал удалить его из дворца и заменял другим — вполне здоровым и крепким, чтобы глаза мальчика не видели вообще ничего неприятного. Так рассуждал царь, так поступал: ведь он смотрел, но не видел, слушал, но не разумел ⁵.

Узнав о том, что кое-кто из монахов все еще жив,— а ему казалось, что их и след простыл,— царь преисполнился гнева и еще сильнее обрушился на них, разослав по всему городу и по всей стране вестников с приказом, дабы через три дня нигде не осталось ни одного человека монашеского чина. Если ж по истечении указанного срока кого-нибудь найдут — предать того смерти огнем и мечом. «Потому, что эти люди,— говорил царь,— убеждают народ обратиться к распятому богу».

II. ВСТРЕЧА ВАРЛААМА И ИОАСАФА

6. В те времена жил один монах, умудренный божественным учением, украсивший себя святой жизнью и красноречием; прошел он до конца весь путь монашеского подвижничества. Откуда появился он и какого был рода — я сказать не могу.

В некоей обширной пустыне Сennaарской земли⁶ он построил себе жилище и удостоился священной благодати. Имя этому старцу было Варлаам. Однажды, по какому-то божественному откровению, он узнал о муках царского сына, покинул пустыню и отправился в обитаемые земли. Он изменил свою внешность, облачившись в мирскую одежду, сел на корабль и прибыл в индийское царство. Выдав себя за торговца, он вошел в город, где находился дворец царского сына. Проведя там немало дней, Варлаам тщательно все расспросил об юноше и о тех, кто его окружает. Узнав, что воспитатель, о котором была речь выше, изо всех пользуется особой привязанностью юноши, он пришел к нему и многозначительно сказал:

«Я хочу, господин мой, объявить тебе, что я — торговец, прибыл из далекой страны; есть у меня камень драгоценный, — похожего на него нигде не найти. Никому до сих пор я его не показывал; тебе же говорю о нем потому, что вижу в тебе мужа умного, рассудительного. Проведи меня к царскому сыну, и я подарю ему тот камень, что несравненно превышает всех благ на свете: тем, кто слеп сердцем, он может даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос, в больных вдохнуть силу; неразумных он учит мудрости, злых духов отгоняет; вообще, кто им владеет, он в изобилии дарует все прекрасное и желанное.

На это воспитатель ему отвечает: «Я вижу — ты человек решительный, настойчивый; но слова твои свидетельствуют о непомерном хвастовстве. Ведь сколько я повидал дорогих, ценных камней и жемчуга — и не перечить. Но таких, которые обладали бы силами, о каких ты рассказал, — я не видел и не слышал. А все-таки покажи мне твой камень, и если он таков, как ты его описал, — я не медля проведу тебя к царскому сыну, а он воздаст тебе великие почести и дары. Но до тех пор, пока я своими глазами не убедился в истинности слов твоих, я не могу сообщить своему повелителю и царю столь невероятные вещи о неизвестном мне предмете».

Молвил ему Варлаам: «Правда твоя, никогда ты не видел и не слышал о подобных могущественных силах, о подобном действии, ибо я говорю тебе о предмете не обыкновенном, но удивительном и великом. Что же касается твоего желания взглянуть на камень,— вот тебе мой ответ, слушай:

Камень сей драгоценный, помимо упомянутой могущественной силы и действия, обладает еще и таким свойством: на него не может смотреть тот, у кого плохое, нездоровое зрение и нечистое, порочное тело. Если же кто-либо, страдающий этими недугами, опрометчиво взглянет на этот драгоценный камень, тот непременно потеряет даже ту остроту зрения и силу разума, какая у него была. Я же, немного разбираясь во врачебном искусстве, вижу, что глаза твои нездоровы, и боюсь, как бы ты совсем не потерял зрения. Царский же сын, как я слышал, жизнь ведет чистую, и зрение у него весьма хорошее; вот почему ему я осмеливаюсь показать это сокровище. Ты же обдумай хорошенько мои слова и не лишай своего господина такого сокровища».

«Ну, коли так,— говорит Варлааму воспитатель, —не показывай мне камня; ведь жизнь моя запятнана множеством проступков, и глаза мои, как ты только что сказал, нездоровы. Но я верю твоим словам и не замедлю сообщить об этом моему господину и царю». Сказав это, он вошел к царскому сыну и подробно все рассказал ему. Едва Иоасаф услышал от воспитателя такие слова, в сердце своем он почувствовал какую-то необычайную духовную радость и, как бы вдохновленный в душе богом, велел скорее ввести этого человека.

Когда Варлаам вошел и отдал Иоасафу подобающее приветствие, тот попросил его сесть и по уходе воспитателя обратился к старцу с такими словами: «Покажи мне тот драгоценный камень, о котором, по словам моего воспитателя, ты рассказываешь нечто важное и удивительное». И Варлаам так начал свою беседу с ним: «О царь! Несправедливо было бы с моей стороны говорить неправду или что-либо не вполне достоверное перед лицом твоей светлости. Поэтому все, что передали тебе от меня,—беспорная истина. Однако мне не дозволено открыть тебе тайну прежде, чем я смогу убедиться в твоем благоразумии. Ибо господин мой говорит: «Вышел сеять сеять. И когда он сеял, часть упала при дороге; и налетели птицы и поклевали это. Часть упала на места каменистые, где немного было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока; когда же взошло солнце — увяло и так как не имело корня, засохло. А кое-что упало в терние, и выросло терние, и заглушило его. А кое-что упало на добрую землю и принесло плод во сто крат»⁷. Так и я, если найду в твоем сердце благодатную, добрую почву, то не колеблясь брошу в нее божественное семя и открою тебе великую тайну, а ежели она камениста или терниста, совершенно неподатлива, то лучше выбросить это спасительное семя и дать его на растерзание птицам и зверям, хотя мне наперед

заповедано было ни в коем случае не бросать перед ними жемчуга⁸. Но я верю в твою доброту и в то, что ты достоин спасения; поэтому ты увидишь бесценный тот камень и благодаря его ослепительному сиянию сам удостоишься стать светочем и пользы принесешь стократные плоды. Ведь ради тебя я предпринял все это и совершил длинный путь, дабы показать тебе никогда не виданное тобою и научить тому, о чем ты никогда не слышал».

Молвил ему Иоасаф: «Старец достопочтенный! Я горячо, жадно, неудержимо стремлюсь услышать какое-нибудь новое и доброе слово. В сердце моем горит до боли сжигающий меня огонь, побуждающий меня искать ответы на то, что меня мучит. Но до сих пор я не встречал человека, который мог бы вполне удовлетворить мою любознательность. Если же я встречу какого-либо мудрого и ученого мужа и услышу спасительное слово, то, мне кажется, я не отдам его ни птицам, ни зверям, не уподоблюсь, как ты сказал, ни терниям, ни скале, но стану благосклонно внимать этому слову и усердно хранить его. Поэтому, если ты хоть что-нибудь такое знаешь, не скрывай от меня, а расскажи. Ведь как только я услышал, что ты прибыл из далекой земли, душа моя возрадовалась, и меня охватила благодатная надежда, что я узнаю от тебя обо всем, что меня беспокоит. Вот почему я просил поскорее ввести тебя ко мне и встретил ласково, словно кого-то из моих близких или сверстников; и хоть бы не обмануться мне в своей надежде!»

Варлаам ответил Иоасафу: «Ты хорошо поступил, вполне достойно твоего царского величия, предавшись не мимолетному душевному порыву, а сокровенной надежде.

Жил один великий и славный царь. Однажды он ехал в золоченой колеснице в окружении подобающей царю стражи. И встретились ему два человека, в разодранной грязной одежде, с изможденными, бледными-пребледными лицами. Царь узнал, что эти люди, приняв аскетический образ жизни, истощили свою плоть постом и потом. Едва царь увидел их, тотчас вышел из колесницы и пал наземь, приветствуя; затем поднялся, обнял этих людей и почтительно лобызал. Не понравилось это царским вельможам и архонтам; они решили, что он поступает недостойно царского величия. Но, не осмелившись открыто порицать царя, они уговорили его родного брата сказать ему, чтоб он не оскорблял таким образом славной своей короны. Когда тот сказал об этом брату и упрекнул его в неуместном унижении, царь дал ему такой ответ, какого брат не уразумел.

А у царя того был обычай: когда он возвещал кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой, и по звуку трубы все узнавали, что он приговорен к казни. И вот с наступлением вечера царь послал трубача к двери дома своего брата трубить о казни. Когда тот услышал звук смертоносной трубы; отчаялся в своем спасении и всю ночь делал последние распоряжения по дому. Рано поутру, одевшись во все печально-черное, отправляется этот человек с женой и детьми ко дворцу, за-

ливаясь слезами. Ввел его к себе царь и, увидев в столь жалком состоянии, сказал: «Глупый и неразумный! Если ты испугался так сильно вестника брата, равного тебе по сану, перед которым ты не сознаешь никакой вины, то как же ты укоряешь меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев моего бога, возвещающих мне громким трубным гласом о смерти и о страшном предстании перед господом, перед которым — я знаю — я согрешил много и тяжко? Для того-то я и поступил таким образом, уличая тебя в безрассудстве, а заодно уличу в безумии тех, кто подговорил тебя высказать мне укоризну». Сделав брату столь полезное внушение, царь отпустил его домой.

Тем временем этот царь повелел сделать четыре деревянных ящика, два позолотить со всех сторон, бросить туда кости разлагающихся трупов и запереть золотыми застежками; а другие два вымазать смолою и дегтем и наполнить их драгоценными камнями, дорогим жемчугом и всевозможными благовониями. Перевязав ящики волосяными веревками, царь позвал вельмож, упрекавших его за встречу с теми мужами, и выставил перед ними четыре ящика для определения достоинств каждого. Они оценили позолоченные как самые дорогие, сказав, что, по-видимому, в них лежат царские короны и пояса; а вымазанные смолою и дегтем — как достойные ничтожно малой цены. Тогда царь ответил вельможам: «Я знал, что вы это скажете; ибо, обращая свой поверхностный взор, вы видите лишь то, что лежит на поверхности; а следует поступать не так: надо внутренним взором смотреть на сокровище внутри — ценно оно или нет». И приказал открыть позолоченные ящики. Когда их раскрыли — поднялось от них ужасное зловоние, и все увидели то, на что неприятно смотреть.

Тогда царь говорит: «Вот так и люди, одетые в блестящие, дорогие одежды, гордые своей славой и могуществом, пахнут изнутри трупным смрадом дурных поступков».

Затем, приказав раскрыть ящики, вымазанные смолой и дегтем, царь обрадовал всех присутствующих блеском и благоуханием, которое распространялось от их содержимого. Царь сказал вельможам: «Знаете, кому подобны эти ящики? Тем жалким людям в простых одеждах, из-за внешнего вида которых вы бросили мне в лицо оскорбление за то, что я до земли поклонился им; я же, умственными очами постигнув то дорогое и прекрасное, что было в их душах, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже любой короны и любого царского пурпурного одеяния».

Так устыдил их царь и научил не обольщаться внешним видом человека, а обращать внимание на его духовный мир. Вот и ты, Иоасаф, поступил так же, как тот благочестивый мудрый царь, приняв меня с благостной надеждой, которая, мне кажется, не обманет тебя».

Ответил ему Иоасаф: «Красиво ты говоришь и складно; но вот что я хочу знать: кто твой господин, которого ты упомянул в начале своего рассказа о сеятеле?»

III. ПРИТЧИ ВАРЛААМА

1. Птицелов и соловей

10. ...Кому уподобить этих людей? Какой привести тебе пример в доказательство их невежества? Вот что: представляю я тебе подтверждение словами одного премудрого мужа: он говаривал мне, что идолопоклонники подобны некоему птицелову, поймавшему одну маленькую птичку, меньше воробышка. Это был соловей. Схватив нож, птицелов приготовился резать его и съесть, но соловей заговорил вдруг человеческим голосом. Говорит он птицелову: «Какая польза тебе, господин, если ты меня зарежешь? Ведь ты не сможешь заполнить мною свой желудок. А если освободишь меня из силков, я дам тебе три заповеди: соблюдая их, ты всю свою жизнь будешь получать немалую пользу». Подивился птицелов таким речам и ответил, что если услышит от соловья что-нибудь новое, тотчас освободит его из плена. Встрепенулся соловей и говорит человеку: «Никогда не стремись достичь невозможного, не сожалей о неудавшемся и никогда не верь в невероятное. Соблюдай эти три заповеди, и будешь жить славно».

Человеку понравились эти простые и понятные слова, он развязал силки и выпустил соловья на волю. А соловей захотел узнать, верит ли человек в силу его слов и готов ли извлечь из них пользу. Вот он вспорхнул крылышками в воздухе и говорит: «Эх ты, неразумный человек! Какое сокровище выпустил сегодня! Ведь внутри у меня крупная жемчужина — больше страусового яйца!»

Как только услышал это птицелов, огорчился и раскаялся в том, что такого соловья выпустил из рук. Пытаясь снова поймать его, он сказал: «Возвращайся ко мне в дом, я приму тебя как друга и отпущу с почетом».

Соловей же говорит ему: «Теперь-то я знаю, что ты ужасно глуп. Ибо охотно выслушав слова мои и с готовностью приняв их, ты не извлек из них никакой пользы. Я сказал тебе не сожалеть о неудавшемся, а ты огорчаешься, что выпустил меня из рук, то есть сожалеешь о неудавшемся. Я заповедовал тебе не стремиться достичь невозможного, а ты пытаешься поймать меня, хоть и не можешь угнаться за мною. Кроме того, я заклинал тебя не верить в невероятное; ты же поверил мне, что у меня внутри лежит жемчужина, размером больше меня самого, и не хватило у тебя ума понять, что ведь я сам-то меньше страусового яйца: так как же может поместиться во мне такая жемчужина?»

2. Человек, убегающий от единорога

2. ...Сегодня мир услаждает гортань людей приятными яствами, завтра всех этих людей отдает на съедение врагам. Сегодня кого-нибудь ставит царем, завтра предает тяжелому рабству; сегодня в изобилии предоставляет бесчисленные блага, завтра повергает в нищету и неволю. Сегодня возлагает на голову человека венец славы, завтра низвергает его лицом наземь. Сегодня украшает его шею знаками блестящих отличий, завтра унижает, закаячая в железные цепи. Желанным мир делает для всех все ненадолго, а немного позже—крайне ненавистным и отвратительным. Сегодня человек радуется, наавтра он обессилен от слез и стенаний. Послушай, какой всему этому мир уготовил конец: преданные миру сердцем станут несчастными обитателями геенны огненной...

Один человек, будучи не в силах сносить рычание и страшный рев бешеного единорога, бросился прочь от него, чтобы не попасться ему на съедение. Он быстро бежал и упал в глубокую яму. Но при падении распростер руки и ухватился за какое-то растение; он стал крепко за него держаться, а ногами уперся во что-то твердое и думал, что впредь он будет спокоен и безопасен. Вдруг, осмотревшись, он увидел, что две мыши — белая и черная — непрерывно подгрызают корень растения, на котором он повис, и оно скоро упадет. А всмотревшись в дно ямы, он увидел страшно разъяренного огнедышащего дракона. Дракон свирепо смотрел на человека, широко разинув пасть и готовясь проглотить его. Взглянув на опору, на которой он утвердил ноги, человек увидел головы четырех аспидов, обвивших стену, о которую он уперся. Обратив же свой взор кверху, увидал, что с ветвей этого растения медленными каплями стекает мед. Тогда человек забыл и думать об окружающих его опасностях: о том, что на краю ямы взбешенный и разъяренный единорог жаждет его съесть, что внизу с него не спускает глаз дракон с разинутой пастью, готовый его проглотить, что растение, за которое он уцепился, того и гляди сломится, и что ноги его держатся на скользкой и непрочной опоре: безрассудно позабыв о столь многочисленных и страшных бедах, он всецело предался наслаждению, получаемому от этого ничтожно малого количества меда.

Это сравнение относится к тем людям, которые поддались обману земной жизни; я сейчас сделаю ясным для тебя это сравнение. Единорог означает смерть, что постоянно преследует и готова поглотить род Адамов; яма — это мир, полный всевозможных зол и смертоносных сетей; растение, за которое уцепился человек и которое непрерывно грызут две мыши, — есть жизнь человеческая, непрерывно сокращаемая чередованием дня и ночи и мало-помалу приближающаяся к концу; четыре аспиды означают четыре непрочных и непостоянных элемента, от которых зависит целостность человеческого тела: когда эти элементы приходят в беспорядочное состояние, то и прочность тела человеческого сокрушается¹⁰.

Далее, тот огнедышащий неукротимый дракон означает страшное чрево ада, готовое принять тех, кто будущему блаженству предпочел усладу земной жизни. Под каплей меда подразумевается наслаждение, получаемое от мирских удовольствий, которым этот мир обманывает возлюбивших его, не позволяя им заботиться о своем спасении.

3. Притча о трех друзьях

13. Прекрасно поняв притчу, Иоасаф воскликнул: «Сколько правды в этом рассказе! Как красиво ты передал его! Так не бойся же и в дальнейшем разъяснить мне подобные иносказания, чтобы я наверное узнал, какова наша жизнь и что она дает возлюбившим ее».

Тогда старец сказал: «Вернемся к тем, кто предался жизненным наслаждениям и упивается сладостями жизни, оценив все быстротекущее и непрочное выше безмятежного будущего. Такие люди подобны одному человеку, у которого было три друга; двоих он весьма почитал и ради любви к ним готов был вынести тяжелые испытания вплоть до принятия смерти, лишь бы защитить их; готов был первым подвергнуться любой опасности. К третьему же другу этот человек относился крайне недоброжелательно, ни разу не удостоив его ни почести, ни подобающей любви. Он проявлял к этому другу лишь какую-то незначительную видимость дружбы, если не сказать— вообще никакой. Но вот однажды к этому человеку пришли какие-то весьма грозные воины и повелели ему не медля идти к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Оказавшись в затруднительном положении, этот человек стал искать помощника, который мог бы содействовать ему при столь грозном царском повелении».

И вот, прибежав к первому своему, самому искреннему другу, человек говорит: «О друг! Ты знаешь, что я всегда готов был душу за тебя отдать; теперь же мне нужна помощь, потому что как раз сегодня постигло меня горе. Итак, скажи, чем можешь ты сегодня помочь мне? Могу ли я на тебя надеяться, милейший?» И тот сказал ему в ответ: «Я, человек, не друг тебе; я не знаю, кто ты. У меня есть другие друзья, сегодня я буду веселиться с ними, и в будущем они останутся моими друзьями. Тебе же я дам два рублища, отправляйся себе в них в путь, больше я тебе ничем не смогу быть полезен. И никакой иной надежды не возлагай на меня понапрасну».

Услышав такие слова и отчаявшись в помощи того, на кого надеялся, он отправился ко второму другу и говорит ему: «Помнишь, друг мой, как я почитал тебя и был добр к тебе? Теперь же я попал в беду, я так несчастен и нуждаюсь в помощи. Итак, чем ты можешь мне помочь, скажи мне?»

Тот отвечает: «Сегодня я не могу помочь тебе, так как у меня тоже немало забот из-за приключившегося со мною несчастья; я тоже попал в беду. Впрочем, я провожу тебя немного, а больше

ничем не смогу быть тебе полезным; я скоро вернусь домой и предамся собственным, не дающим мне покоя, работам».

Таким образом, и от этого друга тот человек ушел с пустыми руками. Не получив ниоткуда помощи, он сетовал на себя за то, что понапрасну надеялся на своих неблагодарных друзей и безо всякой пользы предавался тяжелому труду ради любви к ним.

Наконец, отправляется он к третьему другу, о котором никогда не заботился и не приглашал делить с собой радости; и говорит он ему со стыдливым смущением в лице: «Я не могу проронить перед тобой ни слова, отлично зная, что ты не помнишь ни одного случая, чтоб я когда-нибудь сделал тебе приятное или проявил дружеское участие. Но теперь, когда меня постигло ужасное несчастье и я оставил всякую надежду на помощь моих прежних друзей, я пришел к тебе с просьбой хоть немного помочь мне, если ты в состоянии. Прошу тебя, не откажи мне, не припоминай мою несправедливость». Тот же говорит, а лицо его весело и ласково: «Нет, я считаю тебя самым настоящим своим другом; помня о незначительном благодеянии, какое ты мне оказал, я сегодня воздам за него сторицей. А потому не бойся, не страшись,— ведь я пойду вместе с тобой, буду просить за тебя царя, чтобы он не предавал тебя в руки врагов твоих. Итак, мужайся, милейший, и не горюй». Тогда тот человек, почувствовав угрызения совести, обливаясь слезами, сказал ему: «О, горе мне! Что прежде мне оплакивать! На что прежде жаловаться? Раскаиваться ли сначала в напрасном сострадании к забывчивым, неблагодарным и неверным друзьям своим или сетовать на ту безумную несправедливость, какую я проявил к тебе, своему истинному и искреннему другу?»¹¹

4. Притча о царе, избираемом на год

14. Знал я про один большой город, у жителей коего издревле был такой обычай: они выбирали какого-нибудь иноземца, мужа неопытного, совершенно незнакомого с законами и традициями города. Ставили они его над собой царем, предоставляя всю полноту власти и возможность беспрепятственно делать все по своему желанию на срок до истечения одного года. Потом, неожиданно, в самый разгар его беззаботной, роскошной, богатой удовольствиями жизни, когда ему казалось, что царствование его будет длиться бесконечно, они вдруг нападали на него, срывали царскую одежду и, голого, торжественно водили по всему городу, после чего изгоняли, отправив на какой-нибудь весьма отдаленный большой остров. Там, не имея достаточно ни пищи, ни одежды, он страшно томился в голоде и холоде. Как неожиданно достались ему роскошь и удовольствия, так же неожиданно он погружался в уныние, и у него ничего не оставалось, кроме надежды и ожидания.

Итак, жители этого города продолжали следовать своему обычаю. Но однажды к власти пришел один очень мудрый, изощрен-

ный умом человек, который не тотчас воспользовался всем неожиданно выпавшим ему изобилием благ, не пытался подражать беззаботной жизни своих предшественников по трону, столь несчастно отброшенных. Он постоянно заботился и размышлял в душе о том, как бы ему укрепить свое благополучие. Пребывая в непрерывных заботах, он узнал от одного весьма умного советника об этом обычае граждан, об ожидающем его продолжительном изгнании и вполне справедливо решил обезопасить себя на будущее. И вот, узнав, на какой именно остров ему придется отправиться, оставив это чуждое ему царство другим лицам, он открыл свои сокровища, которыми до сих пор пользовался совершенно свободно, взял большое количество вещей, серебра, золота, драгоценных камней наибольшего достоинства и передал их самым верным своим слугам, чтоб отправили все это на остров. По прошествии годичного срока граждане, подняв мятеж, отправили этого царя, как и его предшественников, голым в изгнание. Но те цари, неразумные и царствовавшие недолго, страшно голодали. Этот же, заранее приготовив богатые запасы, продолжал жить в достатке, в неизменной роскоши, отбросив всякий страх перед коварными и злыми гражданами, почитая себя счастливым благодаря своему мудрому доброму решению.

Итак, под городом разумеи этот суетный и обманчивый мир, под гражданами — власть и могущество дьявола... А под добрым советником, познавшим всю правду и научившим рассудительного и мудрого царя спасительному образу жизни, подразумевай мое низменное ничтожество, меня, который пришел к тебе указать прямую дорогу к добру, ведущую к вечным и бесконечным благам; я советую тебе оставить все мирское, вводящее в заблуждения этого мира, который и я безуспешно любил, но устоял пред его наслаждениями и соблазнами...

IV. ПОИСКИ ВАРЛААМА

22. Узнав, что Варлаам удалился отсюда недавно, царь поспешил захватить его. И вот по всем дорогам царь расставил начальников своих отрядов, а одну из них, внушавшую особое подозрение, занял сам, скача во весь опор верхом на коне. Царь рассчитывал во что бы то ни стало первым захватить Варлаама. Целых шесть дней не знал царь отдыха, но лишь понапрасну себя измучил. Тогда он удалился на некоторое время в один из своих царских дворцов, расположенных в сельской местности, а Арахен с немалым числом всадников отправил на поиски Варлаама, в самую Сennaарскую пустыню. Заняв эту местность, Арахен нагнал страх на всех жителей, но так как они упорно отрицали, что видели когда-либо этого человека, Арахен отправился на розыски благочестивых людей в отдаленные области пустыни.

Далеко продвинувшись в глубь пустыни, окружив горы и исхидив недоступные, трудно проходимые овраги, Арахен со своим

отрядом захватил один холм; взобравшись на него, он видит много монахов-отшельников, гуляющих по подгорью. И тотчас по приказу начальника все во весь дух бегут к ним, стремясь опередить друг друга. Добежав, воины окружили монахов, будто свора собак или какие-нибудь дикие разъяренные звери. Они хватают этих людей, достойных уважения и за их внешний вид, и за образ жизни: ведь их лица красноречиво свидетельствовали о тяжелых днях, проведенных в пустыне. Терпя оскорбления, предстали эти люди пред начальником воинов, не проявляя никакого возмущения, не произнося ни слова оскорбления, ни звука жалобы. Впереди них шел человек, вероятно, их предводитель, с власяной сумой, наполненной останками покинувших этот свет святых отцов.

Арахен внимательно обвел всех взглядом и, не найдя Варлаама (а он его знал), опечалился и говорит им: «Где тот обманщик, который совратил с прямого пути царского сына?»

Человек с сумой ответил: «Его нет среди нас, и никогда пусть не будет! По милости Христа он бежит от нас и поселяется у вас». Арахен спросил: «А ты его знаешь?» — «Разумеется, — ответил отшельник, — я знаю того, кого зовут обманщиком; это — дьявол, он живет среди вас, вы его почитаете и служите ему».

Тогда Арахен поясняет: «Но я ищу Варлаама и спросил именно о нем, не знаешь ли ты, где он?» Отвечает ему монах: «Тогда зачем же ты так неправильно выразил свою мысль, осведомляясь о том, кто обманул царского сына? Ведь если ты ищешь Варлаама, тебе следовало спросить так: где тот, кто отвел царского сына от заблуждения и спас его? Ведь этот человек — наш брат и сподвижник. Но вот уже много дней мы не видим его». — «Укажи его жилище», — требует Арахен. Подвижник в ответ: «Если бы Варлаам хотел вас видеть, он сам вышел бы вам навстречу. Мы же не можем указать вам его жилище!»

На это начальник воинов страшно рассердился и говорит монаху, взглянув на него со звериной яростью: «Я предам всех вас не виданным еще пыткам, если вы сейчас же не приведете ко мне Варлаама...»¹²

Не выдержал незаконник столь откровенных речей монаха и, особенно потрясенный благородством его души, предал этих людей ужасным побоям и пыткам; все же их твердость и благородство даже этому тирану показались достойными удивления. Однако после стольких наказаний не удалось Арахену привести этих людей к повиновению: ни один из них не соглашался указать ему Варлаама. Тогда он берет их под стражу и приказывает вести к царю; дорогой их били и оскорбляли, а они шли и несли сумы с останками умерших.

23. Прошло немало дней, и вот Арахен приводит монахов во дворец и рассказывает о них царю, затем представляет их пред лицом страшно разгневанного царя. Увидев их, царь вскипел от гнева, как безумный, приказал безжалостно их бить, хотя видел на

них следы уже перенесенных жестоких побоев; едва уняв свое яростное безумие, он приказывает прекратить бичевание и спрашивает их: «Почему вы носите с собой эти кости мертвецов? Если только потому, что это кости очень любимых вами прежде людей, то носите, а после вашей смерти я положу туда ваши кости, чтоб вы, встретившись со своими любимыми, были бы благодарны мне».

Глава же и предводитель этих святых мужей, не обратив никакого внимания на угрозу царя, сказал спокойно, будто с ним не приключилось никакого несчастья, с достоинством в лице, свидетельствующим об его душевном благородстве: «О царь! Мы носим эти святые чистые кости с собою и оказываем этим почтение тем удивительным людям, храня память об их подвижнической жизни, посвященной богу. Оттого и у нас самих появляется такое желание, поскольку мы видим пред собой как в зеркале покой и блаженство, в котором они теперь пребывают. Прославляя же то блаженство, мы тем самым ободряем друг друга в своем стремлении пойти по их стопам. Кроме того, постоянно иметь напоминание о смерти весьма полезно, это окрыляет нас и сильнее воодушевляет на труды подвижнической жизни; через соприкосновение с ними мы приобщаемся к освящению».

Царь опять говорит монахам: «Если, как вы утверждаете, полезно напоминание о смерти, то почему же кости в ваших телах, которые еще не разлагаются, не могут напоминать вам о смерти в большей степени, нежели кости чужие и разложившиеся?»

И ответил ему монах: «Я привел тебе пять причин, объясняющих, почему мы носим останки умерших; ты же, возражая на одну, вздумал насмеяться над нами. Так знай, что кости умерших гораздо лучше напоминают о смерти, чем кости живых людей. Но если ты думаешь по-своему и кости в твоём теле напоминают тебе о смерти, то почему же, думая об еще не наступившей тебя смерти, сам ты плохо готовишься к ней, предаваясь душой различным беззакониям, насильственно и безжалостно уничтожая почитающих бога и стремящихся к благочестию? Ведь они ничем тебя не обидели и не хотят ни оспаривать того, чем ты владеешь, ни отнимать?»

Царь сказал: «Вы — опасные обманщики народа, я по заслугам накажу вас за то, что всех вы вводите в заблуждение, призывая отказаться от приятных жизненных удовольствий; за то, что вместо соблазнительных желаний и радостей вы принуждаете избрать трудный, безотрадный, неровный путь; за то, что вы призываєте отказаться от почитания богов ради Иисуса. Так вот, чтобы народ не поддался на ваш обман и не превратил бы землю в пустыню, чтоб он не отказался от почитания отечественных богов и не стал бы служить чужому богу, я со всей справедливостью решил предать вас казни».

Монах же говорит: «Если, царь, ты желаешь, чтоб все вкусили жизненных благ, почему тогда не всем в равной степени позволяешь наслаждаться роскошью и богатством? Ведь большинство терпит крайнюю бедность, ты же похищаешь и присваиваешь себе их

плоды. Вот и выходит, что ты не заботишься о спасении вверенных тебе людей, но лишь утучняешь свою плоть, готовя обильную пищу червям. Для того ты и всеобщего бога отрицаешь, провозглашая богами несуществующих богов, виновников всяких беззаконий, чтобы ты, подражая их беспутствам и беззакониям, стяжал бы славу подражателя этим богам. Ибо если так поступают ваши боги, почему точно так же не поступать почитающим этих богов людям? А отсюда следует, царь, что ты глубоко заблуждаешься. Ты боишься, как бы мы не убедили кого-нибудь из твоего народа последовать нашим убеждениям, выйти из-под твоей десницы и признать над собою власть десницы всемогущей. Ведь ты хочешь, чтоб много людей служило твоему величеству, чтоб они трудились, а ты извлекал бы из этого выгоду. Но так обычно кормят собак или птиц, подготавливая их к охоте: до охоты притворно ласкают их, лишь бы они схватили добычу, а потом насильственно вырывают ее у них из пасти. Точно так же и ты, царь, желая, чтоб тебе платили большой налог, вносили много податей и с земли и с моря, говоришь, что заботишься о спасении своих подданных. На самом же деле ты готовишь им вечную гибель, а прежде всего — самому себе, потому что лишь у тебя растет ненужное богатство, нажитое нечестно, недобрым путем. Но ты этого не замечаешь, так как вместо света тебя объял мрак. Так очнись же от этого земного сна, открой закрытые глаза свои и взгляни на озаряющую всех славу нашего бога. Приди же, наконец, в себя! «Образумьтесь, бессмысленные люди! Когда вы будете умны, невежды?» — говорит пророк¹³. Пойми же, что нет бога, кроме нашего бога, и нет спасения, если не в нем самом!»

Царь же в ответ: «Прекрати свое глупое пустословие и тотчас покажи мне Варлаама, или я тебя подвергну таким орудиям пытки, каких ты никогда не испытывал!»

Но крепкий духом, благороднейший подвижник, горячо преданный небесной мудрости, нимало не дрогнул под угрозами царя и, стоя спокойно, как прежде, сказал: «О царь! Мы должны исполнять не твои приказания, а повеления нашего господина бога, который учит нас сохранять благоразумие при всех наслаждениях и желаниях. Он делает нас храбрыми, так что ради справедливости мы выдержим любые трудности и любое оскорбление. Поэтому, чем больше ты заставишь нас вынести мучений за наше благочестие, тем большую услугу окажешь нам. Делай поэтому что хочешь. Ведь мы не совершили ничего непристойного и сами себя не введем в прегрешение. Даже и ты сочтешь немалым грехом, ежели мы предадим в твои руки нашего соратника и сподвижника. Но тебе не удастся посмеяться над нами, если даже ты предашь нас тысячам казней. Ибо мы не настолько слабы духом, чтобы из страха перед пытками изменить нашему учению и сделать что-либо недостойное нашему божественному установлению. А потому приготовь все, какие только тебе известны, мучительные орудия пытки, потому что

для нас жизнь заключается во Христе, а смерть за него — наилучшая награда».

Эти слова привели царя в ярость, он приказал отрезать проповедникам языки, вырвать глаза, переломать руки, ноги. Как только объявили этот приказ, оруженосцы, окружавшие их, и вся стража стали жестоко, безжалостно увечить святых: крючками вытягивали у них изо рта языки, зверски отрезали их; вырывали глаза железными щипцами; при помощи особых орудий пытки ломали им суставы рук и ног и затем отрубали. А блаженные, скромные и благородные по своему образу мыслей люди, словно созданные на пиршество, мужественно сносили эти пытки, подбадривая друг друга и бесстрашно принимая смерть за Христа.

V. РЕЧЬ НАХОРА ¹⁴

27. ...Нам известны, царь, три рода людей в этом мире: почитающие так называемых вами богов, иудей и христиане. В свою очередь признающие многобожие делятся на три рода: халдеев, эллинов и египтян. Ведь эти три народа оказались родоначальниками и учителями остальных народов в служении многочисленным богам и в почитании их. Давайте же посмотрим, на чьей стороне истина, а на чьей — заблуждение!

Прежде всего халдеи, не признающие бога, ошибочно приняли за главную первооснову всего простые первоэлементы и стали почитать результат создания вместо самого создателя тех веществ... И мне кажется, царь, удивительным, как же эти так называемые их философы совсем не поняли того, что первоэлементы тленны. А если они тленны и подчинены необходимости, могут ли они быть богами? Если же эти первоэлементы — не боги, то как же можно в качестве богов почитать воздвигнутые в их честь статуи? ¹⁵

Заблуждаются те, кто считает солнце богом. Ведь мы видим, что оно движется по законам необходимости, меняет свое местонахождение, переходя от одной точки к другой, что оно заходит и восходит, согревая листья и молодые побеги на благо человеку; кроме того, оно входит в систему других звезд; оно намного меньше неба, случаются и затмения, и вообще оно вовсе не самодовлеющее само по себе. Вследствие этого солнце следует считать не богом, а творением бога.

Заблуждаются те, кто считает божеством луну. Ведь мы видим, что она движется по законам необходимости, меняя свое местонахождение, переходя из одной точки в другую, заходит и восходит, когда это необходимо людям. Луна меньше солнца, порой увеличивается, порой уменьшается, случаются и затмения. Вследствие этого луну следует считать не божеством, а творением божества.

Заблуждаются и те, кто считает человека богом. Ведь мы видим, что он подчиняется законам необходимости, растет и стареет, вопреки его желанию. То он радуется, то огорчается, нуждается в

пище, питье и одежде. Ему свойственны гнев, зависть, вожделиние, раскаяние и многое иное, гораздо худшее. Многие причиняет ему вред — и стихии, и животные, и смерть, которой он подвластен. А потому нельзя полагать, будто человек — бог; он — творение бога. И потому халдеи глубоко заблуждаются, заменяя бога своими выдумками. Ведь они почитают тленные элементы и мертвые статуи и не замечают, что все это — творение божие.

Теперь перейдем к эллинам и посмотрим, что думают они о боге. Ведь эллины, считающие себя мудрецами, оказались глупее халдеев, поскольку они ввели многобожие; одни из их богов — мужского рода, другие женского, все наделены различными страстями, все участвовали во всевозможных преступлениях. О царь! Какие смешные, глупые и нечестивые истории выдумали греки, называя богами тех, кого не существует в действительности; и все это в угоду своим порочным желаниям — чтобы, имея в лице этих богов защитников порока, можно было бы прелюбодействовать, воровать, убивать и вообще творить что-то безобразное. Разумеется, раз все это сделали боги, то как же люди не будут делать того же самого? А при таком ошибочном учении у людей и происходят беспрерывные войны, убийства, существует тягостный плен. Но сейчас я расскажу о каждом боге в отдельности, и ты увидишь, царь, полнейшую нелепость учения эллинов.

Вот первый почитаемый у них выше всех богов — тот, кого они зовут Кроном и кому приносят в жертву своих детей. У него много было сыновей от Реи, но в безумии он съедал собственных детей. Рассказывают, что Зевс стрезал у Крона необходимый член тела и бросил в море, откуда, согласно мифу, появилась Афродита. Зевс же заковал своего отца в цепи и сбросил в тартар. Видишь ли ты, какую ложь и распутство наговаривают эллины на своих богов? Разве можно поверить в то, что бог заключен в оковы и лишен члена? Это же безрассудно! Кто из разумных существ может сказать такое?

Вот второй почитаемый у эллинов бог — Зевс. По их словам, он царствует над богами и превращается в различные существа, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Ведь говорят, ради Европы Зевс превращался в быка, ради Данаи — в золото, ради Леды — в лебедя, ради Антиопы — в сатира, ради Селены — в молнию. А потом от этих женщин родилось много детей — Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемиды, Персей, Кастор и Полидевк¹⁶, Елена, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, называемых музами.

Затем так же нелепо наговаривают эллины на Ганимеда. Разумеется, царь, люди начали подражать всему этому и делались развратниками, поддавались преступной страсти к мальчикам, совершали и другие позорные поступки, подражая своим же богам. Но можно ли допустить, чтобы прелюбодей, или мужеложник, или отцеубийца был богом?

Точно так же эллины провозглашают богом какого-то Гефеста-хромого, владеющего молотом и наковальной и добывающего себе пропитание кузнечным ремеслом; следовательно, Гефест — беден, а ведь бог не должен быть хромым и быть беднее людей.

Далее, в качестве бога почитают они Гермеса. Он и страстям подвержен, и до воровства жаден, кривой; он маг и толкователь снов. Но ведь бог не должен быть таким.

Считают богом Асклепия — врача, составляющего лекарства и мази, чтобы добыть себе пропитание (ведь он был беден), а в довершение ко всему Зевс поразила его насмерть молнией из-за Тиндарея, лакедемонского сына. Если же Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, когда в него ударила молния, то как же он поможет другим?

Считают богом Ареса — сеятеля войн, завистника, жадного до чужих стад и чужого имущества. А в конце концов маленький Эрот и Гефест заковали его в цепи, когда он прелюбодействовал с Афродитой. Но каким образом бог может быть алчным, сеять войны, позволить заключить себя в оковы, развратничать?

Почитают как бога Диониса, зачинщика ночных празднеств, наставника в пьянстве, совратителя чужих жен, безумного беглеца¹⁷, в конце концов убитого титанами. Но какой же Дионис бог, если он не мог помочь себе, когда его убивали, если он безумствовал, пьянствовал и обращался в бегство?

Почитают и Геракла, тоже пьяницу, убийцу своих собственных детей, затем сгоревшего в объявшем его пламени. Какой же он бог, ежели он пьяница, убийца своих детей и сгорел в огне? И как он может помочь другим, когда не смог помочь самому себе?

Чтут бога Аполлона, он — завистлив, держит в руках то лук и колчан, то кифару и флейту. Он же дает людям предсказания за плату. Значит, Аполлон очень беден; но бог не может быть бедным, завистником и певцом на кифаре.

Почитают Артемиду, сестру Аполлона, страстную охотницу, обладательницу лука и колчана; носится она одна по горам с собаками, выслеживая лань или кабана. Но может ли быть богиней эта женщина-охотница, бегающая со сворой собак?

Даже Афродиту-развратницу почитают как богиню. Ведь однажды она возлегла на ложе Ареса, другой раз — Анхиса, третий — Адониса, смерть которого она оплакивает в поисках своего любовника. Про нее говорят, что она спускается в Аид, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, царь, большее безрассудство? Считают богиней развратницу, обливающуюся слезами в своих жалобах!

Почитают богом охотника Адониса, погибшего в муках от растерзанного им кабана и оказавшегося не в силах помочь себе в своем несчастии. Как же может заботиться о людях прелюбодей, охотник, погибший не своей смертью?

Вот, царь, как много позорного и еще более ужасного и дурного

придумали греки о своих богах; грешно говорить об этом и лучше совсем не вспоминать. А люди берут пример со своих богов и допускают беззаконие, бесчестье, беспутство, оскверняя землю и воздух своими чудовищными поступками.

Египтяне же еще более невежественны и глупы, заблуждаются еще сильнее, нежели все другие народы. Ведь им мало оказалось халдейских и греческих святынь. Кроме них, они стали считать за богов бессмысленные существа — земные и морские, кусты и деревья и в своем полнейшем, бесстыдном безумии творят скверну хуже всякого иного народа, населяющего сию землю. Ведь в древние времена египтяне почитали Исиду, Осириса — ее брата и мужа, убитого ее братом Тифоном. Из-за этого Исида бежит со своим сыном Гором в сирийский Библон¹⁸; горько плакала она в поисках Осириса, пока Гор не вырос и не убил Тифона. Таким образом, ни Исида не могла помочь своему родному брату и мужу, ни Осирис не мог спасти себя от убийства Тифоном, ни Тифон, этот братоубийца, оказался не в силах отвратить от себя смерть, когда на него напали Гор и Исида. И вот тех, кто сам себя заклеил подобными преступлениями, глупые египтяне считают богами!

VI. ВСТРЕЧА ВАРЛААМА И ИОАСАФА В ПУСТЫНЕ

38. И вот Иоасаф остановился перед входом в пещеру. Постучав, он сказал: «Благослови, отче, благослови!»

Услышав его голос, Варлаам вышел из пещеры и узнал Иоасафа лишь по откровению свыше, ибо по внешнему виду трудно было узнать его из-за происшедшей в нем удивительной перемены: так сильно изменилась внешность Иоасафа с тех пор, как Варлаам видел его в расцвете молодости. Теперь же Иоасаф был черен от солнечного зноя, весь зарос волосами, щеки его впали, глаза провалились куда-то вглубь, веки были воспалены от потоков слез и множества перенесенных страданий. Иоасаф тоже узнал своего духовного отца более всего по сохранившемуся, присущему только ему одному, выражению глаз.

Сказание о сорока двух аморийских мучениках

Анонимное сказание о сорока двух славных защитниках фригийского города Амория (Малая Азия), осажденного арабскими войсками в 838 г., написано в первой половине IX в. На греческом языке оно сохранилось в нескольких редакциях, не содержащих существенных различий. Сказание повествует о греческих вождях и воинах, попавших в плен к арабскому халифу после взятия Амория. Несколько лет спустя они заплатились своей жизнью за то, что не согласились перейти в мусульманскую веру. С культурно-исторической точки зрения в сказании особенно ценны такие подробности, которые проливают свет на идейную борьбу и полемику между христианством и магометанством в IX в. Предлагаемая здесь редакция сказания уже в XI в. была переведена на древнеславянский язык, и перевод этот сохранился до настоящего времени.

Описание осады города Амория с кратким историческим объяснением причины этого события, а также повествование о мучениях, испытанных в плену сорока двумя воинами, дано в стиле народной эпической песни: патетично вступление — обращение к «почтенным и христолюбивым слушателям»; авторские восклицания, проходящие через все повествование, придают сказанию лирический оттенок. Описания умело перемежаются с разговорным диалогом — предельно кратким, но тем более выразительным. Кончается сказание молитвенным обращением автора к сорока двум мученикам: он взывает к их помощи в случае варварского нашествия, голода, мора, а также в случае разделения церкви — намек на только что окончившуюся борьбу иконопочитателей с их противниками.

МУЧЕНИЕ СВЯТЫХ СОРОКА ДВУХ МУЧЕНИКОВ

Ныне, почитатели мучеников, устремим слух свой к мученическим подвигам, чтобы принять благодать от новоявленных, недавно открывшихся нам страдальцев. Возрадуйтесь, о почитатели мучеников! Станьте сегодня здесь и обратите взоры на прекрасное шествие, каковое совершили эти мученики.

Для меня, о почтенные и христолюбивые слушатели, настало время описать мучение; и хотя любовь, а больше страх владеют мною, все же поистине следует удивляться, как они, презрев все, последовали богу, владыке и царю истинному; а главное, как и

подобает, тому, что возвеличенные в этой жизни столь высоким саном, эти мученики ничего из нее не взяли, но, все от себя отрешивши, уготовили себе спасение. Они предпочли разделить с Христом страсти его, чем совершить хотя бы незначительное прегрешение. Очень возлюбили они владыку, а он еще больше возлюбил их. Просили они благодати и приняли двойную вместо одной. И в святости своей соревновались они с теми, кто был ниже их, и получали с благодатью, то к чему устремились. Возжаждали они нетленного вместо тленного, и исполнилась воля их; возжаждали вечно быть почитаемыми, и это желание не осталось неудовлетворенным; замыслили деяние доброе, и получили двойную выгоду, ибо найдены были на празднике, самим Христом установленном; презрели они земную жизнь, и были удостоены небесной. О новое и невероятное действо! Кто не удивится этому скорому и ясному просветлению веры, тому, как радостно и смело пошли они на страдания, как, нимало не колеблясь, пошли на мучение.

Но сократим вступление и перейдем к мученическим подвигам добропобедных мучеников, рассказывая об их мужественных страданиях, о том, как вели их в отвергнутую богом землю агарянскую¹, как они жили там и каким было мученическое ристалище.

С чего подобает начать мне и как расскажу об их доблестном мужестве? Ведь меня охватывает страх и трепет ужасный,— что если я, желая почерпнуть сладкой воды от их величия, не осмеюсь прикоснуться ни к единой ее капле? И все же я повинуюсь евангельскому слову, говорящему, что все возможно для верующего и что все, что вы сделаете во имя господне, есть свет, а потому и вы являетесь чадами света; я сказал это в начале слова, полагая в этом молении заступничество. Да войдут к нам любимые сорок два мученика и да пожнут духом своим вместе с нами! Ибо, даже не существуя, они телесны,— ведь я стану разговаривать с ними, словно с живыми,— верю я, потому что духом они вместе с нами.

Начну же отсюда свое полновесное слово!

Феофил, царь наш², снарядившись на войну, выступил против скверной страны агарянской и, выступив, достиг желанного: разграбил славные города агарянские, в которых жило племя могущественных в то время измаилитов, и возвратился в свой царственный град, привезя с собою победное золото, серебро и множество пленников агарянских.

Узнал об этом отрицатель Христа амеурми³, преисполнился гнева и ярости. К тому же, не в силах снести позор поражения, выступил на следующий год в поход против преславного града Амория. Любим и славен был Аморий, ибо после царственного града⁴ он почитался вторым. Услышав о происходящем, названный ранее царь сам тоже выступил в поход, повелев ромейским вождям войти в означенный град для охраны и защиты его. Через несколько дней предстал пред градом тот безбожник со всем своим войском — в начале августа месяца, в его эпиминисни⁵, и тотчас начал

подступать к городу. Было это так: он то шел на него походом, то заискивал льстивыми безбожными речами, но не мог полонить Амория, основанного на вере Христовой. Так, ничего не добившись, он вконец обессилел.

Сатана же, увидев, что служитель его не воюет, вошел в сердце одного из военачальников и склонил его на предательское дело. Этот окаянный, подражая Иуде, приходит к отрицателю Христа, открыто говоря ему: «Что получу от тебя, если предам тебе этот многонаселенный город и перейду в твою веру?»

Удивительное дело! В том, кого считали военачальником, охраняющим порядок, я вижу предателя и второго Иуду!

Обрадовался коварный, обещал сделать его вторым после себя в своих палатах. Прельстившись этим, военачальник вместе с агарянами возвратился на башню, которую охранял, и так сказал людям, которые были у него в подчинении: «Смотрите на меня! Зачем вы еще противитесь?» — и обещал сохранить их невредимыми. Едва они услышали это, убрали сторожей, и агаряне, получив свободу действий, словно дикие звери, устремились в град, и вместе с ними безбожный эмир. Вошел тот пустохвал внутрь города и безбожно, варварски надругался над ним!

О безутешное бедствие! Кто в силах живописать стенания, жалобы и плач жителей города? Отец видит, как убивают его сына, а сын — как отца, мать — как родную дочь, дочь — как родную мать, господина — как рабов, а рабы как господ своих, брат — как брата, друг — друга и прочие все по порядку; и вообще — одних убивают, иных сожигают на пожарищах, устроенных безбожниками, третьих душат — так исполнялся над ними последний смертный приговор. И хотя бы где-нибудь приостановили расправу, хотя бы сделали где-нибудь передышку или хоть бы кого-нибудь оставили в живых! Нет, всюду смерть, всюду горе, всюду плач, всюду стенания, всюду сеча, всюду кровь, всюду стоны и слезы и безжалостные вершители всего этого.

Покончив со столь бесчеловечными убийствами, негодяи добрались и до новосияющих подвижников, прекрасных цветов христианских, добропобедных мучеников благочестия; связали их по рукам и ногам и бросили в городскую темницу, а вместе с ними — неисчислимый род христианский.

О диво-дивное! Может ли раб греховный заставить рабов стать вершителями справедливости? Другую Эфиопией⁶ явился мне этот полоненный ныне город, явивший сорок два градохранителя!

Связанные, горько опечаленные и отягощенные бедствием, шли они надлежащим путем своим. А тот пустохвал и варвар, придя в местечко, называемое Панкалия⁷, тотчас, ни мало не медля, одних загубил мечом, иных отдал в рабство своим вельможам, третьим повелел быть верными его стражниками и сопроводить его в дороге вместе с упомянутыми прежде святыми. И поработил чада свободные раб греховный.

Отправились они во лживую землю сирийскую⁸, терпя нужду, оскорбления, страдания. Там заключили их в темницу; что претерпевает в ней узник — хорошо известно вашему боголюбю. И все то время, пока находились они в тюрьме, непрестанно, неутомимо приносили они дено и ношно молитвы господу богу.

Прошло семь лет, и захотел беззаконник, тогдашний правитель нечестивых измаилитов, чтобы святые либо повиновались ему и сделались его единомышленниками, либо осудить их на смерть. Призвав к себе одного из своих вельмож, говорит ему: «Ступай в темницу и приведи завтра утром своих заключенных, славных мучей, называемых христианами».

Тот быстро исполняет приказание, приходит в тюрьму и велит им выйти из нее; надевает на них оковы и отправляет их в палаты. Они же шли и все время пели: «Господи, господи, да не возвратимся униженными и посрамленными!». Потом ясно сказали беззаконнику: «Пришли те, которым повелед ты явиться». Он же объявляет им через своего советника: «Повинуйтесь мне и станьте моими единомышленниками; если же нет — будете преданы смертной казни».

Услышав это, благородные воины Христовы и истинные христиане, будто из единых уст единым гласом промолвили: «Да не отречемся от тебя, господи, творец неба, и земли, и всего, что в них есть, от тебя, сидящего на херувимах и прославляемого всем сотворенным! О трижды святой боже из богов и владыка милостивый! Предадим мы все земное презрению, чтобы приобщиться к тебе одному!» И, повернувшись к беззаконнику, сказали: «Единоначалию вашему не поклоняемся и приказаниями вашими гнушаемся».

Поняв, что святые прекословят ему, ненавистник Христа заскрежетал на них зубами, словно лев, и приказал им связанными идти на реку, называемую Тигром. А сам беззаконник сел на корабль и поплыл к означенному месту. Святые же пели всю дорогу, пока вели их: «Блаженны непорочные, ходящие по пути закона господнего!»

Закончив пение, начали друг друга увещевать утешительными словами: «Братья по брани! Не склоним головы пред врагами нашими, но воспротивимся мужественно беззаконнику, чтобы удостоиться благодати небесной!»

Так шли святые от девятого часа всю ночь до утра, и пришли они к означенному месту, и заключили их в некую обитель. Прибыл и беззаконник, что плыл на суденышке; сел он на коня и приискал, дабы сделать опрос. Призывает он одного из святых, Феодора Непобедимого, по прозванью Сильный, славного сложением, скопца по природе; хотел беззаконник убедить его отречься от веры Христовой. Стал он говорить святому: «Послушай меня, человек, отрекись от так называемого вами христианства, прими мою веру, и удостоишься от меня великих почестей, я сделаю тебя пребогатым и не предаю смерти, как злодеев». Но достойный воин

Христов, честный сосуд, опора мучеников, воистину словно камень твердый в вере, отвечал ему через толмача: «Нет, не отрекусь, псалютий, от пресвятой троицы и не стану я иудействовать, как ты, преисполненный злого бешенства». В ярость пришел беззаконник и ответил праведнику: «Этого, словам моим не повинующегося и приказам моим противящегося, повелеваю усечь мечом».

Палачи принялись исполнять данное им повеление, разодрали одежду мученика от шеи до самых ног, отсекали его святую голову. А святой сказал перед тем: «Господи! Предаю дух мой в руки твои!»

Наступил, должно быть, третий час, и святые окончили обычную молитву, прося себе у господина скончания их жизни. Распалвшись гневом, коварный беззаконник приказывает всех их усечь. И святые, услышав свой приговор, возрадовались вышней награде и принялись ободрять друг друга. Вот выступил вперед один муж, славный предками своими, по имени Вассой,— опора веры истинной, и радостно крикнул сподвижникам: «Будем держаться в доблестью, храбро выстоим за призвавшего нас разделить участь святых, который избавил нас от зловерия безбожных измаилитов и привел нас в свое царствие небесное. Причастимся же к страданиям Христа! Пойдем желанным путем! Не будем заботиться о преходящем, но будем помнить о рае! Претерпим немного, чтобы радоваться вечно! Вы помните, братья, жизнь мою, как перед земным царем на мирском поприще трудился я⁹, чтобы стяжать себе тленный венец. Разве не следует с большей готовностью стремиться к предстоящему сражению? Поэтому, братья, храбро и мужественно претерпим все, чтобы без страха встретить Христа в царствии небесном и чтобы принял ты нас, господи, к себе, как жертву угодную и приятную, на святой жертвенник твой. Ибо со всей нашей готовностью разделим с тобой твои страдания, господи!»

И, приблизившись, лютые слуги набросились на Константина, патрикия на земле,— а я верю, что и на небесах ему быть в том же сане; разодрав его одежду от шеи до ног, честную главу его отсекали мечом. А вслед за ним у Феофила протоспафария таким же образом разодрали хитон и отсекали ему главу. А вслед за ним Каллисту, спафарию¹⁰ из рода Мелиссинов, отсекали главу.

А названный прежде Вассой, увидев, что теперь настал час его страданиям и что слуги разодрали одежды всех мучеников, сам сорвал свой хитон, нагим выбежал на средину убищ и крикнул: «Нагим я вышел из чрева матери моей, нагим и возвращусь»¹¹. Набросились на него слуги и отсекали его честную главу.

Скончались эти мученики, а потом и остальные скончались, ободря друг друга. И тотчас же на то место, где было первое их заключение в темнице, сошел с неба свет, светивший, как светоносное облако. И узнали оставшиеся здесь о подвиге святых.

А один из святых, приведенных к тиранну, поддавшись лъстивым речам коварного безбожника, оробел пред тяготами, жизнелю-

бец, повредился умом и уступил увещаниям грешника. Возрадовался лукавый и овладел им. Окаянный же этот, который ради прегрешения в преходящем мире лишился блаженной жизни, взывал к мерзкому тиранну и говорил перед всеми: «Я презираю заповеди христианские и веру их и буду тебе единомышленником!»

О, горе! О, воин-беглец! Христова овца зверем заедена!

И под конец заговорил он так униженно, что советники сказали тиранну: «Мы считаем его недостойным оставить в живых, потому что если он своей веры не сохранил, то и нашей не сохранит». Тиранн согласился с этим и приказал его усечь.

О, неслыханные, невероятные вещи!

Что же это за речь была, речь жалкого человека? Какие помыслы и надежды вынашивал он в сердце, когда услышал свой смертный приговор, тот, который умер задолго до смерти, тот, который предал веру и не вкусил сладости бытия, тот, который прегрешил пред небесной жизнью и не воспринял этой? О несчастный страдалец! Хотел ты приобрести весь мир, но лишь погубил душу свою и в конце концов сам погиб.

Так скончались сорок два святых мученика месяца марта в двадцатый (шестой?) день, восьмого индиктиона, в лето шесть тысяч триста пятьдесят третье¹², в царствование ромеев Михаила, Феодоры и Феклы, царей христианских, православных, великих, славящих бога и воссылающих ему единою душою и мыслью благодарственные песни, за что сподобились они столь же великих венцов славы.

А тела мучеников подняли те лютые слуги по безбожному повелению беззаконника и бросили в реку. Телу отступника суждено было тотчас же погрузиться в пучину глубокую, тела же добропобедных мучеников неслись, словно корабли и словно чтимые челны на струях речных, и каждое тело соединилось со своей головой. Ибо не презрел господь воистину возлюбивших его. И исполнилось слово пророческое: «Хранит господь все кости праведников, не сокрушится ни одна из них» и «честна смерть святых его, грешных же — люта»¹³.

Плыли тела святых на струях речных долго-долго, и прибило их к берегу в каком-то заливе, там, где пожелали святые. И какие-то христолюбцы подняли их, помазали многоценными благовониями и положили их на почетное место.

Житие Стефана Сурожского

(IX в.)

Житие Стефана Сурожского — одно из многочисленных произведений житийной литературы, написанных неизвестными авторами по случаю памяти какого-либо святого в тот или иной день. Оно замечательно не столько литературными достоинствами, сколько историческими деталями в содержании: рассказом о последнем этапе иконоборческого движения, разжигаемого самим императором Львом Армянином (813—820 гг.). Его гонения на иконопочитателей описаны кратко, но образно.

В композиции автор строго придерживается выработанной традиции агиографического жанра: сначала рассказывает о рождении Стефана «от благочестивых и боголюбивых родителей» (причем социальное их положение автора не интересует), затем об его успехах в науках и о том, что после смерти родителей он раздал все имущество нищим и ушел в монастырь. Со временем, за выдающиеся добродетели, его возвели на архиепископский престол. Стефан становится обличителем иконоборцев, даже самого императора, претерпевает за это мучения, от которых его спасает некая Ирина, и в скором времени умирает, сотворив перед смертью много чудес, которые продолжают совершаться и после его кончины. Все повествование ведется в спокойном, размеренном ритме, лишь однажды нарушенном гневными словами Стефана, обращенными к нечестивому императору. Язык автора прост благодаря несложным синтаксическим конструкциям. С точки зрения грамматики и лексики они близки к классическим литературным образцам. Обращают на себя внимание эмоционально окрашенные характеристики императора: «зверь», «зверообразный Лев», «зарычавший Лев» и т. д.

В поэтическом отношении чрезвычайно характерны традиционные эпитеты в обрисовке образа святого, как, например: Стефан — это «свет, возложенный на светильник», «солнце, которое всех освещает и веселит светлою своею жизнью».

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ¹ ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА
НАШЕГО
СТЕФАНА ИСПОВЕДНИКА, АРХИЕПИСКОПА
СУРОЖСКОГО

1. Знаменитый и всесвятейший отец наш Стефан родился в стране Каппадокийской, в селе под названием Воривас, от благочестивых и боголюбивых родителей. Когда он стал отроком, они сдали его для изучения священного Писания. И там в науках Стефан превзошел всех своих сверстников и школьных наставников. На восемнадцатом году жизни он постиг духовные и светские предметы: творения светских и духовных авторов. И так как он хорошо усвоил весь круг образования, все его очень полюбили.

Когда же родители Стефана расстались с жизнью, он раздал все свое имущество нищим. Удалившись из отечества, прибыл он в Афины, так как желал поклониться и приложиться во храме богоматери ². Найдя тамошних, исконных для тех мест философов и ораторов, он со всеми беседовал и немало с ними рассуждал, а затем прибыл в Константинополь и сделался известным и любимым всеми, кто стремится к знаниям, из-за крайней скромности своей и умения приятно говорить. Вступив в один монастырь, он в нем постригся, потому что возлюбил монашескую и подвижническую жизнь; и он не встретил отказа в том, чего требовал.

2. А в это время, вследствие того что разлучился с жизнью и преставился ко господу предстатель славного города Суружа, настоятельно искали другого архиерея. Так как церковный чин находил, что знаменитый муж отличался выдающейся добродетелью, постоянством во нраве, силою в слове и наставлен в правильных догматах, то по определению и испытанию божественного и священного собора, а также и самого правящего апостольским престолом, — я разумею святейшего Германа-исповедника ³, — всесвятейший Стефан возводится на архиепископский престол, полагается как свет на светильник и светит там находящимся, — не только верным, но и неверным, не только близким, но и отдаленным. Словно солнце всех он освещает и веселит светлою своею жизнью; и отправляется незабвенный к доставшемуся ему стаду.

3. Вследствие попущения божия недостойный царства Лев Армянин, недостойно и тираннически захватив самодержавную власть, возжег сильнейшую брань против божественных святых и священных икон и всех, кого нашел, верных и православных, присуждал к темницам, изгнанию и горьким мукам. И когда он потряс, можно сказать, всю землю, нечестивое его поведение достигло и знаменитого града Суружа. И посылает зверообразный Лев волков-аравитян ⁴, оруженосцев своих и пособников, и они похитили божью овцу. И ученик учителя своего, как незлобивый агнец, последовал за ними, не крича и не споря. Достигнув берега, — удивительное дело! — они бросили на корабль полезнейший, священной-

ший и святейший сосуд, как некий негодный груз, и отплыли. Много пострадав во время плаванья, священнейший Стефан достиг царствующего города. И, сошедши с корабля, этот воинственный муж, облачившись во всеоружие святого духа, схватился со зверем. И зарывавший Лев никак не испугал его. Не убоился мужественный воитель, но поразила его, исходя из Писания и многих догматов, а также духовными песнопениями, и ниспроверг бессильную его дерзость. Прогредев, святой привел в ужас нечестивого и навел на него страх. И сказал этот благородный муж громким голосом: «О царь, недостойный царства! Честь образу и поклонение как творцу природы восходит к первообразу».

Сказав многое другое, святой заградил уста Льву, как некогда Даниила⁵. Но тот, изменившись в лице, тотчас приказал казнить святого, и тотчас прислужники зверя повергли святого на землю. Одни попирали его ногами и били палками, другие бросали в него камнями. И после длительных мучений святой был заключен в темницу.

Много испытал и вынесши, но одержав победу, по благодати божией, через посредство некоей жены Ирины, и в самом деле настоящей «Ирины»⁶, святой был освобожден из заключения. И, возвратившись к своему стаду, пастырь добрый нашел словесных овец своих, исполненных великой печали. Но, увидав пастыря, овцы возрадовались великою, несказанною радостью. И, хорошо упасши и научив стадо свое, сотворив много чудес — одни прежде успения, другие после успения, — он переселился к господу в пятнадцатый день декабря месяца. Его же молитвами, господи боже, помилуй и спаси нас!

Касия

(род. около 810 г.)

Несмотря на пример Евдокии-Афиянды, супруги Феодосия II, сочинявшей в V в. центаоны из стихов Гомера и переложения Ветхого Завета, и Анны Комнины (XI—XII вв.), составительницы «Алексиады», писательская деятельность ученой монахини Касии — достаточно одинокое явление в византийской культуре.

Ее имя в рукописях сильно варьируется: Касия, Кассия, Икасия, Кассиана. О ее жизни известен отдающий восточной сказкой, но достоверный исторически рассказ: Касия оказалась в числе красивейших и знатнейших девиц империи, собранных для того, чтобы молодой император Феофил выбрал среди них себе невесту. Избранница должна была получить из рук жениха яблоко. Феофил заметил красоту Касии, подошел к ней и произнес мало подходящие к ситуации слова: «От женщины в мир пришло много зла». Касия немедленно возразила: «Но через женщину произошло и высшее благо». Возможно, что этот диалог, производящий несколько гротескное впечатление, имел богословско-полемический смысл: ответ Касии имел в виду, конечно, богородицу, которую не слишком жаловали иконоборцы, — а Феофил был ярим иконоборцем. Во всяком случае, император был шокирован независимостью поведения Касии и живостью ее ума, и его выбор остановился на другой. Касии оставалось уйти в монастырь и утешаться сознанием своего интеллектуального превосходства.

Действительно, эпиграммы против «глупцов» и «невежд» занимают необычайно большое место в литературном наследии этой ученой женщины. Ее излюбленной формой была одностопная ямбическая сентенция; иногда она развертывается в двустопные или целую эпиграмму. Ряд сентенций начинается одним и тем же словом (например, $\mu\lambda\alpha\delta$ — «я ненавижу», в нашем переводе — «мне мерзостен»). Две сентенции в достаточно озорном для византийской монахини тоне трактуют о женщинах и женской красоте, причем их пикантность оттеняется в одном случае ссылкой на авторитет библейского апокрифа (Ездры), а в другом — постной интонацией первого стиха («Хоть женщина красивая — конечно, зло...»). Одна эпиграмма развертывается в целое басенное повествование, банальное по мысли, но замечательное энергичным нагнетанием эпитетов («Муж некий, изувеченный и скрюченный...»). Но главная тема Касии — брезгливость перед человеческой глупостью и невежеством.

Кроме этих ямбов, Касии принадлежат литургические песнопения, к которым она сама писала музыку. Среди последних интересен рождественский идиомелон, где проводится развернутая аналогия между утверждением, в римском мире единодержавия Августа и единобожия Христа.

ГНОМИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ

Мне мерзостен глупец, что суемудрствует.
Мне мерзостен, кто всем готов поддакивать.
Мне мерзостен невежда, как Иуда сам.
Мне мерзостен в речах нецеломудренный.
Мне мерзостен доносчик на своих друзей.
Мне мерзостен речистый не ко времени.

Любить должны мы всех, но верить — избранным.
В глупце и знанье обернется глупостью.
В глупце и знанье — золото в носу свиньи.

ЭПИГРАММЫ И ГНОМЫ

Когда невежда умствует — о боже мой,
Куда глядеть? Куда бежать? Как вынести?

Ужасно выносить глупца суждения¹,
До крайности ужасно, коль в почете он;
Но если он — юнец из дома царского,—
Вот это уж доподлинно «увы и ах».

Насколько предпочтительней с разумными
Нужду терпеть, чем богатеть с невеждами!

Так дай же мне, о боже правый, бедствовать
С мужами просвещенными и мудрыми;
Все лучше, чем довольство посреди глупцов!
Доверься в дружбе другу дружелюбному²,
Но берегись невежду выбирать в друзья.

Во всем победу женский род снискал себе:
Так учит Ездра, подтверждает — истина³.

Хоть женщина красивая,— конечно зло,
Но все же в красоте немало радости;
Но если и пригожесть у нее отнять,—
Двойное зло: и радоваться не на что!

Муж некий, изувеченный и скрюченный,
Плешивый, однорукий, черный, сморщенный,
Хромой, кривой, глухой и заикавшийся,
Заслыша брань какого-то похабника,
Пропойцы, плута и головореза,— так
Ответил на издевки злоязычные:
«В моей судьбине горькой неповинен я,
Уродом уродился не своей виной.
Вот ты — ты сам в своей повинен гнусности:
Ведь не создатель ею наделил тебя.
Все сам наделал, сам терпи и сам казись».

ПРИМЕЧАНИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

IV—VI вв.

1. Название «Византия» (форма женского рода в этом названии свойственна только русскому языку) происходит от имени ее легендарного основателя — Византа, который, по преданию, в 658 г. до н. э., при выборе места для постройки нового города обратился к Дельфийскому оракулу и получил ответ, что город следует строить «против слепых». Прибыв затем из Мегары на западное побережье Босфора, Визант оценил все преимущества бухты Золотого Рога, которых будто бы не заметили «слепые» основатели находившегося напротив Халкидона. Выгодное географическое положение новой колонии с самого начала предопределило ее экономическое и культурное процветание.

Афанасий Александрийский

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ ПРАВЕДНОГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ,
ОПИСАННЫЕ СВЯТЫМ ОТЦОМ НАШИМ АФАНАСИЕМ,
ЕПИСКОПОМ АЛЕКСАНДРИИ, В ПОСЛАНИИ К МОНАХАМ,
НАХОДЯЩИМСЯ В ЧУЖИХ СТРАНАХ

Перевод выполнен по изданию РС, т. 25.

1. Т. е. из Египта, где жили Афанасий и Антоний.
2. Книга Бытия, 25, 26.
3. Евангелие от Матфея, 19, 21.
4. Арура — мера земельной площади (около 0,2 га), принятая в Древнем Египте и Древней Греции.
5. Евангелие от Матфея, 6, 34.
6. Великая пустыня — Аравийская пустыня в Египте.
7. Второе послание к фессалоникийцам, 3, 10.
8. Первое послание к фессалоникийцам, 5, 17.
9. Ср. книга Иова, 40, 11.
10. В гл. 6—10 рассказывается о том, как Антоний поселился в одной из гробниц, находившихся в Аравийской пустыне.
11. Ср. Деяния апостолов, 8, 20.
12. Псалом 67, 2.
13. В гл. 13—67 рассказывается о том, что Антоний провел около двадцати лет в уединении, после чего возвратился в монастырь, где проповедовал монахам христианское учение, рассказывал о трудностях пути, избранного ими.
14. Мелетиане — сторонники Мелетия, епископа г. Ликополя в Фиваиде (ум. в 326 г.); Мелетий был против возвращения в церковь лиц, отрекшихся от христианства во время гонения Диоклетиана. Первый Вселенский собор (325 г.) осудил мелетиан, но тем не менее они существовали до конца V в.

15. Манихеи — последователи религиозно-философского учения, возникшего в Персии в III в. н. э. (название этого учения происходит от имени его основоположника — перса Мани); из Персии оно быстро распространилось по Средней Азии, Сирии, Месопотамии, Египту, восточным областям Римской империи. Основу манихейства составляет учение о добром и злом началах, на которых, по представлению его проповедников, зиждется мир. Восприняв кое-что от христианства, манихейство в течение некоторого времени (IV—V вв.) соперничало с ним, но к VIII—XIII вв. прекратило свое существование.
16. Гл. 70—73 повествует о чудесных исцелениях больных, совершенных Антонием, об обращении в христианство многих язычников и о начале спора Антония с языческими философами, которые решили посмеяться над Антонием, не знавшим грамоты.
17. В гл. 75 Антоний продолжает спор с языческими философами, призывая их прочитать священные Писания.
18. Согласно древнегреческому мифу, дочь финикийского царя Агенора Европу похитил Зевс, приняв образ быка.
19. В гл. 78—80 оканчивается спор Антония с языческими философами; победителем из него выходит Антоний. Гл. 81—94 повествуют о возвращении Антония к уединенной жизни, о видениях, бывших ему под конец жизни, и о смерти Антония.

Василий Кесарийский

ДЕВЯТЬ БЕСЕД НА ШЕСТОДНЕВ

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 29.

1. Книга Бытия 1, 1.
2. Книга Бытия 1, 2.
3. Книга Бытия 1, 24.

ГОМИЛИЯ НА ПСАЛОМ I

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 29.

1. Второе послание к Тимофею III, 16.
2. Экклезиаст X, 4.
3. Традиционный образ врача, обмазывающего чашу медом, восходит к поэме Лукреция (I, 930—36) и часто встречается в литературе второй софистики.
4. Псалтырь — струнный музыкальный инструмент, имевший 10—12 струн.
5. Эти слова встречаются в посланиях апостола Павла к Титу (II, 13) и в первом послании к Тимофею (I, 11).
6. Книга Бытия I, 27.
7. Притчи Соломона V, 8.

О ТОМ, КАК МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ ИЗ ЯЗЫЧЕСКИХ КНИГ

Перевод выполнен по изданию: Saint Basile. Aux jeune gens sur la manière de tirer profit des lettres helléniques. Paris, 1935.

1. Данная гомилия написана, видимо, в 376—377 г., т. е. в конце жизни Василия, когда ему было 47—48 лет.
2. Цитата из поэмы Гесиода «Труды и дни», ст. 239—244; перев. В. Вересаева («Эллинистские поэты». М., 1963, стр. 150—151).
3. Т. е. книги Ветхого и Нового заветов.
4. Сравниваются язычество и христианство.

5. Моисей — легендарный родоначальник и законодатель еврейского народа; ему приписывается авторство «Пятикнижия», входящего в состав Ветхого завета.
6. Даниил — библейский пророк, именем которого названа одна из книг Ветхого завета.
7. Резко отрицательное отношение к театральным зрелищам было обычным явлением у христианских писателей (напр., Иоанн Златоуст. Беседа о тех, кто пренебрегает церковью и спешит на ипподром и в театр; Августин. О граде божьем, I, 32 и др.).
8. Пословица заимствована из практики плотничьего дела и означает точность.
9. Гесиод. Труды и дни, ст. 285—290; это место часто цитировалось и античными писателями (напр., Платон. Государство, 364, С—Д; Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, I, 20) и христианами (Евангелие от Матфея, VII, 13).
10. «Одиссея», VI, стр. 135—145.
11. Роскошный образ жизни феакнйцев. («Одиссея», VIII, 248) вошел в половицу — ср. Элиан. Пестрые истории, VII, 2, или Гораций. Послания, I, 15, 23.
12. Этот отрывок элегии Солона сохранен Плутархом в «Жизнеописании Солона», гл. 3. («Сравнительные жизнеописания», т. I. М., 1961, стр. 104).
13. Феогнид. Элегии, стр. 157—158.
14. Продик — софист V в. до н. э., прославившийся как знаток стиля ораторской прозы и педагог; учитель Ксенофонта и Еврипида. Приводимый рассказ был очень известен в античности; его приводит Ксенофонт («Воспоминания о Сократе», II, 1, 21) и Цицерон («Об обязанностях», I, 32, 118).
15. Еврипид. Ипполит, ст. 612.
16. Платон. Государство, II, 361 А.
17. Плутарх. Перикл, гл. 5 (см. в кн.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. I. М., 1961, стр. 199).
18. Евклид — философ V—IV вв. до н. э., ученик Сократа, глава Мегарской школы.
19. Еврипид. Рес, ст. 84.
20. Откуда взят эпизод, неизвестно; Василий имеет в виду известную надпись на статуе Зевса Олимпийского, изваянную Фидием: «Меня сделал Фидий, сын Хармида, афинянин».
21. Эта и две следующие упомянутые христианские заповеди содержатся в Евангелии от Матфея, гл. 5.
22. Эпизод с Александром рассказан римским писателем II в. н. э. Авлом Геллем («Аттические ночи», VI, 8).
23. Клиний — ученик Пифагора, упоминаемый Элианом («Пестрые истории», XIV, 23) и Афинеем («Пирующие софисты», XIV, р. 623).
24. Троянский воин и прорицатель, воплощение рассудительности и красноречивости («Илиада», XVI, 535; XVIII, 294 и т. д.).
25. Милон Кротонский (VI в. до н. э.) — атлет, известный своей огромной силой и прожорливостью (Павсаний. Описание Эллады, VI, 14; Страбон. География, VI, 263).
26. Марсий — согласно мифу, фригиец, состязавшийся с Аполлоном в искусстве игры на свирели. Олимп — ученик Марсия (Ксенофонт. Анабасис, I, 2, 8; Геродот. История, 7, 26).
27. Тимофей из Милета — современник Еврипида, известный музыкант; изгнан из Спарты за то, что прибавил лире десятую струну (Аристотель. Об искусстве поэзии, 2, 2; Павсаний. Описание Эллады, VIII, 50). Похожий эпизод с Александром упоминается Плутархом («О счастье и доблести Александра», II, 2).
28. Сарданпал — последний царь древнеассирийского царства (IX в. до н. э.); его имя стало у античных авторов символом восточной роскоши и изнеженности.
29. Маргит — главное действующее лицо небольшой эпической поэмы сатирического характера, ошибочно приписываемой Гомеру. Маргит глуп, но счи-

- тает себя умным; эта парадоксальная ситуация дала Аристотелю основное считать поэму прототипом комедии («Об искусстве поэзии», гл. 4).
30. Питтак — один из семи греческих мудрецов (VI в. до н. э.), тиран острова Митилены; данное его изречение приводит Платон («Протагор», 343 А).
 31. Изречение Диогена приводится у Диогена Лаэртского («Жизнеописания философов»; VI, 54).
 32. Об аналогичных взглядах учеников Пифагора рассказывает Плутарх («Об Изаиде и Озирисе», гл. 80).
 33. Корибанты — фригийские жрецы богини Кибелы.
 34. Первое послание к коринфянам, IX, 25.
 35. Этот рассказ встречается у античных писателей в применении к Платону (Элиан, Пестрые истории, II, 18; Стобей, Антология, 77, 456).
 36. Солон, фрагм. 1; место цитируется Аристотелем («Полютика», 1, 8, 1256 в 33) и Плутархом («О жажде богатства», гл. 4).
 37. Феогнид, Элегия, ст. 1155—1156. Перев. В. В. Вересаева (в кн. «Эллинические поэты». М., 1963, стр. 318).
 38. Пифий из Мисы — лидийский богач, известный также своей жестокостью (Геродот, История, VII, 27).
 39. Имеется в виду отрывок из басни Архилоха (фрагм. 89):

Есть вот какая басенка:
 Вошли однажды меж собой в содружество
 Лисица и орел.

(Перев. В. В. Вересаева)

(в кн. «Эллинические поэты». М., 1963, стр. 229).

40. Имеется в виду Протей; метафорическое употребление слова «софист» заимствовано у Платона (Евтидем, 288 В).
41. Гесиод, Труды и дни, ст. 359.
42. Биант из Приены — один из семи мудрецов (VI в. до н. э.); изречение приводится Диогеном Лаэртским («Жизнеописания философов», 1, 5).
43. Тифон — супруг богини Эос, символ долголетия. Аргатоний — царь Тартесса (VII—VI вв. до н. э.); по преданию, жил 120, а царствовал 80 лет (Геродот, История, 1, 163). Мафусаил — библейский патриарх, дед Ноя, проживший 969 лет; выражение «Мафусаилов век» — символ долголетия.
44. «Двигая каждый камень» — поговорка, означающая: «стараясь всеми силами».
45. Имеется в виду Пифагор; Плутарх («Об изгнании», гл. 8) прямо называет подобную мысль «правилами Пифагора».

ПИСЬМА

Перевод сделан по изданию РГ, т. 32.

1. Т. е. Константинополя.
2. Т. е. в Кесарию.
3. Тантал, по мифу, вечно страдает от неисполнимости своих желаний: мучается от жажды, хотя окружен водой, и от голода, стоя под деревом с плодами.
4. Скитала — шифрованное послание в древней Спарте.
5. Пагарх — сельский староста, глава пага — сельской общины.
6. Зенон (III в. до н. э.) — основоположник стоицизма, Клеанф — ученик и преемник Зенона.
7. Письмо (как и письмо 19) адресовано Григорию Назианзину. Ниже (стр. 75) см. ответ Григория на это письмо.
8. Имеется в виду Григорий Нисский.
9. Амфиполь — город в Македонии близ устья реки Стримона.
10. Алкмеон, по преданию, долго скитался, преследуемый Эринидами (богинями мщения) за убийство матери. Избавление от них он нашел, лишь

- вступив на землю, которой не существовало, когда он совершал преступление. Такой землей оказался остров, поднявшийся со дна реки.
11. Речь идет о книгах «Против Евномия» — догматико-полемическом опровержении не дошедшей до нас аполгии Евномия. Евномий — епископ Кизика, представитель крайнего арианства, близкого к манихейскому дуализму.

Григорий Назианзин

I ЭПИГРАММЫ

Перевод выполнен по изданию AG, vol. I, lib. VIII.

1. Необычна форма трехстишия, где недостает пентаметра.

II. ГИМН ХРИСТУ. III. ЖАЛОБЫ. IV. МОЛИТВА В БОЛЕЗНИ.

V. ПЛАЧ. VI. НА МАКСИМА

Перевод выполнен по изданию PG, I, 37.

1. Максим — см. вступит. статью, стр. 23—24
2. Саул — упоминаемый в Библии древнеиудейский царь; время его правления — XI в. до н. э., Олицетворение неблагодарности и недалекновидности.

ПИСЬМА

Перевод выполнен по изданию PG, t. 37.

1. Этому письму Григория предшествовало еще одно письмо с таким же шутовым описанием их совместной жизни в Понте. О том же см. письмо Василия к Григорию (стр. 67).
2. В «Одиссее» (VIII, 492) сказано несколько иначе:

... Теперь о коне деревянном,
Чудном Элеоса с помощью девы Паллады созданье
Спой нам...

(Перев. В. А. Жуковского)

3. «Лотофагова бедность» и «алкиноева трапеза» — см. «Одиссея» VIII, 470—484 и IX, 83—99.
4. «Связать Геллеспонт» — намек на рассказ Геродота (VII, 35) о том, как Ксеркс приказал наложить на море путы, чтобы перевести в Европу свое войско.
5. Здесь игра слов: Главк — мифологический образ (морской Главк — беотийское божество рыбаков) и имя реального лица.
6. Фемистий — один из самых знаменитых риториков IV в.
7. По мифу, все Пелопиды (потомки Пелопа) имели на плече белое пятно.
8. Псалом 26, 10.

ИЗ НАДГРОБНОЙ РЕЧИ ВАСИЛИУ ВЕЛИКОМУ, АРХИЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ

Перевод выполнен по изданию: PG, t. 36.

1. Максимиан — римский император 305—313 гг., известный жестокими гонениями на христиан.
2. Исход, 16, 3.
3. Подразумевается языческий император Юлиан (361—363 гг.).

4. Орнион — охотник из Беотии, с которым связано несколько мифов: он был ослеплен за оскорбление дочери хиосского царя Энопиона, убит стрелой Артемиды за то, что полюбил сестру Гелиоса Эос (другой вариант: за оскорбление Артемиды погиб от укуса гигантского скорпиона). Актеон — охотник, которого растерзали его же собаки, — наказание, испосланное ему Артемидой за то, что он увидел ее купающейся.
5. Ифигению, дочь Агамемнона и Клитемнестры, спасенную Артемидой (см. Трагедию Еврипида «Ифигения в Авлиде»).
6. У родителей Василия было десять детей.
7. Следует обычная для надгробных речей основная часть — панегирическое описание деятельности усопшего.

ВТОРАЯ ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 38.

1. Слово — второе лицо тройцы, сын божий.
2. Такое наставление получил Авимелех, царь Герарский, когда похитил Сарру, жену Авраама (Книга Бытия, 20).
3. Т. е. Юлиана.
4. То же выражение в «Послании евреям», 10, 29.
5. Иеровоам — израильский царь, запретивший своим подданным ходить на богомолье в Иерусалим; на границах своего царства он поставил золотых тельцов и заставил народ приносить им жертвы. Ахаав — израильский царь, введший в своем царстве поклонение иноземным богам — хананейским божествам Ваалу и Астарте. Фараон — египетский царь, в стране которого было распространено идолопоклонство, притеснял находившихся у него в плену израильтян, посылал их на тяжелые работы. Навуходоносор — ассирийский царь, разрушил храм в Иерусалиме, убивал израильтян.
6. Ахеронт — огненная река в подземном царстве (по представлению язычников); Пирифлегетон и Коцит — ее притоки. Тантал — осужденный на вечные муки голода и жажды в царстве Аида мифический царь Лидии (или Фригии); Иксион — царь лапифов; за свои преступления был прикован в царстве Аида к вечно вращающемуся огненному колесу; Тифий (или Тифон) — мифическое чудовище, сын Геи и Тартара.
7. Еврипид. Орест, ст. 6—7; в перев. И. Ф. Анненского это стихи 9—10 (Еврипид. Пьесы. М., 1960).
8. «Одиссея», XXII, 290—291:

Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея-бродягу.

- Слова Филотия, волопаса в доме Одиссея: он обращается к женам Пенелопы, которые издеваются над Одиссеем, вернувшимся в свой дом под видом бродяги. — Смысл цитаты — расплата злом за зло.
9. Намек на эдикт Юлиана 362 г., запрещавший христианским риторам и грамматикам преподавать в школах даже языческую литературу.
 10. Вероятно, имеется в виду антихристианское сочинение Юлиана «Против галилея». Галилеянами Юлиан презрительно называл христиан.
 11. Трактат Порфирия (III—IV вв.) «Против христиан» был впоследствии сожжен по приказу христианских императоров; его фрагменты сохранились в сочинении Макария Магнета «Апокритик», где он использовал сочинение Порфирия, критикуя его.
 12. Григорий хочет сказать, что его речь является для Юлиана своего рода позорным столпом.
 13. Геракловы столпы — две скалы, расположенные по обеим сторонам теперешнего Гибралтарского пролива, поставленные, по представлению древних, Гераклом на границе вселенной.

Григорий Нисский

ТОЛКОВАНИЯ К НАДПИСАНИЯМ ПСАЛМОВ

Перевод выполнен по изданию PG, t. 44.

1. К надписаниям псалмов — имеются в виду предпосланные псалмам имена Давида, Асафа и т. п., указывающие, «на что» написан данный псалом и как он должен исполняться, напр.: «Псалом Асафов, на семи струнах».
2. Положение о том, что человек есть микрокосм, зародившееся у Аристотеля и развитое стоиками, чрезвычайно характерно для языческого неоплатонизма той же эпохи, в которой жил и писал Григорий; враг христианства Макробий говорит об этом почти в тех же выражениях. Григорий Нисский сыграл не последнюю роль в передаче этого учения Европе Возрождения, где тезис о микрокосмической природе человека подхватили Парацельс, Бруно и другие неоплатоники Ренессанса.
3. Учение о космологической роли музыки как основы миропорядка идет от пифагорейцев.
4. Псалом 100,8.

Иоанн Златоуст

ГОМИЛИЯ НА ЕВТРОПИЯ — ЕВНУХА, ПАТРИЦИЯ И КОНСУЛА

Перевод выполнен по изданию: PG, t. 52.

Тексты гомилий во вступительной статье цитируются по изд. «Творения св. Иоанна Златоуста в русском переводе». СПб., 1893, т. II и III.

1. Евтропий, препоит императорской опочивальни и один из самых влиятельных людей в империи, добивался ограничительного закона против того права убежища, каким пользовались христианские храмы.
2. Экклезиаст, 1, 2.
3. Евангелие от Луки, 23, 34.
4. Книга пророка Исайи, 40, 67.
5. Псалом 36, 2 и 101, 4.
6. Евангелие от Матфея, 6, 12.
7. Книга пророка Осии, 6, 6.

ГОМИЛИЯ «КОГДА САТУРНИН И АВРЕЛИАН БЫЛИ ИЗГНАНЫ, А ГАЙНА ВЫШЕЛ ИЗ ГОРОДА, И О СРЕБРОЛЮБИИ»

1. Намек на путешествие в ставку Гайны, куда патриарх сопровождал выданных Гайне Сатурнина и Аврелиана.
2. Книга пророка Михея, 7, 5.
3. Книга пророка Иеремии, 9, 4.
4. Книга Иисуса Сираха, 18, 25.
5. Цитчи Соломона, 14, 16.
6. Книга Иова, 30, 10.
7. Там же, 7, 4.
8. Там же, 3, 25.
9. Там же, 3, 26.
10. Там же, 31, 24—25.
11. Там же, 31, 26.

ПИСЬМА

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 52.

1. Олимпиада — знатная почитательница Иоанна Златоуста. После смерти жениха посвятила себя благотворительности, а впоследствии стала диаконисой и настоятельницей монастыря. Во время преследования Златоуста Олимпиаде был присужден денежный штраф. Она окончила жизнь в изгнании и в тюрьме (410 г.).
2. Письмо из Кукуза (405 г.).

Синесий

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 66.

ГИМНЫ

1. Синесием написано всего 10 гимнов: 1—4 до принятия христианства, 5—10 после крещения. Во второй группе поэт более смело обращается к христианской мифологии.
2. Теосская песенка — анакреонтическая поэзия; лесбосский напев — поэзия Сапфо.
3. Дорийский лад — серьезная, печальная музыка.
4. Титан — одно из имен Гелиоса.
5. В византийское время Спарта была колонией Кирены.
6. Гесиходов дом (от греч. ἡσυχία) — дом, где царит покой.
7. Солим — Иерусалим; Солимская Дева — богородица.

ЕГИПЕТСКИЕ РАССКАЗЫ, ИЛИ О ПРОМЫСЛЕ

Роман написан в аллегорической форме, для которой Синесий использовал египетский миф об Озирисе и Тифоне, как о добром и злом начале.

1. Тавр — в египетской мифологии бог времени (приблизительно соответствует греч. Кроносу), верховный жрец бога Ра. Здесь подразумевается, видимо, историческое лицо — отец Аврелиана и Кесария (см. ниже), занимавший видные должности при императорах Констанция и Юлиане.
В дальнейшем изложении, по предположению исследователей романа, под скифами подразумеваются готы, под Озирисом — крупный чиновник и придворный императора Аркадия — Аврелиан (см. вступит. статью к Синесию), под Тифоном — брат Аврелиана Кесарий, вступивший в заговор с готами и выдавший брата предводителю Гайне.
2. Имеется в виду конец I книги, где под «волком» (у египтян священное животное, олицетворение мудрости) подразумевается Озирис. Отклик аналогичных верований на славянской почве см. в рассказе И. А. Бунина «Баллада» (Собр. соч., т. 7. М., 1966, стр. 17).
3. Скорей всего неоплатонизм, популярность которого во времена Синесия уже гасла.
4. Эта и отчасти следующая глава представляют собой изложение учения Плотина о круговороте душ.
5. Эмпедокл, фрагм. 22. Перев. Г. И. Якубянса (в кн. «Античные философы». Сост. А. А. Аветисян. Киев, 1955).
6. Кордак — танец с непристойными телодвижениями.
7. Эпирские собаки славились как хорошие сторожа.
8. Пословица, обозначающая бесполезный труд.
9. Хеник — мера сыпучих тел, около 1,1 л.
10. Керы — злые демоны, дети ночи, олицетворение всякого зла.

11. Синесий имеет в виду мистерии, справлявшиеся ежегодно в честь Озириса, воспроизводившие его гибель и воскресение.
12. Намек на заместников Руфина и Евтропия, которые продавали должности в провинциальных городах местной знати (см. также гомилию Иоанна Златоуста «На Евтропия»...)
13. Т. е. Озириса.
14. Синесий описывает заключительный эпизод восстания Гайны: жители Константинополя воспользовались отсутствием предводителя готов и заперли городские ворота. Таким образом, Гайна оказался отрезанным от основной части своего войска. Оставшиеся в городе готы укрылись было в церкви, но римляне сломали алтарные перекрытия и стали сбрасывать на неприятеля горящие головы, — этим объясняется выражение «выжигали, словно ос». Летописцы сообщают, что при этом погибло более семи тысяч готов.

Палладий Еленопольский

ЛАВСАИК

Перевод выполнен по изданию «The Lausiaca History of Palladius», I—II. Cambridge, 1898. Ed. by A. Robinson.

1. Название «Лавсаик» произведено от имени современника Палладия, императорского преезита, а затем каппадокийского префекта Лавса, по просьбе которого и была написана данная повесть (см. также вступит статью).
2. Псалом 145, 8.
3. Нитрийский, т. е. живущий в Нитрии (пустыня между Александрией и Мемфисом, примыкающая к Скиту — излюбленное место монашеских поселений).
4. Ираклеополь — большой город южнее Мемфиса.
5. Чермное, т. е. Красное море.
6. Писпир — в другом варианте «Гора Антония», возвышенность на правом берегу Нила, где основатель отшельнической аскезы Антоний провел в уединении 20 лет.
7. Верхняя одежда, род плаща.
8. Оргия — мера длины, равная 1,85 м.
9. Паксамады — лепешки; унция — древнеримская мера веса, около 250 г.

Феодорит Киррский

ПОВЕСТЬ О ЛЮДЯХ, ПРЕДАННЫХ БОГУ,
ИЛИ О ПОДВИЖНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Перевод выполнен по изданию PG, т. 82.

1. Понт — область в Малой Азии, на юго-восточном побережье Понта Эвксинского.
2. Валент — правитель восточной части Римской империи (364—378 гг.) до окончательного разделения ее в 395 г.
3. «Воин» следует понимать не в обычном смысле этого слова, а в том, что Феодорит выполнял определенную службу в одной из антиохийских церквей — был чтецом.
4. Прюедр — высшая должность в константинопольском синклите.
5. Под таким названием было несколько городов в то время — во Фракии, Сирии, Македонии. Автор не указывает, какой именно город он имеет в виду.
6. Пятидесятый день после Пасхи.
7. Элия — так назывался Иерусалим после его разрушения.

Императрица Евдокия (Афинаида)

О СВЯТОМ КИПРИАНЕ

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 85.

1. Годы жизни Киприана приблизительно 219—296 н. в.
2. Фаэтон Митра (или Митрейский) — этот эпитет греч. божества, сына Гелиоса, восходит к имени древнеелерсидского бога солнца — Митрас (Митра). Таким образом, данное место служит иллюстрацией религиозного синкретизма, весьма распространенного в Византийской империи.
3. Део (Δηώ, дословно «ищущая») — имя старухи, образ которой принимала Деметра, отправляясь на поиски Персефоны.
4. Оры — богини времен года.
5. Киприан рассказывает далее о своем пребывании в Египте, где он научился астрологии и увидел весь подземный мир, с чудовищами, олицетворяющими разные пороки; потом он изучил науки халдеев и познал природу всех духов и, наконец, увидел «самого главного демона», которого он не называет ни дьяволом, ни сатаной.
6. Ямбрий (точнее Ямбрея) — древнееврейский волшебник (по другим источникам — египетский мудрец), упоминаемый в Библии, в Талмуде и в «Деяниях апостолов».

Христоводор Коптийский

ОПИСАНИЕ ИЗВАЯНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ГИМНАСИИ, КОТОРЫЙ ИМЕНУЕТСЯ «ЗЕВКСИПОВЫМ»

Перевод выполнен по изданию: АР, vol. I, lib. II.

1. «Зевксиппов» гимнасий был построен императором Севером (II—III вв. н. э.) и долгое время оставался одним из красивейших зданий Константинополя. Описание гимнасии встречаются у ряда византийских авторов, причем наряду с упоминаемыми богатыми украшениями из мрамора и камней многие говорят о медных статуях великих эллинских и римских полководцев, поэтов, философов. При Юстиниане, во время одного из городских восстаний, гимнасий сгорел.
2. Пеанийский вития — эпитет Демосфена, произведенный от места его рождения (аттический дем Пеания).
3. Т. е. италийских.
4. Пиерийские пчелы — из Пиерии (область близ горы Олимп, в которой обитают Музы).
5. Исаврия — область в Малой Азии, населенная диким и воинственным племенем исавров, которых в середине I в. до н. э. покорил Помпей.
6. Тавр — горный хребет, проходящий через Исаврию.

Нони из Панополиса

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА»

Перевод выполнен по изданию: R. Cantarella. Poeti bizantini, Milano, 1948.

1. Евангелие от Иоанна, 19, 25—30 и 20, 11—17.
2. Магада — город в Палестине на западном берегу Тивериадского озера.

Последние язычники

Прокл Диадох

ГИМН К МУЗАМ

Перевод выполнен по изданию: Procli Hymni ed. E. Vogt. Wiesbaden, 1957.

1. В гимне (особенно см. 7—11) отражено неоплатоническое (восходящее к «Федру» Платона) учение о духовном мире первообразов как родине души, которую она когда-то добровольно покинула, прельстившись своим «отражением» в материи (по Плотину, «Нарциссов соблазн») и пожелав в ней воплотиться.
2. Лета,— река забвения, как символ угрожающей душе опасности забыть дорогу «на долину» и «заблудиться» в мире материи.

Олимпиодор

НА «ФЕДОНА» ПЛАТОНА

Перевод выполнен по изданию: App, vol. 3, 177.

Евнаний

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ

Перевод выполнен по изданию: Eunarii vitae sophistarum, ed. Boissonade. Paris, 1878.

1. Эдесий (ум. около 355 г.) — уроженец Каппадокии, ученик Ямвлиха, основатель пергамской школы неоплатонизма.
2. Аписин — ритор III в. н. э.; деятельность его протекала в Афинах; написал сочинение «Риторическое искусство составлять предисловия».
3. Проересий (276—367 гг.) — знаменитый софист-христианин, уроженец Каппадокии, ритор Афинской школы, у которого учились Василий Кесарийский, Григорий Назианзин, император Юлиан. Об остальных названных Евнанием софистах сведений не сохранилось.
4. Тускиан — ритор, имя которого не раз встречается в письмах Либания.
5. Имеются в виду «Исторические записки» Евнания.
6. Молчание было одним из обетов, который принимали на себя пифагорейцы.

Хорикий

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ТЕХ, КТО ВОСПРОИЗВОДИТ ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ ДИОНИСА

Перевод выполнен по изданию: Choricii Gazaei opera, rec. R. Foerster Lipsiae, 1929.

1. Иоанн Златоуст (PG, t. 54, col. 486—487) выражает мнение, что в представлении мимов не может участвовать человек с незапятнанной моралью.

2. В Газе существовал закон, запрещавший учителям посещать театры и иные зрелища.
3. Афина — «Илиада», XXII, 227; Афродита — «Илиада» III, 386; Посейдон — «Илиада» XIV, 136; Арес — «Илиада», V, 603.
4. Одиссея, XVII, 485—487. Перев. В. А. Жуковского.
5. Имеется в виду изготовление автоматов — моделей различных птиц и животных, которые часто служили украшением императорского дворца.
6. Мимы Софрона написаны ритмической прозой.
7. О любви Платона к мимам говорят неоднократно античные авторы, напр., Диоген Лаэртский пишет, что «Платон первый привез в Афины находящиеся в пренебрежении книжонки мимографа Софрона и был увлечен ими, их и нашли у него в изголовье» («Биографии знаменитых философов», III, 1, 18); то же Олимпиодор. Жизнеописание Платона, гл. III; Квинтилиян. Об образовании оратора, I, 10, 17; Свид. Цец и др.
8. Имеется в виду традиционное деление мимов на мужские и женские.
9. Цитаты из неизвестного поэта.
10. Иоанн Златоуст говорит: «Разве ты не боишься видеть на оркестре ложе, где разыгрывается гнусная прелюбодейская драма?» (PG, t. 54, col. 697).
11. Архонт — обычный титул наместника в провинции при Юстиниане.
12. «Громкий смех, когда осмелился на такой разврат, и крики, и хлопки», — отмечает Иоанн Златоуст (PG, t. 57, col. 72).
13. Аристофан. Лягушки, ст. 1—3. Перев. Ю. Шульца (в кн. Аристофан. Комедии, т. 2, М., 1954).
14. Т. е. Посейдона.
15. Т. е. Артемиду.
16. Сын Ликса — неизвестное лицо.
17. Т. е. Диониса.
18. Эфор — верховный судья.

Эней Софист

ПИСЬМА

Перевод выполнен по изданию: Epistolographi Graeci, ed. R. Hercher, Paris, 1871.

1. «Одиссея», I, 185—188 и XVI, 139—141.
2. Нирей — самый красивый из ахейцев. «Илиада», II, 671—675.
3. «Илиада», III, 216—222.
4. Алкиной — царь племени феаков, оказавший гостеприимство Одиссею: повествование Одиссея о своих странствиях занимает VI—XIII песни поэмы.

Византийские эпиграммы

Перевод выполнен по изданию: AP, vol. I—III.

1. Григорий Богослов (330—390 гг.). AP, 1, 92 — пересказ евангельского рассказа (Лука, 8, 22—25).
2. Анастасий Косноязычный (годы жизни неизвестны). AP, 15, 28. Пересказ евангельского рассказа о распятии (Матфей, 27; Марк, 15; Иоанн, 19).
3. Софроний, патриарх (560—638 гг.). AP, 1, 123 — скала — Голгофа, место распятия Христа.
4. AP, 4, 135.
5. AP, 1, 353 — о разрушении языческого и постройке христианского храма на острове Коркира в IV в.

6. AP, 1, 90.— Кир и Иоанн — врачи IV в.
7. AP, 8, 104. Надпись замечательная смешением христианских и языческих мотивов.
8. Агафий Миринейский (536—582 гг.). AP, 6, 76. Подробнее о творчестве Агафия см. в следующем разделе.
9. Дамохарид (около 550 г.). AP, 6, 63 — диск — свинцовый кружок с острым краем, которым прочеркивали по линейке строки для рукописи. О таком кружке говорит Катулл (22, 8).
10. Арр, 1, 341. Эпиграмма отражает египетский религиозный синкретизм. Сделана на амулете в виде головы лягушки.
11. Арр. 1, 320. Надпись найдена в Риме. По имени консулов датируется 299 г.
12. Аравий Схоластик (около 550 г.). AP, 16, 314.
13. Македоний Консул (около 550 г.). AP, 11, 380 — ответ на предыдущую эпиграмму Аравия. Стих 5 — «Илиада», 8, 69.
14. AP, 16, 39 — Ивер — нынешняя Грузия; Солим — Иерусалим; агаряне — арабы.
15. Дамаский Философ (460—540 гг.). AP, 7, 553 — ср. латинскую эпитафию CI, 10, 4917:
 Был я законом лишен свободы, мне, юноше, должной;
 Смертью безвременной мне вольность навеки дана.
 (См. Ф. А. Петровский. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962).
16. AP, 9, 787; 7, 679.
17. Диоген, епископ Амиса (VI в.). AP, 7, 613 — эпитафия племяннику Диогену. Хоровод святых — христианский храм.

Агафий Миринейский

ЭПИГРАММЫ

Перевод выполнен по изданию: AP, vol. I—II.

Книга V

В V книге Палатинской антологии собраны любовные эпиграммы. По общему признанию, это лучшие эпиграммы Агафия. Из общего количества написанных им эпиграмм (108) четверть (25) по сюжету относится к этой книге.

222

1. Пафия — одно из имен Афродиты. Сравнение красоты героини с красотой Афродиты и даже предпочтение первой — одно из излюбленных общих мест в позднейшей поэзии и прозе — ср. роман Никиты Евгениана (XII в.) «Дросилла и Харика» (кн. 6, стих 621 и след.), поэму Мусея (V в.) «Геро и Леандр», 68 и др.

2. Агафий использует сходство имен своей героини и дочери мифического царя Миноса, которую, когда ее покинул Тезей, взял в жены Вакх.

263

1. Одна из античных примет; более сильный нагар светильника предвещает дождь (Вергилий. Георгики, I, 392; Аристофан. Осы, 260).

2. Одна из местных этиологических легенд рассказывает о любви девушки Геро из Сеста и юноши Леандра из Абидоса (эти города расположены друг против друга на противоположных берегах Геллеспонта). Леандр по ночам переплывал пролив, а Геро указывала ему путь, выставляя на городской башне

факед. Но однажды ночью поднялась буря, и отважный пловец утонул. Это поэтическое сказание привлекло внимание многих поэтов в позднеантичное время (Овидий. Героиды. Послание 18 и 19); рассказ о Геро и Леандре, возможно, входил в «Причины» Каллимаха; упоминают эту легенду Силий Италик, Лукан, Марциал, Антипатр Македонский и Антипатр Фессалоникский (в эпиграммах). На эту тему в византийскую эпоху составлен центав из Гомера (Павел Силенциарий, Иоанн Цец, Никита Евгениан); в новое время этот сюжет обрабатывался в различных жанрах: Шиллер (баллада «Геро и Леандр»), Грильпарцер (драма «Волны моря и любви»), Гельдерлин (стихотворение «Геро и Леандр»), Байрон (повесть «Абидосская невеста»). Агафий обращается к нему дважды: в этой эпиграмме и в своей «Истории» (V, 12).

3. Гефест — бог огня и металлургии, супруг Афродиты. Ночник был, видимо, металлический и поэтому принадлежал Гефесту.

276

1. Головная повязка и сетка для волос — украшения замужних женщин.

278

1. Питталак — историческое лицо, упоминаемое в речи Эсхия (IV в. до н. э.) «Против Тимарха». Здесь — в значении развратник.

294

Самая длинная эпиграмма пятой книги Палатинской антологии (24 строки). Эпиграммой может быть названа только условно, это целая новелла в элегических дистихах, свидетельствующая о трансформации жанра в византийское время. Несколько ироническое отношение автора к любовным победам героя выражается в применении им чисто военных терминов.

Книга VI

Трудно предположить, что Агафий совершает жертвоприношения, о которых говорится в эпиграммах этой книги. Скорее он просто использует традиционный жанр посвятительных эпиграмм, не ощущая (как и многие другие его современники) несоответствия этих языческих обрядов официальному ритуалу христианской церкви.

79

О любви Пана к нимфе Эхо говорится во многих эпиграммах Палатинской антологии (напр., в следующей 87), а также у эллинистического поэта Мосха (идиллия VI) и в других литературных источниках.

87

Приписывается Агафию Панудом. Иногда эту эпиграмму трактуют аллегорически, подразумевая под Паном одного из друзей автора, который покинул общество товарищей из-за любви к девушке.

Книга VII

Седьмая книга Палатинской антологии содержит один из древнейших видов эпиграмм — надгробные. В поэтическом наследии Агафия они занимают второе место после любовных. Он преодолевает узкие рамки эпитафии,

внося большое разнообразие в форму эпиграмм (здесь и диалог, и монолог умершего, и речь прохожего, обращенная к нему, и трогательное повествование). Некоторые из этих эпиграмм, написанные по поводу смерти знакомых автору лиц, даже близких родственников, могли быть действительно вырезаны на их могильных памятниках, другие относятся к событиям давно минувшим и представляют чисто литературные описания.

204

1. Куропатки считались домашней птицей (Элиан. О природе животных, IV, 16). Один из бесчисленных вариантов «общего места» — о смерти ручного животного (у Катулла — о смерти воробья, у Овидия — о смерти попугая, у Мелеагра — ручного зайца).

2. В классической Греции коты были мало распространены, в Константинополе они начали заменять ласок при истреблении крыс и мышей, и называли их латинским словом *tattus* (или *mittus*).

3. Ср. у Марциала — IX, 29.

220

1. Лаида — прославленная Коринфская гетера (V в. до н. э.), упоминаемая многими авторами. Павсаний (II, 2, 4) описывает ее могилу в кипарисовой роще вблизи Коринфа, украшенную скульптурой львицы, державшей в передних лапах барабан.

552

Эта эпиграмма считается автобиографической.

1. Отца поэта тоже звали Мемноном, и он был ритором в Мирине (Малая Азия).

568

1. Ахеронт — река в Анде (Тартаре).

593

1. В рукописи есть указание на то, что Евгения — сестра Агафия. Любопытно, что на могилу этой женщины, которая не могла не быть христианкой, автор, по традиции, призывает языческих богинь.

614

1. Не понятно, почему Агафий обращается к историческому факту десятилетней (для него) давности. Во время Пелопоннесской войны в 428 г. до н. э. от Афин отошел их важный союзник город Митилена на Лесбосе. Для усмирения восставших был послан из Афин стратег Пахес, который жестоко расправился с городом в наказание другим союзникам. Историки (Фукидид, Диодор Сицилийский), рассказывающие об этом событии, не упоминают случая с женщинами. Есть предположение, что сюжет заимствован из утраченных «Милетских рассказов» Аристиды (I в. до н. э.).

2. Мопсопия — здесь Аттика.

Книга IX

В девятую книгу Палатинской антологии входят описательные эпиграммы. Внимание Агафия привлекают к себе главным образом предметы, связанные с историей или дающие повод для этических рассуждений в духе Эпикура.

1. Головы (или просто рога) жертвенных животных украшали храмы.
2. Дева — т. е. Афина-дева, которая до суда Париса была покровительницей Трои.
3. Мойра — богиня судьбы.

1. Дардан — мифический родоначальник троянцев и, через Энея, римлян.
2. Дитя — здесь Рим.
3. Подданные Византийской империи (ромен) всегда считали себя наследниками Рима. Чувство римского патриотизма, гордости величием своего государства свойственно и стихам, и прозе малоазиатского грека Агафия.

1. Имеются в виду войны, которые император Юстиниан вел с варварами: с вандалами в Африке (533—535 гг.), с готами в Италии (535—540 гг.), которая с точки зрения греков была расположена на Западе — Геспере, и с персами (527—532 гг.), страну которых Агафий, ради архаизации, называет Мидией.

2. Сангарий — река в Вифинии, впадающая в Черное море. Мост через Сангарий упоминают, кроме Агафия, еще и другие современники императора Юстиниана — Павел Силенциарий («Описание церкви св. Софии», ст. 930 сл.) и Прокопий («О постройках», V, 3, 8). Всем им этот мост представляется символом величия императора.

1. Гесиод — древнейший греческий поэт (VIII—VII вв. до н. э.), автор дидактических поэм «Труды и дни», где воспевается труд и даются практические советы по сельскому хозяйству, и «Теогония» — где под видом родословной богов осмысливается происхождение мира.

2. По словам Гесиода («Труды и дни», ст. 289 сл.), путь к обиталищу доблести — крутой и длинный; с ним и сравнивает Агафий дорогу к упоминаемому дому.

Книга X

В своем отношении к превратностям судьбы (служащим основным сюжетом увещательных эпиграмм этой книги) Агафий следует за Эпикуром (ср. письмо Эпикура к Менекею и эпиграмму 69).

1. Сирт — Малый Сирт (Габес) — залив Средиземного моря у северных берегов Африки (Тунис).

2. Скат — считался превосходной рыбой. Приап — сын Диониса (по другим версиям Гермеса или Пана), бог полей, стад, садоводства и рыбной ловли.

Та же мысль в 24 письме Сенеки: «Я умру? Другими словами, у меня не будет возможности болеть, меня не смогут заковать в цепи, я больше не смогу умереть».

Книга XI

Здесь представлены сатирические эпиграммы, мишенью которых служит невежество представителей «интеллигентных профессий».

354

Скептик по убеждениям, Агафий особенно зло осмеивает напыщенность философских рассуждений.

1. Философа Никострата упоминает комментатор Аристотеля Симпликий.
2. «Метафизика», «О душе» — трактаты Аристотеля.
3. «Федон» — диалог Платона.
4. Ср. «Познай самого себя» — одно из знаменитых изречений, приписанных семи греческим мудрецам и начертанных в преддверье Дельфийского храма.

382

Приведенные здесь факты взяты из жизни. Подобные истории с завещаниями рассказывает Плиний Младший (61, 62—114 г. н. э.) (Письмо 20, кн. II), а врачебные приемы описываются ритором V—VI вв. н. э. Аристенетом в одном из его фиктивных писем (I, 13) (см. «Византийская любовная проза». М., изд-во «Наука», 1965, стр. 18—19).

401

Приписывается Агафию только Планудом.

1. «Илиада» I, 1. Гомер был в византийское время основным учебным пособием при обучении литературному греческому языку.

Книга XVI

Описание памятников искусства. Эпиграммы этой книги близки к книге IX (описательные эпиграммы).

59

1. Статуя вакханки, очевидно, украшала Константинополь.

80

1. Сравнение с воском позволяет думать, что портрет был выполнен в технике энкаустики (восковыми красками).

391

Эпиграмма относится, по всей вероятности, к изображению Плутарха, подобному мраморному бюсту, воспроизведенному у Бернулли в «Греческой иконографии» (т. II, 204).

1. Плутарх из Хероней (46 г. н. э.— после 120 г.) — греческий писатель, автор «Параллельных жизнеописаний» (серия парных биографий греческих и римских исторических деятелей) и многочисленных философских сочинений.
2. Авсония — Италия.

332

1. Лисипп (вторая половина IV в. до н. э.) родом из Сикиона (город в северной части Пелопоннеса) — придворный скульптор Александра Македонского. По сравнению с предыдущей эпохой искусство Лисиппа отличается

339

большей динамичностью, драматизмом. Лисипп создавал и многофигурные скульптуры, но о групповом изображении семи мудрецов никто, кроме Агафия, не сообщает.

2. Семь мудрецов — так предание называет древних мудрецов VII—VI вв. до н. э., политиков-ученых, которые в силу своей проницательности, жизненного опыта благотворно влияли на жизнь и поступки окружающих. Им приписываются краткие, но глубокомысленные изречения. Сакральное число 7 оставалось, по имени мудрецов частично менялись. Наряду с постоянными (Солон, Питтак, Фалес) были и такие (напр., Перикандр), которые в одни эпохи включались в эту семерку, в другие — заменялись иными.

3. Эзоп — полулегендарный древнегреческий баснописец VI—V вв. до н. э. С V в. до н. э. его имя стали включать в число «семи мудрецов». В Византии к Эзолу и его басням относился с большим почтением и интересом. В XIII—XIV вв. был составлен сборник его басен (по разным источникам) и написано «Жизнеописание Эзопа».

Кирилл Скифопольский

ЖИТИЕ СВЯТОГО ИОАННА, ЕПИСКОПА И МОЛЧАЛЬНИКА ЛАВРЫ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ

Перевод выполнен по изданию: Acta Sanctorum, Parisiis et Romae, 1866. Maii III.

1. Имеются в виду пять других палестинских подвижников, жития которых написал Кирилл Скифопольский: Кириак, Феодосий, Феогний, Евфимий и Савва.
2. Армения — область в Малой Азии, расположенная в верховьях Евфрата.
3. Индиктион (индикт) — период времени в 15 лет, принимавшийся в средние века (наряду с годом и веком) за единицу летоисчисления.
4. 450—457 гг.
5. В гл. 6—12 рассказывалось о том, что после семи лет жизни в лавре Иоанн удалился в Рувийскую пустыню (в Палестине), где на девятом году жизни в пещере он подвергся нападению одного варварского племени.
6. Амида — город в южной части Армении, на правом берегу Тигра.
7. По Рувийской пустыне.
8. В гл. 14—17 рассказывалось о том, что Савва склонил пятидесятилетнего Иоанна возвратиться в лавру и вскоре умер.
9. Ливиада — город в Палестине, недалеко от северного побережья Мертвого моря.

Иоанн Малала

ЛЕТОПИСЬ. КНИГА V. О ВРЕМЕНАХ ТРОЯНСКИХ

Перевод выполнен по изданию: Ioannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831 (CSHB, vol. 28).

1. Вся летопись написана по синхронному принципу; история каждой страны сопоставлена с библейской историей. Давид — второй израильский царь; время его жизни — XI в. до н. э.
2. «Парис — дитя несчастное» — трудно переводимая игра слов: «Πάρις, παῖς Ἀβλαρίσ», — приближ. «Парис не-Парис».

3. Парий — город в Троаде.
4. Т. е. Дельфийский; по одной из мифологических версий, первыми владельцами Дельфийского оракула были горная нимфа-прорицательница Дафна и Гея.
5. Наименьшая из трех различавшихся древними частей света; здесь — условное название для территории стран Средиземноморья.
6. «Астерийский» — здесь как синоним слова «критский»; по свидетельству Гесиода, Крит в древности иногда называли Астерией.
7. Эфра — дочь царя Трезена, правившего Арголидой; мать Тезея; была похищена Диоскурами, стала рабыней Елены и прибыла с нею в Трою.
8. Ошибка Малаалы: Протей — морское божество, морской старец, обладающий способностью принимать любой облик.
9. У античных авторов Неандрия — город в Троаде.
10. Ошибка Малаалы: Ахилл — сын Пелея, царь Фтии (в Фессалии).
11. Астинома — у Гомера не упоминается; согласно версии «Илиады», Хрисеида досталась Агамемнону, за что жрец умолил Аполлона отомстить ахейцам.
12. У Гомера и античных авторов Гиподамия — дочь владского царя Эномая.
13. Следуют однотипные описания — портреты ахейских и троянских воинов и женщин.
14. Палладий — изображение вооруженного божества (Аполлона, Афродиты, но чаще Афины), будто бы обладающее волшебной силой охранять тот город, где оно находится.
15. Асий — в мифологии Гомера имя брата царицы Гекубы.
16. Эпитроп — неизвестная страна, названная только у Малаалы.
17. Эпитет неизвестного происхождения.
18. Имена сыновей Париса в античной мифологии не встречаются.
19. Часто употребляемый летописцем синоним троянцев.
20. Маронида (у античных авторов Мароней) — город во Фракии.
21. Сикан (имя, произведенное Малаалой от Сиканий) — название части острова Сицилии.
22. Вулкан Этна — в Сицилии.
23. Сизиф с Коса — легендарный автор сочинения о Троянской войне, упоминаемый только Малаалой.
24. Фидалий (Фидий) из Коринфа — толкователь Гомера, аллегорист, имя которого у других авторов не встречается.
25. Кирка — в античной мифологии — дочь Гелиоса.
26. Диктис Критский — автор «Дневника Троянской войны».
27. Неклопомп — предположительно, Мертвое море.
28. Сигрис — место, названное Диктисом Ретей.
29. Город Саламин на Кипре был, по преданию, основан Аянтом Теламонидом.

Проконий Кесарийский

ВОЙНА С ГОТАМИ

Подбор отрывков сделан по книге: Проконий Кесарийский. Война с готами. М., Изд-во АН СССР, 1950.

1. Речь идет об осаде Неаполя.
2. Т. е. как только Проконий со своим войском прибыл к Кампанию.
3. Ошибка Прокония.
4. Проконий использует здесь местное предание.
5. Фракийская конница (ср. VI, 5).
6. Урбисалия (urbs salia) — местность в Кампании.
7. 538—539 гг.

8. Эмилиева дорога — путь из Этрурии в Галлию, построенный в 115 г. до н. в. Марком Эмилием Скавром.
9. Урайя — племянин Витигиса, полководца остготов; Ильдибад — король остготов (ср. VI, 5).
10. Гепиды — соседнее с остготами племя (ср. Агафий. О царствовании Юстиниана, I, 4).
11. 540—541 гг.
12. Массагеты — кочевники в области Каспия.

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

Подбор отрывков сделан по изданию: Прокопий. Тайная история.— «Вестник древней истории», 1938, № 4 (5).

1. Об этих фактах подробнее у Светония («Домициан», гл. 3) и у Плиния Младшего («Панегирик», гл. 1).
2. Портрет Феодоры дан Прокопием еще в трактате «О постройках» (1, 2).
3. Так же характеризуют Феодору и Юстиниана и другие византийские историки (Эвагрий, IV, 10; Никифор Каллист, XVII, 7).
4. Некоторые исследователи отождествляют это место с XXVII гл., а некоторые видят здесь невыполненное обещание Прокопия.

Роман Сладкопевец

НА УСОПШИХ

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИУДИНОМ

Перевод выполнен по изданию: Μ. Αὐγέρη. Ἡ ἐλληνικὴ ποίηση ἁνθολογούμενη. Τ. Β. Ἀθήνα, 1958.

«Sancti Romani Melodi cantica. Cantica genuina». Ed. by P. Maas and C. A. Trypanis. Oxford, 1963.

Иоанн IV, патриарх Константинопольский

ПРЕДПИСАНИЯ МОНАХУ

Перевод выполнен по изданию: R. Cantarella. Poeti bizantini. Milano, 1948.

1. Иоанн имеет в виду древние вакханалии, сопровождавшиеся громкими разнуданными криками.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

VII—первой половины IX вв.

- 1) Дискуссию по этому вопросу см. в кн. Е. Э. Липшиц. Очерки по истории византийской культуры VIII—IX вв. М.—Л., 1952.
- 2) см. житие Стефана Нового в кн. X. М. Лопарев. Агиография VIII—IX вв. Византийское обозрение, вып. I, Пг., 1916.
- 3) см. Повесть о Варлааме пустынноике и Иосафе царевиче индийском. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1947.

Иоани Мосх

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

Перевод выполнен по изданию: PG, t. 87, 3.

1. Некоторые рукописи называют его Иоани Евират — досл. «Непорочный»
2. Софроний впоследствии принял монашество и стал иерусалимским патриархом.
3. Псалом I, 3.
4. Сравнение с пчелой — распространенный прием античной и византийской литературы (ср. Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения; Василий Кесарийский. О том, как молодые люди могут получить пользу из языческих книг.)
5. Лавра аввы Герасима — большой монастырь в Палестине, основан в V в.
6. Мотивы книг пророка Ионы.
7. Авва Палладий — автор ряда рассказов у Мосха (начиная с 68 гл.).
8. Ср. Н. С. Лесков. Лев старца Герасима. (Полное собрание сочинений М., 1897 т. 29). Сходные мотивы содержатся в античной легенде о Льве Андрокла (Сенека, Элиан, Авл Геллий).
9. Книга Бытия, 2, 20.

Георгий Писиды

СУДЬБА

Перевод открывков выполнен по изданию: R. Cantarella. Poeti bizantini. Milano, 1948.

1. Стентор — один из участников Троянской войны, обладавший голосом, равным по силе голосам 50 человек.

Патриарх Сергий

АКАФИСТ МАТЕРИ БОЖЬЕЙ

Перевод отрывков выполнен по изданию: K. Santa-gella. Poeti bizantini. Milano, 1948.

Художественное изложение принципов сочинения акафистов см. в рассказе А. П. Чехова «Святою ночью» (Полн. собр. соч. и писем, т. VI. М., 1946, стр. 11—21).

1. «Сети афинейские» (т. е. афинские) — здесь синоним язычества.
2. Образ, заимствованный из символики раннего христианства.

Леонтий из Неаполиса

ИЗ ЖИТИЯ СЯТОГО СИМЕОНА, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО ИЗ ЖИТИЯ СЯТОГО ИОАННА МИЛОСТИВОГО

Перевод выполнен по изданию: РС, т. 93.

1. Симеон Юродивый, или Симеон из Салоса монах-подвижник V—VI вв.
2. Иоанн Милостивый — александрийский патриарх, известный своей филантропической деятельностью и аскетическим образом жизни (ум. в 617 г.)

Феофилакт Симокатта

ПИСЬМА

Перевод выполнен по изданию: Epistolographi graeci rec. R. Hercher. Paris, 1871.

1. Пан — божество пастбищ и лесов.
2. Текст в рукописи испорчен.
3. Мидас — мифический царь фригийцев, с именем которого связано несколько легенд. Одна из них рисует образ скупца, который, когда ему было предложено просить у Диониса все, что угодно, попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Исполнение этого желания принесло Мидасу страшное несчастье, лишив его возможности вкушать пишу, которая превращалась от его прикосновения в золото.
4. Сирены — сказочные обитательницы морского острова, чарующее пение которых влечет к себе всех, кто их слышит.
5. См. «Одиссея» IX, 345—390.
6. ...отмстил бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес.
(«Одиссея», IX 459—461. Перев. В. Жуковского)
7. Сикофанты — доносчики.
8. Пирей — морской порт, пригород Афин.
9. «Одиссея», II, 88—110.
10. Этот сюжет сохранился в прозаическом басенном сборнике «Ромул», составленном в IV—V вв. (см. в кн.: Федор, Бабриий. Басни. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 86, 220).

Житие Филарета Милостивого

Перевод выполнен по изданию: M. H. Fourmy et M. Leroу. (Busan-
tion, XI, 2, 1934).

1. По мнению А. А. Васильева, в нем следует видеть беневентского герцога Арихиса (см.: А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого.— «Известия русского археологического института», V, Одесса, 1900, стр. 58).

2. А. Н. Радцишев. Полн. собр. соч. в трех томах, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938—1952, стр. 399—410.

3. Там же, стр. 344.

4. Там же, стр. 399.

5. Филарет — досл. «друг добродетели».

6. Феосева — досл. «почитающая бога».

7. Книга Бытия 28, 1—8.

8. Книга Иова, 1, 6 сл.

9. Первая книга царств, 2, 7—8. Брение (церк.-слав.) — навоз.

10. Измаилиты — арабы.

11. Евангелие от Марка, 10, 23, 25.

12. Псалом 49, 7.

13. Книга Бытия, 3, 19.

14. Ср. Деяния апостолов, 20, 35.

15. Второе послание к фессалоникийцам, 3, 10.

16. Книга изречений, 12, 10.

17. Евангелие от Матфея, 6, 26. Цитата не совсем точная

18. Там же, 6, 34.

19. Там же, 6, 31, 32.

20. Там же, 6, 33. В цитате пропущено несколько слов.

21. Ср. там же, 19, 29: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени моего, получат во сто крат и наследует жизнь вечную». См. также Евангелие от Марка, 10, 30; Евангелие от Луки, 18, 30.

22. Следует эпизод с воином, который, потеряв единственного коня, обратился к Филарету, когда император выступил против арабов. Филарет отдал воину свою лошадь.

23. Второзаконие, 7, 13.

24. Книга Иова, 1, 21.

25. Ср. книга Бытия, 18, 28.

26. Ср. Первая книга царств, 9, 2; Вторая книга царств, 14, 25—26.

27. Ср. Книга Бытия, 39, 6.

28. Следуют имена всех сыновей, дочерей и внуков Филарета.

29. Сенат.

30. Один из военных чинов византийской табели о рангах.

Игнатий

ЖИТИЕ И ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО И ЧУДОТВОРЦА ГЕОРГИЯ, АРХИЕПИСКОПА АМАСТРИДСКОГО

Перевод приводится по книге: В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. 2: Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.

1. Амастрида — город в Вифинии, на берегу Понта.

2. Евангелие от Иоанна, 15.

3. Первое послание к коринфянам, 9, 22.
4. Сначала автор рассказывает о родителях Георгия, которые долгое время оставались бездетными и в молитвах обещали богу, что если у них родится сын, то они отдадут его в дар богу. У них родился сын Георгий. Далее говорится о воспитании Георгия, о посвящении его в духовный сан, об его отшельнической жизни в монастыре, о том, как его силою заставили покинуть монастырь и принять епископство в Амастриде, о чудесах, совершенных Георгием. После этого следует похвала Георгию и рассказ об его кончине.
5. По календарю, принятому в римских провинциях, приблизительно с 20 января по 24 февраля.
6. В предшествующей главе говорится о нашествии русских; возможно, имеется в виду поход Святослава на Константинополь в 860 г.
7. Т. е. Георгий.
8. Т. е. нападения врагов.

«Эзоповы басни» Бабрия в ямбических четверостишиях

Перевод выполнен по изданию: С. F. Müller в кн.: Babrii fabulae Aesopaeae, ed. O. Crusius. Lipsae, 1897. Заглавие приблизительно соответствует заглавию Берлинской рукописи. «Эзоповыми» назывались у греков все басни без разбора. Игнатий делал свой пересказ по стихотворному переложению «эзоповых басен», сделанному во II в. н. э. Валерием Бабрием. Представленные здесь четверостишия Игнатия соответствуют следующим басням Бабрия: 15 = Бабрий, 77; 19 = Бабрий, 139; 23 = Бабрий, 19; 26 = Бабрий, 92; 29 = Бабрий, 72; 41 = Бабрий, 67; 42 = Бабрий, 28; 46 = Бабрий, 68; 57 = Бабрий, 111. Остальные четверостишия Игнатия не имеют соответствий в дошедшем стихотворном тексте басен Бабрия, но отчасти сохранились в его прозаических пересказах. По образцу четверостиший Игнатия подобные сокращения басен делали и позднейшие поэты; отделить подлинные игнатиевские четверостишия от работ позднейших подражателей подчас очень трудно. Мюллер допускает, что подражателям Игнатия принадлежат, напр., четверостишие 46 и, почти несомненно, четверостишия 52 и 57.

Иоанн Дамаскин

ИСТОЧНИК ЗНАНИЯ

Перевод выполнен по изданию: PG, t. 94.

1. Ср. Послание к колоссянам, 2, 3.
2. «Философия» — собственно «любовь к мудрости».
3. Слово, не имеющее значения, приблизительно «так и так».
4. На языке философов нового времени — акциденция (латинский термин).

ЯМБИЧЕСКИЙ КАНОН НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Перевод выполнен по изданию PG, t. 96.

1. Неопалимая купина — по библейской легенде, куст терновника, росший близ горы Хорива, где бог явился Моисею. Этот куст мог пылать от огня, но оставался невредим — это составляет содержание видения Моисея. В христианской символике «неопалимая купина» означает бессмертие (нетленность) богородицы (Исход, III, 2).
2. Аввакум — еврейский пророк, живший в VII—V вв. до н. э.; прообразы — пророчества.

ИДИОМЕЛОН НА ПОСЛЕДОВАНИЕ ОТПЕВАНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ ИОАННУ ДАМАСКИНУ

1. Идиомелон — род церковного песнопения. Данный идиомелон полностью переложен А. К. Толстым в поэме «Иоанн Дамаскин» под названием «Тропаря», который приводится ниже по кн.: А. К. Толстой. Собрание сочинений, т. I, М., 1963, стр. 526—528.

Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели,—
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезает все, как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья —
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла,
Меня, как хищник, низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам зываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем как цветы,—
Почто же мы мятемся все?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши — разрушенье,—
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Средь груды тлеющих костей
Кто царь? Кто раб? Судья иль воин?
Кто царства божия достоин?
И кто отверженный злодей?
О братья, где сребро и золото?
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье —
Лишь у тебя на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, что было плоть,
Величье наше будет тленье —
Прими усопшего господь,
В твои блаженные селенья!

И ты, предстательница всем!
И ты, заступница скорбящим!
К тебе о брате, здесь лежащем,
К тебе, святая, вопием!
Моли божественного сына,
Его, пречистая, моли,
Дабы отживший на землях
Оставил здесь свои кручины!
Все пепел, прах, и дым, и тень!
О други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах,—
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды,
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадлаа синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я спяю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье,—
Прими усопшего раба
В твои блаженные селенья!

Феодор Студийский

МОЛИТВА ПЕРЕД СНОМ

Перевод выполнен по изданию: R. Cantarella. Poeti bizantini. Milano, 1948.

1. Након — библейский патриарх, родоначальник израильского народа (Книга Бытия, гл. 25 и 27—50).

Феофан

ХРОНОГРАФИЯ

Перевод выполнен по изданию: Theophanis Chronographia, ges. Voog, v. 1. Lipsiae, 1883 (CSHB, vol. 40—41). В греческом тексте хронологические даты даны в девяти рубриках (от сотворения мира, от божественного воплощения, от воцарения ромейского императора и царя персидского, от правления епископа римского, константинопольского, иерусалимского, александрийского, антиохийского); из них в переводе сохранена лишь вторая.

1. Севериан гавальский — епископ из Келе-Сирии. Феофил — александрийский патриарх, возглавлявший враждебную Златоусту группировку духовенства. Предметом раздора служило отношение к Оригену, поводом — дело «долгих братьев» — четырех египетских монахов-оригенистов, изгнанных Феофилом и нашедших приют в Константинополе. Конфликт был вынесен на обсуждение собора и привел к низложению и ссылке Златоуста. Епифаний — кипрский епископ, сторонник Феофила.
2. Аркадий — византийский император (395—408 гг.). Евдокия — его жена.
3. Руфин — префект претория, один из самых влиятельных людей в Константинополе. Убит в 395 г.
4. Пренет — поселок в Вифинии.
5. Эпарх (префект города) — наиболее авторитетное лицо в государстве после императора. В его обязанности входило наблюдение за спокойствием, порядком и снабжением города.
6. С образом Иродиады здесь связано представление о жемчужине, добывающейся кровью праведника: Иродиада, угодившая иудейскому царю Ироду своим танцем, просила у него себе в награду голову Иоанна Крестителя (Евангелие от Матфея, 14, 1—11).
7. Авделас (Абу Джафар Аллах аль-Мансур) — арабский халиф (754—775 гг.) из династии Аббасидов.
8. Воилады — бояре.
9. Савин — болгарский хан (765—767 гг.).
10. Скамары (досл. «разбойники») — вооруженные отряды беглых рабов и колонов, которые держали в своих руках горные области Фракии и Иллирии. Движение скамаров возникло в V в. и особенно размаха достигло в эпоху славянских вторжений во Фракию.
11. Чика — вероятно, так названа Плиска, где тогда находилась резиденция болгарского хана.
12. Индиктион — период в 15 лет, принимавшийся в средние века (наряду с годом и веком) за единицу летосчисления.
13. Монастырь св. Авсентия находился в 12 км к востоку от Халкидона.
14. Анхиал — пограничный болгарский город на побережье Черного моря.
15. Протостратор — начальник парадного корпуса, самое важное, наряду с протослафарнем, лицо при дворе.
16. Кандидат принадлежал к парадному корпусу, носил белую туннику (отсюда само название) и золотую цепь.
17. Принцев остров — самый большой из Принцевых островов в Мраморном море.
18. Солея — пространство между иконостасом и амвоном.
19. Омофор (досл. — то, что носят на плечах) — длинная широкая лента, покрывавшая плечи епископа, знак епископского сана.
20. Димы — партии «болельщиков на ипподроме» (см. вступит. статью); Дигипсий — пространство перед ипподромом.
21. Средняя улица — центральная улица Константинополя.
22. Фем — военный округ, которым управлял стратег; административным делением на фемы было в VII в. заменено старое деление на провинции.
23. Далматский монастырь находился в Константинополе около Сухого Холама (Ксеролофа). Расположение остальных упоминаемых здесь монастырей неизвестно.
24. Монастырь Аврамия расположен был в Константинополе у Золотых ворот.

Роман «Варлаам и Иоасаф»

Перевод выполнен по изданию: РГ, т. 96.

1. Древние ошибочно называли Эфиопию Индией: см., напр.; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, III, 20.
2. В Иерусалим.
3. Монастырь в Палестине.
4. Балаам — сын Веоров, толкователь воли божьей (Числа, XXII—XXIV).
5. Книга пророка Исайи, VI, 9: «Пойди и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите; Евангелие от Матфея, XIII, 13: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют».
6. Сеннаарская земля упоминается в Книге Бытия, X, 10, и в Книге пророка Даниила, 1, 2.
7. Евангелие от Матфея, XIII, 4—8.
8. Ср. Евангелие от Матфея, VII, 6: «Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями».
9. Единорог — фольклорный образ фантастического животного.
10. Четыре элемента — земля, вода, воздух, огонь.
11. Далее Варлаам объясняет Иоасафу, что первый друг олицетворяет корыстолюбие и стремление к богатству, которое не может дать ничего, кроме рублища; под вторым другом следует подразумевать жену, детей, родственников и друзей, с которыми человек проводит всю свою жизнь, но в час смерти не получает от них ничего, кроме проводов в могилу. Под третьим же другом следует понимать все самое хорошее: веру, надежду, любовь, сострадание, человеколюбие и другие добродетели — вообще то, что может быть полезным человеку в час его смерти.
12. Монах говорит, что им не страшно умирать: они с радостью примут смерть за бога.
13. Псалом 93, 8.
14. Нахор — ученый и советник царя, пытающийся объективно разобрать известные ему религии.
15. Далее Нахор последовательно доказывает, что обожествляемые небо, вода, огонь, ветер, солнце, луна, человек, — не боги, а результат творения бога; приводятся образцы подобных рассуждений-доказательств.
16. Диоскуры, согласно древнейшему мифу, — сыновья Тиндарея и Леды. Более поздний миф считает сыном Тиндарея только Кастора, а Полидевка объявляет сыном Зевса; здесь оба брата названы сыновьями Зевса.
17. Один из сравнительно поздних мифов рассказывает, что Дионис побывал в Элладе, Сирии, Азии, Индии и через Фракию возвратился в Европу.
18. Библон — город в Финикии, где был распространен культ Адониса.

Сказание о сорока двух аморийских мучениках

Перевод выполнен по изданию: «Записки императорской Академии наук». СПб., 1905, сер. 8, т. VII, № 2.

1. Земля Агарянская — области, населенные арабами (здесь — измаилитами).
2. Феофил — византийский император-иконоборец (829—842 гг.).
3. Амемурум — один из титулов арабского халифата, обозначавший первое лицо в совете.
4. Т. е. Константинополь.
5. Эпиминисии — первые дни месяца, когда у древних греков приносились в

жертву первенцы плодов и животных. Согласно другой редакции, это было первого индиктиона, т. е. в 838 г.

6. Эфиопия — здесь символ безропотного перенесения несчастий.
7. Панкалия — обширная равнина к востоку от Амория.
8. Сирийская — здесь в значении «арабская».
9. Т. е. участвовал в партиях цирка.
10. Спафарий и протоспафарий — византийские военные чины.
11. Книга Иова, 1, 21.
12. Имеется в виду император Михаил III (842—867).
13. Псалом 33, 20 и 22.

Житие Стефана Сурожского

Перевод приводится по книге В. Г. Васильевский, Русско-византийские исследования, вып. 2. СПб., 1893.

1. Пятнадцатого декабря.
2. Храм богородицы в Афинах был устроен в Парфеноне в V—VI вв.
3. Герман — исповедник, т. е. патриарх Герман (середина VIII в.), один из первых вождей партии иконопочитателей.
4. Лев V Армянин — византийский император-иконоборец (813—820 гг.).
5. Даниил — библейский пророк.
6. Игра слов: «Ирина» от греч. ειρήνη — «тишина, мир» (см. В. Г. Васильевский, стр. 78).

Касия

ГНОМИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ, ЭПИГРАММЫ И ГИОМЫ

Перевод выполнен по изданию: Anthologia graeca carminum christianorum, adopr. W. Christ et M. Paranikas. Lipsiae, 1871.

1. Соблазнительно было бы увидеть в этом четверостишии намек на императора Феофила и на злосчастные смотрины. К сожалению, ввиду сравнительной с греческим бедности русского языка междометиями, выражающими ужас, горе и отвращение, не удалось вполне передать экспрессию этого стихотворения, где подобные междометия заполняют всю (1) последнюю строку.
2. В подлиннике такая же игра слов — пример характерного для Касии злоупотребления паронимасями.
3. Книга Евдры, II, 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- PG — *Patrologiae cursus completus*, ed. J.-P. Migne. Series graeca, t. 1—166. Paris, 1850—1887.
- AASS — *Acta Sanctorum Bollandiana*.
- AG — *Anthologia Graeca*. Bd. I—IV. München, 1957—1958.
- AP — *Epigrammatum Anthologia Palatina cum Planudeis et Appendice nova*. Vol. I—III. Parisus, 1888—1890.
- App — *Appendix Planudeum* (*Anthologia Palatina*, vol. III).
- CSHB — *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, vol. I—XXX, Bonnae, 1830—1847.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Боковой портал храма св. Софии.
2. Свадьба Давида. Чекан VI в.
3. Иоанн Златоуст. Мозаика X в.
4. Орфей среди животных. Мозаика VI в.
5. Чекан VI в.
6. Святой Аввагир. Фреска VI в.
7. Евангелист. Скульптура VI в.
8. Молящийся мученик. Мозаика VI в.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

5

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IV—VI ВВ.

Л. А. Фрейберг, Т. В. Попова

АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. Т. В. Попова	38
Жизнь и учение праведного отца нашего Антония, описанные святым отцом нашим Афанасием, епископом Александрии, в послании к монахам, находящимся в чужих странах. Перевод Т. В. Поповой	39
БАСИЛИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. С. С. Аверинцев	45
Девять бесед на Шестоднев. Перевод Л. А. Фрейберг	47
Гомилія на псалом I. Перевод Т. А. Миллер	50
О том, как молодым людям извлекать пользу из языческих книг. Перевод Л. А. Фрейберг	54
Письма. Перевод Т. А. Миллер	65
ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН. С. С. Аверинцев	70
I. Эпиграммы. II. Гимн Христу. III. Жалобы. IV. Молитва в болезни. V. Плач. VI. На Максима. Переводы С. С. Аверинцева	71
Письма. Перевод Т. А. Миллер	75
Из надгробной речи Василию Великому, архиепископу Кесарии Каппадокийской. Перевод Т. В. Поповой.	77
Вторая обличительная речь против императора Юлиана. Перевод Т. В. Поповой	81
ГРИГОРИЙ НИССКИЙ. С. С. Аверинцев	84
Толкования к надписаниям псалмов (о смысле музыки). Перевод С. С. Аверинцева	85
ИОАНН ЗЛАТОУСТ. Т. А. Миллер	87
Гомилія на Евтропия — евнуха, патриция и консула. Перевод Т. А. Миллер	90
Гомилія «Когда Сатурнин и Аврелиан были изгнаны, а Гайна вышел из города, и о сребролюбии». Перевод Т. А. Миллер	94
Письма. Перевод Т. А. Миллер	99
СИНЕСИЙ. М. Е. Грабарь-Пассек	104
Гимны. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек	106
Египетские рассказы или О промысле. Перевод Л. А. Фрейберг	113
ПАЛАДИЙ ЕЛЕНОПОЛЬСКИЙ. С. С. Аверинцев	120
Лавсаик. Перевод С. С. Аверинцева	121
ФЕОДОРИТ КИРСКИЙ. Т. В. Попова	127
Повесть о людях, преданных богу, или О подвижнической жизни. Перевод Т. В. Поповой	127
ИМПЕРАТРИЦА ЕВДОКИЯ (АФИНАИДА). М. Е. Грабарь-Пассек	132
О святом Киприане. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек	134
ХРИСТОДОР КОПТИЙСКИЙ. С. С. Аверинцев	138
Описание изваяний в общественном гимнасии, который именуется «Зевксиповым». Перевод С. С. Аверинцева	138

НОНИ ИЗ ПАНОПОЛИСА. С. С. Аверинцев	142
Переложение «Евангелия от Иоанна». Перевод С. С. Аверинцева	143
ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ	
ПРОКЛА ДИАДОХ. С. С. Аверинцев	145
Гимн музам. Перевод С. С. Аверинцева	146
ОЛИМПИОДОР. С. С. Аверинцев	147
На «Федона» Платона. Перевод С. С. Аверинцева	147
ЕВНАПИЙ. Г. А. Миллер	148
Жизнеописания софистов. Перевод Г. А. Миллер	148
ХОРИКИЙ. Л. А. Фрейберг	151
Речь в защиту тех, кто воспроизводит жизнь в театре Диониса.	
Перевод Л. А. Фрейберг	153
ЭНЕИ СОФИСТ. М. Е. Грабарь-Пассек	157
Письма. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек	157
ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ. Ф. А. Петровский	161
I. Стихотворная обработка евангельских рассказов. II. Христианские рассуждения и посвящения. III. Посвящения языческие. IV. Посвящения вне религии. V. Надписи и надгробия христианские. Перевод Ф. А. Петровского	161
АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ. Т. М. Соколова	166
Эпиграммы. Перевод Т. М. Соколовой и М. Н. Цеглина	168
КИРИЛЛ СКИФОПОЛЬСКИЙ. Т. В. Попова	178
Житие святого Иоанна, епископа и молчальника лавры преподобного Саввы. Перевод Т. В. Поповой	178
ИОАНН МАЛАЛА. Л. А. Фрейберг	182
Летопись. Книга V. О временах Троянских. Перевод Л. А. Фрейберг	184
ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. Л. А. Фрейберг	196
Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева	197
Тайная история. Перевод С. П. Кондратьева	204
РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ. С. С. Аверинцев	209
На усопших. О предательстве Иудинном. Перевод С. С. Аверинцева	209
ИОАНН IV, ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ. Л. А. Фрейберг	215
Предписания монаху. Перевод С. С. Аверинцева	215
ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА VII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX в.	
Л. А. Фрейберг	
ИОАНН МОСХ. Л. А. Фрейберг	231
Луг Духовный. Л. А. Фрейберг	233
ГЕОРГИЙ ПСИДА. С. С. Аверинцев	237
Судьба. Перевод С. С. Аверинцева	237
ПАТРИАРХ СЕРГИЙ. Л. А. Фрейберг	239
Акафист матери божьей. Перевод С. С. Аверинцева	240

ЛЕОНТИЙ ИЗ НЕАПОЛИСА. С. С. Аверинцев	242
Из жития святого Симеона, Христа ради юродивого. Перевод С. С. Аверинцева	242
Из жития святого Иоанна Милостивого. Перевод С. С. Аверинцева	243
ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА. Т. А. Миллер	244
Письма. Перевод Т. А. Миллер	245
ЖИТИЕ ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО. Т. В. Попова	250
Жизнь и деяния святого отца нашего Филарета Милостивого. Перевод Т. В. Поповой	251
ИГНАТИЙ. Т. В. Попова	262
Житие и похвальное слово святого отца нашего и чудотворца Георгия, архиепископа Амастридского. Перевод В. Г. Васильевского .	263
«ЭЗОПОВЫ БАСНИ» БАБРИЯ В ЯМБИЧЕСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ. Перевод М. А. Гаспарова	268
ИОАНН ДАМАСКИН. Т. В. Попова	270
Источник знания. Перевод Т. А. Поповой	271
Ямбический канон на рождество Христово. Перевод С. С. Аверинцева .	278
Из пасхального канона. Перевод С. С. Аверинцева	279
Идиомелон на последование отпевания, приписываемый Иоанну Дамаскину. Перевод С. С. Аверинцева	279
ФЕОДОР СТУДИЙСКИЙ. С. С. Аверинцев	281
Молитва перед сном. Перевод С. С. Аверинцева	281
К монастырскому повару. Перевод С. С. Аверинцева	282
ФЕОФАН. Т. А. Миллер	283
Хронография. Перевод Т. А. Миллер	284
РОМАН «ВАРЛААМ И ИОАСАФ». Т. В. Попова	290
Душеполезная повесть о жизни достославных и блаженных Вар- лаама и Иоасафа, принесенная из внутренней части эфиопской стра- ны, называемой Индией, в святой град монахом Иоанном, мужем почтенным и добродетельным, иноком монастыря святого Саввы. Перевод Т. В. Поповой	292
СКАЗАНИЕ О СОРОКА ДВУХ АМОРИЙСКИХ МУЧЕНИКАХ. Т. В. Попова	309
Мучение святых сорока двух мучеников. Перевод Т. А. Поповой	309
ЖИТИЕ СТЕФАНА СУРОЖСКОГО. Т. В. Попова	315
В тот же день память преподобного отца нашего Стефана Исповед- ника, архиепископа Сурожского. Перевод В. Г. Васильевского	316
КАСИЯ. С. С. Аверинцев	318
Гномические одностишия, Эпиграммы и гномы. Перевод С. С. Аверинцева	319
ПРИМЕЧАНИЯ	321
Список сокращений	352
Список иллюстраций	352

